ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. А. Исаев

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИИ

Юридический
центр

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Работа посвящена междисциплинарному криминологическому анализу проблем сексуальных преступлений. В центре внимания автора – кутьтурально-криминологические и социально-психологические особенности указанных преступлений, их исторически-правовой и сравнительно-правовой анализ. Особое место отводится преступлениям, связанным с феноменами порнографии и проституции. Предлагается авторская концепция типологии личности сексуального преступника. Большое внимание уделяется вопросам профилактики сексуальных преступлений. Приводятся материалы комплексных экспертных исследований. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, криминологов, юридических психологов, судебных психиатров, а также всех интересующихся современными проблемами криминологических исследований.

- Николай Алексеевич Исаев
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
    - 1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение
    - 1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»
    - 1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований
  - Глава 2
    - 2.1. Методологические основы системного сравнительного исследования
    - 2.2. Регуляция сексуального поведения в обществах традиционного типа
    - 2.3. Регуляция сексуального поведения институтами уголовного права в индустриальном и постиндустриальном обществах
  - Глава 3
    -
    - 3.1. Насильственные сексуальные преступления: уголовно-правовое и криминологическое исследование

- 3.2. Объективная сторона сексуальных преступлений насильственного характера и ее криминологические особенности
- § 3.3. Групповые формы сексуального насилия: уголовно-правовая характеристика и криминологические особенности

○ Глава 4

-
- 4.1. Психические нарушения улиц, совершивших сексуальное насилие
- § 4.2. Роль психических нарушений в механизмах криминального поведения
- 4.3. Психологические особенности личности преступника
- 4.4. Состояние острого алкогольного опьянения на момент совершения сексуального насилия и его комплексная экспертная и правовая оценка
- 4.5. Меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих алкоголизмом

○ Глава 5

- 5.1. Культурально-криминологический аспект ненасильственных сексуальных действий в отношении детей
- 5.2. Объект и объективная сторона ненасильственных сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних
- 5.3. Уголовно-правовая характеристика субъекта и криминологические особенности личности ненасильственного сексуального преступника

○ Глава 6

- 6.1. Социальный феномен порнографии и его криминальные формы
- 6.2. Социально-криминологическая характеристика феномена проституции
- 6.3. Уголовно-правовые нормы регуляции деятельности, связанной с проституцией

○ Глава 7

- 7.1. Стратегии и тактика общесоциальной профилактики сексуальных преступлений
- 7.2. Специально-криминологическая и индивидуальная профилактика сексуальных преступлений
- 7.3. Комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза уголовно-

релевантных психосексуальных нарушений личности и ее значение в индивидуальной профилактике сексуальных преступлений
- 7.4. Амбулаторные принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления, и их роль в индивидуальной профилактике
- 7.5. Криминологическое прогнозирование и оценка общественной опасности в системном подходе к профилактике рецидивной сексуальной преступности

- Заключение
- Библиография
- Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248

- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292

- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336

- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380

- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424

- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468

- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512

- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556

- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600

- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644

- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688

- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732

- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760

Николай Алексеевич Исаев
Сексуальные преступления как объект криминологии

© Н. А. Исаев, 2007
© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

Предисловие

Представление этой книги я хотел бы начать с достаточно распространенного утверждения о том, что криминологическая обстановка, особенно в части насильственной и сексуальной преступности, в России весьма неблагополучна. Достаточно сказать, что уровень насильственной преступности в стране в 2–3 раза превышает соответствующий уровень в западных странах в расчете на единицу населения. Неблагополучно положение и в области сексуальной преступности, причем не только насильственной ее части. На состояние этого вида преступности большое влияние оказывают неблагоприятные социальные факторы, в том числе связанные с алкоголизацией и наркотизацией населения, ростом проституции и порнографии. На фоне ослабления деятельности правоохранительных органов по обеспечению высокого уровня нравственности в обществе и неэффективности институтов гражданского общества можно ожидать ухудшения криминологической ситуации и с насильственной, и с сексуальной преступностью.

В последние годы появилось немало криминологических работ, посвященных насильственному и сексуальному преступному поведению. Эти работы чаще всего принадлежат перу либо криминологов, либо судебных психиатров. В то же время очень мало таких исследований, в которых соединялись бы и юридические, и психиатрические, и психологические аспекты.

Предлагаемая вниманию читателей книга Н. А. Исаева «Сексуальные преступления как объект криминологического исследования» – достаточно уникальное произведение, в котором удачно сочетаются результаты криминологических, уголовно-правовых, психологических и психиатрических исследований, выполненных автором на высоком профессиональном уровне. И это совсем неудивительно, поскольку он обладает и медицинским, и юридическим образованием, в течение многих лет интенсивно осуществляет эмпирические криминологические исследования. Его перу принадлежат многочисленные работы в области судебной психиатрии, сексологии и криминологии, которые получили одобрение и поддержку среди ученых соответствующих специальностей. На мой взгляд, автор принадлежит к числу ведущих криминальных сексологов страны.

В книге представлены обширный эмпирический материал, множество конкретных примеров, которые удачно иллюстрируют и доказывают положения и выводы, приводимые автором. Эти исследования были проведены им в качестве криминолога и

судебного психиатра.

В монографии Н. А. Исаева предпринята удачная попытка системного охвата наиболее важных проблем в области изучения сексуальных преступлений, проведено сравнительное исследование социально-правовой регуляции сексуального поведения, дан уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, рассмотрены такие малоизученные в науке явления, как порнография и проституция.

Вполне обоснованно, что работу завершает раздел, посвященный проблемам профилактики сексуальных преступлений. Соответствующая профилактическая деятельность, конечно, чрезвычайно сложна, и в связи с этим исследователю порой трудно устоять перед соблазном высказать тривиальные мысли по поводу путей и средств противодействия сексуальным преступлениям. Содержащиеся в этой книге предложения и рекомендации предупредительного характера научно выверены и научно обоснованы, при этом автор опирается на те выводы и положения, к которым пришел сам или которые почерпнул из заслуживающей доверия литературы.

Труд Н. А. Исаева, безусловно, будет с интересом встречен научными и практическими работниками. Думается, имеющиеся в работе предложения по изменению законодательства заслуживают внимания, и я настойчиво бы рекомендовал внедрить их в уголовное законодательство. Эти предложения и рекомендации основаны не на досужих размышлениях, а на конкретном и достоверном материале.

Можно выразить уверенность в том, что эта книга будет с интересом встречена всеми, кто интересуется вопросами сексуальной преступности и обеспокоен ростом ее уровня в нашей стране.

Доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ Ю. М. Антонян

Глава 1
Системный подход к изучению девиантного и криминального сексуального поведения

«…Человеческая совесть не всегда и не везде одинакова, почти всегда она есть прямое следствие образа жизни данного общества, данного климата и географии… только истинная мудрость должна помочь нам занять разумную среднюю позицию между экстравагантностью и химерами и выработать в себе кодекс поведения, который и будет отвечать как нашим потребностям и наклонностям, данным нам природой, так и законам страны, где нам выпало жить».

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

1.1. Социально-правовые нормы и криминальное сексуальное поведение

Многообразие взглядов на предмет человеческой сексуальности нашло отражение в развитии новой научной дисциплины – сексологии. Несмотря на это сексуальность как предмет исследования остается иррелевантной по своей сути, поскольку, как отмечает английский социолог Э. Гидденс, «с одной стороны, она является всеохватывающим, с другой стороны – сущностно частным делом».[1] Частный характер сексуального поведения применительно к правовой регуляции проявляется в соотношении правовой охраны неприкосновенности и половой свободы личности; право выступает как гарант свободы человеческого поведения, но в определенных рамках, устанавливаемых социальными нормами.

Другой проблемной ситуацией оказывается стремительный рост знаний в области человеческой сексуальности и трудности их междисциплинарной реализации в юридических науках,[2] в частности в области исследования криминального сексуального поведения.

Известный исследователь Г. Блумер отмечал, что основная проблема разрыва между теоретическими и прикладными исследованиями в общественных дисциплинах базируется на «отсутствии четко определенных понятий, которые являются важным предварительным условием научного развития»[3]. К числу наиболее сложных понятий относятся нормы сексуального поведения и сексуальных отношений, так как в данной области человеческого бытия происходит сложное переплетение морально-нравственных, культуральных, религиозных, научных и других подходов.

Анализ правовых и других социальных норм регуляции всего многообразия сексуального поведения – чрезвычайно сложен и противоречив. Так, в медицинских моделях норма объясняется через патологию, а патология – через норму, образуя таким образом порочный круг интерпретаций. Нормы морали и нормы физиологии, нормы права и нормы психологии несут в себе различные системы отсчета, и сопоставление их возможно только в рамках системного подхода. Кроме того, границы нормативности и отклонений в проявлении сексуального поведения обусловлены социокультуральными особенностями, изменчивы в историческом времени и неоднородны в пространственно-территориальном аспекте.[4] Г. Б. Дерягин

справедливо отмечает: «В определении сексуальной нормы, принятой в конкретном обществе, необходим междисциплинарный подход, и здесь, по нашему мнению, нельзя ориентироваться на логику отдельных интеллектуалов из-за того, что она может отличаться от взглядов большинства членов общества».[5] Он предлагает ввести понятие «условной нормы» как «искусственного соединения популярных и научных воззрений».[6] На наш взгляд, такое понятие, как «условная норма», вполне допустимо в естественных науках, но не может использоваться в области права. Особенно четко должны быть сформулированы общие критерии, характеризующие криминальное сексуальное поведение.

Понятие нормы в основном базируется на трех категориях – должного в области морали и права, среднестатистического в социологических исследованиях и процессов адаптации применительно к медико-биологическим наукам.

Понятие нормы и нормативности, с одной стороны, представляет способ существования и функционирования культуры, с другой – является формой ее проявления. Нормативное бытие личности, общества и культуры осуществляется в трех формах, выполняющих различные функции, – в нормах, нормировании и нормативах. Под нормами в целом понимается общепринятое правило, образец, эталон или стандарт поведения, действующий в сфере данной нормативной системы.[7] Норма представляет собой долженствование (запрет, разрешение, уполномочивание), но проявляется она только в рамках интерпретирующего сознания. Таким образом, с позиций модальной логики норма относится к модальности долженствования, или деонтической модальности, как универсальной категории суждения о мире, выступая в трех формах: разрешенного, запрещенного или должного.[8] Для рассмотрения возможности соотношения норм, ценностей и рациональности необходимо отметить существование еще двух модальностей – аксиологической, или оценочной, в которую входят понятия хорошего, плохого и безразличного, и алетической, с разделением на необходимое, возможное и невозможное.[9] Следует отметить, что различные системы отсчета обусловлены, прежде всего, использованием разных модальных категорий. Так, нормы морали относятся к аксиологической модальности и отражают представления о хорошем и плохом, добре и зле и т. д., нормы права могут рассматриваться только в деонтической модальности, научные нормы относятся к категории алетического. При этом следует учитывать, что категории необходимого и должного или

должного и хорошего не всегда совпадают.

Нормирование представляет собой процесс воплощения норм в поведении и, соответственно, является и феноменом человеческого сознания, и социальной практикой.[10]

Норматив есть результат процесса нормирования, результат какой-либо деятельности.

Термин «девиантное поведение» отражает социальную характеристику, которая, в свою очередь, является производной от многих других и поэтому с трудом поддается четкой дефиниции в области половых отношений. Так, поведение с точки зрения морали в отклоняющемся варианте аморально, в плане нравственности – безнравственно, исходя из традиций и обычаев конкретного общества, оно получает название нетрадиционного. Учитывая данные научных сексологических исследований, об аномальном поведении говорят тогда, когда оно не вкладывается в медицинские стандарты и нормы. В биологии такие отклоняющиеся формы сексуального поведения, не направленные на репродуктивные функции, называются противоестественными. Соответственно критериев нормативности поведения может существовать огромное множество, и, чтобы подойти к проблеме систематики отклоняющегося поведения, следует рассматривать его с позиций общего знаменателя, характеризующего ту или иную культуру в целом. Условно можно выделить три таких критерия: целесообразность – направленность на цель; ценность – направленность на субъективные, эмоциональные или духовные ценности, и рациональность – направленность на разумную обоснованность.

Девиантные формы сексуального поведения как область систематического научного изучения сформировались относительно недавно в рамках самостоятельной научной дисциплины – девиантологии, где основные исследования проводятся в русле социологии и психологии девиантности и социального контроля. Однако очерченный данной научной областью круг проблем и вопросы, стоящие перед ней, имеют свою длительную историю развития.

В общем виде социальные нормы представляют собой нормы регуляции поведения и социального контроля над этим поведением. Социальные нормы или правила воплощают в себе требования государства и общества к поведению отдельной личности или социальной группе в процессе их взаимоотношений как между собой, так и с социальными структурами более высокого порядка – отдельными социальными институтами и обществом в целом.

Как разновидности социальных норм выступают нормы права,

которые в целом характеризуются рядом специфических особенностей:

1) социальные нормы санкционированы государством;
2) носят наиболее упорядоченный характер;
3) являются общеобязательным правилом поведения;
4) отражают волю и интересы всего общества.[11]

Сравнивая различные правовые нормы, регулирующие определенные стороны социальных отношений, в частности нормы уголовного права в области сексуальных отношений, в различных правовых системах, прежде всего, следует исходить из понимания нормы права как элементарной единицы в системе права. Тогда анализ или сравнение можно проводить как в единстве структуры – формы – содержания, так и по каждой составляющей в отдельности в лингвистическом аспекте, логическом анализе и семантической или смысловой оценке.

Анализируя юридические нормы для возможности сравнительного анализа всего разнообразия форм сексуального поведения и его регуляции, необходим разносторонний подход к пониманию самого понятия юридической или правовой нормы в рамках существующих социальных или культуральных норм, анализ их взаимоотношения и, соответственно, в первую очередь возможности анализа девиантных форм поведения.

Рассмотрение норм как соотношения формы, содержания и структуры делает перспективным синхронический подход к сравнительным исследованиям и диахронический сравнительный анализ. Синхронический компаративистский анализ основан на оценке одновременно сосуществующих норм права, образующих ту или иную систему права в том виде, в каком она воспринимается в правосознании субъектов. Диахронический анализ есть, прежде всего, историческое исследование смены одних элементов нормативной системы другими и ретроспективная оценка динамики.

Для использования диахронического подхода целесообразно использовать понятие «антропология юридической нормы».[12] По своей форме нормы права, регулирующие сексуальное поведение в синхроническом аспекте, представлены широким спектром насилия против личности и охраной половой свободы и неприкосновенности личности, а также «охраной морали» для консенсусного криминального сексуального поведения. При этом наполнение или конкретное содержание правовых норм обусловлено семантикой социального или культурального кода. Исторические процессы значительно изменяют это содержание в зависимости от социальных институтов и общества в целом. Первоначально сексуальное поведение и его регуляция полностью

входили в институт семьи (рода, племени, клана и т. д.) или другие социальные институты и принимали ритуализированные формы сексуального поведения. Сексуальное поведение как самостоятельная форма правовых норм появляется только в период индустриальных цивилизаций. До этого времени как самостоятельный элемент правовых норм оно отсутствовало. При этом охраняется половая свобода и неприкосновенность, которые входят в круг прав и свобод личности. Ряд других норм, направленных на ограничение сексуального поведения, составляют структуру норм по охране общественной нравственности и морали.

В период Средневековья и даже в древних законодательных актах присутствуют понятия бесчестия, блуда, прелюбодеяния как наказуемых форм сексуального поведения, но они стоят в одном ряду с причинением имущественного вреда хозяину или в рамках физического насилия и как самостоятельные составы преступлений не фигурируют. Мораль и сексуальное поведение еще не связаны между собой в культуральном коде. Так, по мнению Л. Н. Гумилева, одним из самых моральных кодексов в истории человечества являются «Ясы» Чингисхана, представляющего народ, который постоянно осуществлял завоевательные походы и вел достаточно суровый образ жизни. [13] Это законодательство направлено не на противление насилию или охрану имущества, а на взаимопомощь, однако в отношении сексуальных преступлений оно ничего конкретного не содержит; женщина по-прежнему выступает как часть добычи в военном походе или как часть имущества в условиях мирного времени.

Соответственно вопросы сексуального поведения находятся не в ведении правовых норм, а внутри отдельных социальных институтов, и в первую очередь института семьи и брака. Семья представляет собой некий стабильный набор правил, это так называемая «большая» семья традиционного, доиндустриального общества. Если внешние нормы поведения семьи регулируются в большинстве случаев ситуациями имущественного обмена, то внутри семьи сохраняются определенные запреты. Табу на инцест есть один из универсальных запретов, встречающийся в различных культурах практически повсеместно.

Антропологический компонент «изначально представлял собой полигон исходного родового определения во взаимодействии мужского и женского начал, которое завершилось институционализацией семьи, поскольку именно этот институт заявил о себе как индивидуальное антропологическое начало в гомогенности рода». [14]

Рассмотрение проблемы насилия в антропологическом

аспекте, в первую очередь, связано с возможностью его регуляции, подконтрольности, обузданности. Регуляторами поведения индивида в традиционном обществе выступают ритуалы, и в отношении регуляции насильственных форм поведения это, прежде всего, ритуалы жертвоприношения. Социальная реальность традиционного общества включает две части – сакральную и профанную. Ритуализация и институционализация насилия проводится с целью контроля и возможности его регуляции. Данный аспект в литературе часто связывается с патосексуальностью, например интерпретация различных форм флагеляции. Однако последняя связана с чувственной жертвенностью в рамках теологии, а не сексуальности. Последняя просто не существует в культуральном и социальном коде, как не возникает и культуральных проблем разделения эротического и порнографического.

Проблема жертвенности рассматривается в работах антропологов, этнологов, философов, юристов, однако она далека от своего решения. Для данного исследования эта проблема представляет интерес в связи с парафильными формами поведения и в аспекте оценки поведения жертв сексуального насилия. Так, довольно распространенная в криминологии “labeling theory”, или теория стигматизации, постулирует, что современный социум производит преступников за счет как первичной, так и вторичной «наклейки ярлыков». Однако по аналогии с этим в виктимологии мы можем рассматривать стигматизацию жертв преступлений, например, за счет «идеологии страдания» (по выражению кардинала Б. Лоу) или других знаков социальной семантики, направленных на создание двойных стандартов и морали жертвенности. Таким образом, современные идеологические системы и средства массовой информации могут способствовать производству жертв насильственных преступлений.

«Жертвенность, несмотря на свое податливое онтическое проявление, присущую ей максимальную доступность для окружающей социальной действительности и совместимость с ней, содержит внутреннее мощное сопротивление и является активным способом противостояния злу».[15]

Рассмотрение норм права в антропологическом аспекте может приблизить к пониманию данной проблематики. С антропологических позиций интересно, что как жертва, так и преступник становятся существами сакральными. Для своего очищения они должны осуществить символический обмен между реальностями сакрального и профанного. В связи с этим в карательной системе правосудия преступник чаще всего

чувствует себя жертвой этой системы, он всегда обвиняет ее в несправедливости, тем самым психологически меняясь местами с жертвой.

Социальные и правовые нормы традиционного общества и ритуалы, воплощающие их в жизнь, представляют собой нормы символического обмена сакрального и профанного. Это касается и большинства форм ритуализированного сексуального поведения, среди которых можно назвать и священный брак, и дионисийские оргии, и храмовую проституцию, и др. Только в начале XIX в. де Сад, и в последующем Л. фон Зохер-Мазох изменили семантику сексуального кода, а именно соединили насилие и жертвенность с сексуальностью, установив таким образом возможность насильственного способа сексуального поведения как взаимоприемлемого, консенсусного. Ритуализированные нормы регуляции насилия получили принципиально новое смысловое содержание в культуральном коде.

Рассматривая ритуал как аналог нормативной регуляции, нужно отметить, что большинство современных антропологов права больше склоняются к выделению мононорм в виде табу, запретов.[16] Однако следует отметить специфику такого подхода: табу представляет собой запрет для конкретного индивида и для всего общества, оно касается непосредственно каждого; ритуал же – это форма поведения, которую ожидают от других, следовательно, он ближе к современному пониманию норм права как норм права другого.

Эволюция правовых норм определяется двумя факторами:[17]

1) процессами расширения области правовых ситуаций (изменение реальностей);

2) неупорядоченностью и противоречивостью правовых норм.

Первый фактор наиболее ярко может быть представлен с позиций цивилизационного подхода как процесс динамики от реальности традиционных обществ к индуст-реальности (Э. Тоффлер)[18], и к гипер-реальности (Ж. Бодрийяр)[19] информационного общества, или общества эпохи постмодерна.

Наиболее общими современными правовыми нормами, регулирующими сексуальное поведение западной цивилизации, являются:

1) отсутствие нарушений установленных законодательством возрастных цензов сексуальных партнеров, их физическая зрелость, вменяемость и дееспособность;

2) наличие взаимного добровольного предварительного согласия на те или иные действия сексуального характера;

3) отсутствие нарушений прав партнера или третьих лиц;

4) отсутствие умышленного причинения вреда здоровью, в том числе в отношении заболеваний, передающихся половым путем.

Все многообразие криминальных форм сексуального поведения американские криминологи предлагают условно разделить на две группы: преступления насильственного (недобровольного) характера, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и преступления против морали, общественной нравственности, или «преступления без жертв».[20] Под «преступлениями без жертв» понимается «добровольный обмен между взрослыми лицами необходимыми, но запрещенными законом товарами или услугами».[21] К таким преступлениям против морали, в первую очередь, относятся распространение порнографии и проституция. Криминологическими особенностями преступлений без жертв, согласно E. Schur, являются: 1) отсутствие в обществе единого мнения по вопросу, какими законами они должны регулироваться и как наказывать виновных; 2) в основе преступлений данной группы всегда лежит обмен; товары или услуги обмениваются на деньги, секс и др.; 3) отсутствует ущерб, за исключением ущерба, который несет сам правонарушитель. В отечественной криминологии и уголовном праве понятие «преступление без жертв» не используется, однако объектом преступления, согласно ст. 242 УК РФ, являются «отношения в сфере общественной нравственности, касающиеся половой жизни».[22] Регуляция нравственности репрессивной по своей сути системой уголовного судопроизводства всегда будет проблематичной. Человек, понесший уголовное наказание, вряд ли станет более нравственным.

Группа насильственных сексуальных преступлений также трактуется в различных правовых системах неоднозначно. Можно говорить о расширенной и узкой трактовках понимания именно сексуального насилия.

Условно сексуальное насилие можно разделить на ряд следующих форм:

1) институционализированные;
2) символическое насилие;
3) криминальные;
4) ритуализированные;
5) реципрокные.

1. *Институционализированное насилие*. Следует отметить значительную распространенность институционализированных форм сексуального насилия в мировой практике, причем не в традиционных культурах, изучаемых антропологами, на

сексуальное поведение которых смотрят как на что-то экзотическое, а в современных цивилизованных странах. Вопрос о том, являются ли они криминальными с позиций западных стандартов уголовного права, также является открытым. К таким формам относятся: клитеродектомия и обрезание в странах Ближнего Востока, например в Египте, принудительные гинекологические осмотры в Китае, проверка девственности в Турции, левиратный брак в Израиле, принуждение детей к браку в странах Африки и Латинской Америки (Эфиопия, Конго, Уганда), заключение брачного договора без согласия жениха и невесты и др.

Естественно, такие институционализированные формы насилия основаны на традициях и в большинстве стран мира, где они были распространены, в настоящее время криминализированы под влиянием западных норм права, однако реальное воплощение правовых норм остается нереализованным. Следует обратить внимание на тот факт, что сексуальное насилие над женщинами не было распространено повсеместно в традиционных культурах. Контроль над женщиной обеспечивался через право собственности. Женщины чаще подвергались насилию в пределах домашнего хозяйства, но были защищены от публичных сфер. Изнасилование процветало главным образом в маргинальных областях, в колониях, во время войн, среди мародерствующих и оккупационных армий. «В этих маргинальных областях было отчетливо выражено насилие в общем, а изнасилование было одним из видов такого рода деятельности среди форм жестокости и кровопролития…»[23] В индустриальных обществах сексуальное насилие стало выступать как основа сексуального контроля.

2. *Символическое насилие* — относительно новый термин, введенный французским политологом Р. Ароном (1985), определяемый как моральное насилие, осуществляемое посредством символов культуры, без реального применения физического насилия.[24] Это вполне реальное, а не мнимое насилие, хотя и не прямое, а косвенное, направленное на духовную составляющую как отдельного индивида, так и социальных групп, с преобладающим воздействием на разум и волю. Развитие символического насилия он связывает с информационным обществом и «цивилизационными», информационными войнами. Отмечая, что символическое насилие действует на знаковые системы, миросозерцание и мысли, нельзя не отметить его роль в формировании стандартов сексуального насильственного поведения при учете распространенности на территории России и стран СНГ

низкокачественной видеопродукции с обилием сцен насилия и жестокости. Однако символические формы насилия не являются криминальными, их целесообразно рассматривать как явления, на фоне которых формируются стереотипы криминального сексуального насилия.

3. Понятие *криминальных форм* сексуального поведения основано на уголовном праве. В уголовном праве России на основе классификации статей УК выделяются половые преступления, которые составляют главу 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Я. М. Яковлев определял половые преступления как предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающие половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола.[25] Сходное определение приводил Б. В. Даниэльбек (1972), называя такое преступление общественно опасным деянием, имеющим сексуальный характер, посягающим на нормальный уклад половых отношений в обществе, совершаемым для удовлетворения своей или чужой потребности.[26] Выделение криминального сексуального поведения основано, прежде всего, на совершении преступлений на почве сексуальных побуждений, которые могут детерминировать и другие преступления. Сексуальная мотивация как основа типологии оправданна не только в уголовно-правовом плане, но и в аспекте криминологического анализа этих преступлений, экспертных оценок личности преступника и разработке оперативно-следственных мероприятий.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет сексуальное насилие как «любой сексуальный акт или попытку его совершить, нежелательные сексуальные замечания или заигрывания, любые действия против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте, включая дом и работу, но не ограничиваясь ими».[27] Однако приведенное определение носит семантически неопределенный и расширенный характер толкования проблемы и не может использоваться в уголовном праве. Принудительное сексуальное поведение может принимать самые различные формы, но основным криминализирующим моментом будет являться различное по степени применения физическое или психическое

насилие над жертвой.

При сравнительном анализе криминального сексуального насилия можно говорить о различных степенях применения силы: изнасилование, сексуальное принуждение, или понуждение, преследование, домогательство и посягательство. Отдельно в группе криминального сексуального насилия выделяются насилие со стороны интимного партнера, групповые и организованные формы сексуального насилия.

Изнасилование — это половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 131 УК РФ). С точки зрения объективной стороны этого преступления, изнасилование как насильственное, нормативное, гетеросексуальное половое сношение является специальной нормой по отношению к насильственным действиям сексуального характера в целом. Определение термина «изнасилование» представляет известные методологические трудности. В уголовных законодательствах многих стран он не используется и заменяется обобщенным понятием сексуального нападения, или сексуальной агрессии. Юридическое определение было предложено A. Groth и означало насильственное введение полового члена во влагалище без согласия женщины.[28]

Другие авторы предлагали учитывать конкретное сексуальное поведение (cunnilingus, fellatio, анально-генитальное сношение и др.).[29] Министерство юстиции США определяет изнасилование как «незаконное сексуальное сношение с женщиной, осуществляемое с применением силы или без добровольного юридического или фактического согласия».[30] Другой проблемой изнасилования является точное определение понятий «согласие» и критериев, его определяющих. «За последние годы понятия “вынужденный секс” и “согласие” претерпели заметные изменения. Когда-то сфера действия этих понятий ограничивалась довольно узкими рамками открытого нападения или насилия, совершенного незнакомым человеком. Теперь круг интерпретируемых как нежелательные сексуальных намерений и действий стал намного шире, включая в себя сексуальный контакт, навязанный близким знакомым или любовником, или секс с человеком, находящимся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения».[31]

В историческом аспекте понятие согласия изменялось следующим образом: женщину считали соучастницей преступления, если изнасилование происходило в городе, так как предполагалось, что на зов о помощи кто-нибудь откликнулся бы. До середины XX в. в судах США потерпевшая должна была

представить доказательства изнасилования, опознать насильника и представить следы сопротивления.

Следует отметить, что большинство форм насильственного сексуального поведения, таких как домогательство, насилие со стороны интимного партнера и ряд других, далеки от практики современного российского уголовного права. Соответствующие нормы должны найти свое законодательное воплощение в ближайшем будущем, чтобы в полной мере обеспечить половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Сексуальное принуждение, или *понуждение*, определено в ст. 133 УК РФ. Это действия сексуального характера, совершаемые «путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Под понуждением понимается оказание давления на психику потерпевшей путем шантажа (угрозы сообщения порочащих лицо сведений), угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества потерпевшего или использования материальной или иной зависимости потерпевшего.

В докладе ВОЗ термин «принуждение» используется в иной семантической плоскости и подразумевает различное по интенсивности применение физической силы.[32] Кроме того, по УК РФ обещание каких-либо материальных выгод или других благ для склонения к сексуальному контакту криминальным не является, и, наоборот, обещание лишения благ, служебного положения и т. д. расценивается как угроза. Согласно определениям ВОЗ и первый, и второй варианты будут расценены как криминальное поведение. В теории отечественного уголовного права существует понятие «сексуальное мошенничество», суть которого заключается в том, что субъект под обещанием жениться, материальных благ или иных способов удовлетворения запросов женщины вступает с ней в половую связь и в последующем данное обещание не выполняет. С уголовно-правовой точки зрения здесь присутствует половая связь с использованием обмана, однако последний, и это, на наш взгляд, справедливо, не предусмотрен в качестве характеристики объективной стороны изнасилования.

Сексуальное преследование — третий вид криминального сексуального поведения как отдельная уголовно-правовая норма, к сожалению, отсутствует в российском праве и по своему смыслу входит в понятие понуждения. Понятие «сексуальное преследование» получило наибольшее распространение в англосаксонской правовой системе и формулируется как «определенные действия, направленные на конкретного человека,

которые включают повторяющиеся физические или визуальные знаки внимания, враждебные сигналы, а также устные, письменные или подразумеваемые угрозы, достаточные, чтобы вызвать страх у разумного человека».[33]

В США кодифицированные определения понятия «преследование» в зависимости от штата, в котором они прописаны, различаются и варьируются от «преднамеренного, злонамеренного, повторяющегося выслеживания человека и причинения ему беспокойства» до несогласованной коммуникации – попытки вступить в контакт с определенным лицом против его воли, включая телефонные разговоры.

Выделяются основные четыре категории преследований: 1) простое навязчивое преследование; 2) навязчивое любовное преследование; 3) преследование на почве эротомании и 4) преследование из мести, в том числе ревности[34].

Сексуальное домогательство — в уголовном праве США определяется как нежелательные сексуальные предложения, требования сексуальной благосклонности и другое поведение сексуального характера, проявляющееся в словах или действиях, если: а) подчинение таким предложениям, выраженным прямо либо подразумеваемым, составляет один из пунктов или условий получения работы данным субъектом; б) подобное поведение имеет целью или осуществляет неправомерное вмешательство в выполнение субъектом своих служебных обязанностей или создает на работе атмосферу запугивания, враждебности и неприязни.[35]

Сексуальное посягательство — еще один общий термин для обозначения насильственных преступлений, используемый в англосаксонской правовой системе, под которым понимается применение, попытка применения или угроза применения физической силы в отношении личности вне зависимости от контекста ее применения в рамках сексуальных, насильственных или имущественных преступлений.

Насилие со стороны интимного партнера. Выделение этой формы насилия как самостоятельной – явление относительно новое для уголовного права. Так, в 38 из 50 штатов США насильственный половой акт между мужем и женой не является сексуальным поведением, которое может быть криминализировано.[36] Насилием со стороны интимного партнера считается любое поведение в рамках интимных отношений, которое выступает причиной физического, психического и сексуального ущерба для одного из участников этих отношений.[37] Такое поведение включает в себя:

– акты физической агрессии, такие как шлепки, нанесение

ударов, пинки и избиение;

– психологическое насилие – запугивание и постоянное унижение;

– принудительный половой акт и другие формы сексуального принуждения;

– различные проявления контролирующего поведения, например изоляция от семьи и друзей, управление действиями и ограничение доступа к информации и помощи.[38]

Как следует из определения ВОЗ, к насилию со стороны интимного партнера относятся не только насильственное сексуальное поведение, но и физическая агрессия, контролирующее поведение и др.; таким образом максимально расширяется спектр поведенческих проявлений.

Исследователи выделяют два варианта насилия со стороны интимного партнера. Первый – жестокое обращение – характеризуется несколькими формами плохого обращения одновременно с возрастающей степенью собственнического и контролирующего поведения. Второй вариант – «обычное партнерское насилие», смысл которого заключается в том, что партнеры постоянно чувствуют фрустрацию и раздражение, которые эпизодически выливаются в акты физической агрессии.

Для традиционного общества считались вполне приемлемыми физическое наказание жены и внутрисемейное насилие в целом. Так, английская поговорка XIX в. гласит: «Сбережешь розги – испортишь дитя». У. Hassan, проводивший исследования внутрисемейного насилия в Пакистане, пишет: «Избиение жены считается оправданным в качестве наказания с точки зрения культуры и религии… Так как мужчины считаются владельцами своих жен, они должны демонстрировать свое главенство, чтобы избежать нарушений в дальнейшем».[39] Причем и женами, и детьми это воспринимается как должное. Традиционные общества различают «справедливое» и «несправедливое» насилие, а также «приемлемые» и «неприемлемые» степени его применения. Таким образом, традиционная культура предоставляет мужчине как главе семьи право контроля над женщиной и применение насилия. Указанные формы контроля длительно сохраняются в обществах индустриального типа и определяют нормы сексуального поведения.

Общества постиндустриального типа («третья волна») определяют нормы поведения как «нормы консенсуса» и «мораль по договоренности», что формирует направления сексуальной политики и институты гражданского брака (intimate citizenship), ситуации, когда большинство девиаций и сексуальных

отклонений становятся, скорее, стилем жизни. Сексуальное поведение современного западного общества характеризуется тем, что равные индивиды устанавливают способы взаимовыражения интимности, сексуальных предпочтений и ориентаций, форм взаимоотношений и проживания вместе, принципов воспитания детей, стандартов маскулинности и фемининности. Такая ситуация стала прямым следствием дифференцировки репродуктивного и сексуального поведения вслед за началом широкого использования контрацепции и освобождения сексуальности. При этом законодательные нормы направлены на учет потребностей, желаний и ограничений другого, и именно в таком аспекте следует рассматривать насилие со стороны интимного партнера.

Групповые и организованные формы сексуального насилия. Как отмечалось, помимо общей тенденции к снижению насильственной сексуальной преступности отмечается тенденция к изменению ее внутреннего состава. По данным разных авторов, групповые формы сексуального насилия составляют от 10 до 40 %.

Организованные формы тесно связаны с другими видами организованной преступности, такими как торговля наркотиками и их употребление для нейтрализации жертвы, порнобизнес, подпольная киноиндустрия с «жесткой эротикой», организованная проституция, киднеппинг, похищение и торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации, доходящей до сексуального рабства.

4. *Ритуализированные формы сексуального насилия.* В отличие от институционализированных форм они встречаются в обществах традиционного типа, но могут практиковаться отдельными псевдорелигиозными сектами в современном обществе или встречаться как антропологические устойчивые формы поведения при совершении криминальных сексуальных деликтов лицами с психическими расстройствами или находящимися в измененных состояниях сознания на момент инкриминируемого деяния.

5. *Реципрокное насилие.* Латинский термин “reciprocus” обозначает взаимность, комплиментарность. Данный вид насильственных сексуальных преступлений может быть выделен как проблемная область исследования насильственного сексуального поведения. В криминологии проблема такого поведения рассматривается в рамках понятий «виновное поведение жертвы» и является приоритетом для виктимологических исследований. Так, известны варианты садомазохистского реципрокного парафильного поведения, результатом которого является смерть партнера от нанесения

телесных повреждений, и, соответственно, такое поведение относится к криминальным формам.

Преступления против морали или **«консенсусные» сексуальные преступления.** Глава 25 УК РФ включает преступления против общественной нравственности. Данная группа преступлений определяется как «деятельность, которую большое число людей рассматривает как аморальную и способную принести духовный и даже физический ущерб лицам, осуществляющим ее».[40]

К типичным преступлениям против морали относят проституцию, порнографию, консенсусную содомию.

Именно сексуальное поведение, не соответствующее моральным устоям общества, больше всего уповает на медицинские критерии нормального и анормального. Однако такой подход имеет как преимущества, так и недостатки[41]. К преимуществам медикализации, точнее, психопатологизации проблем криминального и девиантного сексуального поведения можно отнести развитие терпимости и сочувствия к человеку. Вместо констатации пороков или слабоволия, развращенности и распущенности, он квалифицируется как больной. В результате он не получает наказания, а проходит индивидуальный курс лечения, реабилитации и, что самое главное, ресоциализации. Медицинские средства воздействия являются более мягкими, чем юридические, даже если они применяются в рамках не карательного, а восстановительного правосудия. Однако эффективность применения медицинских мер остается достаточно низкой, особенно в сфере коррекции сексуального поведения. Частота повторных общественно опасных действий лиц, признанных невменяемыми в связи с совершением сексуальных преступлений, остается слишком высокой, а сроки нахождения под медицинским контролем – недостаточными. Давая медицинское заключение, специалисты широко употребляют специальную терминологию и используют гносеологические модели, которые далеки от юридического понимания. Соответственно такие лица как бы исчезают из юридического поля зрения, вместо спецучетов следственных органов они в лучшем случае попадают на учет в перегруженные психоневрологические диспансеры.

Проституция — широко распространенная форма сексуального поведения как в современном обществе, так и в исторической ретроспективе. Анализ данной формы возможен только с учетом, с одной стороны, исторического и социального контекста, с другой – при учете различия гендерных норм. Е.

Hagan определяет проституцию как практику беспорядочных половых сношений, совершаемых с корыстной целью и сопровождающихся эмоциональным безразличием.[42] Сходное мнение высказывает Я. И. Гилинский, рассматривающий проституцию как возмездное предоставление сексуальных услуг и акцентуирующий два основных признака: безличный (отчужденный) характер сексуальных отношений и возмездный (платный) характер.[43] Правовое определение проституции дано в Международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г., как удовлетворение похоти одного лица другим лицом за плату. Важным признаком выступает признак торговли телом и публичный характер предложения. Отмеченный признак позволяет отграничить возмездное содержание любовницы, так как будет отсутствовать критерий публичности, и проблема будет носить характер личных взаимоотношений.

Проституция представляет собой пример сексуального поведения, тесно связанного с экономическими факторами. Дж. Б. Шоу писал: «…если мы, в конечном счете, получаем порок вместо добродетели, то только потому, что больше за него платим».[44] На протяжении всей истории отмечается амбивалентное отношение к данному феномену, и он противопоставляется социальному институту брака. Английский историк XIX в. Леки, изучая историю морали, писал: «Благодаря проституции гарантирована святость семейного очага и невинность наших жен и дочерей».[45] Если в древнем обществе с определяющим социальным институтом «большой» семьи нормативному сексуальному поведению противопоставляется инцест, то постепенное разрушение такой семьи (рода, клана, племени) ведет к правовому оформлению института брака и соответствующему антиповедению – проституции. Но целесообразность существования антиномии признавалась даже отцами христианской церкви. Святой Августин писал: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит». Ему вторил Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность».[46]

Таким образом, оппозиция противопоставления нормативных и ненормативных форм сексуального поведения служит для определенности норм, легитимизации морали. Однако в последующем тесная взаимосвязь проституции с экономическими факторами, особенно отчетливо проявившаяся в индустриальном обществе, приводит к массе других негативных последствий, превращая ее из консенсусных, возмездных форм в средство экономической эксплуатации и насилия, приводя в большинстве

случаев ее саму к криминализации и построению вокруг широкого спектра преступной деятельности как принуждение к занятию проституцией, сексуальное рабство, похищение и торговля людьми, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних и др.

По формам своего проявления проституция как сексуальное поведение может быть подразделена на две группы: 1) консенсусное занятие проституцией, и 2) эксплуатация проституции. Соответственно вторая группа действий относится к криминальным и определяется ст. 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией) и ст. 241 УК РФ (Организация занятия проституцией).

Таким образом, эксплуатация проституции определяется вовлечением, склонением, совращением другого лица к занятию проституцией даже при условии его согласия, а также путем пособничества, организации и содержания притонов для занятия проституцией. В большинстве западных государств занятие проституцией вблизи школ, в ненадлежащем месте и в ненадлежащее время и т. д. уголовно или административно наказуемо, что является вполне оправданными мерами социального контроля.

Проституция, имея под собой только экономические истоки, связывается с различными формами организованной преступности. Это внедрение в противоборствующие преступные группировки, использование с целью шантажа в отношении государственных чинов, их публичная дискредитация или вовлечение в криминальные структуры, осуществление роли информаторов и наводчиков и др.

Порнография — еще один вид деятельности, связанный с сексуальным поведением человека.

В ст. 242 УК «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» определение порнографии отсутствует. Использование термина основано, как правило, на противопоставлении, бинарной оппозиции порнографического и эротического.

Греческий термин “pornos” переводится как развратник. Порнограф у древних греков – художник, занимающийся росписью публичных домов и гримированием проституток. Порнография в большинстве энциклопедических словарей определяется как натуралистически-вульгарное, непристойное изображение или описание половых отношений с целью вызвать половое возбуждение.

Порнография в литературе, кино, живописи, фотографии – изображение половых сношений как самоцель, без какой-либо

художественной, эстетической направленности, а также произведения, содержащие такого рода изображения.[47]

Правовое определение порнографии, сформулированное Калифорнийским судом США в 1973 г., состоит из трех пунктов:

1) если средний человек, рассматривающий произведение с точки зрения стандартов современного общества, обнаружит, что в целом оно вызывает сексуальный интерес;

2) если работа изображает сексуальное поведение «откровенно агрессивным образом»;

3) если произведение в целом не имеет «значительной литературной, художественной, политической или научной ценности».[48]

Вопросам борьбы с распространением порнографии была посвящена Женевская международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 1923 г., где порнография определяется как непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение половой жизни людей, все то, что расположением лиц, поз рисунка обнаруживает специальное стремление возбудить похотливое чувство.

Основной аргумент сторонников запрещения порнографии заключается в том, что она может являться стимулом для насильственных форм сексуального поведения. В целом следует отметить, что при системном рассмотрении девиантных и криминальных форм сексуального поведения порнография имеет чисто теоретический интерес как отражающая семантику социального нормативного кода, разделяющего порнографическое и эротическое. Другой наиболее интересный аспект рассмотрения порнографии – в рамках описанного символического насилия.

1.2. Взаимосвязь аномальных и криминальных форм сексуального поведения – «парафильная триада»

«Люди с сексуальными “уродствами” – это люди с таким же достоинством и таким же божественным предназначением, как и все остальные. Мы можем говорить об их сексуальных отклонениях именно потому, что они второстепенны. Разумеется, следует избегать выражений, которые в современном языке носят оскорбительный характер (“извращенный”, “ублюдочный” и т. д.)».

Андреас Лаун, епископ Зальцбургский

Ряд форм криминального сексуального поведения тесно связан с медицинскими понятиями «аномальности», и их следует рассмотреть отдельно.

Критерий разграничения сексуальной аномальности как *медицинской* (психиатрической, сексопатологической) проблемы и сексуальной девиантности как отражающей социальную нормативность дан в последней редакции «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» – DSM-TV, выпущенной Американской ассоциацией психиатров в 2000 г. Ввиду принципиальной важности таких различий приведем текст дословно.

«Психическим расстройством считается клинически значимый поведенческий синдром или паттерн, который возникает у индивида и связан с имеющимся дистрессом (болезненным симптомом), или неспособностью (нарушением в одной или нескольких сферах функционирования), или значительным риском смертельного исхода, болью, актуальной утратой свободы. Кроме того, этот симптом или паттерн не должен быть ожидаемой и культурно санкционированной реакцией на конкретное событие. Независимо от своей первоначальной причины он должен в настоящее время быть

проявлением поведенческой, психологической или биологической дисфункции индивида. Ни девиантное поведение (политическое, религиозное или сексуальное), ни конфликты, определенным образом возникающие между индивидом и обществом, не являются психическими расстройствами, если только отклонение или конфликт не оказывается симптомом дисфункции индивида, как описывается выше»[49].

Вначале целесообразно кратко остановиться на медицинских критериях «аномальности» сексуального поведения, так как они, по справедливому замечанию авторов руководства по «Судебной сексологии», отражают самый узкий спектр нормативности, «имеют дополнительные критерии, помимо их противоречия социальным нормам»[50].

Медицинская нормативность сексуального поведения и ее критерии определяются действующей на территории РФ Международной классификацией болезней – МКБ-10, раздел F «Классификация психических и поведенческих расстройств»,[51] и тем самым соответствует международным стандартам в данной области. В отношении психосексуальных расстройств выделяются две основные группы нарушений – парафилии и расстройства гендерной идентичности.

Медицинская институционализация проблемы «сексуальных извращений» начинается в XIX в. с известной работы Р. Краффта-Эбинга «Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд».[52] Изложенные им основные идеи сохранялись на протяжении длительного времени, и сексуальные извращения рассматривались не как самостоятельные нозологические единицы, а как сопутствующие в рамках различных психических расстройств. С введением в 1952 г. Американской психиатрической ассоциацией универсальной классификации психических расстройств DSM-I[53] термин «извращения» сменен на «сексуальные отклонения», и в ряде случаев отклоняющееся сексуальное поведение рассматривается как социопатическое расстройство. Вторая классификация – DSM-II – убирает понятие социопатических расстройств и сексуальные перверсии в целом относит к группе «непсихотических психических расстройств». DSM-III изменяет понятие перверсии, введя новый термин – парафилии. Кроме того, для установления диагноза сексуального отклонения необходимыми становятся два условия: «периодическое предпочтение» и/или «исключительно аномальный способ достижения сексуального удовлетворения», таким образом, убрав из категории расстройств изолированные или эпизодические девиантные сексуальные акты. Следующая

классификация – DSM-III-R (1980) – оставляет термин «парафильное поведение», основным критерием которого выступает периодически повторяющееся аномальное сексуальное предпочтение.

Общими диагностическими критериями парафилий (рубрика F65) в соответствии с МКБ-10 являются следующие:

G1. Индивидууму свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы и поступки.

G2. Индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс и/или межличностные трудности из-за них.

G3. Это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

Основным медицинским (биологическим) критерием нормативности сексуального поведения целесообразно рассматривать признак нарушения контроля. Таким признаком нарушенного контроля поведения является неспособность сопротивляться импульсу, побуждению, «соблазну», выполнить действия, которые могут принести вред себе или другим.

Роль аномального сексуального поведения в генезе отдельных преступлений наиболее четко прослеживается в «криминальной парафильной триаде» – *эксгибиционизм, педофилия* и *садомазохизм*.[54] Выделенные несколько лет назад аномальные, с медицинской точки зрения, формы парафильного сексуального поведения были синхроничны криминальному поведению. Однако в настоящее время эксгибиционизм исчез из правового поля зрения. Изначально затерявшись в статье «Хулиганство», он стал полностью латентным.

Вопрос об отнесении эксгибиционизма к криминальному сексуальному поведению юридически решается неоднозначно. Его распространенность среди других форм девиантного сексуального поведения составляет, по данным J. Bastami (1976), около 30 %.[55] Отечественные исследователи эксгибиционизма также относят его к самому распространенному феномену, приводящему к криминальной активности,[56] определяя данный феномен как преднамеренное обнажение гениталий перед другим человеком для достижения собственного сексуального удовлетворения.[57] Практика самообнажения, по мнению F. Rooth (1973), присуща в первую очередь западной культуре и относительно редко встречается в странах «третьего мира» и Латинской Америке.[58] Следует отметить две важные особенности эксгибиционизма – он никогда не переходит в физическую агрессию и протекает вне контекста приготовления к половому акту. Исследователи Rhoads and Bories (1981),

проводившие опрос в США и Гватемале, выясняли у женщин, как часто они встречали людей, публично обнажающихся. Результат опроса не выявил значимого различия в количестве случаев, однако официальные отчеты этих двух стран кардинально отличны. Таким образом, можно говорить, что зарегистрированные случаи эксгибиционизма как криминального сексуального поведения отражают морально-нравственное состояние общества в отношении пристойности и сексуальности. Социальный контроль над данным видом девиантности дает эффект не при использовании репрессивных мер, а при изменении отношения общества в целом. Учитывая эти моменты, можно говорить, что эксгибиционизм является индикатором распространенности сексуального девиантного поведения.

Следует отметить, что акты эксгибиции могут носить не только сексуальный характер. В древних обществах это акты демонстрации силы, превосходства и контроля. Эксгибиционизм как тип сексуального поведения связан с фаллическим культом, лежащим совместно с демонстрацией силы и превосходства в основе процессов стратификации, на что неоднократно обращали внимания этологи.[59] На основе фаллического культа формируются гендерные стандарты и стереотипы сексуального поведения.

Другие виды эксгибиционистского поведения, такие как сексуальный плюрализм (триолизм), кондаулезизм и культ сексуального гостеприимства, наоборот, направлены на сохранение социального равновесия и могут лежать в основе полигамии и полиандрии.[60]

Проблема нормативности и криминальности *педофилии* требует особого рассмотрения; кроме того, она близко соприкасается с проблемами инцестного поведения и инфантоцида. «Проблема, которую должно решить каждое общество, – защита незрелых в половом отношении, является сутью проблемы инцеста», – пишет известный антрополог Маргарет Мид.[61] Под криминальное сексуальное поведение педофильного характера могут подпадать все составы преступлений главы 18 УК РФ.

Традиционное, аграрное общество является геронтофильным – пожилые члены племени, мужчины составляют его основу, являются самыми уважаемыми, носителями традиций и исполнителями ритуалов. Проблема педофилии здесь просто не ставится, мир детства как таковой не дифференцирован, поэтому особое распространение получает феномен инфантоцида, который как криминальное поведение просто не рассматривается. «Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и как это обычно

делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося, не нужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода», – писал Л. Н. Толстой в конце XIX в.[62] В конфуцианском Китае три дня после рождения младенец не считался человеком, и его умерщвление не осуждалось юридически или морально.[63]

Общество промышленного (индустриального) типа ориентировано на мужчин работоспособного, производительного возраста. Следовательно, проблема детей актуализируется как проблема средств воспроизводства. И, наконец, общества современного типа, постиндустриальные, информационные, полностью ориентированные на привилегированные права ребенка, сталкиваются со всевозрастающей проблемой педофилии.

Следует отметить, что период детства в отношении сексуальной культуры необходимо рассматривать двояко. Помимо того, что этот период релятивистичен в своих возрастных границах, он может определяться в верхних границах либо до периода «полового созревания», либо до периода «социального созревания», которые могут не совпадать. В постиндустриальном обществе детство расширяет свои границы в плане социального созревания. Один из социологов постиндустриального общества Э. Тоффлер писал: «По мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние изменения между молодежью и стариками неизбежно становятся все более заметными. Темп изменений настолько ошеломляющ, что несколько лет разницы дают большие различия в жизненном опыте человека»[64].

Но главное, что в процессе инфантилизации можно не контролировать импульсы и желания, у ребенка имплицитно предполагается, что эти процессы контролируют взрослые члены общества. Для доказательства массовой инфантилизации достаточно вспомнить огромное количество мультфильмов для взрослых, компьютерные игры, примитивную видеопродукцию и др. В то же время психосексуальное развитие идет по пути выраженной акселерации, и высокие темпы данного процесса отмечены на протяжении второй половины XX в.

В традиционном обществе сексуальные отношения с детьми могут носить ритуализированный характер. Педофилию можно рассматривать и как ритуал, способ передачи знаний, навыков, умений и т. д. Но ее следует однозначно оценивать как криминальную, во всяком случае в России. В психиатрическом же аспекте могут быть предложены разные решения. Например, R. Grin ставит вопрос, является ли педофилия психическим расстройством?[65] Сама постановка вопроса предельно проста,

как и в отношении гомосексуализма, когда на основе транскультуральных исследований пытаются показать распространенность феномена преимущественно в традиционных обществах и доказать его психическую «нормальность», на основании которой ставить вопрос о декриминализации. При этом R. Grin возвращается к истории Европы, где на протяжении трех веков сексуальные отношения и вступление в брак были разрешены с десятилетнего возраста.

Нерелевантность сопоставления традиционного и современного, постиндустриального общества обусловлена, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, совокупная продолжительность жизни на протяжении истории человечества не превышала 20 лет.[66] И, во-вторых, в средневековой Европе проблемы социологии и психологии детства не существовало, дети одевались, как и взрослые, играли в те же игры, выполняли ту же работу.[67] Традиционные общества, являясь «префигуративными», ориентированы на воспроизводство стереотипов традиций, и проблемы детей в таком обществе не существует.[68] G. Schmidt подходит довольно логично к проблеме педофильного сексуального поведения, разделяя нравственные и клинические аспекты. Если в первом случае следует опираться на рассмотрение нормативной системы общества, то с клинических позиций необходимо исследование травматизма подобных контактов.[69] Основное отличие педофилии от других форм сексуального поведения заключается в отсутствии равенства партнеров, что подвергает опасности способность ребенка к самоопределению. Отсутствие равенства однозначно свидетельствует о невозможности отнесения данных форм сексуального поведения к консенсусным. Смещение акцента на исследование детского травматизма также оправданно, так как вполне закономерно ставить вопрос о репрезентативности выборки лиц с педофильным поведением при исследованиях тех лиц, которые уже привлечены к уголовной ответственности. Значительно более высокая распространенность педофилии отражается на распространенности в мире детской проституции и порнографии.

Современный правовой подход должен базироваться на изложенных представлениях, но иметь четкую нормативную основу. И здесь представляется оправданной ориентация норм УК РСФСР 1960 г. о проведении экспертного исследования на определение половой зрелости потерпевшей на период криминального деяния. Решать вопрос путем повышения или понижения возраста жертвы в норме УК нецелесообразно. Многие УК западных стран исходят из представления о возрастной

разнице «преступника» и потерпевшей, естественно, при добровольном гетеросексуальном контакте. Если, например, он не превышает трех лет, то деяние не криминализируется. Еще один важный момент – акселерация жертвы, как психосексуальная, так и физическая. По ст. 134 УК РФ необходимо осознание преступником, что он совершает половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, которое, судя по его возрасту, телосложению, внешнему облику и т. п., заведомо не достигло возраста 16 лет. Однако указанный фактор акселерации, использование косметики, стилей одежды, так же как провоцирующее сексуальное поведение в силу опять-таки психосексуальной акселерации, практически стирают эту возрастную границу для осознавания.

Другим обстоятельством, учет которого необходим, являются психологические особенности восприятия человека, специфические эволюционные адаптации, придающие нам некоторую специфику. В психологии восприятия существует понятие ключевых стимулов, «врожденных пусковых механизмов»[70], или «врожденных моделей».[71] Это сигналы коммуникации у особей одного вида, имеющие сигнальные приспособления и пусковые механизмы, которые провоцируют определенные поведенческие механизмы. Соответственно можно искусственно создавать объекты-стимулы, которые будут действовать сильнее обычных. В результате появляются визуальные стимулы с нарочито детскими чертами. Их прямое назначение – вызывать покровительственное поведение: уход, забота, привязанность, покровительство, опека. Как показали исследования И. Эйбл-Эйбесфельдта, мужчинам нравятся женщины, у которых полноценные вторичные половые признаки сочетаются с признаками «педоморфизма», – большие глаза, небольшой нос, невыраженный подбородок, маленький рот и др.[72] Соответственно взрослые гетеросексуальные женщины практически бессознательно используют эти визуальные стимулы для запуска ответных реакций, используя косметику, макияж, пластику и др. Иными словами, они приближают себя по внешнему облику к подросткам, таким образом внося еще большую путаницу в возрастные грани. Все эти обстоятельства должны учитываться при определении нормативных границ криминального сексуального поведения в отношении несовершеннолетних.

Садомазохизм — третья составляющая парафильной криминальной триады. Свое название она получила от двух фамилий: маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада и Леопольда фон Зохера-Мазоха, известных в истории своими

скандальными для своего времени произведениями, в которых впервые описывались данные формы сексуального поведения. Сосуществование этих реципрокных форм парафильного поведения стало «трюизмом, избитым местом клинических и психоаналитических интерпретаций».[73] Хотя их неразрывность в целом не всегда является безусловной, Жиль Делез назвал такую форму сексуального поведения «семиотическим монстром», подразумевая, в первую очередь, трудность лингвистической экспликации и возможности анализа.

В англоязычной литературе такое поведение обозначается аббревиатурой BDSM и, соответственно, рассматривается как состоящее из трех компонентов: BD – от англ, bondage – связывание, discipline – дисциплина; DS – domination – доминирование, submission – подчинение; SM – sadism – садизм, masochism – мазохизм. Соответственно BD и SM отражают формы сексуального поведения; DS – ролевую структуру, но обмен ролями как таковыми отсутствует в процессе реализации поведения и может принимать только форму переключения (switch).

Такое поведение с позиции лиц, его практикующих, во-первых, носит консенсусный, договорной характер и, во-вторых, не является насильственным. Если под насилием понимать моральное (психическое) или физическое принуждение (подавление), направленное против воли, желания и мнения другого. Договорной и ненасильственный характер садомазохистских форм сексуального поведения предполагает их добровольность, безопасность и разумность, т. е. обоюдное желание такого поведения, сведения риска возможных повреждений к минимуму и ответственность, сходство взглядов партнеров на сексуальные взаимоотношения и их последствия.

В уголовном праве и криминологии понятие садизма очень часто отождествляется с особой жестокостью, хотя эти понятия целесообразнее дифференцировать. Особая жестокость – квалифицирующий признак состава преступления. В то же время садомазохизм есть реципрокная форма сексуального поведения. Преступления с особой жестокостью не всегда совершаются по сексуальным мотивам и, соответственно, не относятся к криминальному сексуальному поведению. Связанность садизма и жестокости не ведет к пониманию конкретных механизмов девиантного и криминального поведения. «Садисту, в отличие от жестокого человека, не зло приносит наслаждение, но наслаждение кажется зловредным».[74] Таким образом, садомазохизм может быть отнесен к криминальным формам поведения только как «преступление против морали». С. Жижек

как раз сравнивает И. Канта как одного из основоположников морального императива с маркизом де Садом.[75] Для Канта любое желание контролируемо, в особенности если оно противоречит инстинкту самосохранения. Сад описывает удовлетворение желаний вопреки опасности, вне «эгоистичности», «по ту сторону принципа удовольствия», а, соответственно, по Канту, такие действия являются этическими. При этом следует отметить, что сам де Сад негативно относился к любым формам насилия, в том числе институциализованному, и резко выступал против террора во времена французской революции.

Жестокость определяется как «черта личности со стремлением к причинению страданий, мучений людям или животным, выражающаяся в действиях, бездействиях, словах, а также фантазировании соответствующего содержания».[76] Другим семантически близким к жестокости является понятие агрессии. Однако агрессивность, как отмечает Ю. М. Антонян, более широкое нравственное понятие, поскольку не всегда агрессивные действия носят жестокий характер.[77] Принципиально важным моментом является такая отмеченная особенность, как нравственный характер, в то время как понятие садомазохизма – чисто клинико-психопатологическое и патопсихологическое; как криминальная агрессия оценивается с позиций правовых и социальных норм и содержит компонент нравственности, так в биологическом мире «агрессия» – чисто научный термин, свободный от оценочных категорий.

Садомазохизм как медицинская, психиатрическая проблема должна решаться, в первую очередь, на основании медицинских критериев парафильного поведения. Принципиальным остается вопрос об интерференции аномального парафильного поведения в форме садомазохизма и криминального сексуального поведения и оценки степени его общественной опасности.

Относительно половых преступлений и криминального сексуального поведения в п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ определяется повышенная уголовная ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или другим лицам. Особая жестокость при сексуальных преступлениях будет проявляться в способе совершения преступления: пытки, мучения, истязание, причинение вреда здоровью. Однако если тяжкий вред здоровью причинен умышленно, то такие действия следует квалифицировать в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и таким образом рассматривать идеальную совокупность

преступлений. Кроме того, возможны ситуации, когда особая жестокость проявляется в отношении других лиц, родственников потерпевшей с целью сломить сопротивление путем психического воздействия. В указанных случаях также можно говорить о садистском поведении.

Отмечая тот факт, что эксгибиционизм как форма криминального сексуального поведения не всегда находит уголовно-правовую оценку, нужно сказать, что на его место в криминальной триаде претендует раптофилия. J. Money выделил шесть основных категорий парафилий, каждая из которых представляет свою стратегию поведения, посредством которой сладострастие и чувственность отделяются от любви и романтического аффекта.[78] Они становятся кардинальными элементами при парафилиях, предоставляя возможность для сексуального экспериментирования со сладострастием при отсутствии любви как таковой. Одной из таких стратегий является *мародерско/грабительская,* которая подразумевает похищение или принуждение сладострастного партнера из-за того, что «безгрешный» партнер не допускает греха сладострастия. Крайний вариант этой стратегии – синдром насильственного или агрессивного парафильного изнасилования (раптофилия или биастофилия). Однако ни МКБ-10, ни DSM-IV не включают изнасилование в рубрику парафилий.

А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенский, Н. В. Дворянчиков, обсуждая вопрос о том, представляет ли собой изнасилование истинную парафилию (раптофилию), при которой сексуальное удовлетворение стереотипно достигается путем насильственного принуждения к сексуальному взаимодействию (изнасилования) партнера, отмечают, что при этом отсутствуют такие характерные для *садизма* элементы, как намеренное причинение боли или унижения, являющиеся обязательным условием сексуального возбуждения.[79] Аргументы для признания изнасилования одним из видов парафилий исходят из нескольких источников. Клинические интервью лиц, совершивших изнасилования, представляют информацию о том, что во многих случаях у данных субъектов присутствуют навязчивые, повторяющиеся, компульсивные побуждения и/или фантазии, сюжетом которых является изнасилование. Последние имеют циклическую природу, переживаемые индивидом желания увеличиваются по интенсивности и, в конце концов, становятся слишком сильными. Субъект стремится взять их под контроль, однако по мере того, как побуждения становятся слишком интенсивными, контроль нарушается и желания претворяются в жизнь с последующей временной их редукцией. Данный паттерн весьма специфичен для

истинных парафилий. Дополнительным подтверждением служит тот факт, что изнасилование как таковое является феноменом, сопутствующим другим видам парафилий. В частности, у насильников имеется высокая вероятность существования в прошлом или появления в будущем других парафилий в дополнение к раптофилии.

1.3. Девиантное и криминальное поведение в аспекте системных исследований

«Девиантность» – общий термин, обозначающий отклонение от социальных норм. Данный феномен представляет собой комплексное явление. Я. И. Гилинский обоснованно выдвигает несколько общих оснований для объяснения девиантности.[80] Таких факторов – четыре.

1. Причинно-следственная связь – одно из проявлений взаимозависимости между элементами системы; социальные системы более сложны, вероятностны, нелинейны и стохастичны.

2. Социальные девиации – искусственный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности.

3. Проявления девиантности столь различны по содержанию, что нет и не может быть единой причины.

4. Вероятно, имеются обстоятельства, наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а его форма зависит от случайностей или индивидуальных особенностей субъекта.

Нормативность по своей природе явление противоречивое. Традиционные нормы, унаследованные исторически, сталкиваются с нормами новыми, сформировавшимися в процессе развития общества. Однако это не снижает их значения в поддержании социальной стабильности и регуляции общества. «Возникновение социальных норм связано с выделением человека из животного царства, осознанием им своего отношения к себе, что, в свою очередь, порождает отношение к себе подобным».[81]

Девиация есть отклонение, которое всегда проявляется в поведении (поступках, деятельности, действиях), отражая социальную сторону функционирования личности. Для обозначения такого отклоненного поведения всегда существует большой тезаурус, отражающий многообразие поведенческих форм, с одной стороны, и семантическую диффузию или «отсутствие качественной определенности» – с другой. Особенно это касается разнообразных форм сексуального поведения, которые в любом обществе находятся в аффектогенном поле. Соответственно, чтобы иметь возможность сравнительного анализа различных проявлений девиантности в том или ином обществе, нужно, в первую очередь, исходить из понимания специфического для каждой социальной системы культурального

нормативного кода.

Следует отметить интересный момент: понятия нормативности, девиантности и сексуальности возникают на исторической арене в период формирования индустриальных цивилизаций синхронично. На это впервые обратил внимание французский философ М. Фуко. Диспозитив сексуальности или различные подходы к ее изучению и различные возможности воздействия на нее возникают в ситуации отслеживания и установления контроля за девиациями. Формирование понятия сексуальности, по М. Фуко, относится к XVIII–XIX вв. и связывается им с формированием новых социальных институтов – религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении сексуальных отклонений. Им делается набросок единой схемы объяснения таких отклонений. [82]

Первое – это задача социальных институтов, таких как церковь, школа, больница или суд, отслеживать отклоняющееся поведение и возвращать его к норме. При этом каждый из социальных институтов ставил свои границы нормы и отклонения, патологии или девиантности. Несовпадение критериев этих нормативных систем и в настоящее время нами уже отмечалось. Вторым моментом являются практики контроля и подавления: воспитание, наказание, исправление и т. д. Третий шаг – все, что становится запретным, девиантным, становится притягательным. Причем психология и другие науки ищут причину отклонений и находят ее именно в сексуальности, которая таким образом становится камнем преткновения и причиной всех бед. М. Фуко писал, что «понятие секса позволило, во-первых, перегруппировать с некоторым искусственным единством анатомические элементы, биологические функции, поведения, ощущения и удовольствия, а во-вторых – позволило этому фиктивному единству функционировать в качестве каузального принципа, вездесущего смысла, повсюду требующей обнаружения тайны: секс, таким образом, смог функционировать как единственное означающее и как универсальное означаемое». [83]

Основная заслуга М. Фуко состоит в том, что он одним из первых показал, что понятие сексуальности является, прежде всего, культурно-историческим и возникает в период индустриальной цивилизации наряду с отклонениями, а в первое время своего существования и как единственная их причина. Именно научная рациональность как основополагающий ориентир Нового времени вводит понятия нормативности, девиантности и ассиметричного контроля девиантности, когда отклонения в «плохую» сторону осуждаются и контролируются, а

в «хорошую» – поощряются. В целом в индустриальном обществе получили легитимность три критерия нормативности: целесообразность (адаптивность), моральность (ценность, особенно после употребления этого термина А. Смитом в политэкономии) и рациональность (научность). В своей тесной взаимосвязи они выступили конструирующими элементами социальной нормативности. Отклоняющееся, девиантное поведение всегда отражает общественную, социальную сторону функционирования личности.

Наряду с термином «девиантность» существует довольно большой тезаурус, который отражает многообразие поведенческих проявлений, с одной стороны, и семантическую неопределенность предмета девиантологии – с другой. Такими терминами выступают: «асоциальное», «делинквентное», «аномальное», «перверсное», «аддиктивное», «патологическое», «парафильное», «патохарактерологическое поведение» и ряд других. Наиболее общее определение девиантного поведения – это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующее официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.[84] Выделив три критерия нормативности, можно говорить о трех относительно независимых, иногда вступающих в противоречия и, соответственно, образующих двойные стандарты социальных нормативных системах, в совокупности определяющих специфический культуральный нормативный код.

Спектр девиантного поведения чрезвычайно широк и варьирует от пропусков занятий студентами или школьниками, неучастия в выборах до совершения тяжких криминальных актов. Поэтому существование одинаковых теоретических схем изучения девиантности всегда остается проблематичным. Так, предлагаемые типологии девиантного поведения по временноуму критерию подразделяются на вреуменные, или транзиторные, и постоянные, или устойчивые. Транзиторные чаще всего являются ситуационно зависимыми, могут трактоваться в рамках групповой динамики и связываются с механизмами психического подражания. Сама по себе реакция группирования со сверстниками (или определенной референтной группой) является нормальной характерологической реакцией преимущественно подросткового возраста.[85] Устойчивые, постоянные формы девиантного поведения характеризуются отрывом от ситуационных, пусковых моментов и собственной внутренней динамикой своего развития, что, соответственно, сближает их с патохарактерологическим и психопатическим развитием

личности. Устойчивые девиации отличаются монофеноменологической картиной, при неустойчивых девиациях отмечается частая смена клинических и социальных форм отклоняющегося поведения.

Последние встречаются значительно чаще и отражают степень нарушения влечений, т. е. вовлеченность патобиологического уровня. По степени оформления подразделение осуществляется на структурированные и неструктурированные формы. При этом транзиторные девиации являются неструктурированными. По направленности деструктивного поведения девиантные формы могут подразделяться на направленные вовне, внешнее окружение (соответственно различаясь по степени дифференцированности объектов, на которые направлено деструктивное поведение) и на себя – аутодеструктивные формы. Аутодеструктивные также варьируют в широком диапазоне проявлений – от крайних острых форм (суицидальное поведение) до хронических (например, аддиктивное пищевое поведение). По степени осознаваемости, рефлексируемости также отмечается вариативность по шкале сознательного-бессознательного.

Системный анализ девиантных и криминальных форм поведения в историческом аспекте принадлежит одному из основателей социологии, французскому исследователю Э. Дюркгейму и впервые был им сформулирован в теории аномии. Одно из основных преимуществ данной теории заключалось в том, что она была сформулирована в предельно обобщенных понятиях социального хаоса, дезорганизации и социальной упорядоченности, в понятиях, отражающих степень социального порядка. Сформулированная Э. Дюркгеймом теория аномии предполагает, что во время социальных кризисов и дезорганизации у людей теряются нормативные ориентиры, что является причиной девиантного поведения. Кроме того, ряд естественных, постоянно происходящих процессов (миграция, межнациональные конфликты и двойные стандарты поведения) также служат причиной социального хаоса.

Э. Дюркгейм первым высказал точку зрения, что общество есть особая реальность, не сводимая к отдельным индивидам. Любая система определялась им как единицы (элементы), ее составляющие, и отношения между ними. А. Рэдклифф-Браун[86] на основе идей Дюркгейма рассматривал социальную систему как состоящую из:

1) социальных структур – суммы всех отношений индивидов в рассматриваемый момент времени;

2) социальных обычаев и институтов (где обычаи –

совокупность норм поведения, и социальные институты – нормы поведения определенной формы социальной жизни – семьи, клана, племени, государства);

3) специфические образы мыслей и чувств, связанные с социальными нормами поведения.

Соответственно методами системно-социальных исследований, на основе теоретических разработок Э. Дюркгейма, являются:

а) функциональный анализ, определение места и роли изучаемого явления в функционировании социума;

б) структурный анализ, выявление структур или инвариантов поведения людей в различных видах общественных отношений;

в) сравнительный анализ – поиск универсалий человеческого поведения, обнаруживаемого во всех человеческих обществах.

Положительное значение девиантности Э. Дюркгейм видел в укреплении роли ценностей, представленности многообразия форм человеческого поведения, очерчивании границ нормативности и развитии систем идентификации общества в целом. Хотя сама теория аномии в литературе неоднократно подвергалась критике, основная мысль о социальной дезорганизации как источнике девиантности поведения считается в настоящее время общепризнанной.

Теория аномии за период своего длительного существования неоднократно дополнялась и видоизменялась. Р. Мертон внес значительные дополнения за счет подробного анализа реакций субъекта на фрустрирующие ситуации. Основная причина девиантности, по его мнению, заключается в разрыве между целями в обществе (критерий целесообразности) и социально одобряемыми средствами осуществления этих целей. Таким образом, он выделял пять типов поведения индивида в обществе: конформность, инновация, ритуализм, ретреизм и бунт. Работы Р. Мертона позволили соотнести определенные поведенческие типы с социальными ролями отдельного индивида и социальными структурами общества. Именно на уровне формирования социальных структур любое общество, существующее даже в архаических формах, должно поставить сексуальное поведение своих подданных под определенный контроль и интегрировать в своих структурах. Р. Мертон одним из первых осуществил системный подход к анализу норм регуляции сексуального поведения и квалифицировал эти нормы на предписывающие, разрешающие и запрещающие.[87] При этом для анализа социальных структур он использовал так называемые «естественные» сексуальные отношения. Основным каркасом социальной структуры для регуляции такого поведения он выбрал

брачный статус, родство, социальную стратификацию, особые социальные статусы, особые события и обстоятельства и сексуальное поведение в целом. Соотношение предмета регулирования и норм представлено в таблице I.[88]

В результате обширного антропологического исследования был сформулирован вывод о том, что для большинства изученных культур регулированием сексуальных отношений является не половой акт, а различные социальные феномены, по отношению к которым он играет одну из наиболее значимых ролей (системы родства, воспроизводство, ритуалы и социальные статусы).

Таблица 1

Регуляция различных форм сексуального поведения (по Дж. Мердоку, 2003)

Предмет регулирования	Запрещающие нормы	Разрешающие нормы	Предписывающие нормы
Секс в целом	Запрет внебрачного секса	Промискуитет	Сексуальное гостеприимство
Брачный статус	Запрет адюльтера	Добрачная сексуальная свобода	Супружеские обязанности
Родство	Противоинцестуозные запреты и экзогамия	Разрешение смешанных браков	Предпочтительные брачные партнеры
Социальная стратификация	Кастовая, классовая и этническая эндогамия	Сексуальные прерогативы	Гипергамия
Особые статусы	Статусное целомудрие и целибат	Сексуальные прерогативы	Особые сексуальные обстоятельства
Особые обстоятельства	Ритуальное половое воздержание и репродуктивные сексуальные табу	Ритуальный промискуитет	Обязательные сексуальные ритуалы

Брачные отношения служат основным предметом социального регулирования, что вполне согласуется со свободой добрачных сексуальных отношений в большинстве обществ. Вместе с тем круг брачных отношений ограничивается факторами этнической или социальной стратификации. Несмотря на значительный разброс в нормативной регуляции сексуального

поведения «единственным по-настоящему универсальным типом сексуального урегулирования можно считать регулирование сексуальных отношений между родственниками. Запрещающие нормы этого типа распадаются на две основные категории: противоинцестуозные табу и экзогамные ограничения».[89] Все половые отношения в социальном плане разделяются на семь основных категорий, представленных с объяснениями в таблице 2.

Таблица 2

Социальные категории сексуальных отношений

Категория половых отношений	Объяснение
Брачная сексуальность	Сексуальность с соблюдением всех социальных норм
Инцест	Сексуальность с партнером в реальном или искусственном родстве
Мезальянс	Партнеры различные по социальной стратификации
Нарушение статусного целомудрия	Социальный статус одного из партнеров, требующий целомудрия
Сексуальная невоздержанность	Сексуальность с нарушением культуральных запретов
Нейтральные сексуальные связи	Лица, не являющиеся брачными партнерами, но и не нарушающие никаких социальных норм
Адюльтер	Сексуальные отношения вне брака. Один из партнеров состоит в браке

В зависимости от способов, посредством которых социум решает проблемы, возникающие с нарушениями сексуальных норм, общества распадаются на две группы. Общества первой группы «полагаются, прежде всего, на глубокую интернализацию сексуальных запретов в процессе социализации. Табу внушаются посредством системы наставлений и санкций настолько основательно, что становятся как бы “второй природой”. Одна только мысль об их нарушении порождает в социализированном индивиде чувство вины; в результате общество может позволить себе решать проблему предотвращения отклоняющегося

поведения, опираясь, прежде всего, на совесть своих членов. Другая группа обществ, по всей видимости, не добивается такого большого успеха в интернализации запрещающих норм сексуального поведения. В результате они не могут полагаться на индивидуальную совесть как достаточный гарант соблюдения табу и вынуждены вырабатывать дополнительные гарантии их соблюдения в виде разного рода механизмов внешнего контроля над поведением индивидов».[90] В основном это внушение этики добрачного целомудрия и брачной верности, в процессе социализации больше направленные на женщин.

В то же время практики социального контроля в других группах обществ также касаются, в первую очередь, лиц женского пола: затворничество незамужних девушек, сопровождение их гувернантками или укрывание чадрой, содержание в гаремах и постоянный надзор. Таким образом, контроль девиантности также идет двумя способами – выработка морали у социализируемого индивида или постоянный внешний контроль, но последний в структуре традиционных обществ идет на уровне семьи и брачных отношений, а не социальных институтов. Соответственно тяжесть санкций при нарушении норм также различна.

Следующим шагом в системном изучении девиантных и криминальных форм поведения следует считать работы американского социолога Т. Парсонса. В его исследованиях понятиям девиантности и конформности отводится центральное место в теории социального действия.

Т. Парсонс развивает два основных направления в исследовании общества – акционалистский (деятельностный) и системный анализ. Деятельность характеризуется, прежде всего, системой координат, которая характеризуется:

1) минимальным набором структурных элементов действия – целей, средств, условий и норм;

2) существованием нормативной ориентации действия;

3) временным измерением действия;

4) субъективным характером действия.[91]

Одной из главных характеристик действия является ориентация «эго» на ситуацию. Т. Парсонс выделяет два типа ориентаций – мотивационную и ценностную. Мотивационная подразделяется на три компонента – когнитивный (отражающий интересы действующего лица), «катектический» (придающий субъективное значение данной ситуации) и оценочный.

Ценностная ориентация, включающая «внешние символы», которые регулируют поведение людей, также состоит из трех компонентов (когнитивные, оценочные и моральные стандарты).

[92]

Любое действие в теории Т. Парсонса рассматривается в трех системах координат, схематично представленных на рисунке 1.

Личность		Культура		Социальная система
Действующее лицо (субъективная сторона действия)		Культуральные образцы действия		Другие действующие лица
Цели и средства		Общие ценности и нормы		Социальные статусы и роли

Рис. 1. Пространство социального действия (по Т. Парсонсу, 2000).

Личность у Парсонса представляется как «организованная система ориентации и мотивации действий индивидуального субъекта, где организующими моментами являются потребности-установки и потребности-предрасположенности.[93] Личность как система представляет собой: 1) взаимосвязность и совместность действий отдельного субъекта; 2) организацию действий с помощью диспозиции потребностей.

Понятие девиантности связано у Т. Парсонса с мотивационными структурами. Мотивация девиантного поведения является результатом процессов социальной коммуникации в прошлом. Противопоставляя девиантность социализации, следует отметить, что девиантность может возникнуть на любом этапе социализации – внедрении, адаптации и интеграции. Конкретный «актор» выступает не в одной роли, а во множестве ролей, которые между собой могут находиться в противоречии, что порождает как сложную систему нормативных стандартов, так и двойные нормы. Девиантность выступает как главная ось анализа социальных систем, который основывается на двух моментах:[94]

1) структура отношений действия сосредоточивает весь анализ на вопросе нормативной и ценностной ориентации;

2) мы имеем дело с «несущей конструкцией» для того типа системы, которая определяет то, что понимается под интеграцией системы.

Мотивации, связанные с негативными ожиданиями, у Т. Парсонса получают название алиенативной потребностной диспозиции (от alienatio – отчуждение), а позитивные ожидания определяют конформную потребностную диспозицию. Преобладание конформного компонента над алиенацией ведет к

компульсивной конформности, а преобладание алиенативного – к компульсивной алиенации. Для дифференцировки направления девиантной мотивации Т. Парсонс вводит две шкалы: пассивности/активности и различения фокусировки на одном из компонентов интерактивной системы действия, социальных объектах, «*другой*» и нормативных моделях. В результате получается многомерная модель девиантной мотивации, представленная на рисунке 2.[95]

	Активность		Пассивность	
Конформность	**Компульсивная ориентация поведения**		**Компульсивное молчаливое согласие**	
	Фокусировка на социальных объектах	Фокусировка на нормах	Фокусировка на социальных объектах	Фокусировка на нормах
	Доминирование	Компульсивное принуждение	Подчинение	Перфекционистское соблюдение
Алиенация	**Мятежность**		**Уход**	
	Агрессивность по отношению к социальному объекту	Неисправимость	Компульсивная зависимость	Бегство

Рис. 2. Многомерная модель девиантной мотивации (по Т. Парсонсу, 2002)

Теория девиантности Т. Парсонса – это интерактивная система, где, с одной стороны, действует структура потребностей индивида, «эго», с другой – нормативные социальные стандарты с учетом социального объекта, «другой». Интерактивная система действует в направлении мотивационной системы «эго» с тем, чтобы «создавать мотивацию конформности по отношению к ожиданиям общепринятой системы нормативных моделей, и санкции в таком “нормальном” случае действуют в направлении усиления этой мотивации».[96] Следовательно, идет процесс либо перестройки мотивационной системы, либо алиенации личности, т. е. «образование порочного круга интенсификации алиенативных компонентов».[97]

Элемент неструктурированности в системе ожиданий может происходить из расплывчатого определения самих нормативных моделей или способов их применения, т. е. прозрачность, диффузность границ норм и ценностей, их различение/ неразличение (безразличие) отражаются в хаотичности мотивационных потребностей.

Другим важным условием в образовании девиантной мотивации является структура мотивационной модели «другого».

«Если собственная мотивационная структура другого является амбивалентной в каком-либо отношении, релевантной проблеме конформности, “другой” и “эго” могут начать “последовательно работать друг на друга”, создавая порочный круг».[98] Тем самым Т. Парсонс вводит в системный анализ девиантности принцип обратных связей и взаимоиндукцию девиантности. В основе образования порочного круга рассматриваются два механизма: «соучастие по преступлению», когда потребностные диспозиции «эго» и «другого» взаимно поощряют девиантные тенденции и «интенсификации конфликта», когда алиенативная потребностная диспозиция усиливает конфликт. Этот механизм заставляет «эго» сильнее чувствовать, что «другой» сам амбивалентен и якобы «тайно» одобряет девиантные тенденции.[99]

Указанные механизмы достаточно точно моделируют генез девиантных и криминальных форм сексуального поведения. Механизм «соучастия по преступлению» может быть применим для рассмотрения преступлений «против морали» и большинства форм сексуальных девиаций. В основе сексуальных преступлений агрессивно-насильственного характера лежит механизм «интенсификации конфликта» частыми обвинениями жертвы как «амбивалентного другого».

В процессе социальной динамики, в цивилизационных процессах, распад одного из социальных институтов ведет к высвобождению большого числа свободных форм поведения, которые для обеспечения порядка должны быть институционализованы другими социальными институтами. Так, социальный институт семьи претерпел эволюцию в цивилизационном процессе и практически распался в постиндустриальном обществе, высвободив большое количество девиантных форм сексуального поведения. А. Кинси, несмотря на многочисленную критику в предвзятости в его адрес, был прав, выявив путем социологических методов значительный процент девиантов (геев и лесбиянок). Он исследовал американское общество на пороге постиндустриальной цивилизации и культуры постмодерна, т. е. в переходный период, когда степень социального хаоса возрастает. Однако решающую роль в отношении общества к сексуальным девиантам и формировании нравственности сыграл не А. Кинси, а политики, которые в сексуальных меньшинствах увидели, в первую очередь, голоса избирателей в своих предвыборных кампаниях. Другими факторами, оказавшими влияние на данный процесс, стали: упадок другого социального института – церкви, и «эпистемиологический скандал» в психиатрии о признании

гомосексуальной ориентации нормативной.

При рассмотрении вопросов нормативности и институционализации различных форм поведения необходимо обратить внимание и на системы ценностей. Любая социальная норма получает свое воплощение при соотнесении с ценностями. Эволюция систем ценностей в цивилизационном аспекте представлена в работе Ж. Бодрийяра.[100] Он выделяет историческую схему трех порядков «симулякров» (от лат. simulakr – подобие, призрачность). Симулякры первого порядка основаны на естественном законе ценности, второго – на рыночном законе стоимости и третьего порядка – на структурном законе ценности. Третий порядок, основанный на структурном законе ценностей, предполагает, что каждая структура или конфигурация переосмысливается следующей за ней, новой, и создается новый разряд симулякров. Такая система ценностей постиндустриального общества хорошо вписывается в понятия нравственного релятивизма и консенсусной морали, что отражает реальное положение вещей в настоящее время.

Одним из крупнейших теоретиков системного анализа социальных систем и моделей девиантности в настоящее время является немецкий исследователь Н. Луман. Отойдя от структурных моделей общества, рассматривая их структуру как сетевую, он вводит понятия самоорганизации и аутопойезиса. Связь теории личности и девиантности в современном обществе Н. Луман уже определяет не через системы социальных ролей, а посредством более глобальных категорий включенности и исключенности в процессах сетевой структурации. Если понятие алиенации у Парсонса представляет социальное отчуждение в различной степени и из различных социальных структур, то сетевая организация социума – единая структура и исключенности личности есть полное удаление из социальных сетей. Процесс исключения личности из социума представляется как постепенный разрыв связей – потеря квалификации в стремительно изменяющемся мире, проблемы идентичности, возрастание зависимости от служб социальной помощи и т. д. Такие процессы исключенности будут неизменно сопутствовать процессам глобализации современного общества. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия (XXI в. – *Н. И.*) примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра… что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различают рок и

удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения… В некоторых местах мы уже можем наблюдать это состояние».[101] Следствия процессов исключения становятся совершенно очевидными, «именно “исключенные” составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности».[102]

Из современных отечественных исследований, посвященных системной оценке девиантного и криминального поведения, следует остановиться на работах Я. И. Гилинского и Д. Ли.[103]

Я. И. Гилинский отмечает факт наличия общих закономерностей в генезисе девиантности и в то же время их имплицитный характер. В отношении системного исследования девиантного поведения важна такая специфика, как «накладывание» одних форм девиантности на другие с усилением проявлений или же их способность «гасить» друг друга. Таким образом, правомерна постановка вопроса об «интерференции» различных форм девиантного и криминального поведения. Так, еще М. Н. Гернет [104] писал о том, что женская преступность находится в обратной зависимости от распространенности проституции.

Другим аспектом, отмеченным Я. И. Гилинским, является чувствительность девиантного и криминального поведения к среде. Так, в периоды экономических кризисов увеличивается корыстная и снижается насильственная преступность. У лиц с девиантным поведением отмечен низкий уровень потребления культуры и высокий уровень различных форм социальной активности, «пассионарности», в терминологии Л. Н. Гумилева, [105] что позволяет говорить о повышенном «балансе социальной активности» и снижении конформности девиантных форм поведения, особенно в переломные исторические периоды и периоды экономической дестабилизации. Такое расширенное понимание девиантных форм поведения как социального хаоса и аномии позволяет проследить конструктивную роль отклоняющегося поведения, когда в хаотичности в потенциальном виде существует возможность зарождения новых социальных структур, что принципиально согласуется с моделями этногенеза.

Девиантность выступает как «полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжении эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, т. е. набор непременных заданий заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Однако со временем они застывают в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец “человеческой природы”, навязывая ему схемы

долженствования и повинности», – писал С. Лем.[106]

В работе Д. Ли системный анализ преступности проводится, исходя из модульной теории социума, где модуль представляет измерение кратных соотношений и является единицей системного анализа. Модуль, с одной стороны, рассматривается с позиции общей теории систем, с другой – сопоставляется с общественными дисциплинами. Модуль с позиции социальной онтологии выступает как структурно-функциональная единица. Вполне справедливо исходной позицией такого анализа выступает положение о том, «что преступность – это не простое множество преступлений, совершенных на данной территории (глобализация современного мира ведет к транснациональной преступности) за конкретный период времени, а прежде всего их система, которая во всем мире развивается по определенным, неведомым пока людям законам, вне зависимости от их воли и желания».[107] Основное достоинство данной работы – в изменении модели причинно-следственных отношений в криминологии. Д. Ли отмечает: «…если при изучении конкретного преступления правомерно говорить о конкретных причинах и условиях, его вызвавших, то при исследовании преступности как социального явления причинно-следственный подход будет неадекватен».[108] Система с нарушенными причинно-следственными связями является недетерминируемой и самоорганизующейся системой, которая может быть описана моделями нелинейных динамических систем, где свойство нелинейности означает для системы то, что она развивается различными путями.[109]

Связь конкретного преступления и преступности в целом – это микро– и макроуровень системного подхода. Соответственно можно говорить о применении общефилософских категорий общего, особенного и частного (единичного).[110] Так, все данные, отражающиеся в уголовной статистике, подразделяются на два вида:[111]

1) относящиеся к преступлению;

2) относимые к преступнику.

Таким образом, они являются сопоставимыми с категориями общего и особенного, тогда как отдельное преступление как индивидуальный акт поведения будет соотноситься с категорией частного (единичного).

Исходя из модульного анализа социума, выявляются устойчивые доли девиантов и преступников в стабильном обществе без социальных катаклизмов. Приводя анализ литературных данных, Д. Ли отмечает, что сексуальная девиантность в отношении гомосексуалистов и лесбиянок равна

5 %, браки между близкими родственниками (инцестные браки) составляют 6 %, количество преступников в конкретном обществе – 5,6 %, что «служит необходимым условием самоорганизации системы».[112]

Рассмотрев различные нормы как элементарные составляющие сложной системы и различные подходы к анализу отклоняющегося девиантного поведения в рамках этой системы, необходимо отметить еще один момент. Теории девиантности связаны в основном с социальной организацией и мало общего имеют собственно с индивидуальной личностью и индивидуальным поведением. Индивидуальность, идентичность есть постоянный динамический процесс самоорганизации. И, соответственно, с позиций биокибернетики поведение человека определяется как «сложная, вероятностно-детерминированная система со способностью к самоорганизации»[113]

Э. Эриксон строил теорию личности как эпигенетические процессы, в основе которых лежит смена стадий идентичности. При этом в понятие идентичности вкладывалось не что-то окончательно заданное и сформированное, а постоянный динамический процесс, в формировании которого принимают участие различные системы идентификации – базовая, ролевая, персональная. Если идентичность, прежде всего, нужно рассматривать как единство поведения и самосознания,[114] то процесс идентификации – это нелинейный динамический процесс, в основе которого лежат биологические, социальные и психические обратные связи в цикле поведение – восприятие (осознание) – поведение и т. д. В теории нелинейных динамических систем такие повторяющиеся процессы называются итерациями. Исходя из изложенного «аномальность может быть интерпретирована как изменение способности к самоорганизации. Самоорганизация в биокибернетике понимается как средство и как метод обеспечения оптимизации процессов, происходящих в системе. Внешний аспект оптимизации в приложении к человеку – адаптация, внутренний – поддержание гомеостаза. Следовательно, понятие аномальности должно отражать нарушение адаптации и гомеостаза».[115]

Определив социальные нормы по содержанию как лингвистические и рассмотрев понятия глоссы как единства восприятия и поведения, можно говорить, что на ролевом уровне формирование идентичности идет за счет социальных норм также в итерационном процессе поведение – восприятие – поведение, где содержание этого процесса, т. е. формирование идентичности, задано социокультуральными нормами и ценностями. На биологическом уровне такие циклы обратных связей формируют

базовую идентичность индивида. Соответственно отклонения в той или иной нормативной системе будут искажать соответствующие динамические процессы формирования идентичности. Такое нарушение, известное как синдром диффузной идентичности, на практике встречается у большинства лиц с девиантными и криминальными формами поведения. Специфические нарушения половой идентичности (базовой, ролевой, персональной) отмечаются в значительном количестве среди лиц с криминальным сексуальным поведением. Тесную взаимосвязь нормативных систем, поведенческих проявлений и систем идентичности отражает тот факт, что значительная доля лиц с криминальным, сексуальным поведением ранее сама подвергалась сексуальному насилию. «Человек может принимать себя только в определенном качестве, когда не страдает его “Я”-концепция».[116]

Кроме того, поведение всегда есть процесс коммуникации, изменение возможности коммуникации дает принципиально новые возможности изменения форм поведения, что касается и реципрокных форм сексуального поведения, и новые возможности формирования идентичности. Этот момент также необходимо учитывать как новый фактор в отношении девиантного и криминального поведения. Такие новые возможности представил Интернет, и, соответственно, отмечается возникновение новых составов преступлений.

Проблема идентичности и осознания себя и «другого» затрагивает не столько аспект коммуникации, но в большей степени – метакоммуникацию. Если коммуникация – это аспект, касающийся содержания, то метакоммуникация, в первую очередь, взаимоотношение, при этом последнее классифицирует первое.

Онтологию любого поведенческого акта современные теории рассматривают в трех плоскостях: биологической, социальной и психической. Иногда онтология модифицируется, исходя из поставленных задач. Так, например, анализ психопатологических факторов в криминальном поведении позволяет говорить о личности, ситуации и психопатологии в генезе отдельного поведенческого акта. Соответственно онтология поведения традиционного общества рассматривала две реальности сакрального и профанного. Другой онтологической плоскостью является противопоставление хаотического и упорядоченного. В противоположность этим онтологическим размерностям анализа поведения гносеологические схемы исходят из понимания целесообразности, направленности на цель, адаптивности, ценностного значения и рациональности, осмысленности.

Структура криминального сексуального поведения в целом может быть формализована как состоящая из трех компонентов: 1 – насилие или стремление контроля (метакоммуникация), 2 – агрессивность (гнев, выраженность эмоциональных, аффективных компонентов) и 3 – сексуальность (психологический компонент, коммуникация). Каждое индивидуальное поведение будет характеризоваться различной выраженностью этих компонентов. Отсутствие насилия дает агрессию и сексуальность, отсутствие сексуальности – сплав агрессивно-насильственного поведения. Несмотря на то, что мы говорим о сексуальных преступлениях в целом, в группе насильственных сексуальных преступлений компонент сексуальности всегда отсутствует или принимает психопатологические, парафильные формы.

Рассматривая любой процесс коммуникации как: 1) информационный процесс, 2) интеракцию, взаимодействие и 3) перцепцию, можно говорить о том, что парафильное поведение – это, в первую очередь, перцептивные нарушения.

Изучая онтологию поведения с позиции коммуникации и метакоммуникации, сексуальное криминальное поведение отдельно рассматриваться не может, так как мы получаем взаимодействие, систему «преступник – жертва». Оправданность такого подхода можно найти при анализе серийных сексуальных преступлений, когда одна из жертв выпадает из серии не в силу ситуационных, внешних факторов, а в силу несоответствия ее поведения ожиданиям преступника. Анализ таких случаев представляется особо важным.

Изложенное позволяет наметить системный подход к анализу девиантного и криминального сексуального поведения на основе сравнительного анализа нормативных систем регуляции как в синхроническом, так и диахроническом, историческом аспектах. «В методологических целях следует различать причины существования преступности вообще и причины преступности в данной стране. Первые значительно шире, они связаны со всей историей человечества и определяют такую важную черту преступности, как ее вечность, то есть то, что она была всегда и всегда останется… в любом обществе окажется человек или группа людей, которые не будут согласны с существующей системой распределения материальных и духовных благ или своим местом в межличностных отношениях, со своим биологическим и (или) социальным статусом…»[117] С правовых позиций это квалификация криминального поведения как противоправного, с социальных – оценка общественной опасности, с медицинских – анализ форм аномальной сексуальности и его содержание. Значение каждого из факторов

трудно недооценивать.

Глава 2
Сравнительное исследование социально-правовой регуляции сексуального поведения

2.1. Методологические основы системного сравнительного исследования

а) Компоненты системного анализа «личность – общество – культура» и вопросы регуляции сексуального поведения

Рассмотрение системы «личность – общество – культура» отражает многомерность подхода к проблеме человека и его поведения, так как «человек – существо биологическое, социально оформленное и культурно смоделированное, но разные науки исходят порой из разных предпосылок».[118]

С биологической точки зрения сексуальное поведение человека является избыточным, т. е. занимает значительное большее место в жизни человека, чем требуется для репродуктивных функций в биологии. Предложенная В. А. Геодакяном концепция основывается на представлении о том, что биологический естественный отбор в эволюции трансформировался в половой отбор в социальном обществе.[119] Как доказательство избыточности он приводит следующие факты:

– избыточность половых актов на одно зачатие;

– сохранение потребности в них после менопауз, во время кормления и беременности;

– огромная роль сексуальности в жизни, культуре и творчестве человека.

Избыточность форм сексуального поведения, несводимость его только к репродуктивной функции позволяют остановиться на нескольких принципиальных моментах: 1) сексуальность несводима к чисто биологическому поведению; 2) сексуальное поведение не может рассматриваться в рамках одного социального института, так как является широким по своему содержанию и формам проявления; 3) исходным моментом для формирования сексуального поведения и его институционализации выступает социальный институт семьи и 4) в силу своей значимости оно является неотъемлемой частью любой культуры и служит объектом моральной и нравственной нагрузки.

Английский социолог З. Бауман в связи с этим пишет, что «особи, воспроизводящие себе подобных с помощью секса, как правило, наделяются такими запасами сексуальной энергии и способностями к сексуальным контактам, которые значительно превосходят необходимые для процесса воспроизводства».[120] Эта

избыточность сексуального поведения выливается на протяжении истории в различные стратегии поведения, на регуляцию и контроль которого направлены социальные институты.

Сексуальное поведение как отдельного человека, так и совокупности индивидов или определенной социальной группы есть, прежде всего, взаимное поведение, акт коммуникации, взаимодействия, за редким исключением случаев, носящих выраженный психопатологический характер, о которых стоит говорить отдельно. Сексуальное поведение все равно следует рассматривать как взаимодействие, даже если оно не носит обоюдного, договорного характера. Соответственно с позиции системного анализа оно может быть рассмотрено двояко: направленное на интеграцию, поддержание целостности внутри определенной социальной структуры и направленное на дифференциацию, различение частей системы. Типология такого поведения предусматривает три возможных варианта[121] – симметричное, комплиментарное и асимметричное (реципрокное). Сексуальное поведение лежит в основе создания социальных норм поведения. При этом выделенные формы коммуникативного поведения относятся как к отдельным индивидам, так и к взаимоотношениям целых социальных институтов и культур, т. е. являются универсальными паттернами поведения. Кроме того, «у каждой коммуникации есть аспекты, касающиеся содержания и взаимоотношений, при этом последний классифицирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией».[122] Соответственно поведение может быть рассмотрено в двух системах координат: коммуникация и метакоммуникация; симметричное, комплиментарное и асимметричное, реципрокное.

Другим, наряду с личностью, компонентом системного анализа является общество, которое может быть рассмотрено как *социальные институты и социальная динамика.*

Социальный институт представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую форму организации совместной деятельности людей. К таким институтам относятся семья, производство, государство, образование, собственность, церковь и др. В историческом аспекте наиболее древним является институт семьи, поэтому «социальные институты можно рассматривать как ткани, а семью – как клетку общества».[123] Социальные институты являются довольно устойчивыми образованиями, и длительность их существования несравнима с продолжительностью отдельной человеческой жизни. «Институт должен искать себе основу в обычае, подкрепляя себя силой. Фактически институты – это совершенные отражения

нравственного несовершенства человеческой природы», – отмечал один из основателей цивилизационного подхода А. Тойнби.[124] В социологии традиционно выделяются четыре функции, которые выполняют социальные институты.

I. Воспроизводство членов общества.

II. Социализация.

III. Производство и распределение жизненно важных ресурсов.

IV. Контроль за поведением своих членов.[125]

Социальные институты представляют собой устойчивые связи различных элементов социальной системы, их композицию, состоящую из «ролей», «статусов» и «групповых ожиданий».[126] Положение отдельного индивида как элемента социальной системы с позиции структуры может быть описано социальным «статусом» (или «позицией»), который должен быть, в первую очередь, *легитимным,* признаваемым всеми другими членами. Легитимность, законность осуществляется посредством социальных норм и опирается на категории должного.

Другая характеристика для описания индивида в социальной системе заключается в понятии «роли» и определяется «как динамический аспект статуса, что раскрывается через перечень тех реальных функций, которые заданы личности группой, содержанием групповой деятельности».[127] Социальные роли представляют собой динамические образования, так как при сохранении статуса набор функций в ходе развития и социальной динамики сильно варьирует, поэтому ролевая структура личности может рассматриваться как через функцию *санкционирования* определенного поведения членам социума, имеющим сходный статус. Санкционирование представляет механизм, посредством которого социальный институт направляет поведение индивида на путь соблюдения норм и поддержание социального статуса.

Третий аспект, отражающий положение индивида в социальной композиции, представлен системой «групповых ожиданий», «от каждой роли ожидается выполнение некоторых функций, и не только простой перечень их, но и качество их выполнения».[128] И таким образом социальный институт контролирует поведение своих членов, происходит *институционализация* их деятельности, придание системы ценностей в рамках социального института.

Третьим компонентом системной оценки является *культура.* Чтобы упорядоченно рассматривать калейдоскоп сексуального поведения в различных культурах, они, в первую очередь, должны быть сопоставимы. Возможность такого сопоставления и сохранение объективности и культурального релятивизма

позволяют использовать категории модальной логики. К. Гирц писал: «Наиболее эффективным образом культуру можно проанализировать как символическую систему, “с точки зрения ее внутренних категорий” – путем изолирования ее элементов, выявления внутренних взаимоотношений между этими элементами и последующего характеризования системы в целом в соответствии с центральными символами, вокруг которых она организована, с базовыми структурами, внешним выражением которых она является, и с идеологическими принципами, на которых она основана».[129]

Возможные типы поведения могут конструироваться, исходя из соотношений модальных категорий культур и форм социализации.[130]

Соответственно модальные категории необходимого, возможного и вероятного можно рассматривать как категории культуры, которые лежат в основе рациональности и придают институциональный характер. Аксиологическая модальность (категории хорошего, нейтрального или плохого) отражает систему ценностей и имеет санкционированный характер; деонтическая модальность (категории должного, разрешенного или запрещенного) определяет легитимность отдельных типов поведения.

б) Диахронический и синхронический компаративистский анализ

Сравнительное исследование предполагает использование *диахронического* и *синхронического* подходов.

Термин диахрония (греч. dia – через, chronos – время)[131] отражает развитие системы во времени, или, точнее, это восстановление закономерностей развития системы в различные временны́е периоды. Синхрония (греч. synchronos – одновременно) – имеет два значения. Во-первых, это совпадение во времени нескольких явлений или процессов[132] или состояние системы в определенный момент времени ее развития, одновременное существование взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. И второе значение термина синхрония – это нахождение системы в определенном состоянии, не зависимом от временного фактора и/или изменений.

При синхроническом подходе проводится логический и семантический анализ сосуществующих элементов, образующих систему в том виде, в каком она воспринимается коллективным сознанием. Диахронический подход есть исследование в процессе

развития системы смены одних элементов другими. Он составляет основу компаративистского ретроспективного анализа или сравнительно-исторической оценки. Следует отметить две особенности синхронического и диахронического анализа применительно к сравнительно-историческому исследованию.

Первая особенность заключается в том, что отдельные элементы системы, выступая в качестве объекта исследования, обладают уникальными свойствами, являются так называемыми плавающими объектами исследования, или куматоидами (греческий термин «куматоид» – волна)[133]. Плавающий объект отражает именно системное качество и характеризуется тем, что может появляться или исчезать, распадаться. Примерами плавающих объектов исследования в исторической ретроспективе относительно многообразия форм сексуального поведения являются, например, ритуальный промискуитет и храмовая проституция в обществах традиционного типа.

Вторая особенность связана со свойствами исторического времени как такового в отличие от времени физического. Последнее линейно, однонаправлено, асимметрично и равномерно. Историческое время носит более сложный характер, разобраться с особенностями которого целесообразно начать с понятия «осевое время», введенного К. Ясперсом.[134] Он писал: «Ось мировой истории следует отнести по-видимому ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э… Появился человек такого типа, который сохранился и по сей день».[135] «Осевое время» разделяет между собой эпохи и смену рациональности, на смену мифу приходит религиозный логос. Это время образования основных мировых религий. Это период, когда начинает формироваться «персоналистическая личность» за счет религиозной и философской рефлексии, «человек в качестве от дельного индивидуума отважился на то чтобы искать опору в самом себе».[136] Эпоха «осевого времени» заканчивается формированием крупнейших мировых империй на фоне полного исчезновения культур древности. К. Ясперс отмечает, что народы, не воспринявшие «осевое время», остаются вне истории, те же народы, которые с ним соприкоснулись, сливаются в общей массе, синхронизируются. На смену устным традициям, склонившимся к упадку нравов, как, например, в Римской империи, приходят «священные писания» и своды законодательств. Циклическое время древних цивилизаций принимает вид линейного исторического процесса. Тогда можно говорить, что само историческое время может принимать синхронический и диахронический характер.

Изучая сложную систему «личность – общество – культура» как состоящую из различных элементов, можно говорить, что ее компоненты могут находиться во множестве различных взаимосвязей и соотношений, которые условно могут быть разделены на синхронические и диахронические.

Рассматривая традиционные типы общества, основанные на ритуалах, обрядах и традициях, необходимо отметить отсутствие в них подразделения времени на синхроническое и диахроническое, что было отмечено в исследованиях В. Н. Топорова. Он писал: «Замыкая собой диахронический и синхронический аспекты космологического бытия, ритуал напоминал о структуре акта творения и последовательности его частей, как бы переживал их заново, но с усилением, и тем самым верифицировал восхождение человека в тот же самый космологический универсум, который был создан “вначале”».[137] Аналогичной точки зрения придерживался другой крупнейший исследователь традиционных культур К. Леви-Стросс. Он полагал, что «миф сразу и диахроничен как историческое повествование о прошлом, и синхроничен как инструмент объяснения настоящего и будущего».[138]

Анализируя разнообразие форм сексуального поведения в различных культурах и типах обществ, существующих в настоящее время, мы получаем диахронический срез этих форм поведения, находящихся в постоянной динамике. Таким образом, синхронический компаративистский анализ можно применять только в сопоставимых по цивилизационному процессу социальных системах, принадлежащих к одной культуре. Множество форм сексуального поведения и форм его социального контроля, рассматриваемых как единая система, постоянно находятся в динамическом процессе. Эта динамика может принимать характер непрерывного, поступательного развития – эволюции или скачкообразных, качественных изменений свойств всей системы – революций. Тогда можно говорить о диахроническом характере эволюционных процессов и революционном – синхроническом. Последний тип динамики в виде революции особенно важен при рассмотрении сексуального поведения, так как произошедшая на Западе сексуальная революция середины прошлого века имеет огромные, в том числе и правовые, последствия для современности. Любые революционные изменения упрощают иерархическую социальную организацию в той сфере, в которой они происходят. Сексуальная революция стерла грани гендерного различия, «синхронизировала» полоролевое поведение. На ее волне возникли движения феминизма, получили легитимность гей-

браки, возникли многочисленные организации сексуальных меньшинств, декриминализованы практически любые формы консенсусного сексуального поведения.

Подводя итог изложенному, в методологическом аспекте системных исследований относительно временноуго, хронологического фактора можно отметить следующие особенности. До «осевого времени» К. Ясперса, общества традиционного типа находятся в изолированном синхроничном состоянии, каждое – в «своем» мифологическом времени, имеющем циклический характер. «Осевое время» – время их синхронизации между собой, образование общего для вступивших в него цивилизаций времени, которое принимает линейный, исторический и диахронический характер. Итог такой синхроничности – создание великих империй древности, мировых религиозных систем и, что, на наш взгляд, самое главное, создание нового типа человека, переход от коллективного индивида к социальной, статусно-ролевой, персоналистической личности. Параллельно с созданием персоналистической личности происходит смена социальных институтов контроля поведения, основанных на ритуалах, табу и мифологических схемах, на социальные институты, формирующие самоконтроль поведения на основе идеологических схем, среди последних философские, религиозные и правовые институты играют главенствующую роль.

В свою очередь исторический процесс также складывается из синхронических и диахронических, революционных и эволюционных периодов. Периоды революции или синхронии второго типа происходят внутри социальных институтов, формирующих идеологию, ответственных за самоконтроль поведения, – религии, философии, искусства, науки, и изменения, происходящие внутри этих институтов, касаются отдельных сторон структуры личности и соответствующих форм поведения и принимают участие в создании личностной индивидуальности. Динамика таких революционных процессов на примере социальных институтов науки описана Т. Куном в его эпохальной для гносеологии книге «Структура научных революций».[139] В этой работе используется термин «парадигма» как идеологический стандарт, стереотип научного мышления, смена которого возможна только революционным путем, но эта революция есть синхрония на уровне коллективного сознания. И, таким образом, синхронический компаративистский (сравнительный) анализ – это исследование системы и ее элементов в том виде, в каком они воспринимаются сознанием.

в) Нормативная и интерпретативная парадигма

Основы интерпретативного подхода можно найти в «понимающей социологии» М. Вебера, «философии жизни» В. Дильтея, «символическом интеракционизме» Дж. Мида и Г. Блумера, и, наконец, они обретают системный характер в исследованиях в рамках феноменологии Э. Гуссерля, герменевтике П. Рикера, антропологии К. Гирца.

Проводя широкие транскультуральные исследования, антропологи получили различные диахронические срезы культур на различных этапах цивилизационного процесса. Подход к анализу такого разнообразия поведенческих проявлений сталкивается с их принципиальной несопоставимостью, отсутствием инвариантов для сравнения. Поэтому семантика социального кода относительно сексуального поведения может рассматриваться исходя из двух современных научных подходов – нормативного и интерпретативного. Если первый основывается применительно к юридическим моделям на понятии правовых норм, то интерпретативный подход приобретает огромное значение в условиях глобализации и межкультурального взаимодействия и базируется на понятии прав и свобод человека и играет главную роль при выработке международных правовых актов.

Использование нормативного и интерпретативного подходов позволяет рассматривать социальное взаимодействие как процесс согласования (консенсуса), с одной стороны, субъективных притязаний личности и, с другой – объективно заданных характеристик развития личности и социума.

Теоретические и методологические принципы интерпретативного подхода в рамках «символического интеракционизма» и феноменологии сформулированы Г. Блумером в статье «Методологические основы символического интеракционизма».[140] Он писал: «Первая предпосылка указывает, что люди действуют в отношении “вещей” на основании значений, которыми для них обладают вещи. Под “вещами” здесь понимается все, что человек воспринимает в окружающем мире: физические предметы… других людей… социальные категории… социальные институты… идеалы… поступки других людей… и ситуации, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни. Во второй предпосылке утверждается, что значения вещей создаются или возникают во взаимодействии с социальным окружением. Третья теоретическая предпосылка указывает, что эти значения используются и изменяются в процессе *интерпретации* человеком

окружающих вещей».[141]

Развивая интерпретативный подход в рамках антропологии, К. Гирц пишет: «…разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений».[142] Такой интерпретативный подход он назвал «насыщенным описанием» (“thick description”) в противоположность «ненасыщенному описанию» (“thin description”), носящий простой описательный, феноменологический характер, без интерпретации возможных значений. Гирц отмечал, что интерпретации культур и цивилизаций представляют собой интерпретации второго и третьего порядка, так как интерпретации первого порядка могут быть даны только человеком, принадлежащим к данной культуре.[143]

Методологический недостаток интерпретативного подхода состоит в том, что данный подход с трудом поддается концептуальному оформлению и систематическим методам оценки, что уже отмечалось в работах К. Гирца. «Заточенная в мире своих собственных фактов, интерпретация часто предстает как обосновывающая саму себя или, что еще хуже, как обоснованная якобы большой проницательностью автора, который ее выдвигает». Положительными моментами интерпретационного подхода выступает тот факт, что «интерпретация чего угодно погружает нас в самый центр того, что она интерпретирует».[144]

Соответственно с позиций интерпретативного подхода можно говорить о двух вариантах анализа – феноменологическом, или описательном, “thin description”, и «насыщенном описании», “thick description”. И тогда нормативный или оценочный подход будет занимать промежуточное положение.

Социальные нормы формируются в рамках социальных институтов, и последние будут осуществлять контроль над их воплощением. Используя нормативную парадигму, можно говорить о разделении и эволюции социальных институтов принуждения и контроля над поведением и институтах принуждения к самоконтролю поведения. Впервые такое подразделение было проведено Н. Элиасом.[145] Так, ритуалы в традиционном обществе, институты права в современном относятся к социальным институтам контроля поведения, в отличие от философии и особенно религии, относящихся к институтам самоконтроля. В отношении индивида как члена коллектива действуют императив и табу как контроль над

поведением, в отличие от личности, способной к самоконтролю на основе канонов и норм. Кроме того, исходя из определения субъекта уголовного права в ст. 21 УК РФ как лица вменяемого, т. е. способного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, отчетливо различаются сознание (осознавать) и волевое поведение (руководить). Таким образом, между сознанием и поведением субъекта нельзя ставить знак равенства. Фундаментальная категория воли как способности самоконтроля относится к поведенческой составляющей, и последняя не рассматривается применительно к состояниям сознания. Тогда, наряду с социальными институтами контроля и самоконтроля поведения, можно выделить институты контроля и самоконтроля воли.

На протяжении Средних веков религиозный институт христианства в Западной Европе активно осуществлял, наряду с контролем поведения, контроль сознания, что наглядно отражено в психических эпидемиях, сопровождавшихся истерическими расстройствами, диссоциативными в отношении сознания, и зрительными галлюцинациями. Здесь отмечается различие социальных религиозных институтов Востока и Запада. Восточные, в частности буддизм, даосизм, ориентированы, прежде всего, на контроль и самоконтроль сознания, в противоположность западным, ориентированным на самоконтроль поведения и рефлексию. Можно говорить об определенных закономерностях развития институтов контроля: в традиционном обществе это контроль поведения и сознания, в последующем идет разделение на контроль и самоконтроль поведения в цивилизациях Запада и контроль и самоконтроль сознания в культуре Востока. Самоконтроль поведения осуществляется за счет рефлексивных механизмов мышления, сознания – за счет различных психотехник по типу медитации.

Христианство, таким образом, ориентировано на персоналистическую, социальную личность, под которой можно условно понимать внешнюю систему ролевого поведения и внутреннюю иерархию ценностей. Такое определение при всем схематизме можно считать довольно удачным, так как в современной психологии количество даже широко распространенных «теорий личности» и, соответственно, определений личности превышает несколько десятков.[146] Самосознание, «эго», “self’ как психологическое образование – это структура, ответственная за самоконтроль поведения, но не за сознание как таковое. Принципиально иной подход к понятию личности существует в культуре Востока, где религиозные и

философские институты принципиально нераздельны, слиты в единое образование и личности как таковой в сущностном аспекте в европейском понимании просто не существует.

Для западной цивилизации переход от коллективного индивида к социальной личности и персоналистической идентификации шел параллельно с восточной – образованием каст и кастовой идентификации индивида. Различное представление личности в западной и восточной цивилизациях находят отражение и в праве. На Востоке социальные институты права, как и политические институты, носят императивный характер, на Западе – нормативный. Религиозные нормы Запада воплощались в канонах церкви, границы которых были довольно шаткими и укреплялись длительное время в истории с помощью меча и огня, как, например, в Варфоломеевскую ночь. Восточный религиозно-философский синкретизм догматичен. Императивы права и догматы веры также неразделимы, ярким примером чему служит ислам, где Коран выступает основой законов шариата. Другим примером является Китайская империя времен Конфуция, который считал, что чем меньше в государстве законов, тем больше в нем порядка, тогда как на Западе в Римской империи существовали многотомные дигесты Юстиниана.

Нарушения самоконтроля поведения, нарушения социальных норм образуют широкий спектр девиантного поведения, повсеместно распространенного в современном западном мире. На Востоке подобная проблема просто не ставится, индивид интегрирован в различные социальные институты, которые контролируют его поведение, либо за нарушение законодательного императива он подвергается жестоким санкциям. Так, в большинстве мусульманских стран гомосексуальное поведение карается смертной казнью, которая в большинстве случаев реально исполняется.

Современное общество, построенное на принципах консенсуса правовых норм и морального релятивизма, которые сменяют понятия канонов и императивов, может рассматриваться только в рамках интерпретативного подхода. Основой социальной организации такого общества становится коммуникация, которая сменяет идеологию, и рефлексия как обращенность сознания на себя и обоснование собственных предпосылок[147] заменяется дискурсом. Представления о дискурсе становятся все более распространенными в гуманитарных и общественных науках. Его можно определить как: 1) указание на определенный подход изучения, 2) выражение в языке интересующего явления и логика размышления по поводу явления и 3) анализ дискурса позволяет понять, какие ценности теоретические и прагматические могут

быть реализованы.[148]

Таким образом, дискурс – это определение и расстановка значений, интерпретация, которая осуществляется в акте коммуникации, где в качестве норматива выступает возможность достижения консенсуса.

2.2. Регуляция сексуального поведения в обществах традиционного типа

«Кровь предрассудков – это чернила, которыми написана история».

Марк Твен

«Если история не сохранила нам от какого-нибудь народа ничего другого, кроме его уголовного права, мы в состоянии определить только по нему степень его моральной и интеллектуальной культуры, как естествоиспытатель по найденной кости может реконструировать скелет погибшего животного».

Георг Еллинек

а) Индийская и китайская цивилизации

Рассматривая индийскую цивилизацию как общество традиционного типа, следует отметить специфику понимания права и закона, имеющих значение и в сегодняшнее время. Индия остается развивающейся страной с господством традиционного права, и отношение к правам человека в европейском понимании достаточно неоднозначно. Современный индийский философ права С. П. Синхи считает, что главная особенность его культуры заключается в наличии собственных принципов «добродетельного образа жизни», которые являются неправовыми в европейском понимании этого термина. Одна из его программных публикаций называется «Неуниверсальность права».[149] Социально-правовые нормы носят больше синкретический характер, включая моральные, религиозные и правовые нормы, и в современное время законодательства основываются на традиционной преемственности дхармашастрам – сборникам религиозно-нравственных предписаний (дхарм). С методологических позиций их оценка должна основываться на интерпретативном подходе. Древнейшими дхармашастрами являются: «Законы Ману» («Ману-смрити»), «Архшастра», «Нарада-смрити», «Вишну-смрити»,

«Брихаспати-смрити», «Катьяяна-смрити» и другие комментарии.

Прежде чем рассмотреть социально-правовые нормы регуляции сексуального поведения, нужно отметить главные особенности индийской цивилизации в сфере социальной организации, культуры и личности, имеющие непосредственное отношение к криминологии.

В отличие от стран Запада, где главной основой социальной организации становится семья, в Индии формируются специфические социальные институты варны и касты из первоначальных родоплеменных отношений. «Для каст характерна отчужденность их друг от друга; члены различных каст не могут вступать в браки; у каждой касты в принципе своя исключительная и неизменная профессия. Помимо того, что кастам были присущи эндогамность и общность занятий, касты, в отличие от варн, имели внутреннюю администрацию; члены касты связаны обязательством взаимопомощи, совместным исполнением религиозного культа, регламентацией производственного процесса, определенными правилами общения с членами других каст и т. д.».[150] Окончательно касты сформировались в период Средних веков. Если касты образовались в результате разделения труда и основаны на их месте в экономической жизни общества, то варны образованы как результат отношения социальных групп к государству. Таким образом, касты оформляются внутри варн.

Касты и варны как социальные структуры индийской цивилизации аналогичны клану в китайской культуре и «большой» семье других традиционных культур. Однако клан китайской цивилизации в отношении сексуального поведения и института брака является экзогамным и диахроничным, т. е. имеющим свое историческое время от реального или мифического первопредка, основателя клана. Касты и варны как социальные институты характеризуются эндогамией и синхроничностью. Такое различие находит свое выражение и в регламентации института брака. Если экзогамный брак – это ритуальный «символический обмен», или экономическая сделка, как в Китае, или ритуальное «умыкание» на Руси, то эндогамный брак более обширен по своим формам. Так, индийское право различает девять видов брака, среди которых к «высшим», «дхармическим» бракам относятся браки, когда отец невесты совершает ее дарение.[151]

Другой важной особенностью социальной структуры выступает тот факт, что семья и индивид не связаны постоянно, как на Западе, где процесс расторжения брака в каноническом праве – процедура неодобряемая или прямо запрещенная.

Ашрама – учение о четырех ступенях или стадиях развития человека в его жизненном пути. Стадия «брахмачарии» – периода учебы и самодисциплины; «грихастхи» – стадия семейной жизни, главы семьи; «ванапрастхи» – стадия аскетической жизни для очищения души и обуздания чувств и «санньясы» – полное отречение от жизни, отшельничество.

Специфика культуры Индии заключается в религии индуизма, со сложной ритуально-культовой обрядностью. Основными источниками индуизма являются «Веды», где подробно излагались брачные ритуалы и ритуалы сексуального поведения. Брачные ритуалы относились к ритуалам жертвоприношения: «…брак уже сам по себе считался жертвоприношением, и неженатым мужчиной назывался тот, кто не принес жертву».[152] Однако понятие жертвоприношения было гораздо более широким и распространялось на все сексуальное поведение. «Жертва может быть принесена посредством ритуального соития. Однако мужчина здесь господствует, ибо если мужчина пожелает конкретную женщину, то после того, как она очистится от менструации, он пригласит ее возлечь с собой. Если она не поддержит его желание, он должен попытаться ее склонить. Если же она по-прежнему будет отказываться, он может ударить ее рукой или палкой, чтобы покорить…»[153] Тем самым мы видим, что индуизм как религия предполагает ритуальное сексуальное насилие, дать нормативную оценку которого нельзя и возможно только описание в рамках интерпретационного подхода.

Следующая культуральная специфика индуизма – существование как мужского (фаллического) культа, в виде поклонения лингаму (фаллосу) Шивы, так и женского культа – почитание Шакти (Кали). С женским культом связаны тантрические ритуальные сексуальные практики, храмовая проституция и криминальные культы служителей богини (пиндари, дакойты и туги). Клан пиндари – «разбойники с большой дороги», профессиональные грабители, передававшие навыки из поколения в поколение, со своей «работы» платившие властям пошлину, – считали свое занятие вполне моральным и соответствующим долгу и необходимым для служения богине Кали и поддержания порядка.[154] Другой криминальный клан дакойты относился к наемным убийцам-профессионалам, состоявшим на службе у правительства, и ворам-грабителям по своему собственному усмотрению. Для них грабеж, убийство и обман являлись тремя необходимыми составляющими божественного и общественного порядка и сакрального и профанного мироустройства. Туги являлись кастой,

ориентированной на ритуальное убийство-жертвоприношение богине. «В частной жизни туги отличались исключительной скрупулезностью и добросовестностью в смысле выполнения своих кастовых и ритуальных обязанностей… Методика хладнокровного, бесстрастного убийства была отработана во время многочисленных инициаций, т. е. ритуальных посвящений, причем посвященные владели техникой раздвоения личности, психологического самоотчуждения».[155] Феномен самоотчуждения связан непосредственно с особенностями личности, отсутствием персоналистической, индивидуальной идентификации.

Третьей отличительной особенностью религии и культуры индуизма является трансперсональная, надличностная система ценностей, воплощенная в категории кармы. «Центральной идеей индуизма, определяющей характер цивилизационно-доминирующей традиционной соционормативной культуры Индии, является учение о “карме” – вера в перевоплощение человека в зависимости от поступков, совершенных им в прошлых рождениях, и накопленных или растраченных заслуг в исполнении дхармы в земной жизни».[156] Понятие кармы непосредственно связано с понятием закона, дхармы, предписаний для человека. Если в западной традиции закон морально основывается на понятии «божьего суда» и «мучений грешников после смерти», то карма ориентирована опять-таки не на конкретную личность как социальное образование, но на непрерывность и предопределенность бытия в следующем существовании.

Таким образом, индивидуальная «личность» как элемент сложной системы «общество – личность – культура» в индуизме ставится вне пространственно-временных категорий «надличностью», или «трансперсональной» сущностью, исполняющей свою дхарму, закон. Как отмечалось, такая особенность идентификации позволяет проявляться специфическому психологическому феномену самоотчуждения, связанному на Востоке со многими нетрадиционными для культур Запада проявлениями человеческой жизнедеятельности. В Японии это смертники-камикадзе и ритуалы харакири, в Индии «сати» – ритуальное самосожжение жены после смерти мужа. Близко к этому феномену стоят методы современных чеченских террористов-смертников.

Рассматривая специфику интерпретативного подхода в сравнительных исследованиях, понятие нормы было отнесено к социальным институтам контроля и выработке самоконтроля поведения в рамках социальной личности. Однако социальные

институты Востока больше ориентированы не на контроль поведения как такового, а на контроль и самоконтроль сознания, в результате чего вырабатывается волевая регуляция не только поведения, но и состояний сознания. Многочисленные сексуальные практики ритуального характера в тантризме, сопровождающиеся приемом психоделических средств, имеют целью также достижение контролируемых измененных состояний сознания.

Точная датировка морально-правовых сводов – дхармашастр затруднительна, так как они передавались устным способом, и даже относительно поздно датированные тесты представляют собой древнейшие пласты культурного наследия.[157] В данных текстах, в первую очередь, прописываются институты семьи и брака. При этом институт семьи, как отмечалось, в отличие от других цивилизаций, является этапом на жизненном пути индивида, и, соответственно, институт брака имеет свои особенности. Кроме ритуальных форм сексуального поведения дхармашастры содержат описание тех форм такого поведения, которые нарушают дхарму, и лишь немногие из этих «противозаконных», с позиции индийского традиционного права, форм поведения имеют «криминальный» характер в западной традиции права. Во многом трактовка этого «противозаконного» поведения сближает эти формы с современной расширенной трактовкой «сексуального домогательства» (sexual harassment) американского законодательства. Как отмечает А. И. Ковлер, судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации, «американские суды завалены исками в связи с “сексуальными домогательствами” словом, жестом, взглядом, что стало манией преследования миллионов женщин и мужчин, схожей с массовым психозом».[158]

Наиболее известными из дхармашастр являются «Законы Ману». В них прописывается стандарт приоритета мужчин: «В детстве ей (женщине) полагается быть под властью отца, в молодости – мужа, по смерти мужа – сыновей; пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью» (5:148) и «Муж, даже чуждый добродетели, распутный или лишенный добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем, как бог» (5:154).[159] В другом сочинении – «Артхашастра» отмечается: «Уча жену послушанию, допускается три удара по спине тростниковой палкой, веревкой или рукой» (III.3.8).[160]

Среди наиболее запрещенных и подвергаемых суровой каре форм сексуального поведения следует отметить: инцест, прелюбодеяние, причем последнее носит квалифицированный характер в зависимости от кастовости, и «связь с женщиной

против ее воли» – изнасилование.

В «Нарада-смрити»: «Нельзя вступать в брак с родственниками по отцу и по матери до седьмого и до пятого колена соответственно, с принадлежащими к той же торте или к той же праваре» (12:7).[161] «Горта» и «правара» – родственность на основе ритуальных предков во время совершения ритуалов, точно так же как в христианской традиции семьи крестных отца и матери входят в круг инцестных запретов. По «Законам Ману» кровосмесительные связи, так же как насилие над супругой гуру, подвергались различным видам сурового наказания. «Виновного могли заставить лечь на раскаленную железную кровать или обнимать раскаленную металлическую статую женщины; ему могли отрезать гениталии и заставить ходить, связав ему руки, до тех пор, пока тот не свалится замертво».[162] Полный перечень табуированных в отношении сексуального поведения женщин дается в «Нарада-смрити»:

12:72 «Мать, сестра матери, теща, жена брата матери, сестра отца, жена брата отца, жена друга, жена ученика, сестра, подруга сестры, сноха»;

12:73 «Дочь, жена учителя, женщина из той же торты, находящаяся под его опекой, царица, отшельница, кормилица и благочестивая брахманка»;

12:74 «Сошедшийся с какой-либо из этих женщин считается “осквернителем ложа гуру”. Для него не должно быть иного наказания кроме оскопления».[163]

Прелюбодеяние понимается в традиционном индийском праве достаточно широко, и его определения и трактовка встречаются практически во всех драхмашастрах и комментариях к ним и при этом практически сходны в интерпретациях.

В «Нарада-смрити» прелюбодеяние определяется:[164]

12:60 «Сведущие люди называют прелюбодеянием связь с охраняемой женщиной в чужом доме, но не когда женщина сама пришла в дом»;

12:62 «Свидание, беседа и развлечение с чужой женой наедине в неположенное время или в неположенном месте – вот три признака прелюбодеяния»;

12:63 «Если мужчина и женщина встречаются у места слияния рек, у священного источника, в роще или парке, – это следует считать прелюбодеянием»;

12:64 «Прелюбодеяние может быть установлено также по отправке посредницы, посылке письма и другим поступкам»;

12:65 «Если кто трогает женщину за неподобающее место или позволяет ей трогать себя, – все это, совершенное при обоюдном согласии, также считается прелюбодеянием».

Наказания различны для мужчины и для женщины. Так, для мужчин:

12:69 «За связь с женщиной, равной по варне, – высший штраф сахаса; если она ниже по варне – средний штраф, если выше – смертная казнь». И соответственно наказания для женщин:

12:91 «В случае прелюбодеяния жены наказание для нее – обритая голова, ложе на земле, дурная пища, плохая одежда и работа по уборке нечистот».

В «Ману-смрити» даются сходные определения прелюбодеяния:

8:356 «Кто любезничает с чужой женой в уединенных местах, где берут воду, в лесу, должен считаться виновным в прелюбодеянии»; однако оно отличается значительно более суровыми санкциями. Так, для мужчин:

8:359 «Небрахман, виновный в прелюбодеянии, заслуживает смертной казни».

Для женщин:

8:371 «Если женщина изменяет своему мужу, пусть царь прикажет затравить ее собаками на людном месте».[165]

В «Вишну-смрити» за прелюбодеяние с женой учителя определяется наказание в виде клейма на лоб «знак женского органа».[166] Кроме того, определяется широкий спектр наказаний за другие противозаконные формы сексуального поведения:

5:40 «Прелюбодей за связь с женщиной той же варны заплатит пусть штраф высшего вида»;

5:41 «За связь с женщиной низшей варны – средний»;

5:42 «И за соитие с коровой»;

5:43 «За связь с неприкасаемой – смертная казнь»;

5:44 «За скотоложство пусть заплатит штраф в сто каршапан».[167]

Нужно отметить, что выделение «скотоложства» и «соития с коровой» в различные «составы преступлений» связано с особым статусом коровы в индуизме как священного животного.

Изнасилование, или «связь с девицей против ее воли», наказывается в соответствии с «Нарада-смрити»:

12:70 «…отрубанием двух пальцев, а если она из высшей Варны – казнь и конфискация имущества».[168]

Отдельное рассмотрение *китайской цивилизации* необходимо по причине ее особенной роли для всей Восточной Азии. «Роль китайской культуры для народов Азии можно сравнить с ролью античной Греции для народов Европы».[169] Кроме того, китайская мысль «сумела достичь заметного расцвета, сравнимого по своему многообразию и изяществу идей лишь с достижениями Греции и

Индии».[170]

Культура данной цивилизации представляет собой сплав конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма.

Другой определяющей спецификой китайской цивилизации является недоверие к формальному праву и писаным законам, обозначаемым термином «фа», и приоритет «ли», т. е. моральных норм регуляции как индивидуального поведения, так и социального порядка. Система китайского права представляет систему прав-обязанностей, а не прав-свобод, как в европейском понимании.

Понятие «жена» передается в китайском иероглифическом письме комбинацией иероглифов «женщина» и «тряпка для вытирания пыли». «Последнее символизирует не только ответственность за чистоту в доме, но и компетенцию устанавливать правила соблюдения этой чистоты и обеспечивать их выполнение, в том числе и со стороны мужа».[171] В противоположность европейской традиции права, формировавшейся как частное право, китайское право даже в вопросах бытового характера и моральных категорий носит выраженный публично-правовой характер.

Понятие личности является наиболее сложным в результате одновременного существования различных религиозно-философских систем, выполняющих роли идеологии и определяющих культуру. Даосизм, ориентированный на внутренний мир человека, близко стоит к буддистским воззрениям, выдвигая на первый план принцип «неделания» (у-вэй). Смысл этого принципа заключается в едином закономерном развитии вещей, в которое не следует вмешиваться. Тем самым нивелируется полностью какое-либо активное начало в личности. Положительным моментом этого является прямое следствие – ненасилие, противление и непринятие любых форм насильственного поведения. В конфуцианской традиции личности отводится «срединный путь», и ее социальное функционирование осуществляется посредством следования ритуалам. Однако, как и в других восточных культурах, персоналистическая личность, ее противопоставление окружающему отсутствуют. Поэтому основу социального функционирования составляет клан.

Представление о личности в китайской цивилизации кратко можно резюмировать так: «“настоящий человек” (принадлежащий традиции даосизма) и “достойный муж” (идеальный человек в конфуцианстве) обозначают два полюса человеческого совершенства: полноту бытия, постигаемую во внутреннем узрении “раскрытого сердца”, и безупречную вписанность в сеть космических и социальных отношений. Соответственно в

китайской культуре отсутствовало понятие личности, правового субъекта действия и даже физического индивида. Человек в Китае осмыслялся, с одной стороны, в категориях телесной интуиции, уводящей к всеединству первозданного Хаоса, а с другой – как “лицо”, которое выражает одновременно претензии на обладание определенным статусом в обществе и признание этих претензий другими».[172] Еще М. Вебер отметил, что китайская культура и цивилизация подавляют в человеке стремление к целостной личности.[173] Человек и окружающий мир представляются изоморфными друг другу, и если мировой порядок определяется законом Дао, то и человек должен следовать этому закону (аналогично в индийской цивилизации это закон дхармы).

Отсутствие персоналистической личности характерно не только для цивилизаций Востока, но и для всего традиционного общества. Аналогично в античном мире «персона» – это маска, надеваемая актерами, личина, т. е. то, что позволяет скрывать внутреннее. Модус существования человека в традиционном обществе принципиально отличен от современного индустриального и постиндустриального типа. Самодовлеющее и самосознающее «Я» полностью отсутствует, оно изоморфно изменениям, происходящим в окружающем мире, оно «неопределенное, подвижное, играющее разными красками, переливчатое место пересечения вселенских сил, узел сложных связей и текучее присутствие жизненных свойств, потенциально неисчерпаемых и разнообразных во всех своих проявлениях, как тот космос, сколком с которого он является».[174]

Внутреннее непостоянство человека противостоит внешнему организующему началу традиции и ритуалу, которые способны придать упорядоченность миру и дать возможность ориентироваться в нем. У Конфуция традиция создается благодаря единству жизненной спонтанности и моральному усилию. Обучение, передача традиции предполагали полную вовлеченность субъекта – поведенческую, эмоциональную, интеллектуальную, духовную. «На Востоке учитель и ученик вместе образовывали как бы некую сверхличную цельность. Каждая из сторон, чтобы стать собой, нуждалась в другой: учитель действительно становился учителем, лишь имея ученика».[175] Сущность традиции, как отмечал В. С. Семенцов, состоит не в передаче некой суммы знаний или опыта, а в духовном воспроизводстве личности учителя, причем духовное рождение связывалось с идеей истинного бессмертия.[176] Таким образом, личность как духовное воспроизводство в ряду поколений предстает как диахроническая структура, социально наследуемая.

Этот феномен социального, негенетического наследования отражен в восточной философии в понятии «дваждырожденный». Второе рождение связывалось с ритуалом инициации, посвящения, распространенного внутри варн, каст, кланов. «Учитель заставляет ученика родиться посредством священного знания. Это второе рождение – наилучшее. Отец и мать ученика порождают лишь тело», – говорится в древнеиндийском трактате Апастамбха-дхармасутра. Соответственно духовное наследование находит отражение и в законодательстве. Так, в Законах Ману отмечено, что из двух отцов – дающего физическое рождение и дающего знание веды – почтеннее отец, дающий знание веды; ведь рождение, данное ведой, вечно и после смерти и в этом мире. Такая «личность» становится, по Законам Ману, и отдельным субъектом права. Так, глава 8:68 отмечает, что против дважды рожденного может свидетельствовать только дважды рожденный.[177] Аналогично обряды инициации и посвящения были широко распространены в цивилизации Древнего Египта и античном мире, осуществляя традицию, заключенную в духовной преемственности поколений и выработке «трансперсональной» личности традиционного общества. В. В. Малявин отмечает: «Китайский ритуализм исключал столь привычное на Западе понятие целостной личности и даже индивида (как “неделимой сущности”). Личность в китайской культуре мыслилась по законам и конфигурации телесного опыта, но телесность выступала не как “физическое тело”, противоположность сознания, а как принцип органического бытия, “одного движения мироздания”, предполагающего плюрализм восприятия мира и соотнесенность разных жизненных миров».[178] «Тело-личность» выступало как представитель эстетизированных ритуальных отношений к окружающему. Телесное как органическое бытие и как личность представляет частицу рода, «звено в бесконечной цепи поколений» и является прообразом семьи и государства. Тогда нормы поведения – это и нормы всеобщего закона и груз ответственности перед всем родом, не только живущим, но и предками. Социальное бытие личности получает телесное измерение и предстает как «лицо» – то, чем оно является для других. «Личность в Китае проявляет себя только через сетку типизированных форм, соотнесенных с нормами культуры (ритуалами). Лицо – выражение социального статуса, и его можно потерять помимо своей воли».[179] Тогда выражение «потерять лицо», т. е. совершить ненормативное, неритуальное действие, означает гораздо большее, чем понятие греха и вины в западной цивилизации.[180] «Лицо» – это отражение социального статуса, претензия человека на власть и связанные с этим обязательства

перед обществом, это публичная маска, «личина», прописываемая этикетом.

Специфика представлений о человеке в китайской культуре находит отражение практически во всех сферах жизнедеятельности, возраст человека исчисляется не с момента его рождения, а с момента зачатия. Отсутствие «дней рождения» совмещается с празднованием Нового года, «рождением нового мира», соединяя человека и окружающее в «одно движение мироздания», и индивидуальный линейный отсчет времени-возраста отступает на задний план, уступая место цикличности. Человек ориентируется не на внешнее время, а сливается с ритмом своих внутренних биологических часов. Взросление автоматически повышает социальный статус индивида, с одной стороны, с другой – он определяется «тенью предков», их ролью в социальной жизни. До трехлетнего возраста ребенок не считается «личностью», и ему не устраивают похорон, однако это не свидетельствует о безразличном отношении к нему, просто он считается как бы продолжением тела матери. Такое представление о личности проявляется и в сексуальном поведении, «женщина в старом Китае была либо частью интимного мира семьи, либо вообще находилась за бортом общества. Обычай и законы общества требовали от нее полной покорности мужчине».[181]

Среди особенностей культуры китайской цивилизации, определяющей специфику сознания, в первую очередь, нужно отметить иероглифическую, символическую письменность, воспринимаемую, по мнению современных психологов, не только сознанием, но, прежде всего, на уровне бессознательного. Тогда с психологической точки зрения это более соответствует процессам мироощущения и миропонимания, нежели понятию восприятия в западной психологии. Такое мироощущение ориентировано на зрительную модальность, в противоположность знаковой, словесно-вербальной модальности. Созерцательная направленность психических процессов в отношении сексуального поведения ведет к широкому распространению в китайской культуре эротических картинок, так называемых «весенних альбомов». Их предназначение – «возбуждать желание вглядываться, то есть совлекать покровы с видимого мира, “подсматривать”. Это их назначение подчеркивается частым присутствием на подобных картинках третьих лиц, наблюдающих за влюбленной парой, иногда даже детей. Во всяком случае вуайеризм – один из важнейших мотивов китайской эротики, ориентированный на самоконтроль и сдерживание страсти».[182] Фигуры партнеров на таких картинках изображены с нарушением

пропорций человеческого тела, «зато детородные органы выписаны во всех подробностях и увеличены в размерах».[183] В современной правовой трактовке такие изображения однозначно расценивались бы как порнографические, и распространение их подпадало под действие как международного уголовного права, так и большинства национальных уголовно-правовых систем, обоснованием чему является распространенное мнение, что подобная продукция способствует распространению сексуального насилия. Однако для китайской цивилизации, как отмечает В. В. Малявин, в процитированном отрывке они ориентированы на самоконтроль и сдерживание страсти.

Общество как социальная система содержит понятия семьи и клана, причем последний выступает как основная социальная единица, тогда как семья имеет второстепенное значение. Термин «семья» обозначается иероглифами «крыша дома» и «свинья», что отражает экономическое и ритуальное значение, так как свинья выступает у китайцев главным жертвенным животным. В. В. Малявин при описании китайской цивилизации отмечает преобладание на протяжении всей истории малой семьи, что не характерно для обществ аграрного или традиционного типа.[184] Однако понятию большой семьи традиционного общества, так называемой extended family, больше соответствует социальное единство, обозначаемое как клан, который можно определить как supra-family. Клан в юридической антропологии понимается как объединение потомков реального предка, живого или умершего, с предком мифическим, который в традиционных обществах часто выступал в неантропоморфном, тотемном виде.[185] Клан в Китае включал всех мужчин, имевших общего мужского предка, и имел организующее ядро – культ или ритуал умерших предков и свои собственные социальные институты: храм предков, школы, фонды и собственный устав, который был писаным сводом норм поведения. Клан – это системы родства, основанные «на крови», т. е. биологического характера, в то время как семья основана на социальном институте брака. Нарушение норм поведения внутри клана предусматривало как воспитательные меры воздействия, так и исключение из клана как крайнюю меру. Несмотря на обилие религиозно-философских систем, клан основывался на ритуале почитания предков и являлся устойчивым социальным образованием, сохраняющим свое значение и в настоящее время. Его роль в социальном нормировании поведения огромна. Семья выступает элементом клановой структуры, а не элементом общественной, государственной организации, как в культурах Запада.

Институт брака носит договорной характер сделки и

заключается между семьями, поэтому за невесту платится выкуп, в свою очередь для невесты выделяется приданое. Добрачное сексуальное поведение считалось недопустимым, и «женщины, уличенные в распутстве, навсегда теряли свое лицо».[186] Обряд брака связан с ритуалом предков, так как совершается в их храме. Иногда брачный договор мог происходить до рождения жениха и невесты. Не допускались к вступлению в брак однофамильцы, «хотя бы они выше ста колен не имели никакого родства между собой».[187]

Расторжение брака возможно потенциально, иногда даже «когда муж и жена по несходству в правах и склонностях добровольно желают развестись»,[188] однако в реальности для получения развода мужу необходимо было доказать, что жена: 1) не родит сыновей, 2) сладострастна, 3) не почитает свекра и свекровь, 4) вздорлива, 5) имеет страсть к воровству, 6) имеет злое сердце или 7) прилипчивую болезнь. При этом существовал целый ряд моментов, которые даже при наличии перечисленных причин делали расторжение брака невозможным: 1) если жена носила с мужем трехгодичный траур, 2) если муж после женитьбы получил чин или составил состояние и 3) если близкие родственники по отцу жены умерли.[189] Указанные моменты, соответственно, делали возможность развода явлением исключительным в жизни китайцев.

В императорскую эпоху вдовам запрещается вторично выходить замуж, морально поощряется культ суицидального поведения или нанесения себе увечий в знак преданности умершему супругу.[190]

Сексуальное поведение, нормативное только в рамках института брака, выступает как средство целостного отношения к миру и соединяет в себе три различных измерения: во-первых, мораль, ибо предполагает чувственную основу; во-вторых, откровение, заключенное в эстетических качествах; в-третьих, является разновидностью телесной гигиены.[191] Следует отметить, что, несмотря на его чувственность и многообразие форм проявления, сексуальное поведение интегрировано внутрь института семьи и регулируется нормами клана. Самым страшным наказанием для женщины выступало принудительное возвращение в родительский дом. Основными причинами такого возвращения могли выступать: бесплодие, распутство, непочтительное отношение к родителям, болтливость, воровство, ревность и дурная болезнь.[192] Свидетельством клановой регуляции социальных норм в отношении сексуального поведения является случай, описывающий некого Фэй-ди, «который безрассудно предавался оргиям с женщинами и

евнухами», в последующем он был убит собственными родственниками.[193] В конфуцианстве отношения мужчины и женщины традиционно носили ритуальный характер. «Скромность – краеугольный камень добродетели, покорность – самое правильное поведение жены», – говорится в учении Конфуция.[194]

В историческом аспекте можно рассматривать изолированно социальные стандарты регуляции и контроля сексуального поведения относительно гендерной специфики. «Восточная схема» контроля поведения женщин путем их социальной изоляции вела к гендерному превосходству мужчин как в частной, так и в публичной жизни.

Правовая регуляция сексуального поведения, по мнению Р. Тэннэхилл (1995), оформляется не ранее XIII в., и так как право синкретично морали и добродетели, то возникают так называемые «Таблицы достоинств и недостатков». Наиболее известная таблица под названием «Ши-чи-кунь-куо-лу» содержала третью главу, относящуюся к определению степени выраженности недостатков (аморальности) или грехов сексуального поведения.[195] Согласно этой таблице изнасилование замужней женщины составляло 500 грехов, жены слуги – только 200, вдовы или девственницы – 1000, проститутки – 50, монахини – грехи бесчисленны. Для сравнения: убийство было равносильно 1000 грехам. В противоположность, например, русскому средневековому праву сексуальные преступления против вдов рассматривались как гораздо более тяжкие, что связано с почитанием старших, сохраняющимся до настоящего времени. Муж, уличивший жену в прелюбодеянии, имел право на выбор либо продать ее, либо оставить у себя.

Однако следует отметить, что мнение Р. Тэннэхилл не совсем точно совпадает с имеющимися в литературе данными. Синкретичность морально-правовых норм регуляции сексуального поведения, на наш взгляд, связана с временем завоевания Китая Чингисханом и его потомками, тогда как до указанного периода в рамках традиционного китайского права династий Тан и Сунн (VII–XIII вв.) существовало систематизированное законодательство относительно сексуальных преступлений. Анализ китайских средневековых кодексов «Тан люй шу» (653 г.) и «Сунн син тун» (963 г.), проведенный в исследовании Е. И. Кычанова (1986), позволяет выделить три вида противозаконных половых связей: совращение («цзянь»), прелюбодеяние («хэ цзянь») и изнасилование («цян цзянь»).[196] Под прелюбодеянием понималась сексуальная связь, происходившая с взаимного согласия. Наказание в полтора года

каторжных работ применялось одинаково как к мужчине, так и к женщине. При этом отягчающим вину обстоятельством выступает брак одного из участников криминального сексуального поведения, что увеличивало меру наказания до двух лет.

Совращение – сексуальные отношения, которые могли иметь место между свободными людьми, не состоящими в отношениях родства, руководителями и подчиненными и лично-свободными с лично-несвободными. Криминальность такого поведения должно предполагать «какие-то отступления от норм морали, вызванные обольщением одного лица другим, с одной стороны, и уступчивость другого лица ввиду его социального положения и т. д. – с другой»,[197] при этом отсутствует момент обоюдного добровольного согласия («хэ»). Санкции за совращения носили более дифференцированный характер, по сравнению с прелюбодеянием, и зависели от социального положения, личной свободы и родственных отношений между участниками сексуального поведения. Совращение одним лично-свободным другого лично-свободного, с которым он не состоял в родстве, по санкции не отличается от прелюбодеяния. Совращения родственника траура (круг родственных связей в средневековом Китае определяется лицами, связанными обязательствами ношения траура, т. е. культом предков), жен родственников траура, дочери жены от ее первого мужа, сводного брата или сестры, сестер, наказывается тремя годами каторжных работ. Следующий круг родственников включал жен братьев, деда, сестер деда, жен братьев и жен племянников матери, и наказанием за их совращение предполагалась ссылка за 2 тысячи ли. Совращение наложницы отца или деда, дочерей братьев, жен племянников от родных сестер, жен дядей по отцу наказывалось удавлением. Если раб соблазнял лично-свободную женщину, он наказывался двумя с половиной годами каторжных работ, если у женщины был муж, то раб подлежал удавлению. Женщина подлежала наказанию, меньшему на одну степень. Наоборот, если лично-свободный совращал рабыню, он наказывался 90 толстыми палками. Раб, совративший рабыню, получал такое же наказание.

Изнасилование («цян цзянь») не предполагало уголовной ответственности со стороны женщины, в отличие от прелюбодеяния и соблазнения. По сравнению с указанными преступлениями наказание носит более строгий характер и дифференцируется в зависимости от того, были ли причинены женщине травмы или ранения. Лично-несвободные (рабы, буцюй), совершившие изнасилование, наказывались на одну степень больше, чем лично-свободные. Если раб изнасиловал свободную женщину, он подлежал ссылке, если он при этом причинил

женщине травмы, он подлежал удавлению.[198] Интересной особенностью указанных кодексов являются отдельно прописанные меры наказания за изнасилования родственником родственницы и лично-несвободным его хозяйки. В этом плане средневековое китайское законодательство опережало многие уголовно-правовые нормы XX в. Изнасиловавший родственницу, определяемую кругом траура, подлежал ссылке за 2 тысячи ли, а если при этом пострадавшей были причинены телесные повреждения – подлежал удавлению. Изнасилование более близких родственников (жен братьев деда, сестер деда, жен двоюродных братьев отца, двоюродных сестер отца, сестер матери, жен братьев матери) каралось удавлением. Таким образом, правовая регуляция сексуального поведения предусматривала наиболее суровую ответственность за нарушения норм, основанных на иерархических отношениях внутри социальных структур.

Еще одной нормой уголовного права средневекового Китая, которую необходимо выделить отдельно, является ответственность должностных лиц за совращение женщин, находившихся в сфере их административных прав и обязанностей. Естественно, напрашивается прямое сравнение со ст. 133 УК РФ (понуждение к действиям сексуального характера), действие которой в современное время достаточно скромно, так как количество лиц, привлеченных по ней к уголовной ответственности, остается низким, а уровень латентности наиболее высоким среди других сексуальных преступлений. Совращение должностным лицом свободной женщины, не имевшей мужа, увеличивало меру ответственности на одну ступень. Если женщина носила траур по родителям или мужу, а также была монахиней, мера наказания увеличивалась на две ступени. За совращение свободной незамужней женщины чиновник получал два года каторги (ер. санкцию по ст. 133 УК РФ – штраф в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, *либо исправительные работы на срок до двух лет* (выделено нами. – *Н. И.*), либо лишение свободы на срок до одного года), а если женщина имела мужа, то мера наказания равнялась двум с половиной лет каторги. Кроме того, как отмечает Chen Paul Heng-chao (1979), во время правления династии Юань за незаконную половую связь с женой подчиненного чиновник не получал права на откуп от наказания и права на зачет меры наказания рангом, должностью или титулом, что было возможно при совершении чиновником других преступлений.[199]

Если учесть, что в рассматриваемый период истории Китая до

монгольского завоевания в уголовном праве отсутствовало наказания за гомосексуализм, лесбиянство и сексуальные действия с животными, то система уголовно-правовой регуляции сексуального поведения синхронична современным системам.

Одним из наиболее тяжких преступлений до XIX в. включительно в Китае остаются кровнородственные (инцестные) сексуальные связи. Кровосмешением (нэй-луань) считалось прелюбодеяние с родственниками до четвертой боковой линии и наложницами деда и отца. Кроме того, в законе оговаривалось, «кто женится на наложнице, оставшейся после деда или отца, или на своей тетке – жене родного брата по отцу, тот присуждается к неотлагаемому отсечению головы; а женившийся на жене после родного брата своего приговаривается к удавлению».[200]

Современное уголовное законодательство Китая рассматривает криминальные формы сексуального и связанного с ним поведения в 4-й главе УК (Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан): ст. 236 – изнасилование и развратные действия к лицам женского пола моложе 14 лет, приравниваемые к изнасилованию; ст. 237 – принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами.[201] Кроме того, УК КНР, ст. 358–361, предусмотрена ответственность за преступления, связанные с организацией, принуждением, вовлечением в занятие проституцией, представлением помещения для этой цели и сводничеством, а ст. 363–367 УК КНР – за преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции.[202]

Таким образом, независимо от факторов культуры и религиозно-философских представлений той или иной цивилизации, для традиционного общества блуд, прелюбодеяние и инцест выступают универсальными запрещенными формами сексуального поведения, в то время как в современных УК такими формами являются сексуальное насилие, проституция и порнография.

б) Античный мир (Древняя Греция и Рим)

Античный мир в большинстве гуманитарных и естественнонаучных исследований выступает как точка исторического отсчета, от которой идет непрерывный прогресс цивилизации западного типа. При этом в идеализированную модель античности как истока науки, искусства, философии и

права плохо вписываются особенности сексуального поведения, поэтому в большинстве случаев гуманитарии предпочитали либо обходить их стороной, либо критиковать в рамках морали своего времени, как, например, историки XIX в., либо снисходительно относиться, ссылаясь на давность лет. К таким особенностям сексуального поведения относятся педофильная гомосексуальность и проституция. Эти феномены были широко распространены во всем Древнем мире, но они оставались в тени и не носили институционального характера, как в Древней Греции. Кроме того, они были интегрированы с другими социальными институтами, а именно: педофилия с воспитанием, образованием и воинским искусством, проституция с государственной экономикой и политикой.[203]

Женщина в Афинском государстве лишена гражданских прав, в том числе и заключения брачного договора. Создание семьи и брак было делом, в первую очередь, государственным, так как бездетный афинянин не имел всей полноты политических прав, он не мог быть избран архонтом или стратегом. Поэтому при отсутствии детей муж отсылал жену обратно к родителям. Развод по желанию мужчины осуществлялся незамедлительно, и дети оставались с ним.

Внебрачное сексуальное поведение для мужчин скорее выступает правилом, постоянная наложница при этом даже обладала правом на наследование имущества по завещанию. Кроме наложниц не воспрещалось иметь многочисленных рабынь-любовниц. Демосфен так распределил функции женщин: «Гетеры даны для удовольствия, наложницы для повседневных нужд и жены для законных детей и присматривать за хозяйством».[204]

В разнообразной и богатой событиями общественной жизни женщины участия не принимали, их выход в город происходил для участия в ритуальных шествиях на праздниках, похоронах или свадьбах. Считалось, что женщина может выйти на улицу, когда будут спрашивать, чья она мать, а не жена.[205]

В целом афиняне больше презирали глупость, чем порочность, и в этом отразился основной идеал рациональности. Политическая и экономическая свобода, процветавшая на уровне городов-государств определенного психического склада личности, где на первый план выступал практический ум. Описывая Афинское государство, В. Дюрант отмечал: «Афиняне не могут жить без конкуренции и подстегивают друг друга с помощью почти безжалостного соперничества».[206] Дух индивидуального соперничества отмечался во всех сферах жизнедеятельности – от экономической торговли, процветавшей в силу географии Средиземноморья, до спортивных состязаний.

Политическая и экономическая свобода приводит к понятию индивидуальной личности как гражданина и демократии как формы власти. Социальные структуры становятся для свободного гражданина потенциально открытыми и не зависят от институтов родства и брака. Развитие «диалогической» философии ведет к трансформации мифологического, коллективного и архаического сознания, к сознанию рефлексивному, индивидуальному. Указанная особенность сознания определяет культуру Древней Греции и развитие западной цивилизации на всем ее историческом протяжении до настоящего времени. Брак носит рационализированный характер, в его основе – экономические и государственные отношения. Для чувств и эмоций, «эроса», с которыми в первую очередь связывается сексуальность, существует широкая возможность внебрачного сексуального поведения. Поэтому брак вменяется в обязанность в законодательном порядке.

Проституция в Древней Греции оформляется в развитый и дифференцированный социальный институт. «Жрицы любви» имеют различные социальные статусы: pornai – живущие в общедоступных публичных домах и имеющие наиболее низкий социальный статус; флейтистки, или авлетриды, – кроме сексуальных услуг обеспечивали музыку на праздниках (соотносимы с современными «девушками по вызову»), и гетеры. Последние принимали клиентов в своих собственных домах и имели наиболее высокий социальный статус, вращаясь в кругах философов и политических деятелей.[207]

Прелюбодеяние рассматривается греками как запрещенное законом поведение только при условии связи с замужней женщиной и должно караться смертной казнью. Но данная норма, как отмечает В. Дюрант, практически никогда не приводится в исполнение, и наказание ограничивается «поручениями поколотить греховника, иногда довольствуются денежной компенсацией».[208] Такая ситуация в отношении к закону возможна только при условии политеизма, индивидуальной личности и позитивного понимания права; в условиях христианского монотеизма и восточных культур закон соблюдается неукоснительно, он представляет ритуализированный императив, так как является сакральным, божественным откровением (законы Моисея или суры Корана) или законом мироздания (принцип Дао).

Несмотря на то, что большинство западных исследователей сексуального поведения Древней Греции представляют педофилию как широко распространенное и узаконенное явление, это мнение можно считать достаточно спорным. Закон Скантия,

относящийся по времени к IV в. до н. э. (поводом к его изданию послужила попытка насильственного мужеложства в отношении сына патриция, Метелла), карал преступников за насильственное покушение на достоинство свободнорожденных граждан. По этому Закону за совершение акта педерастии над свободнорожденным Публицием был осужден римлянин по имени Папирий. Моргус, военный трибун, был осужден за то, что совершил акт мужеложства в отношении офицера легиона. Центурион Корнелий был проведен сквозь строй за то же деяние, совершенное им в отношении гражданина своего круга.

Однако, согласно этому же Закону, насиловать рабов и илотов не воспрещалось. Участие в мистериях Диониса, сопровождавшихся ритуальным промискуитетом, было закрыто для детей моложе 14 лет. Законодательно было запрещено выпускать детей из «школ» после захода солнца и до рассвета. Соответственно сексуальное поведение в отношении детей имело законодательно регламентированный характер.

Социальная структура в Древнем Риме представлена родом, и семья является производной от этого понятия. Род объединяет потомков реального предка и является, по мнению Н. Рулана, промежуточным образованием между кланом и потомством.[209] Если клан в китайской цивилизации основан на культе предков и обращен в прошлое, к традиции, то род римской цивилизации ориентирован на настоящее. Семья (лат. familia) представляет собой общность людей, живущих в одном доме, включая рабов и слуг, и, соответственно, большая часть членов не связана биологическим родством. Если клан существует независимо от членов, входящих в него, и имеет свои социальные институты, род реализуется только по отношению к конкретному индивиду. Таким образом, родственная сеть является эгоцентричной по отношению к каждому входящему члену, что может являться одним из источников формирования индивидуальной личности западного типа. Клан патрилинеен, преемственность прослеживается только по мужской линии. Род билатерален или когнатичен, так как включает родственников патрилинейных и матрилинейных. Тогда понятия экзогамии и эндогамии как института брака могут в значительной степени варьироваться применительно к роду. Члены семьи имели мало прав как индивиды, любые преступления карались внутри семьи или улаживались между заинтересованными семьями.[210] Род (gens) объединял значительное количество семей, главы объединенных семей назывались pater, т. е. глава домохозяйства, человек, имеющий власть. Таким образом, понятие отца не имело отношения к биологии, а связано напрямую с властью. На основе

власти шло образование социальных страт – патрициев, клиентов, плебеев и рабов. Браки между патрициями и плебеями были запрещены.[211]

Разделение римского права на публичное и частное привело к тому, что институт брака стал со временем носить семейный характер и не был связан со жрецами или светскими чиновниками. Как и в большинстве других обществ, эволюция брака в античном мире шла от выкупа за невесту (coemptio) к противоположному – получению приданого (dos). Такая экономическая динамика брака, связанная с изменяющимся спросом на женихов и невест, несет значительные правовые изменения. Выкуп невесты означал передачу юридической власти над ней мужу как главе будущей семьи, последний однозначно имел доминирующую позицию, власть. Женщина в традиционном обществе за редким исключением самостоятельным юридическим лицом не являлась и должна была всегда находиться под властью мужчины – мужа, отца, брата. Такое положение в римском праве носит называние “cum manu”, «под рукой». Брак – это передача власти от одного мужчины (брата, отца) другому (мужу). С III в. до н. э. появляется принципиально новая форма брака – брак “sine manu”, «брак без руки», без передачи власти. Таким образом, жена остается под властью своей семьи (familia), несмотря на патрилокальный характер брака. Муж получает приданое, но не власть.[212] Латинское слово “manus” (рука) семантически означает не только власть как проявление доминирования/подчинения, но и опеку, защиту, покровительство. Современные биологи практически единодушны во мнении, что сексуальность и самосохранение, наряду с пищей, являются основными биологическими потребностями человека как вида Homo sapiens. Если в основной массе традиционных обществ все эти потребности могли быть удовлетворены в рамках социального института «большой» семьи и человек оказывался даже неосознанно полностью от него зависимым, то здесь происходит разделение сексуального поведения и потребности в защите, опеке. Результаты такого разделения сказываются на формировании определенного типа личности, принципиально отличного от восточных цивилизаций. Становится возможным личностный выбор брачного партнера, т. е. свобода и личная симпатия, наряду с добровольностью, являются определяющими в выборе, в противоположность такой ситуации, когда брачная сделка заключается между главами «семей» и будущие супруги впервые видят себя после свадьбы. Римская формула гласит – “nuptias consensus non concubitus facit”.[213] Однако во время брачной церемонии совершался ритуал символического

похищения невесты как память об отдаленном прошлом: «… делали вид, будто девушку похищают из объятий матери, а если матери нет, то ближайшей родственницы».[214] Эти факты свидетельствуют о том, что брак как похищение, основанное на насилии, являлся универсальной, ритуализированной формой архаического поведения в древности, отражавшей синкретизм насильственного и сексуального поведения. Такая архаическая форма поведения может лежать в основе ряда механизмов криминального поведения, совершаемого в состояниях диссоциированного, измененного состояния сознания и в настоящее время.

Существование частного права (personas – персонального) и разделение, дифференцировка власти и сексуальности – отличительные черты, характеризующие античность и формирование персоналистической, индивидуальной личности. Разделение власти и брака сохраняется также в Дигестах Юстиниана (Книга 23, Титул II, § 63): «Префект когорты или конницы или трибун вопреки запрещению вступили в брак с женщиной из той же провинции, в которой он исполнял свою должность; не будет брака. Этот случай можно сравнить с браком (опекуна) с подопечной, так как (в обоих случаях) брак воспрещен в силу наличия власти».[215] Другим моментом, определяющим специфику личностного фактора, является свободная возможность развода, которая для сторон не имела никаких экономических, материальных последствий, – жена забирала свое приданое, а выкуп за нее не платился. Такая форма развода закреплена в формулах “tuas res tibi agito”[216] для мужа и “tuas res tibi habeto”[217] для жены. Развод регулировался не законом, а обычаем, для этого достаточно либо одностороннего желания партнера или взаимного согласия.[218] Сенека писал: «Ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись».[219] Свобода института брака находилась в обратной зависимости в отношении свободы сексуального поведения женщин, что выражалось в тяжести наказания за внебрачную сексуальность. В период республики муж имел право убить жену вместе с любовником, если заставал их на месте преступления.[220]

Если в Древней Греции женщина находилась на своей половине дома и совершенно не участвовала в общественной жизни, в Риме она являлась полноправным членом общества и пользовалась свободой. Эта свобода порождает идеалы или моральные стандарты верности и целомудрия. Если в Греции

Аристотель в «Никомаховой этике» писал, что «мы женимся, чтобы иметь законных детей верного сторожа нашего домашнего имущества», соответственно, ни о каких личностных привязанностях и проявлениях чувств речь не идет. В противоположность этому в Древнем Риме большое значение придавалось чувствам. «Секстия, жена Мамерка Скавра, которому грозил смертный приговор, уговорила его покончить вместе с собой и умерла вместе с ним; Паксея, жена Помпония Лабеона, перерезавшего себе вены, последовала его примеру»,[221] и таких примеров в истории Рима достаточно много. Однако механизм суицидального поведения отличен от такового в восточных цивилизациях и представляет акт волеизъявления, в противоположность ритуалу как должному, императивному.

Отсутствие полигамии, повсеместно распространенной на Востоке, уравновешивалось легитимностью конкубината и проституции. Мужчина мог одновременно иметь жену и наложницу, однако дети наложницы не являлись наследниками отца.

Император Август был одним из первых, кто «морализовал» сексуальность и издал закон, переводящий внебрачное сексуальное поведение из ведения семьи в разряд государственных преступлений. Он сам развелся со своей женой Скрибонией из-за ее «моральной извращенности», ввиду того, что ей не нравилась одна из любовниц мужа.[222] По его законам, если муж обнаруживал, что жена неверна ему, он был обязан развестись с ней, иначе ему полагалось наказание. Неверная жена изгонялась из города и лишалась половины наследства и трети собственности. Муж, имевший любовницу, которая не являлась зарегистрированной проституткой, наказывался за «неестественный порок».[223] Женщина, имевшая троих детей, полностью освобождалась из-под опеки. Помимо этого институт опеки утрачивал свое значение. Уже в конце республики женщина получила полную свободу в частной жизни, как и ее муж. Гай в «Институциях» описывал опекунство в прошедшем времени: «В старину хотели, чтобы женщины и в совершенных годах находились по причине своего легкомыслия (душевной легкости) под опекой».[224] Свобода внебрачного сексуального поведения ставила под угрозу само существование брака как социального института, поэтому в Законе Августа предусматривался обязательный брак. Развитие права позволило уже в те времена найти способы обойти Закон посредством заключения сговора с малолетней девочкой, тем самым отсрочив заключение брака на много лет.[225]

Дигесты Юстиниана определяют брак как общность всей

жизни, единение божественного и человеческого права (Книга 23, титул II, § 1), конкубинат приравнивается к институту брака (Книга 23, титул II, § 24), чем намечается переход к каноническому праву и нарастающее влияние христианского мировоззрения.[226] Перед самым принятием христианства как официальной религии в Древнем Риме происходит изменение сексуальной морали. Сексуальность еще не является грехом, она по-прежнему относится к категории удовольствия, но удовольствия, таившего в себе опасность, сравнимого с удовольствием, получаемым от приема алкоголя. Такая постановка проблемы связана не с религиозными влияниями, а, в первую очередь, с успехами медицины того времени, а именно с легендами о сохранении здоровья посредством различных ограничений, в том числе и сексуальных. Так, Марк Аврелий советует: «Молодым людям вплоть до женитьбы следует сторониться любовных развлечений, не спешить с первым в жизни мужским актом, не прикасаться ни к рабыне, ни к служанке, избегать онанизма, и не только потому, что он действительно истощает силы, но потому, что приводит к преждевременной половой зрелости, которая рискует обернутся “плодом” с червоточиной».[227] Таким образом, налицо медикализация морали и морализация медицины, синхроничная таковой в Европе Нового времени вне зависимости от уровня медицинских, в частности сексологических, знаний. Следовательно, почва для последующего христианского аскетизма и понятия сексуального греха уже полностью была подготовленной. И. Диби (2004), описывая сексуальное поведение в поздний период Рима, пишет: «Человека причисляли к законченным распутникам, если он нарушал три запрета: занимался любовью до наступления ночи, при свете дня; занимался любовью с партнершей, раздетой донага, – только “падшие женщины” проделывали это без лифчиков; позволял себе использовать для ласки правую руку – прикосновения исключительно могли совершаться только левой рукой».[228]

Конспективно изложив несколько основных моментов, описывающих сексуальное поведение в античном мире, и учитывая то значение, которое оно играет в становлении цивилизации западного типа, необходимо кратко остановиться на его системной оценке. Базовыми онтологическими категориями описания реальности в традиционном обществе являются бинарная оппозиция сакрального/профанного и ритуальное поведение, взаимосвязывающее их, имеющее императивный характер на основе законов как актов «божественного откровения».[229] Такая онтологическая реальность соответствует

клановому, родоплеменному или групповому индивиду. Античная цивилизация в силу сочетания множества различных факторов, среди которых основными будут экономическое развитие частной собственности, политеизм, рациональный тип мышления и другие, формирует онтологию нового типа, описываемую соотношением публичного/частного, общественного/индивидуального, и соответствующие новое человеческое измерение, индивидуальную личность и свободного гражданина. Новая онтология оперирует не императивом, она рефлексирует нормы на основе принципа рациональности и консенсуса, договора. Первоначально мифологические представления (Гомер и Гесиод) постепенно уступают место формирующемуся философскому представлению (Пифагор, Гераклит, Демокрит), рационалистическим интерпретациям (софисты), логико-понятийному анализу (Сократ, Платон)».[230] Римское право в большинстве своем носит договорной характер (contractus), современные нормы уголовного права выступают в нем элементами договорного права.[231] Д. В. Дождев отмечает, что юридическая наука в античности формируется «как упорядоченная система знаний о правилах согласования интересов и путях достижения справедливости в общественных отношениях».[232] Сексуальное поведение, институты семьи и брака относятся к области регуляции частного права. Если в большинстве традиционных обществ институт брака и семьи связан с передачей власти над женой, а сексуальное поведение связано с властью и насилием, то в античном мире сексуальное поведение и власть разделяются законодательно. Власть носит патрилинейный характер при виролокальном браке, и она остается как patria potestas.[233] Таким образом, власть остается сконцентрированной в нескольких родах и принадлежит патрициям, и возможности проявления насилие придается институциональный характер только при наличии легитимной власти. За обладание властью патрициям приходится «платить», вместо получения выкупа теперь возникает необходимость в приданом.

При разделении власти и сексуальности последняя выходит из рамок семьи и брака, оказывается несвязанной с репродуктивностью и получает чувственную, эмоциональную нагрузку. Онтология публичного/частного делает возможными концентрацию родовой власти, рациональную экономику семьи и чувственное сексуальное поведение, что принципиально невозможно в категориях бытия как сакрального/профанного. Одним из первых исследователей, поставившим вопрос о тесной взаимосвязи власти и сексуальности, был французский философ

Мишель Фуко. В своем фундаментальном трехтомном исследовании «История сексуальности» он доказывает, что категории и нормы сексуального поведения составляют систему властных отношений.[234] Однако сексуальное поведение как «диспозитив», т. е. как объект научной рефлексии и возможных стратегий воздействия и контроля над ним, по мнению М. Фуко, появляется только в индустриальных обществах, не ранее Нового времени.[235] В античном мире отделенное от власти сексуальное поведение становится синкретичным с чувствами. Однако эта чувственность в античном идеале рациональности подчинена разуму. «Греки считали романтическую любовь видом одержимости или безумия и высмеяли бы каждого, кто предложил бы ее в качестве руководства при выборе супруга», – отмечал W. Summer.[236] Рационализация чувственности не только позволила Гиппократу создать типологию личности, основанную на темпераменте, широко используемую и в современной психологии, но и в рамках этой типологии выделить четыре разновидности любви – эрос, строгэ, филия и агапэ, – соотносимых с темпераментом.[237] Формирование индивидуальной личности в античном мире дало возможность Гиппократу «положить начало научной типологии личности, без которой не возникли бы современные учения об индивидуальных различиях между людьми».[238]

в) Европейская цивилизация

Правовая история Европы начинается с эпохи варварских «Правд» как основных нормативов того времени. Социальная организация варваров носит характер большой патриархальной семьи, в которой сыновья с возрастом приобретали юридическую свободу. Быт, обычаи и нравы варваров стали известны во многом благодаря их описанию Тацитом. Варварское общество испытывало недостаток женщин, поэтому брак рассматривался как покупка жены, и основные законы были направлены на ее охрану как собственности.

В «Салической Правде» раздел XIII «О похищении свободных» гласил: 1 «Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 сол. каждый», однако если это похищение совершено рабом или неполноправным, зависимым человеком, то он предается смертной казни. Для сравнения: в разделе XX «О том, кто схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец» присуждалось уплатить 15 сол., т. е. сумма за похищение всего в два раза превышала таковую.[239] По этому же закону

человек, лишивший жизни женщину детородного возраста, уплачивал 600 сол., если «она уже не может более иметь детей, присуждается у уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.».[240]

В «Аламаннской Правде» за убийство женщины плата составляет в два раза большую сумму, чем за убийство мужчины. И соответственно прописывается охрана жены как собственности, «если какой-либо свободный против закона уведет жену другого, то должен ее возвратить и уплатить 80 сол.».[241]

Одной из криминальных форм сексуального поведения являлось прелюбодеяние. Согласно описаниям Тацита, наказание осуществлялось «на месте» мужем, который, «обрезав изменнице волосы и раздев ее до нага, в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне». Возвратиться домой она уже не может, «и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа».[242] За прелюбодеяние, согласно «Салической Правде», муж имел право убить жену или потребовать компенсации у любовника, которая могла составлять 200 сол.

Другая криминальная форма поведения – инцест. Так, «Аламаннская Правда» § 39 «О недозволенных браках» определяет: «1. Кровосмесительные браки мы запрещаем. Поэтому нельзя брать в жены тещу, невестку, падчерицу, мачеху, дочь брата, дочь сестры, жену брата, сестру жены. Сыновья братьев, дети сестер могут соединяться между собой без всяких оговорок. 2. Если кто-нибудь поступит вопреки этому, то судьями он изгоняется и теряет свое имущество, которое приобретает казна».[243]

Совершенно иная ситуация представляется при анализе законодательств Готского королевства. Так «Эдикт короля Теодориха Остготского», относящийся к XII в., гласит: XVII «Похитителя свободной женщины или девушки со своими сообщниками или пособниками приказываем присуждать к смертной казни»; LX «Если кто насилием соблазнит вдову, какого бы он ни был происхождения, понесет наказание, установленное за прелюбодеяние (т. е. смертная казнь)»; LXIII «Если чужой раб или оргинарий соблазнит насилием свободную девушку или насилием обесчестит вдову с согласия господина, после разбора дела и установления вины он карается смертной казнью».[244] Кроме того, «Эдикт» устанавливает свободный институт брака: XCШ «Отец против желания не принуждается отдать дочь в супружество кому-либо», вместо выкупа за невесту выплачивается приданое. Такое несоответствие «Эдикта» с другими варварскими правдами обусловлено тем, что вестготы с начала XII в. становятся союзниками Римской империи, заселяют южную часть

ее провинции. Происходит рецепция римского права.

Формирование канонического, церковного права как в римско-католической, так и в греко-православной традициях опиралось, прежде всего, на Священное писание, книги Ветхого и Нового Завета. Соответственно институт брака объявлялся моногамным и нерасторжимым. Кроме обязательного публичного характера брака добавлялся компонент сакрального, в форме совершения таинства. Начинается процесс «нуклеаризации» патриархальной семьи. В крестьянской среде, которая составляла основную часть социума средневековой Европы, нуклеарная семья была экономически более выгодной структурой и заменила в аграрном обществе принудительный рабский труд на «добровольный», выполняемый крестьянами, получившими статус свободных (liber) и колонов (colonus), свободных, но пожизненно привязанных к поместью. В отличие от римской системы патрилинейного родства вводится новая когнативная (билатеральная) система.

Момент сакрального, который стал обязательным в брачной церемонии, сделал возможным насильников и похитителей превращать в женихов. Таким образом, уже совершенное насилие становилось как бы санкционированным, проявленное своеволие, власть символически становились церковными в обмен на прощение греха. В отношении похищенной должны были произноситься публичные извинения: «Дорогая и возлюбленная жена, общеизвестно, что я завладел тобой против твоей воли и воли твоих родителей и что преступлением похищения я связал тебя со своей участью, которая могла бы подвергнуть мою жизнь опасности, если бы только священнослужители не восстановили понимание и мир», – так примерно звучала извинительная формула.[245] Если для светской власти и судебников основной интерес сосредоточен на семье и распределении собственности, то для религиозной власти на первый план выдвигаются вопросы морали, поэтому сексуальное поведение становится центральной проблемой. Один из законодателей стандартов Блаженный Августин писал: «Мы советуем и призываем к воздержанию в браке, поскольку брак без воздержания незаконен, но является грехом и [брак] разрешен властью Господа не для удовлетворения похоти, а для рождения детей».[246]

Чувства как проявления личностной индивидуальности, получившие право на существование в античном мире, категорически отвергаются в христианстве, их место занимает идеал аскетизма, который заключается в добродетели и целомудрии. Апостол Павел наивысшей добродетелью считает безбрачие, а брак рассматривается как средство, которое не

позволяет грешить. «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7, 9). Брак в его неразрывности и моногамности и образуемая им нуклеарная семья, включающая мужа, жену, детей и родителей, становится не только единой социальной, но и эмоциональной и психологической структурой. Нуклеарная семья как структура изоморфна античной личности, т. е. в идеале представляет собой единый организм. Как отмечается в заповеди, «Господь соединил их [т. е. состоящих в браке] во едином теле». Тогда ни о какой реализации чувства любви в браке не могло быть и речи. Прелюбодеяние в это время становится выше брака, и делалось это как раз во имя самостоятельности любви, которую брак не мог позволить ни полностью, ни даже частично».[247]

Законодательство Византийской империи «Эклога», оказавшее основное влияние на развитие права на Руси и определившее каноническое право Греко-православной церкви, содержит положения Титула XVII «Наказания за преступления», где рассматриваются сексуальные преступления.

Одно из наиболее легких наказаний полагалось за разврат, т. е. сексуальные отношения вне брака: § 19. «Имеющий жену да развратничающий да получит для назидания 12 ударов, будь то богатый или бедный; § 20. Не имеющий жены и занимающийся развратом получит шесть ударов».[248]

Принципиальным христианским новшеством «Эклоги» было запрещение сексуальных отношений с рабами и наложницами. Так, § 21–22 гласят: «Если человек, имеющий жену, вступит в связь со своей рабыней и будет уличен в этом деле, то местному архонту надлежит забрать ее и продать за пределы провинции, а стоимость ее передать в ведомство казны. Если кто-либо вступил в связь с чужой рабыней, то, если он принадлежит к числу лиц сановных, уплатит за свою ошибку хозяину рабыни…»

Особо караются преступления, связанные с насильственным сексуальным поведением и прелюбодеянием в отношении специальных субъектов – монахинь и невест, даже если они носят добровольный характер. Титул XVII § 24 предусматривает: «Тот, кто похитил монахиню или светскую девушку из какого-то ни было места, если он обесчестил ее, подвергнется отсечению носа. Те же, кто содействовал этому похищению, подлежат изгнанию»; § 30 «Изнасиловавший девушку. И обесчестивший ее подлежит отрезанию носа»; § 31 «Обесчестивший несовершеннолетнюю, то есть в возрасте до тринадцати лет, подлежит обрезанию носа и отдаст половину своего состояния потерпевшей». В отношении прелюбодеяния § 23 «Если кто-либо вступит связь с монахиней, то

как оскорбивший церковь божью подвергнется отсечению носа, так как своим развратом удалил монахиню от церкви. То же наказание применяется по отношению к монахине»; § 32 «Обесчестивший чужую невесту, если это сделано и с ее согласия, подлежит отрезанию носа».[249]

В случае прелюбодеяния с замужней женщиной «и он, и она подвергнутся отрезанию носа… Совершивший же прелюбодеяние не разлучается со своей женой, хотя у него отрезан нос» (Титул XVII. § 27). Холостой, «вступивший в связь с девушкой с согласия ее, но без ведома родителей», должен либо жениться на ней, либо выплатить денежную компенсация, либо «если он совсем беден и неимущ, то да будет он высечен, острижен и выслан» (Титул XVII. § 29).[250]

«Эклога» значительно расширяет понятие инцестных связей, прежде всего, за счет того, что в христианстве крестные отец и мать, становятся родственниками, аналогичными кровным, а также за счет сексуальных связей между экзогамными родственниками. Так, в § 25 сказано: «Если человек вздумал вступать в брак с той, которая стала его крестницей при святом и спасительном крещении, или вступил с ней без брака в телесную связь, то после того, как они будут разлучены друг с другом, оба будут преданы наказанию за прелюбодеянию, то есть отсечению носа». § 34 гласит: «Тот, кто заведомо вступает в связь с чужими женщинами, приходящимися друг другу матерью и дочерью, подлежит наказанию – обрезанию носа. Тем же наказывается и та, которая сознательно участвовала в этом».

Отдельными статьями в «Эклоге» прописывается гомосексуальное поведение и скотоложство, при этом наказания за данные виды преступлений отличаются от других сексуальных преступлений. § 38: «Мужеложство и участники его, активные и пассивные, караются мечом», и § 39: «Скотоложство карается оскоплением».[251]

В судебниках канонического права отсутствует наказание за проституцию. Хотя Блаженный Августин и осуждает проституцию как явление, но одновременно он отмечает: «И все же удали проституцию из дел человека, и он загрязнит все своею похотью… Уберите канализационные трубы, и мы заполним дворец грязью… Удалите проституток из мира, и вы заполните его содомией».[252] J. Bmndage в работе, посвященной правовому регулированию сексуального поведения, пишет: «Моралисты раннего Средневековья верили в то, что страсть, особенно сексуальная, несла в себе угрозу благополучия как личности, так и общества. Поскольку сексуальная страсть побуждала мужчин и женщин искать плотское удовлетворение практически с любым, в любое

время и любым способом, какой они в состоянии были придумать, христианские моралисты и законодатели усматривали в сексе разрушительную силу, опасную для жизни общества. Сексуальные влечения, с их точки зрения, должны были быть введены в надлежащее русло и поставлены под контроль, иначе это нарушит процесс упорядочивания семей».[253]

Однако такое представление носит несколько упрощенный характер и не дает возможности интерпретаций о специфике наказаний, тяжести греха и философских мировоззрениях того периода. Страх перед «содомией» Блаженного Августина обусловлен систематикой грехов. Грех «против природы» относится к числу наиболее опасных и «карается мечом» или оскоплением. Поэтому выбирается «меньшее из зол». Если инцест – это нарушение в иерархии власти и отношений внутри семьи (в том числе «святого семейства», т. е. крестных отца и матери), то гомосексуальное поведение и скотоложство – грехи, нарушающие отношения порядка внутри самой природы.

Эта концепция находит свое окончательное развитие в трудах другого «отца» церкви Фомы Аквинского. Определяя грех как нарушенный порядок вещей, к «противоестественной похоти», или vicium contra naturam, он относит мастурбацию, скотоложство, гомосексуализм и «необычные способы соития», т. е. все те формы сексуального поведения, которые нарушают видовой порядок, делают ошибку биологического синтаксиса. Ален де Либера, французский специалист по истории средневековой философии по этому вопросу, пишет: «В своем анализе греха против природы Фома Аквинский пытался объяснить, в чем этот самый грех искажает половой акт: в том, что он противопоставляется порядку, то есть естественному завершению действия, подходящему роду человеческому. Достаточно сказать, что в томистской перспективе истинным обладателем, скажем, сексуальным субъектом должен быть мужчина – человеческий вид, а не индивид».[254] Отсутствие персоналистической личности и ее семейная идентификация носят не групповой, а видовой характер, как биологического вида. Биологическая сущность человека как вида берется как стандарт идентификации, который в последующем развитии традиции Запада приведет к постановке вопроса о биологической индивидуальности человека. На основе философии томизма в дальнейшем в христианском мире складывается следующая парадоксальная ситуация: «Мастурбация, казалось бы, была наименьшим злом, но она считалась неразумной и не способствующей продолжению рода и, таким образом, становилась более тяжким преступлением, чем инцест, измена,

насилие или разврат».[255]

Тогда проституция получает социальный статус от обратного как «законная аморальность», как антипод нравственности. Поэтому Фома Аквинский вторит Августину: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность».[256] Иерархия грехов сексуального характера в христианстве, приводимая E. Levin, выглядит следующим образом (по мере их нарастания): (1) нецеломудренный поцелуй, (2) нецеломудренное прикосновение, (3) блуд, (4) распущенность (включая совращение девственницы), (5) простое прелюбодеяние (когда в браке только один партнер), (6) двойное прелюбодеяние, (7) добровольное святотатство (один из партнеров связан религиозным обетом), (8) изнасилование или похищение девственницы, (9) изнасилование или похищение чужой жены, (10) изнасилование или похищение монахини, (11) кровосмесительство, (12) мастурбация, (13) неподобающая позиция при сношении (даже между супругами), (14) проникновение в неподобающее отверстие (особо неприемлемо между супругами), (15) содомия, (16) скотоложство.[257]

Новшеством в наказаниях канонического права становится их членовредительский характер, который применяется в том числе и к сексуальным преступлениям, в форме отрезания носа, смертной казни, оскопления (кастрации). Если за кражи полагается отрубание руки как инструмента совершения преступления, то отрезание носа на первый взгляд можно рассматривать как метод обезображивания. Такие формы наказаний свидетельствуют не о жестокости кары, а в первую очередь о символическом сакральном характере, специфическом для любой религиозной системы. Так, за покушение на монарха предусматривается ослепление, и одновременно детронизированный монарх сам подвергается ослеплению, чем лишается приобщенности к сакральному. Так, начиная с иудаизма, символика света и тьмы, соотносимая с категориями добра и зла, непосредственно переходит в христианскую культуру, и ослепление есть непосредственно лишение света. У древних греков. Зевс оскопляет Кроноса, тем самым лишая его сакральной власти. Наказания в форме членовредительства есть наказания в онтологической размерности сакрального, к которой и отнесены все сексуальные преступления.

В античном мире большинство наказаний носило характер выплаты, компенсации и, таким образом, они имели частный характер, – либо виновный выплачивал компенсацию, либо его продавали в рабство и деньги поступали потерпевшей стороне. Наказания публичного характера – это, в первую очередь,

остракизмы, лишение гражданских прав, изоляция от общества. Онтологическая реальность сакрального, священного и ее символический характер постоянно прослеживаются в различных литературных источниках в образе суда божьего, разделяющего грешников и праведников, и соответствующая его легитимизация приводит к появлению ордалий как доказательственного института. Наказание в виде членовредительства выступает как биологическая ортопедия, согласуясь с представлениями о сущностной биологической природе человека.

Использование биологического стандарта приводит к появлению двух отклонений, которые в теологии получают название «скотство». Это, как отмечалось, сексуальное общение между видами, принадлежащими к разным классам (т. е. собственно скотоложство), и употребление «неестественных техник и инструментов» (т. е. скотство в значении зверства). И, как отмечает Ален де Либера, «первое нарушает порядок природы, второе извращает его».[258] Это – одно из положений учения Фомы Аквинского, Оно не столько представляет исторический интерес, сколько имеет непреходящее значение для научных представлений сегодня. Учение томизма составляет ядро христианского миропонимания и основано на представлениях Аристотеля, у которого был заимствован биологический стандарт, на оппозиции культуры и натуры (биологической природы). Главным в этой антиномии выступало не сексуальное поведение (philia – любовь, в смысле стремления плоти, в противоположность eros – любви чувственной), а пищевое (фаги – от греч. phagos – пожирающий),[259] исходя из которого античный мир различал культурные, цивилизованные народы и варваров, имеющих биологическую природу в зависимости от употребления сырой или жареной/вареной пищи. В христианской теологической концепции, разделившей онтологию на духовное и природное, в качестве осевого, главного идеала духовной чистоты, благости стало выступать сексуальное поведение. Соответственно терпимость античного мира к любым формам сексуального поведения проявлялась в непринятии разнообразия фагий, в первую очередь это относилось к каннибализму (антропофагия) и к потреблению сырого мяса вообще. В теологии смещение грехов на сексуальность привело к понятию извращений сексуального поведения, для обозначения которых вначале использовался термин «перверсия» (извращение), который в последующем заменен понятием «парафилия».

Историческая эволюция средневекового Запада в отношении норм регуляции сексуального поведения претерпевает несколько значительных изменений, которые составной частью приведут в

последующем к эпохам Возрождения и Реформации, вслед за которыми последуют промышленные революции, знаменующие собой переход к Новому времени и становлению общества индустриального типа. К таким изменениям относятся процесс дифференцировки канонического, церковного и светского, «цивильного», права, рецепция римского права, появление «Хартий» городского права, «Статутов» и «Капитуляриев» университетского права и изменение ментальности, одним из следствий которого станет появление куртуазной любви.

Ослабление влияния церкви и реформаторские течения в лоне католицизма приводят к появлению феномена «беспорядочных браков», таких брачных союзов, которые совершались вопреки воле старших членов семейства. Изобретение печатного дела – вторая информационная революция человеческой истории после изобретения письменности – вносит свою значительную лепту. Наряду с распространением Священного писания (около 75 % типографской продукции) начинает распространяться «непристойная литература», описание любовных поз Брантом и Аретино, имевших в свое время такую же репутацию, как в последующем маркиз де Сад. Именно эти обстоятельства станут причиной появления в 1501 г. буллы Александра Борджиа, с которой начнется книжное аутодафе.

Разграничение семантики церковного и светского права начинается с работ юристов, относящихся к XIII–XIV вв. Так, итальянский юрист Сассоферрато Бартол пишет сочинение «О различиях между каноническим правом и цивильным», где значительная часть положений отводится институтам брака и семьи и половым преступлениям. Так, в отношении брака он различает: «По каноническому праву родитель может выдать замуж свою дочь, даже если она противится; по цивильному – без недостоинства и позора – не может», т. е. отсутствует требование согласия на брак родителей.[260] В отношении распределения криминальных форм сексуального поведения в каноническом и светском праве С. Бартол пишет: № 59 «Тот, кто пользуется дурной славой по каноническому праву (только на основании того, что способен на грех), может подозреваться в любом преступлении; но по цивильному праву – нет»; № 75 «По каноническому праву наказанием за инцест и прелюбодеяние является смерть, но по цивильному праву женщина заключается в монастырь»; № 83 «Совершенный с монахиней инцест по цивильному праву карается смертной казнью; по каноническому – клирик низлагается, мирянин отлучается от церкви»; № 90 «По каноническому праву, бесчестье может быть нанесено только

девице; по цивильному праву – также вдове, мальчику или разведенной»; № 93 «По цивильному праву отец, заставший свою дочь в прелюбодеянии и убивший ее, не наказывается, а по каноническому – наказывается»; № 97 «Похищенная женщина по цивильному праву не может выйти замуж за похитителя; по каноническому – может»; № 124–126 «Испортивший девушку, хотя он и наказывается сурово другим образом, по цивильному праву не обязан взять ее в жены; по каноническому праву – обязан; нанесший бесчестье наказывается по каноническому праву меньше, чем по цивильному; похищение невесты по добровольному согласию по цивильному праву допускается, по каноническому – иначе», и № 165–166 «По цивильному праву жена не может обвинить мужа в прелюбодеянии; по цивильному праву за прелюбодеяние следует телесное наказание, по каноническому – отлучение от ложа».[261]

Разграничение правовых систем, проводимое С. Бартолом, естественно, далеко от совершенства, но исторически оно является одним из первых документальных свидетельств, посвященных компаративистскому анализу в области сексуальных правонарушений. Сравниваемые системы права различны, так как одно строится на канонах и догматах веры, другое формируется на основе норм римского права, но факт их дифференцировки есть свидетельство изменения ментальности и развития рефлексии в области права.

Образование университетов в XIII–XIV вв. как самостоятельных социальных институтов, обладающих экономической, юридической и административной независимостью, приводит к созданию внутренних правовых норм – «Статутов» и «Капитуляриев», которые полностью регулируют внутренний распорядок жизни как учителей, так и учеников. Данные нормы в числе прочих регулируют и сексуальное поведение. Так, «Капитулярий» Парижского университета содержит шесть положений:[262]

I. Грех против человеческой природы, сколь бы ни был он направлен против природы рода, не противоречит природе индивида, даже при дурном использовании совокупления.

II. Целомудрие само по себе не есть добродетель.

III. Полное воздержание от плотских дел вредит и добродетели, и человеческому роду.

IV. Удовольствие, полученное от сексуальной активности, не мешает мыслительной активности и ее применению.

V. Целомудрие не есть высшее благо при полном воздержании.

VI. Простой блуд, блуд неженатого с незамужней, не является

грехом.

Эти тезисы отражают совершенно новую ментальность и служат фоном для формирования новых стандартов человеческого поведения.

Еще одним феноменом Средневековья, оказавшим значительное влияние на сексуальное поведение, можно считать появление куртуазной любви. Исследователь средневековой культуры Ж. Ле Гофф пишет: «…генезис куртуазной любви даже на уровне фактических представлений остается непроясненным», «дискуссия об интерпретации еще не завершена».[263] Одним из возможных подходов к рассмотрению данного феномена может выступать сценарий инверсии власти в гендерных отношениях. Ж. Ле Гофф отмечает: «…характер этой любви, вдохновляемой связями между сеньором и вассалом, когда вассалом выступает дама, представительница прекрасного пола».[264] Этому способствовал ряд условий, наиболее значимым из которых представляется примогенетура, когда неделимое имущество наследовалось в феодальных семьях только старшим сыном, остальные дети стали формировать «бедное богатое» сословие и вынуждены были искать материальное благосостояние за счет брака. Еще одно условие формирования куртуазной любви психологический протест против сексуальной морали феодального общества.

Доказательства сексуальных преступлений в каноническом праве особой проблемы не составляли, так как использовался институт исповеди, существовали показания «добропорядочных» свидетелей и в арсенале всегда была возможность проведения ордалий. Однако для светского правосудия проблема доказывания в суде становится актуальной уже со времен «Эклоги». Так, титул XVII, § 27, гласил: «И расследование дела о прелюбодеянии должно быть проведено с большой тщательностью, и судьи должны рассмотреть, что из себя представляют обвинители в этом процессе. И если обвиняют ее собственный отец, или муж, или брат, или мать, или дядя, то основание иска является более достойным доверия. Если же обвинителями являются чужие, должно быть установлено по правилам, каково поведение этих лиц, и это должно быть подтверждено в отношении их и у каждого должны быть затребованы доказательства по делу. И если они докажут факт наличия связи, то да будет отрезан нос и у развратника и у развратницы. Если же не докажут, но сделали обвинение из вражды, то подлежат как клеветники такой же каре».[265]

Часто вопросы сексологического характера возникали как обоснования расторжения брака, для чего проводилось

освидетельствование жены и даже мужа. Пример такой «сексологической экспертизы», относящейся к XIV в., приводит в своей монографии R. H. Hilton: «Семь добропорядочных женщин назначались для того, чтобы подтвердить девственность жены, и в большинстве судов выставлялись семь добропорядочных мужчин, чтобы засвидетельствовать импотенцию мужа. В судах Йорка и Кентербери считали, что и последнее лучше поручать добропорядочным женщинам. В документированном деле в Йорке одна из «добропорядочных» женщин обнажала груди и согретыми у помянутого огня руками держала и растирала пенис и яички помянутого Джона. И она обняла и часто целовала помянутого Джона и возбуждала его, насколько могла, показать его мужество и потенцию, убеждая его, что стыдно ему не доказать там и тогда, что он не мужчина».[266]

В эпоху Возрождения в Венеции перед юристами стоял открытым вопрос, считать ли в юридическом смысле изнасилование блудом или разбойным нападением, при этом оно не относилось к категории тяжких преступлений. «Превращение женщин в жертв насилия не воспринималось как предмет серьезной озабоченности в силу предвзятого представления о якобы маловажности данного явления».[267]

Эпоха Реформации, раскола римско-католической церкви помимо чисто теологических причин несла в себе и особенности сексуального поведения. Основными моментами применительно к сексуальному поведению являлись: (1) возможность упрощенной процедуры развода, (2) значительное сужение границ инцеста, (3) предпочтение брака целомудрию, в том числе для клира. Своим последователям Лютер говорил: «Берите себе в супруги кого хотите, крестных родителей, крестников, дочь или сестру восприемника и не обращайте внимания на эти искусственные, высасывающие деньги препятствия».[268]

За период Средневековья происходит значительное сокращение функций семьи. В частности, власть переходит в руки судов, религия становится функцией церкви, и размеры семьи находятся в обратно пропорциональной зависимости от государства: когда последнее слабело, преобладала большая семья, когда государство набирало силу, семья становилась нуклеарной. Контроль и регуляция сексуального поведения, в том числе внутри института брака, перешли к церкви.

г) Россия в доиндустриальную эпоху

Древняя Русь, по мнению Н. М. Карамзина, получила свои

«гражданские уставы» от скандинавов («главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности»[269]). Характеризуя нравы славянских племен до принятия христианства, Н. М. Карамзин писал: «Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругами. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство».[270] Цитируя Нестора, Н. М. Карамзин также отмечает: «Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святой обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали между ними. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении».[271]

Устав Святого князя Владимира в отношении регуляции сексуального поведения преследует блуд, кровосмешение: «…аже кто с сестрой согрешит… аже свекор с снохою сблудит… аже кум с кумою сотворит блуд… аже кто с мачехой сблудит», многоженство: «…аще кто с двумя сестрами падется…».[272]

Другим из наиболее древних исторических правовых документов является «Русская Правда», или «Законы Ярославовы». Этот исторический памятник правовой мысли аналогичен «варварским правдам» средневековой Европы, поскольку в нем прописаны светские нормы поведения, в основном относящиеся к уголовным правонарушениям, и отсутствуют религиозные и моральные догмы. Как отмечал Н. М. Карамзин, в «Русской Правде» Ярослава нет упоминания о насилии над женщинами, так как последнее «казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах».[273] Распространение насилия исходит из древних дохристианских брачных обрядов – «умыкание» или похищение невесты, которые упоминаются со времен летописца Нестора,[274] на тех «бесовских игрищах умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся».[275] Такая форма брака вызывала вражду между родами, которая в последующем трансформируется в «отступные» или «выкуп» невесты и далее в

«прямую продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению родни обеих сторон: акт насилия заменяется сделкой с обрядом».[276] Таким образом, происходит процесс сближения родов, родственники жениха и невесты становятся свояками, отражая новый процесс образования родства и образование «большой» семьи. Большая родовая семья Древней Руси как социальный институт отражала специфику наследственного права. Как писал С. М. Соловьев, «связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском».[277]

Насилие как форма поведения не выступает в обществе Древней Руси как противозаконное поведение, о чем свидетельствует не только «умыкание невесты», но и «поле» в практике судопроизводства, судебный поединок: «… окончательное решение предоставляется оружию, чей меч острее, тот и берет верх. Кто одолеет в бою, тот и выигрывает дело».[278]

Важной особенностью «Русской Правды», не отягощенной религиозными догмами, является отсутствие телесных наказаний: «…виновный платил или жизнию, или вольностию, или деньгами». Телесное насилие было исключено из системы наказаний, так как оно само носило институциональный характер.

Наряду с «Русской Правдой» существует «Церковный устав Ярославов», согласно которому регулируется семейный, религиозный и нравственный порядок. С инкорпорацией христианства происходят не только разделение власти религиозной и светской, но и различение и соотношение понятий греха и преступления. Всякое преступление – грех, но не всякий грех является преступлением. Наряду с государством как социальным институтом контроля поведения формируется и церковь как социальный институт, направленный на выработку самоконтроля поведения и создание персоналистической личности европейского типа. На комбинации понятий греха и преступления строится церковный Судебник Ярослава, начало создания которого было положено Уставом князя Владимира Киевского, его отца. «Грех – нравствен ная несправедливость или неправда, нарушение божественного закона; преступления – неправда противообщественная – нарушение закона человеческого», – так объясняет основные принципы составления Судебника Ярослава В. О. Ключевский.[279] Соответственно дела, которые подсудны церкви, были подразделены на три категории:

1) дела только греховные, без элемента преступления: волхование, чародейство, браки в близких степенях родства (инцест), развод по взаимному соглашению супругов; 2) дела греховно-преступные: об «умыкании» девиц, об оскорблении женской чести словом или делом, о самовольном разводе мужа с женой по воле первого без вины последней, о нарушении супружеской верности; 3) дела «духовные», касающиеся лиц духовного звания.

При этом отмечался принцип «митрополиту в вине, а князь казнит», т. е. карает. Иными словами, наказывает светская власть, а понятие вины относится к области духовного и непосредственно связано с понятием греховности.

Интересной особенностью является тот факт, что большинство ересей возникает именно по вопросам норм регуляции сексуального поведения – богомилы нападают на институт брака, скопцы отрицают сексуальность в целом. В целом для христианской религиозной традиции характерен репрессивный стандарт сексуального поведения, при этом последний непосредственно увязан с моралью, особенно в отношении женщин. Таким образом, любое отклонение от репрессивного стандарта расценивается как аморальное и греховное.

Социальные институты семьи и брака зависят от политической системы и экономической базы, но не полностью их формируют, решающее влияние остается за типом культуры.

Институт контроля сексуального поведения в рамках церкви складывается из трех компонентов – исповеди, покаяния и причастия. Главной целью исповеди является факт признания недозволенного стандартом поведения и признание вины, а более точно – формирование понятия вины, рефлексия, интериоризация стандарта поведения и, соответственно, воспитание, выработка его самоконтроля. Использование исповеди и покаяния предполагало добровольность со стороны прихожанина. В то же время существовала система воздействия, когда неисповедовавшееся лицо не допускалось к причастию и таким образом исключалось из общественного института, подвергаясь остракизму.

Разделение светского и духовного не могло не отразиться на формировании противоречий и парадоксов в этих нормативных системах. При этом социальный институт семьи оставался светским по нормативной регуляции, в то время как институт брака становился религиозным, т. е. брак признавался законным после обряда венчания. Так, уже в указах Ярослава «невенчальная» жена признавалась законной при отсутствии жены

«венчальной», и развод и с той, и с другой происходил по одинаковым правилам. Светское наказание за «умыкание девицы» полагалось, если она «засядет», не выйдет замуж за своего похитителя. Кроме того, если «умыкание» сопровождалось христианским браком, виновник не подвергался суду, а наказывался вместе с похищенной женой епитимией. Насильственные формы брачного поведения, существовавшие в дохристианской Руси, следует рассматривать как поведение ритуальное, и насилие носит реципрокный характер, в последующем приобретая символическую и консенсусную форму. О существовании понятий чести и достоинства женщины в указанный исторический период ярко свидетельствует другая норма Судебника Ярослава – «обозвавший чужую жену позорным словом платит ей “за срам”».[280]

Наличие двойного стандарта светского и церковного контроля отражается на понятии и квалификации преступлений. Изнасилование как акт насилия и нападения является предметом государства и охраны личности, как акт сексуальной непристойности – относилось к компетенции религиозной.

Несмотря на указанные особенности, стандарты различия мужского и женского поведения на Руси, как и в других традиционных обществах, являлись преобладающими. «Жены или ценились мало, или также мало ценили своих мужей женщины. Браки редко совершались по любви, взаимного уважения ждать было трудно», – отмечает исследователь В. Г. Иваницкий.[281] Отсутствие сформированных социальных институтов, типичное для традиционных культур, и отсутствие социальных ролей и статусов как таковых выражаются в том, что дифференцировка мужского и женского стандартов поведения носит, прежде всего, территориальный характер. Для мужчин это внешнее и, соответственно, социальное пространство, у женщин – внутреннее, домашнее. Насильственный захват женщин не является специфической русской традицией, а повсеместно распространен в Древнем мире. Как справедливо отмечают У. Мастерс, В. Джонсон и Р. Колодни, корни насильственного сексуального поведения уходят во времена племенной организации, когда мужчина захватывал женщину из другого племени и приводил в свое племя, после чего охранял как собственность.[282] Рассматривая историческую ретроспективу относительно насильственных форм поведения, можно условно выделить три формы, сохраняющие свое значение и актуальность и в настоящее время.

1. Криминальное насилие (запрещенное, табуированное) – это, как правило, насилие в отношении членов своего племени,

рода и т. д. То есть против тех, с кем происходит идентификация, по принципу бинарной оппозиции «свои – чужие», «мы – другие». Критерии, по которым производилось отличие, могли быть самыми разными – от цвета кожи или языкового диалекта до чисто мифологических и идеологических. Так, например, древние греки отличали цивилизованных, «мы», от варваров, «других», в зависимости от употребляемой пищи, кроме того, питание определяло и степень варварства.[283] Соответственно насилие, направленное против «своих», было запрещено, в отношении же «других» – расценивалось как проявление мужества, героизм.

2. Институциональное (санкционированное, ритуализированное) насилие представляет собой те формы, которые закреплены традицией, потому что так поступали предки, герои, мифологические персонажи и т. д. Это внутреннее насилие, на котором основано поддержание порядка и контроль поведения внутри того или иного социального института. Внутрисемейное насилие традиционного общества относится как раз к такой форме. Соотношение внешнего насилия, направленного на «других», и внутреннего насилия, направленного на контроль поведения своих членов внутри социального института, и создает полосу свободного поведения в социальной организации.

3. «Символические» формы насилия осуществляются посредством символов культуры, без реального применения. Это воздействие на ключевые знаковые образы, миросозерцание, мышление и чувства[284].

Если первые две формы насилия (внешняя и внутренняя) относятся к области социального, мирского или профанного, то символическое насилие сакрально. В традиционном обществе внутреннее, институциональное насилие синкретично с сакральным насилием, поэтому для большинства древних цивилизаций закон носит как сакральный характер, так и характер всеобщего морального закона, например законы шариата в исламе и закон-дхарма в индуизме. Таким образом, должное в императиве заполняет все пространство свободы. Ритуал выступает как связывающее начало между двумя мирами – сакральным и профанным.

Внутрисемейное насилие – институциональное, разрешенное; оно преимущественно носит не физический, телесный характер, а вкладывается в оппозицию «доминирование – подчинение», тем самым поддерживая иерархию и порядок.[285]

В противоположность этому выступает понятие инцеста, который ставит под угрозу семейную иерархию, грозя внести в нее беспорядок. При этом сложные правила родства

распространялись намного шире, чем табу на кровосмесительство. Категории лиц, считавшиеся родственниками, четко прописывались в церковном праве: лица, связанные родством по рождению, вследствие брака и путем усыновления, через церковный обряд или ритуальный обычай. Другой функцией распределения сложной системы родства являлось создание «большой» семьи традиционного общества, способной противостоять внешним угрозам и обеспечивать безопасность ее членов. Особенно четко это проявлялось в отношении сельских жителей, где практически вся община состояла из родственников, что не потеряло своей актуальности и в постиндустриальную эпоху.

Определяя степень родства и контролируя институт брака, христианство монополизировало формирование базовых социальных институтов, а их упорядоченность определялась репрессивным стандартом брачного сексуального поведения. Все формы внебрачного сексуального поведения подразделялись церковным правом на две категории: «прелюбодеяние» и «блуд». Определение терминов восходит к древним еврейским законам, которые в большинстве случаев положены в основу христианства. Так, прелюбодеяние – это сексуальное отношение между двумя лицами, которые не могут вступить в законный (церковный) брак по еврейскому праву. Таким образом, женщина, которая была замужем, попадала под прелюбодеяние, так как не могла выйти замуж повторно, мужчина же имел право на полигамию. Византийское право модифицировало эту норму применительно к моногамному браку. Поэтому неженатый мужчина, имевший связь с замужней женщиной, был виновен в прелюбодеянии, однако женатый, имевший связь с незамужней, был невиновен. Мужчина как глава семьи был ответствен за контроль поведения женщины. Если он знал о прелюбодеянии жены, то обязан был отправить ее в монастырское заточение, если же он продолжал ее оставлять у себя, то, по византийскому гражданскому праву, он признавался сводником.[286] Факты довольно широкой распространенности прелюбодеяния и достаточно сурового наказания как со стороны церкви, так и светской власти, возможности обвинения в прелюбодеянии и таким образом «сведения счетов» явились причиной введения в законодательство той поры понятий чести и достоинства, а также «платы за срам».

Сексуальное поведение в отношении детей, во-первых, связано с брачным возрастом: для женщин – 12 лет, для мужчин – 14; во-вторых, институционализируя только брачную сексуальность, детей как можно раньше женили, стремясь таким образом решить проблему.

Гомосексуальное поведение, по закону Моисея, считалось одним из наиболее тяжких грехов, за которые побивали камнями. Так, например, в 33 главе Стоглава отмечалось, что лиц, виновных в гомосексуальных связях, «накрепко испытывати и запрещати с великим истязанием духовным, чтобы таких скверных и мерзких дел не творили. Нераскаившихся отлучать от всякия святыни и в церковь входу не давати, донеже покаются и перестанут от своих зол. Раскаившихся подвергать епитимий». [287]

Изнасилование относилось, прежде всего, к физическому нападению, а потом уже – к сексуальному поведению и, соответственно, подпадало под юрисдикцию как светской, так и церковной власти. Учитывая постоянные военные конфликты, как внешние, так и междоусобицы, царившие в Древней Руси, во время которых постоянно совершалось изнасилование женщин, моральный стандарт гласил, что смерть предпочтительнее насилия. Жития святых выступают эталоном, стандартом для подражания во всех религиях. Святая Пелагея Антиохийская, очутившись в руках вторгшегося войска, избегает осквернения, вознося молитву о ниспослании смерти.[288] Новгородская летопись, описывая завоевание Торжка князем Михаилом Тверским в 1372 г., отмечает: «…добродетельные женщины и девицы топились в реке, предвидя для себя бесчестье со стороны тверитян: ибо те сдирали с женщин все одежды, обнажая их вовсе, чего не делали даже язычники». Несмотря на резко негативное отношение христианства к самоубийству, даже оно считалось предпочтительным, чтобы избежать сексуального насилия.

В интересующем аспекте следует разграничивать несколько типов сексуального поведения: изнасилование, похищение и соблазнение. Изнасилование – насилие, сопряженное с бесчестием, в то время как похищение, «умыкание» – это ритуальное насилие, носящее символический и реципрокный характер, принимая во внимание, что браки совершались не «по любви», без эмоциональной подоплеки и без экономической, «по расчету». И, таким образом, похищение – это акт ритуальный, носящий характер должного. Кроме того, изнасилование может рассматриваться как преступление против собственности, так как жена являлась собственностью мужа и одновременно сексуальное насилие было направлено против его чести и собственности.[289] Византийское гражданское право не различало изнасилования и «умыкания» и рассматривало последнее как частый случай изнасилования. Однако такая дифференцировка четко прослеживается на Руси, и, соответственно, изнасилование рассматривается как форма «бесчестья».

В квалификации изнасилования определяющими моментами являлись прошлое женщины, ее положение и место совершения деяния. Здесь вновь присутствует рецепция еврейского права и его византийские модели. Так, уже в Законах Хаммурапи (§ 130) говорилось: «Если человек изнасилует жену человека, не познавшую мужчину и живущую в доме своего отца, и возляжет на ее лоно, а его схватят, то этого человека должно убить; эта женщина остается свободной от ответственности».[290] В то же время при изнасиловании замужней женщины виновными считались оба, и их топили в воде.[291] Относительно место совершения в Ветхом Завете содержатся указания: «Если будет молодая девица обручена мужу и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, то обоих приведите к воротам того города и побейте камнями их до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; если же кто в поле встретится с отроковицей обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, ибо он встретился с нею в поле, и хотя отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее» (Втор. 22:23–27).

Однако библейская формула претерпела значительные изменения в церковном праве славян; изнасилование замужней женщины приравнивалось к прелюбодеянию, так как важен был сам факт запрещенного сексуального поведения, а не насильственный способ его совершения. Устав Ярослава предусматривает за изнасилование штраф, налагаемый епископом, и наказание, которое выносит князь. В пользу того, что изнасилование есть нарушения прав собственника, свидетельствует факт, что наказания были преимущественно в виде штрафа.

В «Соборном уложении» от 1649 г. изнасилование рассматривается как квалифицированный состав преступления для людей ратных, которые при следовании на службу или со службы «учинят… женскому полу насильство» (статья 30 главы 7), и карается смертной казнью.[292]

В ходе проведенных Петром I реформ, направленных на разделение светской и духовной власти и сужение компетенции последней, преступления сексуального характера были отнесены к светскому суду. Так, Псковская судная грамота, как светский судебный документ, относящаяся к началу XIII в., вообще не содержала понятия половых преступлений, так как они полностью были подвластны судам церковным.[293]

В Воинских Артикулах, составлявших вторую часть Воинского устава Петра I, от 30 марта 1716 г., глава XX «О содомском грехе,

о насилии и блуде» предусматривала наказание за различные формы сексуального поведения и, в отличие от действовавшего законодательства, дала впервые светское толкование. Следует отметить, что и в светской систематике сексуальных преступлений прелюбодеяние и блуд стоят на первом месте, а изнасилование, составляющее в настоящее время 95–97 % всех сексуальных преступлений, рассматривалось наряду со скотоложством и «содомским грехом». Определяющим социальным институтом остается институт семьи. Сознательно или нет, но именно Петр I пытается взять его под свой контроль. Прежде всего в Указе о единонаследии от 1714 г. он ввел возраст для брачующихся: для жениха – 20 лет, 17 – для невесты, обоюдное согласие их на брак, запрещается брак для слабоумных, для дворян необходимо минимальное образование, знание арифметики и геометрии. Кроме того, институт брака становится под контроль светской власти, необходимо дозволение воевод и губернаторов.[294]

Воинский Артикул в § 169 и 170 разделяет простое и двойное прелюбодеяние; двойное – «ежели муж женатый с женой замужнею телесно смешаются и прелюбодеяние учинят»: простое – «когда единая особа в супружестве обретается, а другая холостая есть»;[295] § 165 гласит: «если смешаются человек со скотом и безумной тварью и учинит скверность его жестоко на теле наказать».

Глава XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» Воинского Артикула состояла из 12 артикулов (параграфов). Первый в этой главе § 165 посвящен скотоложству, § 166 – добровольному и насильственному гомосексуализму, при этом наказание при добровольном гомосексуальном контакте аналогично наказанию за скотоложство – «жестоко на теле наказывать», в то время как за насильственный гомосексуальный акт – «смертию или вечно на галеру ссылкой наказать»; §§ 167–168 определяли уголовную ответственность за изнасилование: «…кто честную жену, вдову или девицу тайно уведет и изнасильничает», и санкцию за это преступление: «…голову отсечь, или вечно на галеру послать». В то же время в Артикулах Петра отмечалось: «…некоторые права насилия над явной блудницей не жестоко наказывать повелевают… и надлежит судье не на особу, но на дело и самое обстоятельство смотреть».[296]

Артикулы 169–170 предусматривали ответственность за прелюбодеяние, 171–172 – за многобрачие, 173–174 – за кровосмесительные связи (инцест), 175–177 – наказуемость женщин, занимающихся проституцией при воинских частях, неженатых мужчин за отказ материального содержания своих

внебрачных детей.

Первый официальный Свод законов, принятый в 1832 г., предусматривал наказание за изнасилование, которое определял как половой акт, совершенный против желания. Отдельно выделялось насильственное растление – изнасилование незамужней женщины. В целом любая сексуальная агрессия в отношении женщин со стороны мужчины рассматривалась как изнасилование.

В Своде Законов от 1832 г. статья 790 карала лиц, виновных в мужеложстве, и предусматривала наказание плетьми, лишением всех прав состояния и ссылкой на поселения при добровольном характере и каторжными работами при насильственном.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. изменило понятие изнасилования, включив в него не только насильственные формы сексуального поведения в отношении женщины, но и недостижение жертвой возраста совершеннолетия и, таким образом, поменяло социальный статус на возрастные границы, отнеся сексуальное насилие к преступлениям против «чести и целомудрия женщин». В Уложении 1845 г. впервые был применен подход к определению наказания, исходя из обстоятельств совершения преступления. Так, впервые отягчающим фактором указывается бессознательное состояние, которое определяется как состояние, когда «женщина была заведомо лишена возможности понимать свойства и значение совершаемого над нею и руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или же умственного недоразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни». Статья 995 «Уложения» криминализировала добровольный гомосексуализм, наказанием за который были лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь на поселение на срок от четырех до пяти лет. Статья 994 главы «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную» относила гражданский брак к криминальным деяниям – «противозаконное сожитие неженатого с незамужней по взаимному их согласию, если они христиане».

Особенностью «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1903 г. в отношении сексуальных преступлений является тот факт, что взамен религиозных предписаний оно обратилось к медицинским нормам, угроза нравственности стала видеться теперь не в грехах, а в болезнях, в том числе и социальных – проституции и порнографии. Так, наряду с декриминализацией скотоложства, существенно расширен круг преступлений, относимых к области половых отношений. Наряду с любострастными действиями, любодеянием, мужеложством

выделяются такие составы преступлений, как сводничество, потворство, склонение к непотребству, притоносодержание. Отдельные главы «Уложения» назывались, в частности, «О преступлениях против чести и целомудрия женщин», «О непотребстве». Преступления против чести и целомудрия, включали такие составы, как: 1) растление девицы, не достигшей 14-летнего возраста; 2) изнасилование лица женского пола более 14 лет от роду; 3) похищение; 4) обольщение женщины или девицы, а также предусматривались квалифицированные составы указанных преступлений. Глава 27 «Уложения» «О непотребстве» содержала шесть статей (524–529).[297] Статья 524 определяла наказание виновного в сводничестве для непотребства, тогда как статья 525 в диспозиции определяла потворство непотребству несовершеннолетнего в отношении родителей, опекунов, попечителей или лиц, имеющих надзор за несовершеннолетним. Уголовно наказуемым считалась супружеская измена со стороны женщины.

2.3. Регуляция сексуального поведения институтами уголовного права в индустриальном и постиндустриальном обществах

Изменения, которые произошли в социальной организации при переходе к обществу индустриального типа, сказались и на социально-правовых нормах регуляции сексуального поведения. Под индустриальным понимают общество, основанное на развитии промышленности и формирующее соответствующие модели рынка, науки и культуры, идеи роста и прогресса становятся идеологическим «ядром».[298] Индустриальное общество оказывается неразрывно связанным с понятиями гражданского общества, свободой личности и правовым государством. Авторы, занимавшиеся проблематикой цивилизационного подхода к историческим процессам, отмечают изменение самого понятия реальности, которое трансформируется в индуст-реальность.[299] Основными чертами, семантическим кодом индустриального общества становятся процессы стандартизации или унификации, специализация, синхронизация и централизация. Код представляет собой систему правил или общих принципов, которые находят отражение во всех сферах общества, единый план строения реальности и жизнедеятельности.

Каждый из аспектов нового культурального кода отражается и на нормах сексуального поведения. Как отмечал М. Фуко, происходит социализация репродуктивного поведения, педагогизация детской сексуальности, психиатризация извращенных удовольствий, уголовное правосудие реагирует на половые отклонения. Все эти процессы можно рассматривать в рамках специализации, централизации и стандартизации.[300] Наряду с этим отмечается противоположная тенденция дифференциации. Если в традиционном обществе разделение на законное и незаконное сексуальное поведение, как отмечают авторы руководства по «Судебной сексологии», «центрировалось на матримониальных отношениях, когда именно брачные отношения были наиболее интенсивным очагом принуждения, а остальная сфера сексуальности скрывалась под неопределенным статусом “содомии”, то теперь, напротив, смутная категория “разврата” распадается и вырисовывается мир извращений».[301]

Культура обществ индустриального типа обозначается

понятием «модернизм», характеризующимся приматом рациональности и научно-позитивистского мировоззрения, кризисом религиозных институтов и формированием идеологии взамен мифологических форм сознания.[302] Происходит формирование персоналистической личности западного типа,[303] основу которой составляет концепция прав человека. Права человека, первоначально формируясь как права политические, являются реакцией на авторитарный характер власти. На протяжении эпохи модернизма они претерпевают закономерную динамику к правам социальным и экономическим как основам гражданского общества до прав человека «третьего поколения».[304] Права третьего поколения – это права на свободное развитие, самоопределение, защиту окружающей среды, мирное сосуществование. Права личности на собственную сексуальную ориентацию и права сексуальных меньшинств логично было бы приравнять к правам третьего поколения. Однако этот вопрос вызывает длительные дискуссии и его пытаются отнести к правам первого поколения.[305] Сексуальное поведение, введенное в индустриальном обществе в ранг определяющего человеческое достоинство, воплотилось в уголовно-правовых нормах позитивного права, которые вместе с правами человека как субъективным правом составляют единое правовое пространство регуляции сексуального поведения. Л. Энгельштейн в связи с этим отмечает, что перенос центра тяжести на права человека и их защиту в области половой неприкосновенности привело, скорее, к расширению спектра наказуемых типов сексуального поведения.[306]

Как отмечал Ж. Бодрийяр, буржуазно-промышленная революция постепенно избавляет индивида от привязанности к религиозным, моральным и семейным структурам, и он обретает свободу, но свободу, регулируемую нормами права.[307] Область права, в свою очередь, также становится дифференцированной на отдельные институты, и сформировавшийся институт уголовного права ориентируется, в первую очередь, на регуляцию свободного, внебрачного сексуального поведения. Начиная с эпохи французского Просвещения, в трудах Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Ж.-П. Марата формируются основные понятия уголовного права западной цивилизации, которое будет иметь репрессивный характер. Основание такой системы уголовного права будет заложено в постулатах, согласно которым причина преступлений лежит в безнаказанности и, соответственно, наказания должно сдерживать преступность, распущенность и девиантность, наказание должно быть равным для всех и устанавливаться только законами. Идеал гуманизма отразится в

положении о том, что наказание не может быть жестоким, но должно носить характер оправданного возмездия за преступление – суровость находится в зависимости от тяжести совершенного преступления. Императив свободы воли, обоснованный И. Кантом, найдет отражение в западной традиции права – в положении о том, что свобода воли предопределяет ответственность за совершенное деяние. Возникшая в XIX в. антропологическая школа Ч. Ломброзо и Э. Ферри сместила основной акцент на изучении личности преступника и, несмотря на ряд крайних взглядов о врожденном характере преступлений, внесла значительные коррективы в теорию наказания, а именно: наказание должно исходить из особенностей личности преступника и основная цель – не кара, а защита общества от опасного индивида.

Индустриальная цивилизация Запада характеризуется тремя правовыми системами: романо-германской, англосаксонской, или общего права, и социалистической, или российской системой права. Несмотря на общность основных уголовно-правовых понятий внутри каждой из перечисленных систем, нормы права, регулирующие сексуальное поведение, в странах, где действует та или иная система, могут значительно варьировать.

а) Англосаксонская система общего права (common law)

Главной отличительной особенностью выступает прецедентный характер права, в последующем отдельные прецеденты объединяются в парламентских актах, образовывая статуты. Несмотря на объединение английского и американского права в одну семью, каждое в отдельности обладает наряду с общими чертами в большей мере спецификой и можно говорить о сложившемся американском варианте англосаксонского права. Сексуальные преступления по уголовному законодательству Соединенных Штатов Америки отличает, прежде всего, отсутствие единства норм, действующих на территории различных штатов. Однако существует ряд общих федеральных законов, среди которых наибольшее значение в отношении сексуальных преступлений имеют следующие:

1) Закон о предотвращении тяжких преступлений и правоприменительной деятельности 1994 г.[308]

2) Закон Джейкоба Ваттерлинга о преступлениях против детей и регистрации сексуальных преступников 1994 г.[309]

3) Закон Меган 1996 г.[310]

4) Закон о преследовании и идентификации сексуального

преступника по делу Пэм Личнер 1996 г.[311]

5) Закон о насилии против женщин 1994 г.

6) Закон о предотвращении детской порнографии 1996 г.

7) Закон о предотвращении изнасилований с помощью наркотиков 1996 г.[312]

8) Закон о запрещении наркотика, способствующего изнасилованиям на свидании 2000 г.[313]

Все перечисленные законодательные акты (статуты) являются федеральными законами и определяют стратегию Министерства юстиции США в отношении тяжких сексуальных преступлений. Согласно большинству законов правоохранительным органам и органам местного самоуправления штатов необходимо знать списки и местонахождение вышедших на свободу лиц, совершивших сексуальное насилие; кроме того, должны реализовываться программы предупреждения общественности о живущих поблизости сексуальных преступниках, так называемое «принудительное уведомление общественности», особенно это касается лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении детей.

Последние два законодательных акта, связанных с запрещением ряда психотропных средств (рогипнола и оксибутирата натрия), отражают наметившуюся тенденцию к приведению жертвы в бессознательное состояние с целью сексуального использования. В соответствии с этими законами считается преступлением подмешивание в пищу или питье жертвы сексуального насилия веществ, находящихся под особым контролем; за это преступление предусматривается до 20 лет лишения свободы.

Такая ситуация отражает тот факт, что любые формы сексуального поведения по законам США криминализированы, прежде всего, по признаку насилия. Определение насильственных преступлений дает § 16 главы 1 части 1 «Преступления» раздела 18 «Преступления и уголовный процесс» Свода законов США: а) применение, попытка или угроза применения физической силы в отношении личности или имущества другого, и б) любое другое посягательство, являющееся фелонией, которое по своему характеру содержит в себе значительную опасность того, что в ходе совершения посягательства в отношении личности или имущества другого может быть применена сила.[314] Под фелонией в американском законодательстве понимается посягательство, за которое полагается наказание в виде тюремного заключения на срок свыше одного года, в отличие от мисдиминора, наказание за который насчитывает от 15 дней до одного года лишения свободы. Соответственно все преступления

делятся на две группы: фелонии и мисдиминоры. Фелонии, в свою очередь, делятся на насильственные и ненасильственные и на классы: A, B, C, D и E. Тогда структуру сексуальных преступлений в зависимости от класса фелоний можно представить в следующем виде.

1. Насильственные фелонии класс A:

1.1. Изнасилование первой степени (§ 130.35 УК штата Нью-Йорк);

1.2. Извращенное половое сношение первой степени, (§ 130.50);

1.3. Половое оскорбление при отягчающих обстоятельствах, (§ 130.70);

1.4. Вступление в половую связь с ребенком первой степени, (§ 130.75).

2. Насильственные фелонии класс B – это покушение на совершение фелонии класса A;

3. Насильственные фелонии класс C – половое оскорбление при отягчающих обстоятельствах второй степени (§ 130.67).

4. Насильственные фелонии класс D:

4.1. Покушение на фелонии класса C;

4.2. Половые оскорбления первой степени (без отягчающих обстоятельств) (§ 130.65);

4.3. Половые оскорбления при отягчающих обстоятельствах третьей степени (§ 130.66);

4.4. Вступление в половую связь с ребенком второй степени (§ 130.80).

5. Насильственные фелонии класс E: изнасилование третьей степени.

Приведенная систематика классов фелонии определяет, прежде всего, санкции, которые являются достаточно суровыми. Так, фелонии класса A предусматривают санкции до 25 лет, класса B – 20, класса C – от 4,5 до 15 лет, класса D до 7 лет и класса E – до 4 лет лишения свободы.[315]

Дефиниции основных понятий, характеризующих сексуальное криминальное поведение и составы отдельных преступлений по американскому законодательству:

нападение (assault) представляет собой посягательство против здоровья, наряду с побоями (battery), признаком различия выступает наличие физического контакта преступника и потерпевшего. По УК штата Калифорния (§ 240) нападение определяется как неправомерное покушение, соединенное с наличной собственностью причинить вред личности другого, иногда оно определяется как «поставление в состояние разумной опасности причинения побоев».[316] Квалификация деяния как

нападения не исключается при нахождении потерпевшего в особенных состояниях, исключающих возможность осознания грозящей опасности, как-то состояние сна, болезни, алкогольного/наркотического опьянения;[317]

изнасилование, под которым традиционно понимают насильственное половое сношение между не состоящими в браке мужчиной и женщиной, совершаемое без согласия последней.[318] Определение изнасилования может варьироваться в зависимости от законодательства конкретного штата, но в целом формулируется как «незаконное сексуальное сношение с женщиной, осуществляемое с применением силы или без добровольного юридического или фактического согласия».

Сексуальные революции, борьба за права сексуальных меньшинств и движения феминисток изменили семантику термина «изнасилование» в культуре Запада. В этих изменениях можно отметить ряд закономерностей: 1) возможность изнасилования в браке; 2) объектом преступления может являться как женщина, так и мужчина; 3) определение принципа согласия. Эволюция принципа согласия складывается из изменения стандарта сопротивления и может быть представлена четырьмя этапами:

1) «стандарт предельно возможного сопротивления»;

2) «стандарт разумного сопротивления»;

3) стандарт представления доказательств, подтверждающих сопротивление;

4) необходимость доказывания сопротивления полностью упразднена.

Отсутствие согласия потерпевшей, по мнению американских юристов, является одной из наиболее важных характеристик изнасилования.[319] P. Robinson отмечает, что ответственность за изнасилование в большей степени определяется фактором согласия, нежели поведением или его результатом, и проблема насильственных сексуальных преступлений представляется проблемой дефиниции понятия согласия, чтобы «эффективно действовать в подчас мутных водах личных взаимоотношений».[320] Если используемые понятия для квалификации сексуального криминального поведения относятся к “actus rea”, т. е. объективной стороне, то согласие – к “mens rea”, или субъективной стороне, способности обвиняемого осознавать, что потерпевшая не давала согласия. Согласие подразделяется на «простое» и «эффективное». Например, если врач убеждает женщину, что в медицинских целях необходимо введение во влагалище какого-то предмета, и после ее согласия осуществляет половое сношение, он виновен в изнасиловании, так как

отсутствует эффективное согласие.[321]

Статутное изнасилование представляет собой половую связь с лицом женского пола, не достигшим установленного законом возраста, при этом согласие со стороны объекта сексуального посягательства для квалификации преступления как изнасилования значения не имеет. В зависимости от штата возраст варьирует от 13 до 18 лет.

Отдельный состав образует изнасилование путем обмана, к которому относится сексуальное отношение с женщиной, достигшей установленного законом возраста, совершенное с ее согласия, полученного обманным путем. Хотя английский термин “rape” (изнасилование) имеет семантическую нагрузку как использование силы, обман в данном случае приравнивается к использованию или угрозе использования силы.

В целом изнасилование подразделяется на три степени, в зависимости от которых определяется класс фелонии:

Третья степень, класс E:

1) осуществление полового сношения с другим (с которым не находится в браке), не способным давать согласие по какой-либо причине, кроме как в силу недостижения им 17-летнего возраста;

2) будучи в возрасте 21 года или старше с лицом, не достигшим 17 лет.

Вторая степень, класс D:

1) тот, кто, не будучи моложе 18 лет, осуществляет половое сношение с другим лицом (с которым он не состоит в браке), не достигшим 14 лет.

Первая степень, класс C:

1) осуществление полового сношения с женщиной посредством насильственного принуждения;

2) не способной дать согласие по причине физической немощи (находившейся в беспомощном состоянии);

3) которой не исполнилось 11 лет.

По способу изнасилования в американском законодательстве выделяются: 1) вагинальное проникновение; 2) анальное и оральное проникновение; 3) введение в генитальное или анальное отверстие каких-либо предметов и 4) путем умышленного (намеренного) прикосновения к интимным частям тела потерпевшего с целью получения полового удовлетворения или возбуждения.

Таким образом, по сравнению с УК РФ объективная сторона изнасилования трактуется в значительно расширенном варианте. Однако в кодексах некоторых штатов нетрадиционные способы удовлетворения половых потребностей выделяются в самостоятельные составы преступления.

Квалифицирующими признаками изнасилования (ст. 213.1 Примерного УК США) и «извращенного полового сношения с применением насилия или иного воздействия или обмана» (ст. 213.2) являются:[322]

1) вынуждение другого лица к участию в половом сношении путем применения насилия или путем «угрозы немедленно причинить кому-либо смерть, тяжкое телесное повреждение либо сильную физическую боль или немедленно похитить кого-либо»;

2) существенное ограничение способности другого лица оценивать или контролировать свое поведение путем дачи или использования без ведома потерпевшего наркотических, опьяняющих или иных веществ для того, чтобы предотвратить сопротивление;

3) нахождение другого лица в бессознательном состоянии;

4) если другое лицо не достигло десятилетнего возраста;

5) наличие психической болезни или неполноценности другого лица, которые лишают его возможности оценивать характер своего поведения;

6) осведомленность виновного о том, что другое лицо подчиняется потому, что не отдает себе отчета в том, что с ним совершается половой акт.

Сексуальное нападение дифференцируется от изнасилования по признаку знакомства между субъектом и объектом. Если насильник является мужем, сексуальным партнером или любовником, то считается, что психологическая травма для потерпевшей выражена в меньшей степени и состав преступления квалифицируется как сексуальное нападение. По данным американского социологического опроса, более 40 % изнасилований относятся к сексуальным нападениям.[323]

Конструктивным насилием, по американскому уголовному праву, является согласие женщины или ее подчинение воле обвиняемого под влиянием угрозы убийством, причинением тяжкого телесного вреда, похищение потерпевшей или иного лица, которое приравнивается к реальному применению силы.[324]

К половому оскорблению относятся различные нетрадиционные способы удовлетворения половых потребностей.

Субъектом сексуальных преступлений выступает лицо, достигшее возраста 14 лет, вне зависимости от его способности совершать половой акт.

Для целостного представления об уголовном законодательстве США в отношении сексуальных преступлений следует отметить, что, несмотря на официально декларируемую свободу нравственности, уголовные кодексы отдельных штатов

носят репрессивный характер. Например, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк содержит ст. 225, посвященную «посягательствам, затрагивающим брачные отношения», где § 225.17 (нарушение супружеской верности) гласит: «…лицо виновно в нарушении супружеской верности, если оно вступает в половое сношение с другим лицом при жизни своего супруга или при жизни супруга этого лица»; § 225.25 (кровосмешение): «… лицо виновно в кровосмешении, если оно вступает в брак или половое сношение с лицом, которое, как ему известно, приходится ему (по закону или нет) родственником по восходящей или нисходящей линии, братом или сестрой по обеим родителям или только по одному из них, дядей, тетей, племянником или племянницей».[325] Уголовный кодекс штата Мэриленд в ст. 27 раздела 554 определяет криминальность «противоестественного или извращенного сексуального поведения»: «…любой человек, обвиняемый в том, что он или она берут в свой рот сексуальный орган другого человека или животного, или те, которых собираются обвинить в том, что они вводят свой сексуальный орган в рот другого человека или животного, а также те, которых собираются обвинить в совершении какого-либо иного противоестественного или извращенного акта с человеком или животным, облагаются штрафом на сумму, не превышающую одну тысячу долларов, либо заключаются в тюрьму, исправительный дом или пенитенциарий на период, не превышающий 10 лет, либо одновременно облагаются штрафом и заключаются в тюрьму в пределах, указанных выше, по усмотрению суда». Характеризуя правовое положение сексуальных меньшинств в Америке, А. П. Дьяченко отмечает: «…в одних штатах (их 24) все ненасильственные сексуальные действия между взрослыми лицами, совершаемые в частной обстановке и по согласию, декриминализированы; в других (21) оральный и анальный секс независимо от пола признается незаконным; в третьих – анальный и оральный секс между лицами одного пола криминализирован. Кстати, по УК ряда штатов санкции за преступное деяние достигают 10–20 лет тюремного заключения».[326]

Сексуальные преступления по английскому уголовному законодательству можно представить в виде схемы (см. рис. 3).

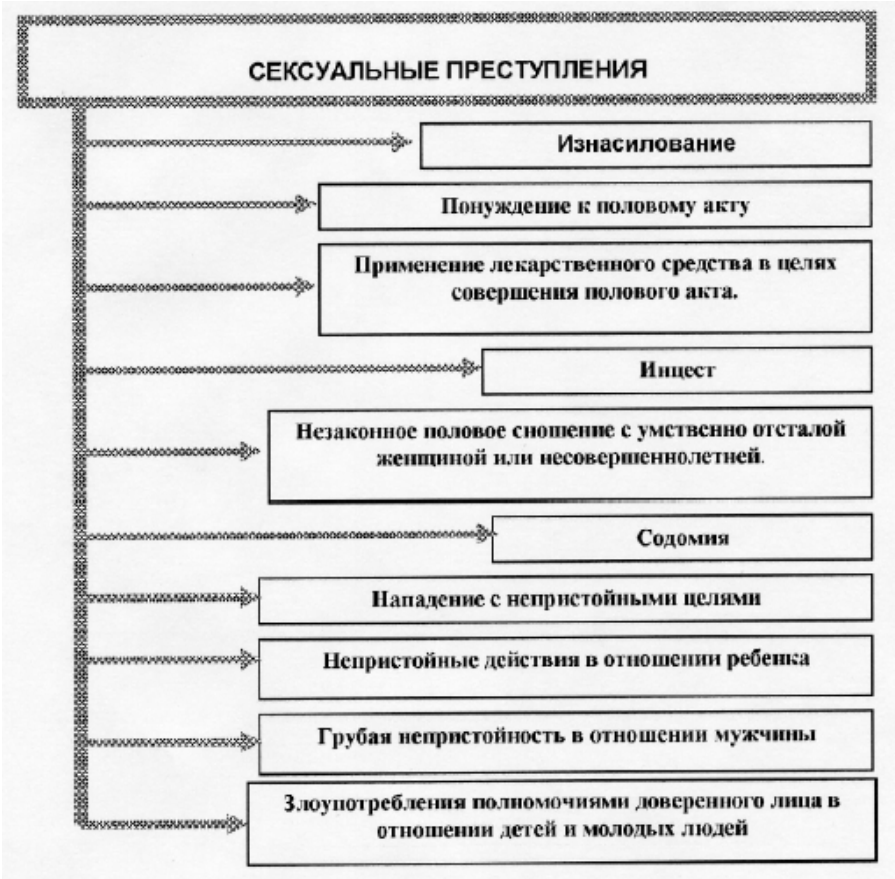

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Изнасилование
Понуждение к половому акту
Применение лекарственного средства в целях совершения полового акта.
Инцест
Незаконное половое сношение с умственно отсталой женщиной или несовершеннолетней.
Содомия
Нападение с непристойными целями
Непристойные действия в отношении ребенка
Грубая непристойность в отношении мужчины
Злоупотребления полномочиями доверенного лица в отношении детей и молодых людей

Рис. 3. Структура сексуальных преступлений по английскому уголовному праву

Динамика англосаксонского права в отношении преследования за сексуальные преступления и современное положение дел отражают общественное мнение и понимание нравственности в вопросах взаимоотношения полов. Отсутствие единого кодифицированного уголовного законодательства заменяется отдельными законодательными актами, такими, как Закон о половых преступлениях, который пересматривался в 1956, 1967, 1976 и 1997 гг. Следует кратко остановиться на дефинициях основных составов сексуальных преступлений.

Изнасилование. Под половым сношением (ст. 44 Закона от 1956 г.) подразумевается введение мужского полового органа в половой орган другого человека, и, соответственно, оно может быть совершено только лицом мужского пола. Определение пола в соответствии с этим же Законом определяется только по биологическим критериям и на момент рождения. Все операции по изменению пола не рассматриваются, соответственно

учитывается только биологический пол – sex, но не социальный – gender.

С 1991 г. муж может быть признан виновным в изнасиловании жены, а с 1994 г. введена уголовная ответственность за изнасилование мужчин, и она носит статутный, а не прецедентный характер. Однако муж может привлекаться к уголовной ответственности за изнасилование жены в том случае, когда он нарушает судебный запрет на раздельное проживание и насилие жены произведено в ее собственном доме. Принципиальным отличием от российского права являются следующие моменты: согласие по ошибке не исключает криминальности сексуального поведения и возможности неосторожной формы вины, которая вытекает из особенностей согласия. Кроме того, в английском праве добровольность согласия наступает с 16, а в отношении попечителей и доверенных лиц – с 18 лет. Однако уголовная политика, проводимая в отношении возраста объекта сексуальных преступлений, имеет более сложную градацию. Так, согласно Закону о сексуальных преступлениях 1956 г., половое сношение с девочкой, не достигшей 13 лет, наказывается вплоть до пожизненного заключения. При возрасте от 13 до 16 лет наказание составляет тюремное заключение на срок до двух лет. [327]

Объективную сторону изнасилования по английскому праву составляют два условия:

1) незаконность полового сношения;

2) отсутствие согласия женщины на половое сношение.

Инцест. Для квалификации и отграничения от иных составов сексуальных преступлений необходимы следующие условия:

1) субъект преступления – только лицо мужского пола, являющееся, как ему известно, одним из следующих родственников – дедом, отцом, братом или сыном;

2) согласие лица женского пола, в отношении которого осуществляются сексуальные действия;

3) достижение женщиной возраста 16 лет.

Соответственно при отсутствии согласия преступление квалифицируется как изнасилование, при отсутствии возраста 16 лет – незаконное половое сношение с несовершеннолетней. Санкция за кровосмешение составляет тюремное заключение на срок до семи лет.

Содомия. Декриминализирована в добровольном, «консенсусном» варианте в Sexual Offences Act 1967, однако вполне справедливым следует признать принцип приватности.

Критерии отсутствия криминальности:

1) добровольный характер;

2) возраст обоих участников более 16 лет;

3) соблюдение приватности гомосексуального контакта:

а) отсутствие третьих лиц;

б) сексуальные отношения вне помещений, расположенных в общественных местах.

Понуждение к половому акту. Характеризуется следующими признаками:

1) субъект – только лицо мужского пола;

2) совершение путем угрозы, запугивания или обмана;

3) объект лица как мужского, так и женского пола;

4) объект запугивания, угроз или обмана и объект полового акта могут не совпадать, т. е. являться третьими лицами.

В целом следует отметить, что принципиальным отличием англосаксонской системы права в отношении сексуального криминального поведения являются санкции. Так, по английскому законодательству насильственные формы караются вплоть до пожизненного заключения, которое при повторном сексуальном деликте назначается автоматически.

б) Сексуальные преступления в романо-германской уголовно-правовой системе

Романо-германская уголовно-правовая система основана на рецепции римского права. При формировании основных юридических конструкций применяются понятия психологической вины и свободы воли, развитые классической немецкой философией в трудах И. Канта и Г. Гегеля. Основной чертой данной правовой системы является ее кодифицированный характер. Как отмечает Р. Давид, «закон в силу самой строгости его изложения выступает лучшим техническим способом установления четких норм в эпоху, когда сложность общественных отношений выдвигает на первый план среди всех аспектов правильного решения его точность и ясность».[328] Уголовно-правовые нормы, регулирующие сексуальное поведение в романо-германской правовой системе, различаются в широком диапазоне и зависят от социо-культуральных и исторических особенностей конкретного государства, правовых традиций и обычаев, а также определяются современными воззрениями на понимание морали.

В отношении санкций за сексуальные преступления одним из самых репрессивных является УК Франции. Закон от 17 июня 1998 г. № 98-468 ввел в УК половые правонарушения как

самостоятельную категорию.[329] Общими критериями для сексуальных правонарушений (проникновения, прикосновения, выставление напоказ, реализация представлений и т. д.) являются акты, имеющие в своей основе сексуальный мотив и направленные на лиц, которые не располагают физическими или моральными средствами, достаточными, чтобы отвергнуть такие действия, если они на них не согласны. Как и другие криминальные действия, они состоят из трех элементов: материальной (фактической) стороны, волевого (умышленность) и правового (криминальность и наказуемость деяния) элементов. Общим понятием, характеризующим сексуальные преступления, выступает понятие сексуальной агрессии – «любого сексуального посягательства, совершенного путем насилия, принуждения, угрозы или обмана».[330] Сексуальные агрессии подразделяются на три категории: 1) изнасилование; 2) прочие сексуальные агрессии и 3) сексуальное преследование.

Изнасилование отличается от прочих сексуальных агрессий таким признаком, как акт сексуального проникновения: субъектом и объектом могут выступать лица вне зависимости от пола. Санкции за подобные преступления – 15 лет лишения свободы; при отягчающих обстоятельствах – 20 лет; если изнасилование повлекло смерть потерпевшего – 30 лет, и пожизненное заключение, если оно было сопряжено с пытками или актами жестокости.

Прочие сексуальные агрессии, кроме действий сексуального характера, не связанных с проникновением, включают в себя (ст. 222-32 УК Франции) публичное обнажение половых органов, навязанное вниманию другого лица в местах всеобщего обозрения.

Сексуальное преследование составляет самостоятельный состав преступления, совершаемый специальным субъектом – «лицом, злоупотребляющим властью в связи с представленными ему полномочиями», которое осуществляет преследование другого лица путем отдачи приказаний, высказывания угроз, принуждения или тяжкого давления с целью получения преимуществ сексуального характера.

Сходное разграничение сексуальных криминальных действий содержится в Уголовном кодексе Германии, в главе под названием «Преступные деяния против полового самоопределения». Все криминальные деяния подразделены на две группы: изнасилование и сексуальное принуждение. Изнасилование определяется как «действия, связанные с проникновением в тело потерпевшего», а сексуальное принуждение рассматривается как «использование насилия, или

применение угрозы реальной опасности для жизни и здоровья, использование положения, в котором жертва беззащитно отдана на его произвол, принуждение другого лица терпеть сексуальные действия этого или третьего лица в отношении себя или совершать такие действия в отношении исполнителя или третьего лица».[331] Особенностью уголовного законодательства Германии в отношении сексуальных преступлений является узкая и предельно точная формулировка составов преступлений. В целом раздел 13 УК содержит тринадцать различных составов преступлений, и диспозиции статей выделяют множество специальных субъектов на основе типов зависимости жертвы и степени ограничения свободы полового самоопределения последней в таких взаимоотношениях. Все сексуальные преступления в УК Германии условно делятся на четыре категории.[332] Первую составляют сексуальные действия в отношения лиц, в силу каких-либо обстоятельств (несовершеннолетние, больные, заключенные) находящихся под специальной уголовно-правовой защитой. Вторая категория включает сексуальные действия, осуществляемые посредством силы или угрозы ее применения. Третья – образуется составами корыстных преступлений, совершаемых в сфере полового самоопределения. Четвертую категорию образуют составы преступлений, посягающие на нормы общественной морали и нравственности: эксгибиционизм, публичное совершение сексуальных действий, распространение порнографии и занятие проституцией вблизи учебных заведений.

По швейцарскому уголовному законодательству сексуальные преступления составляют пятый раздел Уголовного кодекса «Преступные деяния против половой неприкосновенности»[333] и подразделяются на пять групп, которые схематично представлены на рисунке 4.

Отдельно, в шестом разделе (о преступлениях против семьи), ст. 213 определяет инцест как сожительство с кровными родственниками по прямой линии или с родными или сводными братьями и сестрами.

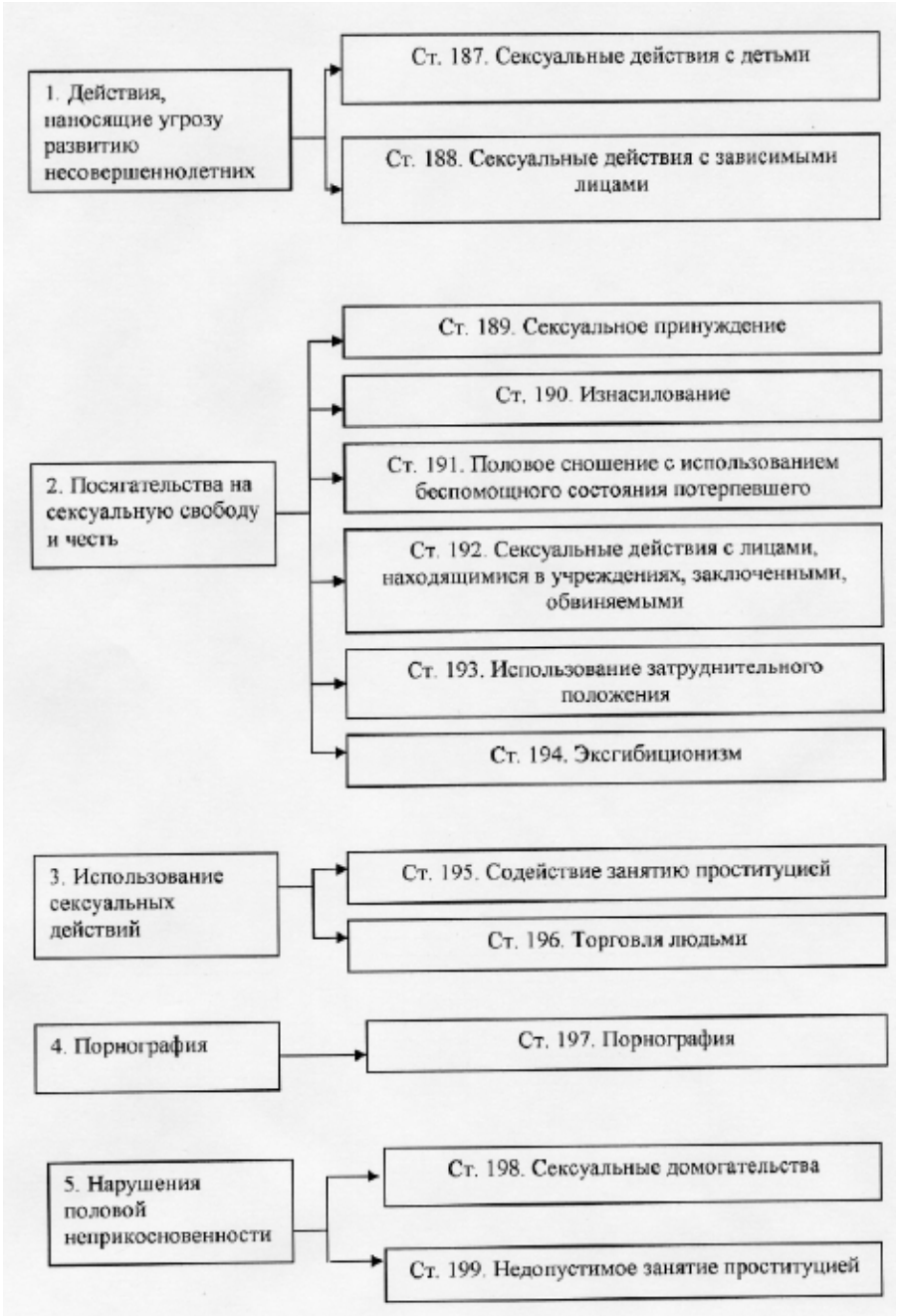

1. Действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних
Ст. 187. Сексуальные действия с детьми
Ст. 188. Сексуальные действия с зависимыми лицами
2. Посягательства на сексуальную свободу и честь
Ст. 189. Сексуальное принуждение
Ст. 190. Изнасилование
Ст. 191. Половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшего
Ст. 192. Сексуальные действия с лицами, находящимися в учреждениях, заключенными, обвиняемыми
Ст. 193. Использование затруднительного положения
Ст. 194. Эксгибиционизм
3. Использование сексуальных действий
Ст. 195. Содействие занятию проституцией
Ст. 196. Торговля людьми
4. Порнография
Ст. 197. Порнография
5. Нарушения половой неприкосновенности
Ст. 198. Сексуальные домогательства
Ст. 199. Недопустимое занятие проституцией

Рис. 4. Преступления против половой неприкосновенности по УК Швейцарии

При определении криминальности сексуального поведения в отношении несовершеннолетних или лиц моложе 16 лет действуют две специфические нормы права: 1) ст. 187-2 – деяние не является наказуемым, если разница в возрасте между

участвующими лицами составляет не более трех лет, и 2) ст. 187-3 – если потерпевшее лицо заключило с ним брак, то компетентный орган может отказаться от преследования, передачи дела в суд или от наказания.

Уголовный кодекс Австрии относит сексуальные преступления к главе десятой «Преступные деяния против нравственности» и, наряду с классическими составами преступлений: изнасилование и сексуальное принуждение, отдельными составами выделяет беспомощное состояние жертвы (§ 205); угрозу нравственности лиц, не достигших 16 летнего возраста (§ 208), где квалифицирующим признаком выступает понятие «сексуальное возбуждение». Выделяется еще целый ряд деяний (§ 213–219), субъект которых выступает посредником в сексуальных действиях криминального характера: сводничество, сутенерство, содействие профессиональной проституции, уведомление о проведении развратных действий и др.[334]

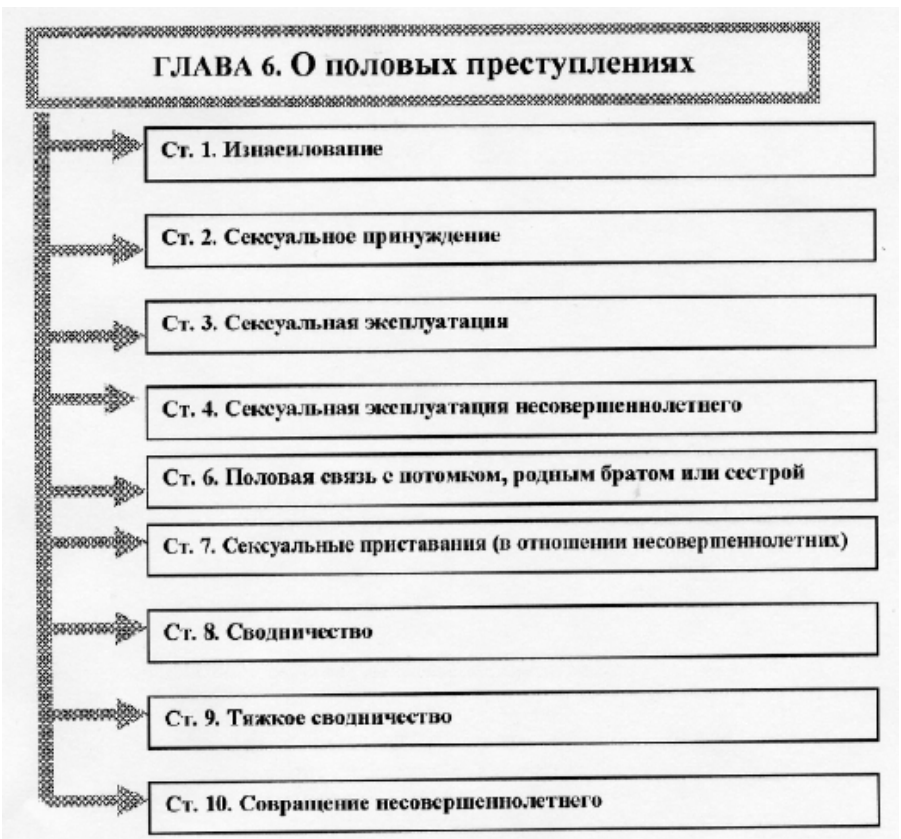

ГЛАВА 6. О половых преступлениях
Ст. 1. Изнасилование
Ст. 2. Сексуальное принуждение
Ст. 3. Сексуальная эксплуатация
Ст. 4. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего
Ст. 6. Половая связь с потомком, родным братом или сестрой
Ст. 7. Сексуальные приставания (в отношении несовершеннолетних)
Ст. 8. Сводничество
Ст. 9. Тяжкое сводничество
Ст. 10. Совращение несовершеннолетнего

Рис. 5. Половые преступления по УК Швеции

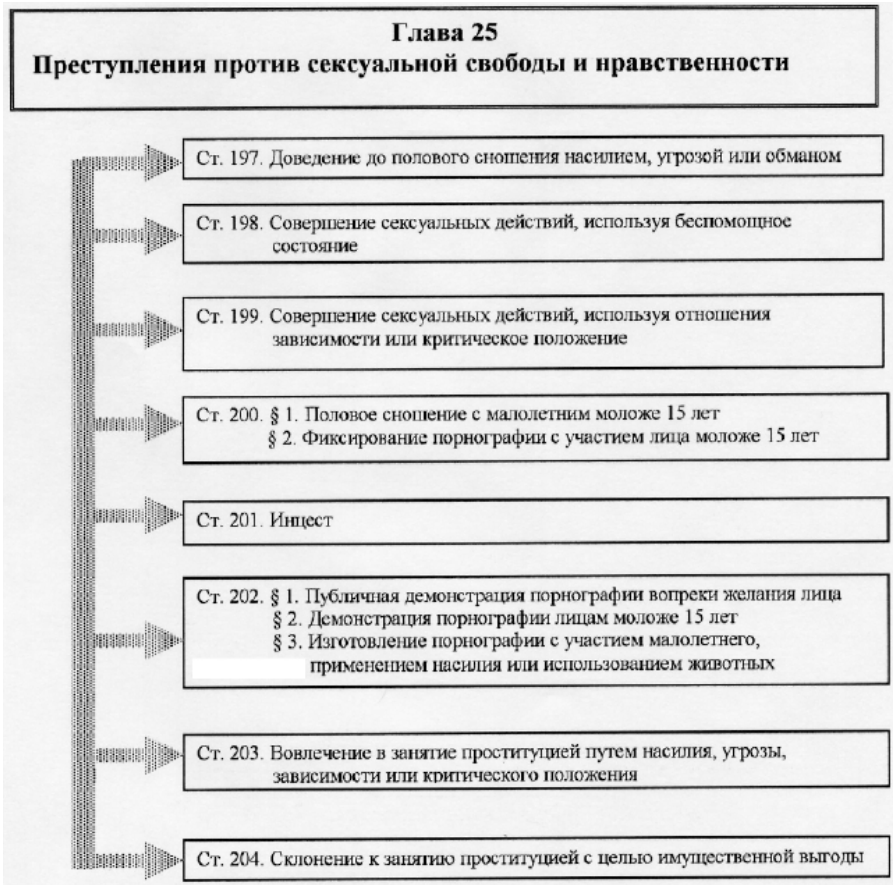
Половым преступлениям в УК Швеции посвящена глава 6 «О

половых преступлениях».[335] Она включает в себя двенадцать статей, десять из которых посвящены непосредственно действиям сексуального характера (изнасилование, понуждение, эксплуатация и др.) или финансовой эксплуатации таких действий. В общем виде структура половых преступлений шведского уголовного законодательства может быть представлена на рисунке 5.

«Сексуальное принуждение» – общий, родовой термин, используемый для характеристики сексуального криминального поведения, сопряженного с насилием, угрозой насилия или использования «обстоятельств в целом».

Криминальные сексуальные действия в УК Испании рассматриваются в разделе «Преступления против половой свободы»[336], и его особенностью является отсутствие термина «изнасилование». Вместо него ст. 178 УК Испании гласит: «…кто посягнет на половую свободу другого человека с насилием или запугиванием, наказывается как виновный в сексуальной агрессии». Под сексуальной агрессией испанский Кодекс понимает физический половой акт путем введения предмета, ротового или анального проникновения. К признакам, отягчающим сексуальную агрессию, относятся: 1) применение насилия или запугивания, носящего унизительный или оскорбительный характер; 2) совершение данного деяния тремя или более лицами, действующими в группе; 3) беспомощное состояние жертвы, «уязвимость» вследствие «возраста, болезни или положения»; 4) совершение данного деяния с использованием родственных связей восходящим или нисходящим родственником или братом (сестрой), родными, в результате усыновления или через отношения свойства; 5) использование виновным общественно опасных средств, способных повлечь смерть или какое-либо телесное повреждение.

Сексуальные действия, посягающие на половую свободу и не сопровождающиеся насилием или запугиванием, но без согласия потерпевшего, относятся к сексуальному злоупотреблению. Третий вид криминального сексуального поведения в испанском уголовном законодательстве – преследование сексуального характера – определяется как действия какого-либо лица, осуществляющего домогательство сексуального характера в свою пользу (или в пользу третьего лица), использующего свое (должностное или иное) положение, которое намекает или открыто говорит о причинении жертве вреда в случае отказа.[337]


Глава 25
Преступления против сексуальной свободы и нравственности
Ст. 197. Доведение до полового сношения насилием, угрозой или обманом
Ст. 198. Совершение сексуальных действий, используя беспомощное состояние
Ст. 199. Совершение сексуальных действий, используя отношения зависимости или критическое положение
Ст. 200. § 1. Половое сношение с малолетним моложе 15 лет
§ 2. Фиксирование порнографии с участием лица моложе 15 лет
Ст. 201. Инцест
Ст. 202. § 1. Публичная демонстрация порнографии вопреки желания лица
§ 2. Демонстрация порнографии лицам моложе 15 лет
§ 3. Изготовление порнографии с участием малолетнего, применением насилия или использованием животных
Ст. 203. Вовлечение в занятие проституцией путем насилия, угрозы, зависимости или критического положения
Ст. 204. Склонение к занятию проституцией с целью имущественной выгоды

УК Польши объединяет половые преступления в главе, названной «Преступления против сексуальной свободы и нравственности». Спецификой польского законодательства выступают такие понятия, как «отношение зависимости» и «критическое положение» (ст. 199), которые предоставляют возможность для широкого спектра оценки зависимого положения жертвы сексуального преступления, с одной стороны, и его материального, физического и психологического состояния на момент совершения криминального деяния – с другой, тем самым не ставя рамки юридической квалификации только как беспомощного состояния. В общем виде структуру сексуального криминального поведения по УК Польши можно представить в виде рисунка 6.

Половые преступления по уголовному законодательству Японии, несмотря на то, что японское право относится к романо-германской правовой системе, отличается национальными чертами и особым менталитетом. В историческом аспекте право Японии первоначально было слито с социальными, религиозными

и этическими нормами и имело выраженный синкретический характер. Основная нормативная нагрузка придавалась правилам приличия, «гири», заменявшим право и мораль.[338] Наиболее известными из них являлись кодексы чести самураев. Таким образом, основной акцент делался на традиционных ценностях, а не на кодификации и разработке правовых норм. Последним фактором можно объяснить и длительное историческое отсутствие собственного уголовного законодательства, и специфику его функционирования.

Хотя формальное звучание правовых терминов относительно половых преступлений аналогично континентальной системе права, они имеют свою семантическую нагрузку. Половые преступления рассматриваются в двух главах японского Уголовного кодекса: «Преступления, состоящие в безнравственности, совращении и двоебрачии» (глава 22) и «Преступления, состоящие в захвате и уводе» (глава 33).[339] Так, ст. 225 главы 33 гласит: «Тот, кто в корыстных целях либо с целью разврата или вступления в брак захватил или уводил другое лицо, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от одного года до десяти лет».[340] В одну норму синкретически объединены различные цели: корысть, разврат и вступление в брак. Вместе с тем по способу совершения захват в японском уголовном праве включает насилие и угрозу, а увод – обман и уговоры, т. е. спектр объективной стороны состава преступления варьируется в широком диапазоне, от корыстного насилия до уговора вступления в брак, что, естественно, трудно представить в диспозиции одной нормы права. Понятие «насилие» образует самостоятельный состав преступления, как и угрозы. Причем насилие не связано с чисто физическим проявлением. Как отмечает один из японских правоведов Ито Макото, «насилие не только образуется в результате удара рукой или ногой, но достаточно совершения конкретного соответствующего действия в направлении человека, даже если не было соприкосновения с его телом, касания его тела».[341] Отдельно глава 32 УК Японии рассматривает преступления, состоящие в угрозе: ст. 222 – угрозы и статья 223 – принуждение. Под угрозой понимается заявление лица о возможности причинения вреда жизни, здоровью, свободе, чести или имуществу. Принуждение в ст. 223 понимается не только как «заставлять других людей делать то, что они не обязаны делать», но и «препятствие осуществления их прав, кои должны быть осуществлены».[342] Таким образом, препятствие в осуществлении своих прав также составляет понятие захвата.

Внутренняя логика норм права относительно половых

преступлений достаточно сложна. В основном они содержат преступления против нравственности и объединяют тем самым по родовому объекту, наряду с развратом (ст. 176), изнасилованием (ст. 177), многоженством (ст. 184), преступления, которые относятся к азартным играм и лотерее (глава 23), и преступления в отношении культа и мест погребения (глава 24 УК Японии).

Рассматривая преступления, родовым объектом которых выступает нравственность, т. е. сексуальные преступления, азартные игры, заключения различных пари, а также преступления, направленные против похоронных обрядов и ритуалов, где особая роль в сохранении останков умершего, можно отметить интересную особенность. Все эти формы поведения на Западе связываются в единую модель личности с зависимыми (аддиктивными) формами поведения. Для сексуального поведения – это парафилии, пристрастие к азартным играм (гэмблинг), различные варианты некрофилии. Исходя из таких представлений, можно отметить, что правовая охрана нравственности, по Уголовному кодексу Японии, направлена, прежде всего, на охрану от аддиктивных (зависимых) форм поведения.

В Японии менталитет в значительной мере базируется на конфуцианской философии и буддийском миропонимании, в центре которого всегда была мораль, прописанная в «кодексах чести», определенных этических стандартах, отражавших специфику представлений о личности в противоположность западной традиции права. Если история европейской традиции этики – это, прежде всего, развитие этики ненасилия как основы человеческого существования и, соответственно, криминализированными формами сексуального поведения в системах общего и континентального права являются только формы насильственного поведения, то этика, развившаяся из недр философии буддизма, конфуцианства и синтоизма, представляет собой этику гармонии с окружающим миром.

Таким образом, различна антропология криминального сексуального поведения. С одной стороны, это насилие, с другой – нарушение гармонии в окружающем мире. В отличие от биологической модели человека, восточная антропология одним из принципов выдвигает принцип «у-вэй», неделания, вместо борьбы – гармония с естественным ходом вещей.

Соответственно преступлениями против нравственности выступают любые аддиктивные, зависимые формы поведения. Они криминальны в силу того, что нарушают гармонию. Для культуры Запада эти формы поведения рассматриваются скорее как патологические или патобиологические по своей природе, но

не криминальные, и являются предметом медицины, психиатрии и т. д. Семантика терминов для квалификации сексуальных преступлений в УК Японии довольно сложна. Так, ст. 177 (изнасилование), кроме применения насилия или угроз, содержит понятие «совращение лица женского пола», а ст. 176 соединяет развратные действия с применением насилия.

Различия уголовного права Японии от других романо-германских и российской систем уголовного права отмечаются и в субъекте преступления. Если в УК РФ общий субъект представлен возрастом и вменяемостью, т. е. способностью в полной мере осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 21 УК РФ) и, соответственно, определяется как свобода волеизъявления и способность осознания, то в УК Японии субъект – прежде всего лицо, способное нести уголовную ответственность. Таким образом, свобода воли предстает как способность ответственности, которая раскрывается через способность отличать «добро от зла, хорошие дела от плохих и действовать на основании этой оценки».[343] Любое деяние предполагает в восточной антропологической модели ответственность, поэтому в целом ряде этических канонов принцип «недеяния» (“у-вэй”), означает отказ от направленной деятельности, которая всегда является морально ответственной, в противоположность «следованию природному естеству»,[344] природной гармонии. Исходя из такой предпосылки, мораль ставится на главное место по отношению к праву, и любое поведение, нарушающее гармонию в мире, уже аморально.

Неспособность нести уголовную ответственность часто ошибочно связывается с понятием невменяемости.[345] Психические аномалии субъекта преступления рассматриваются как факторы, влияющие на возможность, в первую очередь, самоконтроля и отличия добра и зла. Также нужно отметить, что субъект, в сравнении с отечественным уголовным правом, не является самостоятельным элементом состава преступления, а входит в объективный элемент, характеризуясь через определенное в Особенной части УК деяние.

Таким образом, если в романо-германской правовой системе речь идет о вменяемости субъекта преступления, то в УК Японии это «ответственно-способность». К неответственно-способным относятся: 1) в соответствии со ст. 39-1 УК Японии психически ненормальные или «помешанные», у которых отсутствует оценочная способность из-за дефектов психики, сильного алкогольного или наркотического опьянения, 2) по ст. 41 несовершеннолетние в возрасте до 14 лет – по той же причине.

Специфика взглядов на субъект преступления отражается, прежде всего, на криминологических теориях личности преступника и криминального поведения. Соответственно приоритет японская криминология отдает «выяснению того, какая среда повлияла на него и насколько благоприятным был момент для совершения противоправного деяния (теория дифференцированных возможностей)»,[346] что в целом согласуется с представленной антропологической моделью.

Несмотря на довольно лояльный характер санкций за насильственные преступления и преступления против нравственности, по сравнению с другими странами, входящими в романо-германскую правовую систему, уровень преступности в отношении данных преступлений остается стабильно низким и прогнозируемым. Доля тяжелых насильственных преступлений в общей структуре преступности составляет менее 1 %, иных насильственных преступлений – 2,8 %.[347] Для сравнения: в России насильственная преступность составляет около 20 %, из них тяжкие насильственные – 15 %.[348] Как закономерность, наряду с экономическим ростом и ростом благосостояния населения, в Японии отмечается рост корыстно-насильственной преступности, однако насилие, не связанное с имущественными фактами, с 1980 по 1990 г. снизилось с 0,6 до 0,13 %. В других западных странах положение с насильственной преступностью ближе по своей структуре к России. Как отмечалось, в отношении санкций за половые преступления УК Франции – один из самых репрессивных кодексов, однако, несмотря на это, в стране отмечается неуклонный рост преступности данного вида. Так, с 1980 по 1998 г. количество изнасилований выросло в 5 раз, других видов сексуальной агрессии – в 2 раза, в 20% популяции осужденных составляют лица, совершившие сексуальные преступления.[349]

Согласно исследованиям D. Castberg (1990),[350] основными факторами, влияющими на низкий уровень преступности в Японии, являются гомогенность социальной структуры общества, сдерживающая индивидуализм и нонконформизм, и стремление к гармонии, в том числе и в сфере межличностных отношений.

Если субъект права в УК Японии определяется по ответственности за свое поведение, то, соответственно, мотивационным факторам поведения придается особое значение, и они определяются исходя из направленности на правомерность поведения, в отличие от отечественной криминологии, рассматривающей преимущественно преступную мотивацию. Японские криминологи выделяют три типа мотивации правомерного поведения:[351] 1) правомерное поведение под

страхом наказания; 2) конформистское правомерное поведение, и 3) сознательное правомерное поведение. Для поддержания мотивационной структуры правового поведения длительное время использовался конфуцианский принцип неизвестности и неизбежности наказания, что гораздо сильнее сдерживало криминальную мотивацию, чем известность наказания.[352] Использование этого принципа позволяло в основу социального контроля поведения ставить не позитивное право, а морально-этические нормы.

Проведя краткий обзор преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в романо-германской уголовно-правовой системе, в целом можно говорить о нескольких характерных для рассматриваемой системы специфических особенностях по сравнению с англосаксонской и российской системами уголовного права:

1) выделение многочисленных специальных субъектов как на основе социального статуса виновного, так и на основе дифференцированных отношений зависимости преступника и жертвы;

2) общей чертой кодифицированных романо-германских уголовных законодательств выступает детально прописанный перечень обстоятельств, отягчающих ответственность;

3) криминализирующими сексуальное поведение выступают два признака:

а) насилие или угроза насилия над жертвой, и

б) несовершеннолетний возраст одного из сексуальных партнеров, при этом возрастная граница колеблется от 14 до 18 лет;

4) дефиниция понятия насильственных действий сексуального характера различна в романо-германской и англосаксонской правовых системах. Романо-германское и российское право под насилием понимают применение или угрозу применения силы, в англосаксонской же системе в понятие «насилие» включаются обман и отношения зависимости преступника и жертвы;

5) принципиальная разница отмечается в подходах к оценке субъективной стороны преступления: так, понятие “actus rea” англосаксонского права допускает неосторожность как форму вины при насильственных половых преступлениях, что отражается на широких возможностях субъективного вменения, в то же время в романо-германской и российской правовой системах в отношении указанных преступлений возможна только умышленная форма вины.

в) Российское уголовное законодательство в советский и постсоветский период

В отношении регуляции сексуального поведения законодательство советского периода претерпело значительные изменения по сравнению с Уголовным уложением 1903 г.

Октябрьская революция 1917 г. декриминализировала большинство форм сексуального поведения, в частности мужеложство, адюльтер, инцест, супружескую измену и ряд других. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал уголовную ответственность за половые сношения с несовершеннолетними, изнасилование и принуждение к занятию проституцией и сводничеством. При этом ст. 169 УК РСФСР под изнасилованием понимала «половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица», причем изнасилование могло быть совершено в отношении лица как женского, так и мужского пола.[353] При этом все криминальные действия сексуального характера были собраны в отдельной четвертой главе «Преступления в области половых отношений», содержавшей шесть статей (ст. 166–171).

При этом составы преступлений в области половых отношений условно разделялись на две группы – сопряженные и не сопряженные с удовлетворением сексуальных потребностей виновного лица и насильственного и ненасильственного характера.

статья 166 – половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости;

статья 167 – половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенной форме;

статья 168 – развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий;

статья 169 – изнасилование;

статья 170 – принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия;

статья 171 – сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции.

При этом следует отметить, что Кодекс содержит ряд понятий (растление, развратные действия, удовлетворение половой страсти в извращенной форме), относящихся больше к категориям нравственности и медицины, чем к уголовно-правовым понятиям.

Растление в медицинской и юридической литературе рассматривалось как лишение физической девственности,[354] тогда как удовлетворение половой страсти в извращенной форме предполагает медицинское понятие нормы в удовлетворении половых потребностей.

УК РСФСР 1926 г., как и последующий 1960 г., отказались от группировки половых преступлений в отдельной главе, поместив их в главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и тем самым определив приоритет социальных ценностей, в котором сексуальным отношениям отводилась второстепенная роль. К половым преступлениям в УК 1926 г. относятся пять статей (ст. 151–155):

статья 151 – половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости;

статья 152 – развращение малолетних или несовершеннолетних;

статья 153 – изнасилование;

статья 154 – понуждение женщины к вступлению в половую связь;

статья 155 – принуждение к занятию проституцией.

УК 1926 г. изменил трактовку понятия изнасилования, значительно расширив последнюю, так, под изнасилованием понималось «половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица». Соответственно обман стал предусматриваться как способ совершения преступления. Разъяснения Верховного Суда РСФСР в 1928 г. также предусматривали, что «лицо, вступившее в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении и с намерением расторжения после этого брака», подлежит уголовной ответственности как за изнасилование.

Если максимальный срок наказания за половые преступления, по УК РСФСР 1922 г., не превышал 5 лет, то санкции в УК 1926 г. вырастают до 8 лет, а в УК 1960 г. – до 10 лет, что отражает значимость половых отношений в системе общественных ценностей.

С 1 апреля 1934 г. на территории СССР начинает действовать ст. 154-а, принятая постановлением Президиума ЦИК СССР «Об уголовной ответственности за мужеложство», вводившая уголовные санкции за добровольное гомосексуальное поведение между мужчинами. Ответственность предусматривалась в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет, и при отягчающих обстоятельствах – от 5 до 8 лет лишения свободы. Добровольные

гомосексуальные контакты между лицами женского пола оставались вне уголовной репрессии.

В 1928 г. постановлением ВЦИК «О дополнении Уголовного кодекса» была введена глава X «Преступления, составляющие пережитки родового быта», в которой ст. 196–199 непосредственно относятся к рассматриваемой теме. Так, ст. 196 УК криминализировала уплату выкупа за невесту (калым); ст. 197 – принуждение женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожительства, а равно похищение ее для вступления в брак; ст. 198 – вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, и ст. 199 – двоеженство и многоженство. Указанные статьи были направлены, прежде всего, на разрушение традиционного уклада жизни многочисленных народностей, проживавших на территории СССР, введение единого стандарта образа жизни, новой «социалистической» личности.

УК РСФСР 1960 г. распределил преступления в области взаимоотношения полов в трех главах Кодекса: глава III «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», главах «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» и глава XI «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев».

Глава III включала пять составов половых преступлений (ст. 117–121 УК):

статья 117 – изнасилование;

статья 118 – понуждение женщины к вступлению в половую связь;

статья 119 – половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости;

статья 120 – развратные действия;

статья 121 – мужеложство.

Глава X содержала два состава преступлений, относящихся к сексуальным (ст. 210 и 226 УК):

статья 210 – вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией;

статья 226 – сводничество с корыстной целью и содержание притонов разврата.

Глава XI включала четыре состава преступлений, относящихся к рассматриваемой теме (ст. 232–235 УК):

статья 232 – уплата и принятие выкупа за невесту;

статья 233 – принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак;

статья 234 – заключение соглашения о браке с лицом, не

достигшим брачного возраста;

статья 235 – двоеженство или многоженство.

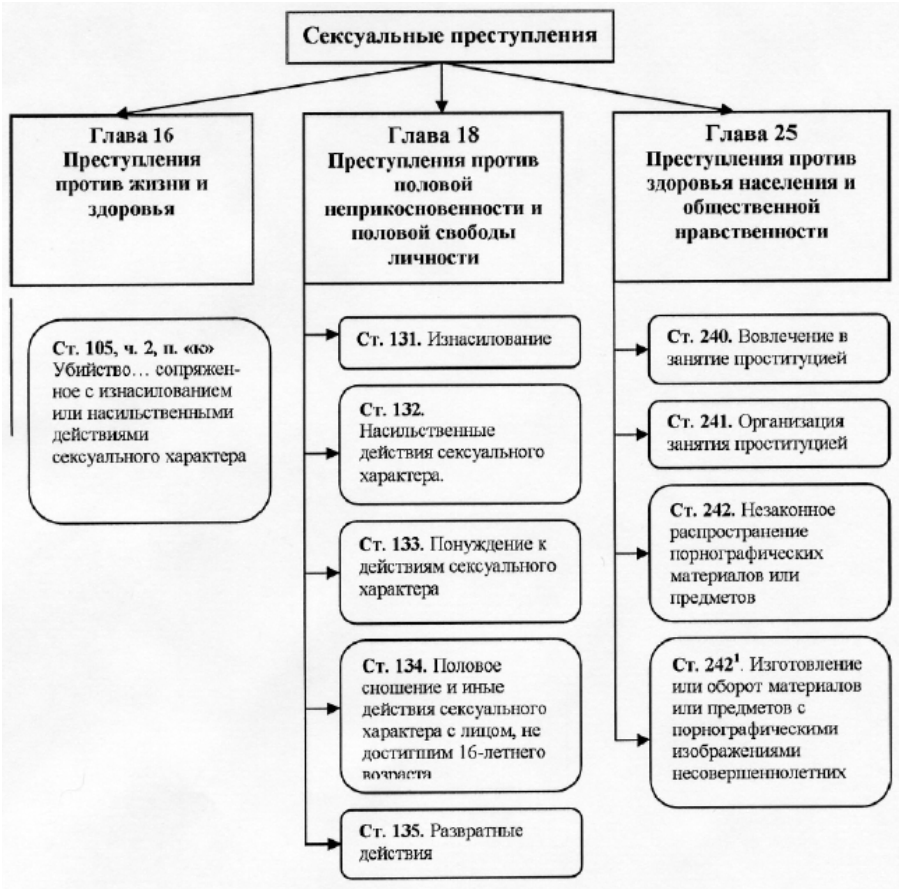

Сексуальные преступления
Глава 16 Преступления против жизни и здоровья
Глава 18 Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности
Глава 25 Преступления против здоровья населения и общественной нравственности
Ст. 105, ч. 2, п. «к» Убийство… сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера
Ст. 131. Изнасилование
Ст. 132. Насильственные действия сексуального характера.
Ст. 133. Понуждение к действиям сексуального характера
Ст. 134. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста
Ст. 135. Развратные действия
Ст. 240. Вовлечение в занятие проституцией
Ст. 241. Организация занятия проституцией
Ст. 242. Незаконное распространение порнографических материалов или предметов
Ст. 242[1]. Изготовление или оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних

Рис. 7. Сексуальные преступления по УК РФ 1996 г.

Под влиянием демократических перемен в России в 1993 г. Законом РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 устанавливалась уголовная ответственность только за «половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство), совершенное с применением физического насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего». [355]

Структуру сексуальных преступлений по УК РФ 1996 г. можно схематично представить на рисунке 7.

Целесообразным представляется краткий сравнительно-правовой анализ статей ныне действующего УК РФ и УК РСФСР в отношении половых преступлений.

Диспозиция ч. 1 ст. 131 УК РФ «Изнасилование» практически не изменилась по сравнению с диспозицией ст. 117 УК РСФСР.

Прежними также остались: объективная сторона, которая выражается в совершении полового сношения и применении физического насилия или угрозы его применения, а также использование беспомощного состояния потерпевшей, которое в российском праве традиционно не выделяется в отдельный квалифицированный состав преступления.

Субъектом преступления может быть только лицо мужского пола, в то время как за соучастие может привлекаться к уголовной ответственности лица женского пола.

Субъективная сторона в УК РСФСР и УК РФ заключается в вине, выраженной только в форме прямого умысла, т. е. виновный осознает, что совершает половое сношение против воли потерпевшей и желает этого.

Существенным изменениям были подвергнуты квалифицирующие признаки данного состава. Статья 117 УК РСФСР «Изнасилование» подразделялась на четыре части, из которой особо квалифицированной частью была ч. 4, включающая в себя:

а) изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом, повлекшее особо тяжкие последствия (смерть, самоубийство потерпевшей и т. д.);

б) изнасилование малолетней (если потерпевшей нет 14 лет).

Санкцией за совершение преступления, подпадающего под ч. 4 ст. 117 УК РСФСР, было лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки или смертная казнь.

Квалифицирующие признаки основного состава, содержащиеся в трех первых частях УК РСФСР, были перенесены в УК РФ. Так, ч. 2 ст. 117 УК РСФСР предусматривала:

а) изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжких телесных повреждений;

б) изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование.

Санкция в данных случаях составляла лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

Часть 3 ст. 117 УК РСФСР предусматривала:

а) изнасилование, совершенное группой лиц;

б) изнасилование несовершеннолетней (лица моложе 18 лет).

Ответственность за совершение данного общественно опасного деяния наступала в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет.

УК РФ диспозиции указанных двух частей УК РСФСР объединяет в одну ч. 2, но при этом добавляет нововведение: изнасилование, повлекшее заражение потерпевшей венерическим

заболеванием. Санкцию за совершение подобных деяний УК РФ устанавливает в виде лишения свободы на срок от 4 до 10 лет, т. е. нижний предел санкции был установлен с 5 до 4 лет, а верхний – с 15 до 10 лет лишения свободы.

Таким образом, ч. 3 ст. 131 УК РФ выглядит следующим образом:

а) изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей;

б) изнасилование, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, заражение ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия;

в) изнасилование потерпевшей, заведомо не достигшей 14 лет.

Санкция за совершение преступления с особо квалифицированным составом – лишение свободы на срок от 8 до 15 лет.

Статья 118 УК РСФСР «Понуждение женщины к вступлению в половую связь» в своей диспозиции гласит: «Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально и по службе зависимой».

Материальная зависимость обусловливается обязанностями лица либо фактическими отношениями, а служебная – подчинением женщины по службе.

Потерпевшей от данного преступления рассматривалось только лицо женского пола. По сравнению с диспозицией ст. 118 УК РСФСР, диспозиция ст. 133 УК РФ претерпевает расширение. Объективная сторона ст. 133 УК заключается в понуждении лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем оказания психологического давления на потерпевшего: шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, а также с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего. При этом потерпевшим может выступать лицо как женского, так и мужского пола.

Наиболее удачным является изменение термина «удовлетворение половой страсти» более семантически определенным понятием «действия сексуального характера».

Статья 119 УК РСФСР «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости» сопоставима со ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», но последняя значительно расширена и в нее внесено более четкое квалифицирующее начало. Вместо понятия «половая зрелость»

вводится возрастной критерий 16 лет, и понятие «половое сношение» заменяется расширенным термином «действия сексуального характера».

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РСФСР, состоит в половом сношении с лицом, не достигшим половой зрелости; ч. 2 ст. 119 говорила о тех же действиях, но сопряженных с удовлетворением половой страсти в извращенной форме.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, может быть лишь лицо, достигшее 18-летнего возраста, что вызывает наше решительное несогласие.

Статья 120 УК РСФСР называлась «Развратные действия в отношении несовершеннолетнего». Указанной статье соответствует ст. 135 УК РФ «Развратные действия, совершаемые без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцати лет». Объектом преступления выступает нормальное половое развитие лица, не достигшего 16-летнего возраста. Под развратными действиями понимаются любые действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой страсти виновного либо преследующие цель возбудить или удовлетворить половой инстинкт малолетнего при его добровольном согласии на их совершение. [356]

Статья 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» является новеллой, она предусматривает ответственность за любые действия сексуального характера, совершенные с применением насилия, угроз насилием или с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Объектом преступления является половая свобода, а при совершении насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшего с использованием его психической беспомощности – половая неприкосновенность.

Приведенный краткий сравнительно-правовой анализ кодексов 1960 и 1996 гг. позволяет говорить о том, что, несмотря на изменение приоритета ценностей с принятием УК РФ и ориентацией на права и свободы личности, санкции статей, касающихся половой неприкосновенности и половой свободы граждан значительно ниже по сравнению с его предшественником – УК РСФСР, что прямо свидетельствует об изменении нормативных и ценностных установок государства к криминальному сексуальному поведению и сексуальной морали. Теперь человек хуже защищен законом от посягательств на его половую свободу и половую неприкосновенность.

г) Нормы регуляции сексуального поведения в эпоху постмодернизма

Термин «постмодернизм» является довольно неопределенным, отражая специфику культурно-исторического понимания происходящих процессов в обществах постиндустриального типа. В то же время он играет значительную роль в вопросах права и теории личности, теориях сексуального поведения человека.[357] Постмодернизм «обозначает состояние культуры после изменений, которые повлияли на правила игры в науке, литературе и искусстве, начиная с конца XIX века», – писал один из идеологов этого направления Жан-Франсуа Лиотар.[358] Постмодернизм представляется как комплексный феномен социально-духовной природы, объединяющий в себе происходящие изменения в мироощущении и миропонимании современного человека в целом и в отношении ценностей предшествующих эпох.[359]

Личность как персоналистическая индивидуальность отсутствует в постмодерне, а вместе с этим утверждается и смерть «субъекта права». Отсутствие индивидуальной целостности, «Я», «диффузия идентичности», соответственно, ставят под сомнение права, основанные на свободе воли в поведении, вместо этого постулируется возможность «множественной идентичности» или множественной личности. В эпоху модернизма проблема идентичности состояла в необходимости приобретения определенного социального положения или статуса. Для достижения этой цели, прежде всего, нужна была идентичность как желаемая модель, так называемый «жизненный проект», в терминологии Ж.-П. Сартра, который задавал сущность человеческой личности. В постмодернизме такой проект стал ненужным. Термины «множественная личность» и «диффузная идентичность» получили значительное распространение в англо-американской психологии и психиатрии и отражены в Международной классификации болезней десятого пересмотра, принятой и в России, однако реализации на практике не получили. Знаменитый «постмодернистский уголовный процесс», проходивший в 1991 г. в Висконсине, как раз касался криминального сексуального поведения. Подсудимый обвинялся в изнасиловании женщины, страдавшей наличием множества личностей в одном теле.[360] Об изнасиловании можно было говорить только в отношении одной из личностей, остальные принципиально дали бы добровольное согласие на сексуальный контакт. Более того, потерпевшая «личность» тоже была принципиально согласна, но была слишком незрелой или не

вполне здоровой, чтобы ее согласие могло считаться подлинным. Таким образом, само понятие личности и целый ряд других понятий, лежащих в основе права, были поставлены под сомнение.

Социальная структура постмодерна представлена гиперреальностью или множественной реальностью. Классические социальные институты семьи и брака практически перестают играть регулятивную роль в отношении сексуального поведения, да и сами они трансформируются. Так, отмечается повсеместное распространение гражданских браков, практически носящих легитимный характер, в ряде стран возможны однополые браки и т. д. Новым моментом для социальной динамики постмодерна выступают феминистские движения, которые пытаются сместить акцент властных отношений и приоритетов в гендерных отношениях, однако они не снимают бинарной оппозиции мужского и женского, так как сексуальность, отмеченная М. Фуко, служила механизмом власти и общественного контроля только в эпоху модернизма.

Понятие сексуального поведения и норм его регуляции в эпоху постмодернизма также претерпевают значительные изменения. Само понятие нормы как таковое перестает существовать, и его место занимает понятие консенсуса, который «является никогда не достигаемой линией горизонта», по выражению Ж.-Ф. Лиотара, и, соответственно, место инварианта занимает дискурс, который никогда не станет окончательным в силу морального релятивизма и консенсусного характера норм. До уровня культурной нормы поднимается свобода поиска сексуальных удовольствий ради них самих как продолжение свобод личности. Норма, выступавшая в эпоху модерна главной стратегией поддержания социального порядка и в области сексуального поведения опиравшаяся, в первую очередь, на понятие сексуального здоровья в противопоставлении болезни, практически перестала работать. Медицинское понятие здоровья (health) подразумевало определенное стабильное состояние, гомеостаз, определенный шаблон, в постмодернизме заменяется понятием соответствия (fitness), подразумевающим постоянную динамику, готовность к движению, способности к поглощению все больших объемов стимулов и раздражений.[361] Если бинарной оппозицией здоровья выступала болезнь, то соответствие противостоит несоответствию. Таким образом, любые формы сексуального поведения, которые находят себе соответствие, консенсусность, автоматически исключаются из болезненных, а в последующем и криминальных.

Еще одной чертой постмодернизма является стирание

демаркационных линий криминальности сексуального поведения, идущих вслед за размытием границ нормы и патологии. Большинство правовых терминов, квалифицирующих сексуальное криминальное поведение, являются слишком широкими по своему объему и не имеют четкой логической экспликации. Так, я уже приводил мнение А. Ковлера, что американские суды завалены исками о сексуальных домогательствах словом, жестом или взглядом.[362] Сходного мнения придерживаются многие зарубежные исследователи этой проблематики. Сюзанна Мур пишет, что «термином “сексуальное совращение” сегодня злоупотребляют столь сильно, что почти любую ситуацию можно истолковать как домогательство»,[363] при этом она касается интерпретации домогательства уже не в отношении взрослых гетеросексуальных взаимоотношений, а отношений с детьми. Другой английский исследователь семьи эпохи постмодерна M. Freely пишет: «Если вы мужчина, то, скорее всего, дважды подумаете, прежде чем подойти к плачущему потерявшемуся ребенку, чтобы предложить свою помощь… Если бы “Лолита” была впервые опубликована в 1997 г., ее никто бы не решился причислять к классике».[364]

Другими новшествами постмодерна в вопросах правового регулирования сексуального поведения, которые следует отметить, являются все большее распространение понятия «супружеское изнасилование», возможность исков внебрачных детей к своим биологическим отцам по возмещению им морального ущерба в связи с насилием над их матерями, в результате чего эти дети появились на свет, так как такой способ их зачатия оскорбляет их достоинство.[365]

Специфические особенности сексуального поведения в его криминальных и некриминальных формах в эпоху постмодерна могут составлять предмет специального исследования, здесь же приведен общий набросок, который дает представление о положении дел в данной области и служит как бы завершающим штрихом в рамках цивилизационного подхода.

Глава 3
Уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Сексуальные преступления – это преступления, направленные против половой свободы и неприкосновенности, закрепленные главой 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» действующего УК РФ. Реальный круг преступлений, совершаемых по сексуальным мотивам, гораздо шире. К ним могут быть отнесены: убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111, 112, 115 УК РФ), побои и истязания, (ст. 116, 117 УК РФ), похищение людей, вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, вовлечение в занятие проституцией, распространение порнографических материалов, надругательство над телами умерших, жестокое обращение с животными и др.

Выделение и рассмотрение сексуальных преступлений как отдельной категории основано на общности мотива – «именно мотив раскрывает причину, почему определенный субъект стал совершать преступные действия».[366] Соответственно современная криминологическая классификация преступлений, приводимая В. Н. Кудрявцевым (2005) состоит из четырех групп, одну из которых составляют сексуальные преступления.[367] В психологическом аспекте любое преступление представляет собой частный вид деятельности человека, и, соответственно, уголовно-правовое и криминологическое понятие мотива преступления должно опираться на понятие мотива.[368]

Основную массу криминального сексуального поведения представляют различные формы насильственного поведения, изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК), в том числе понуждение, использование зависимого положения потерпевшей(-его). Насилие, в том числе сексуальное, являясь чисто социальным феноменом, связывается с биологическими факторами

человеческой природы, прежде всего, с агрессией и в психологическом аспекте направлено на свободу волеизъявления личности.

Связь сексуального поведения с криминальными формами неоднократно отмечалась многими авторами. В связи с этим Э. А. Поздняков писал: «Секс – ведь это не просто данное человеку от природы плотское удовольствие… Секс – это еще и целая система отношений: интимных, семейных, родственных, служебных, имущественных, вещных, денежных, нравственных и прочих. Неудивительно поэтому, что с сексом непременно связаны всякого рода мошенничество, обман, воровство, предательство, убийство».[369]

Уголовно-правовая и криминологическая систематика половых преступлений и криминального сексуального поведения неоднократно предлагалась различными авторами. Так, Я. М. Яковлев (1964) все половые преступления разделял на четыре группы: 1) преступления против половой свободы; 2) преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц; 3) преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития и полового воспитания детей и подростков и 4) преступления, посягающие на нормальные половые отношения между мужчиной и женщиной.[370] Н. Д. Дурманов (1971) выделял три группы криминального поведения, связанного с сексуальной мотивацией: 1) преступления, посягающие на свободу, здоровье и честь женщины; 2) преступления, посягающие на свободу, половую неприкосновенность и нормальное физическое, умственное и моральное развитие несовершеннолетнего и 3) мужеложство.[371] В классификации, предложенной А. Н. Игнатовым (1974), выделяются следующие группы: 1) посягательства на половую свободу граждан; 2) посягательства на половую неприкосновенность и нормальное половое развитие несовершеннолетних и 3) посягательства на основные принципы морали, исключающие проявления разврата в любых формах.[372] Указанные классификации обладают одним существенным недостатком – отсутствием единого признака, на основании которого строится сама классификация и происходит группировка объектов. Первоочередной задачей выступает разработка перечня признаков, в соответствии с которыми следует классифицировать сексуальные преступления.[373] Такими признаками могут выступать возраст жертвы, способ и характер совершения преступления, последствия преступных действий, пол потерпевшего и т. д.

В настоящем исследовании за основу классификации взят

родовой объект преступления – половая свобода и половая неприкосновенность, в соответствии с чем криминальное сексуальное поведение можно условно рассматривать в насильственных и ненасильственных формах. Критерием криминальности ненасильственных форм будет выступать возраст потерпевшего. Связанные с сексуальной мотивацией преступления по вовлечению в занятия проституцией и незаконное распространение порнографии, родовым объектом которых выступает общественная нравственность, будут рассмотрены совместно с фоновыми социально-негативными явлениями проституции и пропаганды сексуального насилия в СМИ.

3.1. Насильственные сексуальные преступления: уголовно-правовое и криминологическое исследование

«Сексуальная свобода, сексуальное освобождение. Обман наших дней. Мы – иерархические животные. Уничтожьте одну иерархию, и другая, может быть, еще хуже первой, займет ее место. Есть природные иерархии и общественные иерархии. В природе законом является грубая сила. В обществе слабые защищены. Общество – наша хрупкая защита от природы. Когда престиж государства и религии низок, люди свободны, но они обнаруживают, что свобода невыносима, и ищут новые способы порабощения: наркотики или депрессию. Я полагаю, что сразу вслед за стремлением к сексуальной свободе и достижением сексуальной свободы наступает черед садомазохизма».

Камилла Палья

Половая неприкосновенность и половая свобода как объект преступления

Рассматривая половую свободу как объект преступлений, предусмотренный ст. 131–133 УК РФ, необходимо определиться с логическим содержанием данного понятия и родового понятия «свобода», предусмотренного разделом VII «Преступления против личности» УК РФ. Изначально правовое определение понятия «свобода» противопоставлялось понятию рабства как описание правового статуса личности и понималось именно как свобода физическая. Определение свободы личности, данное в ст. 22 Конституции РФ, гласит: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Оно обусловливает родовой объект

преступлений против личности, где категория «свобода» используется для определения прав человека и гражданина в области духовной, творческой деятельности и личной неприкосновенности. При этом физическая свобода стоит на приоритетном месте в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», с которой и начинается Особенная часть УК. Однако, по удачному выражению В. С. Нерсесянца, свобода при всей кажущейся простоте – предмет сложный и для понимания, и, тем более, для практического воплощения в формах, нормах, институтах, процедурах и отношениях общественной жизни.[374] Конвенция о защите прав человека и основных свобод Совета Европы определяет свободу в ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) как правовую категорию, которая может быть ограничена только в установленном законом порядке.[375]

Наряду с правовым определением свободы, можно говорить еще, как минимум, о двух дефинициях этого термина – философском и общеупотребительном, объемы и содержание которых не совпадают как между собой, так и с правовым понимаем этого термина. Энциклопедический словарь (1990) определяет свободу как «способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, осуществлять выбор, при этом человек обладает конкретной и относительной свободой, когда сохраняют возможность в выборе санкционируемых нормами и ценностями данного общества целей или средств их достижения».[376] По толковому словарю В. Даля, свобода – отсутствие стеснения, неволи, рабства, возможность действовать по своему усмотрению, при этом понятие «свобода» рассматривается как относительно некоторых границ различной степени простора, так и как возможность полного, необузданного произвола.[377] В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой свобода определяется как возможность проявления субъектом своей воли на основе сознания законов развития природы и общества.[378]

Как следует из приведенных определений, единство в понимании свободы практически отсутствует. Хотя в одном отмечается сходность позиции авторов: интерпретация свободы как «свободы от чего-либо» не отражает главной особенности, что «понятие свободы является сугубо человеческим понятием в том смысле, что оно применяется для характеристики определенных действий только человека. В прямом смысле слова свобода присуща только человеку».[379] Таким образом, осознание свободы и возможность ее реализации появляются у личности только в системе социальных отношений и связей. Следовательно, говорить о свободе детей, а также взрослых,

находящихся в беспомощном состоянии, нецелесообразно, и в отношении половых преступлений мы говорим о половой неприкосновенности. Человек, находящийся в беспомощном состоянии «в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т. п.), не способен понимать характер и значение совершаемых с ним преступных действий и/или оказывать сопротивление виновному»[380] и не является свободным.

Э. Фромм отмечал, что понятие свободы предстает перед нами двояко – как явление психическое, внутреннее, и внешнее, социальное.[381] Такое деление применительно к праву имеет принципиальное значение и соотносится, прежде всего, с категориями естественного и позитивного, публичного и частного права. И в английском и в русском языках существуют два термина для обозначения феномена свободы – “liberty”, “freedom”, соответственно, понятия русские «свобода» и «воля». Их значения в ряде случаев лишь частично совпадают, а иногда и совсем не соответствуют друг другу.[382] В английском языке слово “liberty” ограничено только рамками политических дискурсов и является отвлеченным представлением, не применяемым к конкретному лицу. Слово «свобода» может применяться к определенному лицу в возвышенном значении и носить общественно-правовой оттенок, гарантируемый со стороны политических структур.[383] Слово “freedom” отражает семантически права отдельного человека, однако оно не предполагает возможности «делать все, что захочешь, ибо в данном контексте неразрывно связаны, с одной стороны, личные права индивида, с другой – личные права других людей».[384] Понятие «воля» отражает «нестесненность никакими социальными узами. Воля торжествует или в уходе от общества или во власти над обществом, в насилии над людьми; свобода немыслима без чужой свободы, воля всегда для себя».[385]

В философском аспекте понимание свободы достигает своего наибольшего развития в философии экзистенциализма М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса, А. Камю, Э. Фромма. Дискурс о свободе в рамках экзистенциализма изначально конфликтен и парадоксален. Причина этого внутреннего противоречия заключается в том, что свобода достигается только по отношению к другому, но полностью реализовать ее невозможно по причине его предметного существования.[386] Конфликтная драма свободы в экзистенциализме определяет само понимание «другого» как субъекта, и постижение другого

становится необходимым условием возможности конструировать себя, собственный ментальный мир. У Ж.-П. Сартра (1988) человек, вырванный из мира традиционного общества, становится индивидом, обреченным на ответственность и свободу.[387] Таким образом, человек становится ответственным за себя и за других, а его свобода – принципиальным условием существования бытия.

Позитивная свобода у Э. Фромма – это активная, критическая и ответственная личность.[388] Таким образом, границы, рамки проявления индивидуальной свободы определены степенью морально-нравственного развития личности и ответственностью. Понимание свободы и ее отмеченное деление позволяют подойти к разграничению категорий права и морали, которые при рассмотрении вопросов относительно половой свободы приобретают первостепенное значение. Право выступает регулятором внешней свободы личности, тогда как мораль и нравственность являются регуляторами свободы внутренней, психической. Различные аспекты внешней свободы, проявляющейся в поведении личности, регулируются естественной и позитивной отраслями права.

Естественное право направлено на регуляцию внешней свободы поведения людей по отношению друг к другу и обеспечивает равную свободу субъектам правовых отношений. В основе естественного права лежат нравственные основания, которые связывают его с ценностями культуры, в том числе мировой. Естественное право, являясь производным от естественного порядка мироздания, историей своего существования, доказывает, что человек не может существовать в мире, созданном только на консенсусе, где все относительно. Естественное право дает возможность индивиду опираться на культурно-исторические корни морали и формировать этическое самоопределение.

Позитивное право – это законодательно оформленная и государственно санкционируемая возможность проявления свободы, граница этих свобод. Мораль позитивного права – это система норм и ценностей, на основе которой индивид идентифицирует себя с определенной социальной общностью – страной, нацией, государством.

Необходимо соблюдение баланса естественной и позитивной морали. При преобладании позитивной морали будет идти процесс нивелирования индивидуальности, сужения границ свободы; при приоритете естественной морали происходят стирание границ идентичности, потеря ответственности. Дисбаланс в сторону приоритета естественного права и морали неизбежно ведет к вспышкам стихийной «аномии», социального

хаоса. В такой ситуации лозунгом становится императив: «Все разрешено, что не запрещено». В подобных условиях индивидуальные ценности будут нивелированы до норм групповой морали, которые всегда значительно ниже. Типичным примером таких ситуаций в локальном масштабе являются групповые преступления, сопровождающиеся не только приоритетом групповых норм, но и потерей идентичности и ответственности личности в группе, ее регрессом на индивидный уровень. Наглядной иллюстрацией этого являются групповые изнасилования и насильственные действия сексуального характера.

В заключение рассмотрения вопроса о понимании свободы в человеческом обществе вспоминаются две знаменитые антиутопии XX в.: «1984» Джорджа Оруэлла и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли.[389] «Дивный новый мир» построен без насилия, так как «насилием немногого добьешься», секс приятен и всегда доступен, существует министерство, которое гарантирует, что время между появлением желания и его удовлетворением будет сведено к минимуму. Специалист по биоэтике L. Kass писал: «…в отличие от людей, ущемленных болезнью или рабством, дегуманизированные по типу “Дивного нового мира” не несчастны; они не знают, что они дегуманизированы, и того хуже – если бы знали, им было бы все равно. Это счастливые рабы с рабским счастьем».[390] Дж. Оруэлл, в своей книге «1984» писал, что «свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре».[391] Как справедливо отметил Н. Постман: «Оруэлл боялся, что запретят книги. Хаксли боялся того, что причины запрещать книги не будет, поскольку никто не захочет их читать. Оруэлл боялся, что нас лишат информации. Хаксли боялся, что нам будет дано столь многое, что мы опустимся до пассивности и эгоизма. Оруэлл боялся, что мы станем публикой без права выбора. Хаксли боялся, что правда утонет в море безразличия. Оруэлл боялся, что мы станем одномерной культурой. Хаксли боялся, что мы станем тривиальной культурой, озабоченной чувствишками, перепихончиками и разноцветными картинками. Как отметил Хаксли в предисловии к новому изданию “Дивного нового мира”, борцы за гражданские права и рационалисты, всегда готовые противостоять тирании, “не принимали в расчет почти безграничную тягу человека к развлечениям”. Оруэлл боялся, что нас погубит то, что мы ненавидим. Хаксли боялся, что нас погубит то, что мы любим».[392]

Как показал опыт недавнего прошлого, в целом оба писателя оказались правы, но в большей степени оправдались

предположения О. Хаксли.

Половая свобода есть видовое понятие по отношению к свободе личности. Как отмечает С. В. Бородин, «половая свобода и половая неприкосновенность личности – это часть прав и свобод личности, установленных и гарантированных Конституцией РФ».[393] Половая свобода в юридической литературе понимается неоднозначно. Так, А. Б. Мельниченко, М. А. Кочубей, С. Н. Радачинский определяют половую свободу как «право человека самому решать, в какой форме и с кем ему удовлетворять свои сексуальные потребности и желания».[394] На наш взгляд, такое определение нельзя назвать удачным, поскольку термин «свобода» даже в узком правовом аспекте несопоставим с понятием «удовлетворение сексуальных потребностей» – понятием скорее биологическим, чем правовым. Кроме того, понятие потребности противоречит понятию свободы. П. В. Симонов определяет потребность как «специфическую (сущностную) силу живых организмов, обеспечивающую их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития».[395] В мире живых существ, в том числе человека, как показано в исследованиях П. В. Симонова, нет ничего независимого, свободного от потребностей; независимость действия от потребностей иллюзорна, «поскольку действие продолжает побуждаться трансформированной, производной потребностью – вторичной, третичной и подобной по отношению к исходной».[396] Проявление человеческой свободы, в том числе половой, это, прежде всего, осознанное поведение.

В. С. Егоров определяет половую свободу как «возможность человека самостоятельно, независимо от внешнего принуждения, вести половую жизнь».[397] Н. К. Семерноева (1997) под половой свободой понимает право человека самостоятельно, без какого-либо принуждения, решать, с кем и в какой форме удовлетворять свои сексуальные интересы.[398] *Данные определения за основу половой свободы берут отсутствие принуждения, т. е. внешнего воздействия, однако из рассмотренного выше понимания свободы как совокупности внутреннего* (*психического*) *и внешнего* (*поведенческого*) *можно определить половую свободу как сексуальное поведение личности с возможностью понимания в полной мере его фактического характера и социального значения, основанное на свободном волеизъявлении без каких-либо внешних форм принуждения или внутренних ограничивающих такое поведение факторов.*

Такая формулировка половой свободы, как обусловленная сложной совокупностью факторов, является универсальной как в отношении виновного, так и потерпевшего. Свобода не только

противопоставляется насилию (угрозе насилия) или каким-либо внешним формам принуждения, зависимого состояния потерпевшего, но и определяется степенью психического и морально-нравственного развития личности, ее способностью понимать и реализовывать особенности полового поведения.

Таким образом, родовым объектом преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на обеспечение права на свободу и неприкосновенность личности, закрепленные в Конституции РФ и находящиеся под уголовно-правовой охраной государства. Видовым объектом указанных преступлений являются половая свобода и половая неприкосновенность. Непосредственным объектом ст. 131–133 УК выступают половая свобода в отношении взрослых лиц и половая неприкосновенность лиц, находящихся в беспомощном состоянии, малолетних и несовершеннолетних моложе 16-летнего возраста. Непосредственный объект ст. 134 и 135 УК – половая неприкосновенность и нормальное психическое и психосексуальное развитие личности несовершеннолетних и малолетних.

3.2. Объективная сторона сексуальных преступлений насильственного характера и ее криминологические особенности

Р. Крафт-Эбинг во второй половине XIX в. определял изнасилование как «такого рода внебрачное половое сношение, которое совершается либо с девушкой моложе 14 лет, либо со взрослой женщиной при условии угрожающих или прямо насильственных действий над нею или же в случае, когда она находится в бессознательном или беззащитном состоянии».[399] В современной редакции ст. 131 УК РФ изнасилование определяется как «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Основные признаки изнасилования как преступления за 150 лет практически не изменились, так как содержат в себе общечеловеческие ценности, основанные на морали, нравственности, уважении, сострадании, жалости и гуманности. Изнасилование подразумевает характеристику конкретного действия, поведенческого акта, в основе которого лежит насилие над личностью, совершаемое вопреки воле последнего и причиняемое потерпевшему реальный вред – физический, психический и моральный. Повышенная общественная опасность данного преступления обусловлена, прежде всего, тем, что преступник осуществляет свои действия вопреки основным нравственным ценностям и свободам общества, праву личности на свободу и неприкосновенность, в том числе и половую.

В одной из своих обвинительных речей А. Ф. Кони говорил: «Там, где существует изнасилование, – там безрассудная наглость, там отсутствие всякого чувства и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть».[400] В то же время следует отметить, что каждое преступление должно быть тщательнейшим образом изучено и проанализировано. Таким преступлениям недопустимо применение американской расширенной модели сексуального насилия и посягательства, основанной не на объективных критериях использования физической силы или угрозы ее применения, а на субъективных признаках «словесного принуждения и уговоров». В подобной модели каждый мужчина воспринимается как потенциальный насильник и преследователь, обладающий чертами похотливости, циничности и грубости, а каждая женщина – как жертва притеснений и существо невинное и безобидное. В связи с этим американские юристы К. Мак

Киннон и А. Дворкин небезосновательно утверждают, что «между изнасилованием и нормальным сексуальным сношением различия тоньше листа папиросной бумаги».[401] В этом отношении сохраняет актуальность указание, данное в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», о необходимости «всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела и с учетом особенностей этой категории дел тщательно выяснить обстановку происшествия и взаимоотношения подсудимого с потерпевшей».[402]

Распространенность изнасилования и насильственных действий сексуального характера, с точки зрения разных авторов, варьирует в широких пределах. Так, по данным J. Mc Cary, в США – 35 случаев на 100 000 женщин; Норвегии – 1, Англии – 3 случая.[403] По данным Р. Блэкборн, половые преступления составляют 0,7 % от всех учитываемых преступлений в Англии и Уэльсе; он также отмечает, что данный вид преступности во всех странах существенно возрос, но общий уровень прироста остается ниже, чем уровень прироста преступности в целом, за исключением изнасилований.[404] Несмотря на отмеченные тенденции стабильности в количественном отношении, изменяется качественная характеристика насильственных преступлений. Так, с 80—90-х годов увеличивается количество многоэпизодных, рецидивных и серийных насильственных посягательств, в частности изнасилований (примерно вдвое), на 10 % возрастает доля насильственных преступлений, совершенных с особой жестокостью.[405]

Практически все авторы отмечают высокую латентность данного вида преступности. J. Rabkin в исследовании изнасилований отмечал, что истинной картины распространенности этого вида преступлений получено быть не может, так как около 40–50 % преступлений остаются незарегистрированными ввиду того, что, с одной стороны, жертвы предпочитают не сообщать о них, а с другой – из-за отсутствия доказательства вины.[406] З. Старович (1991) приводит данные различных авторов о том, что соотношение фактических и зарегистрированных случаев колеблется от 1:20 до 1:100, сам автор считает наиболее вероятной цифру 1:60.[407]

В России динамика насильственных сексуальных преступлений по ст. 131–132 УК представлена на рисунке 8.

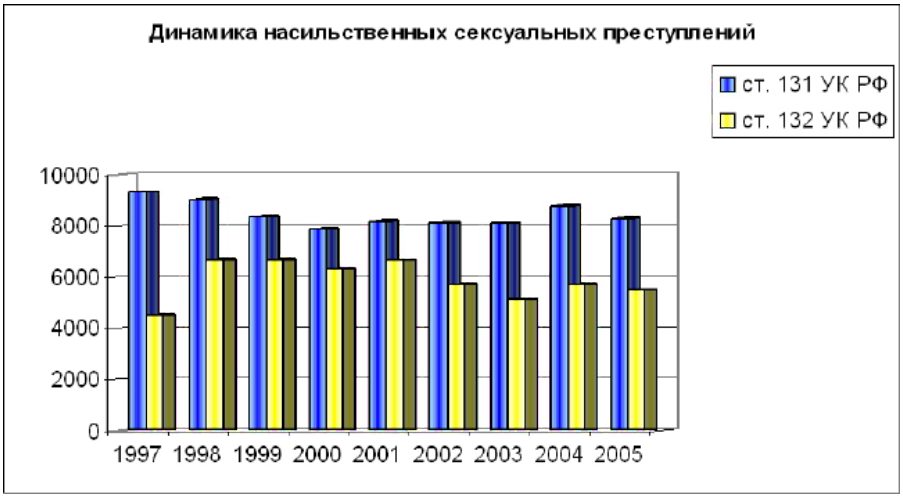


Рис. 8. Динамика насильственных сексуальных преступлений в РФ за период 1997–2005 гг.

На рисунке видно, что преступления насильственного характера в группе преступлений, предусмотренных главой 18 УК, являются основными: их удельный вес колеблется от 92 до 97 % всех половых преступлений.

О количестве зарегистрированных заявлений о совершенных насильственных сексуальных преступлениях на территории Орловской области за период 1997–2005 гг. дает представление рисунок 9.

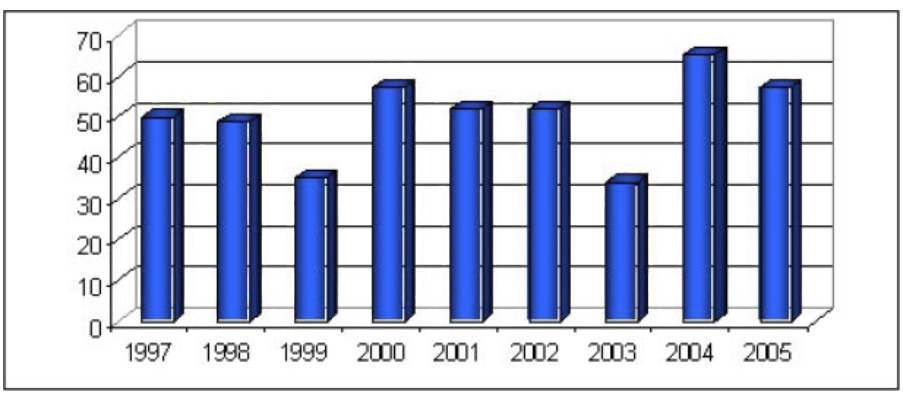


Рис. 9. Количество зарегистрированных насильственных сексуальных преступлений в Орловской области

Анализ диаграммы показывает, что с 1997 г. намечается тенденция к уменьшению, которая, однако, не является стабильной. Так, увеличение преступности отмечалось в 2000, 2001 и 2004 гг.

Общим криминализирующим свойством сексуального поведения по ст. 131 и 132 УК выступает насилие физическое или психическое (угроза его применения).

Насилие и угроза насилия выступают как способы достижения полового сношения при изнасиловании или реализации действий сексуального характера. Степень проявления насилия в каждом случае различна: от «поведения, ограничивающего свободу волеизъявления другого лица» до «причинения непосредственного физического вреда». Важность изучения феномена насилия нашла свое отражение не только в междисциплинарном научном характере проводимых исследований, но даже в его выделении в самостоятельную научную дисциплину – виолентологию (от лат. violentia – насилие), или вайоленсологию (от англ, violence).[408]

Проблемы, касающиеся причин насилия и агрессии, относятся, по И. Канту, к категории вопросов, от которых нельзя уклониться, так как они навязаны человеку его собственной природой. Французский антрополог Н. Рулан (1999) отмечает, что «насилие очень часто возникает при разрешении внутренних конфликтов в различных обществах, причем настолько часто, что мы вправе себя спросить, а не является ли оно неотъемлемой частью социальной жизни».[409] «Глобальность проблемы насилия в жизни всех народов и каждого народа в отдельности, его роль в межличностных и межгосударственных отношениях, несмотря на столь развившуюся цивилизацию, столь велика, что иногда может действительно показаться, что “насилие правит миром”».[410]

Связь насилия и агрессии остается вопросом, далеким от своего разрешения. Так, оценки наследуемости для разных показателей агрессивности, полученные в девятнадцати работах 80-х и 90-х годов, колеблются от 0 до 98 %.[411] Другие исследователи не склонны связывать напрямую генетическую детерминацию и агрессию и вводят опосредующие биологические механизмы, проявляющиеся в виде определенных черт темперамента, таких как импульсивность или эмоциональность.[412]

Биологический подход к проблеме насилия и агрессии основан на положении о том, что «человек остается биологическим существом, сохраняя выработанное в процессе эволюции “наследство”, включая агрессивность, которая была необходима слабосильному существу в среде более сильных», и, соответственно, «если неудовлетворенная витальная потребность приводит к “борьбе за существование”, то неудовлетворенная социальная потребность – к “сверхборьбе за существование”».[413] Биологические теории насилия являются наиболее

распространенными и связаны, в первую очередь, с именами К. Лоренца и Н. Тинбергена. Так, Н. Тинберген отмечал, что внутривидовое убийство среди животных встречается редко; по его мнению, «человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер», несмотря на то, что именно он развил представления о врожденных механизмах высвобождения поведенческих паттернов у животных в ответ на слабые перцептивные стимулы. К. Лоренц утверждал, что насилие (агрессивность) имеет инстинктивный характер, будучи защитной реакцией организма на окружающую среду.[414]

Биологические теории исходят из предпосылок, что насилие связано с генетической природой человека. Этологические подходы к изучению агрессии и насилия как разновидность биологических теорий приводят к выводу, что человек также обладает наследием внутренне, генетически детерминированной присущей ему агрессии. Эти генетические задатки человека связываются с развитием оружия и развязыванием войн, т. е. влияют на социальную эволюцию вида Homo sapiens. К. Лоренц писал: «Когда человек достиг стадии обладания оружием, одеждой и социальной организацией и тем самым преодолел опасности голода, замерзания, нападения диких животных и когда эти опасности перестали быть основными факторами в процессе естественного отбора, тогда селекция на основе врожденной враждебности должна была сойти на нет. Фактором, который отныне стал влиять на процесс естественного отбора, стали войны между враждебными соседствующими племенами».[415]

Т. Б. Дмитриева и А. И. Воложин предлагают подход, основанный на учете социальных и ситуационных факторов, который связывает агрессию и насилие с нарушением адаптивных процессов на уровне целостной личности. Воздействие социального стресса адекватно описывается диагностическими признаками расстройства адаптации, клинически проявляющегося в трех вариантах: аномическом, диссоциальном и магифреническом.[416] Диссоциальный вариант характеризуется «эмоциональными и поведенческими расстройствами, среди которых преобладают аффективная неустойчивость, деструктивная, направленная вовне агрессия, неадекватное отношение к действительности, снижение толерантности к психогенным факторам, ослабление контроля за своим поведением».[417] Сложный и междисциплинарный характер проблемы насилия и агрессии порождает проблему, когда «в этой ситуации высоко вероятно и несоблюдение смежными специалистами границ собственной компетенции, что может

исказить адекватные представления о существующих причинно-следственных отношениях в системе «психическое расстройство – агрессивное поведение», препятствовать разработке эффективных мер», кроме того, «в силу многоаспектности проблемы, многоуровневой системы классификации изучаемого феномена, различных конечных исследовательских целей отдельных дисциплин трудно предложить единые принципы феномена насилия и агрессии.[418]

Культурно-исторический подход к проблеме насилия основан на предположении о том, что данный феномен исторически изменчив и многообразен по формам проявления, сопровождает всю историю развития человечества и не имеет однозначных оценок без учета конкретной социально-исторической ситуации.[419] Начиная с работ Э. Дюркгейма по социологии, насилие рассматривается как объективная реальность социального бытия человека, которую общество должно уметь контролировать.[420] Исторически насилие неразрывно связано с системой властных отношений, при этом в социально-историческом аспекте отмечается эволюция форм насилия от явных, агрессивно-насильственных с биологически детерминированной основой к скрытым, конклюдентным и психологически обозначенным. У основоположников марксизма насилие выступает одним из центральных факторов исторического прогресса в классовом обществе; «отношение насилия имеет своей основой экономические условия, которые нельзя так просто устранить экономическими мерами».[421] В ходе исторической эволюции отмечается рост значимости конклюдентного насилия как фактора регуляции социальных отношений с увеличением рационалистических форм. Рационализированные, психологические формы насилия связаны, в первую очередь, с феноменом жестокости. Жестокое поведение может быть определено как осознанное, целенаправленное причинение другому мучений и страданий как ради них самих, так и для достижения других целей, а также такое поведение, при совершении которого субъект должен был предвидеть наступление подобных последствий.

Таким образом, характеризуя насилие как системное явление, можно говорить о биологии агрессии, социологии насилия и психологии жестокости. Различение этих понятий возможно не только по фактическому, но и по морально-нравственному, этическому основанию. Агрессия, как наиболее широкое по своему объему понятие, является нравственно нейтральным; жестокость всегда вызывает однозначное моральное неодобрение вне зависимости от контекста,

ситуативности своего проявления. И, наконец, понятие «насилие» относится к области морального релятивизма, социального контекста своего проявления, который придает ей определенное значение. Факт морального релятивизма насилия делает возможным существование двойных стандартов поведения и двойной этики. В одной из систем существование насилия всегда будет оправдано «благими намерениями», как борьба со злом и т. д. Для другой системы этики всегда характерно негативное отношение к насилию в любых его формах, «непротивление злу насилием», отсутствие амбивалентности понятий добра и зла. Существование двух базовых этических культур, как показано в работе V. Lefebvre, основано на исходных предпосылках рефлексии и не зависит от участия сознания.[422]

Агрессия не является самостоятельным биологическим инстинктом, она представляет собой психологический механизм внутривидовой регуляции инстинкта самосохранения. Однако данный механизм ориентирован на видовой уровень идентификации. Именно поэтому в человеческом обществе он теряет свое первоначальное значение и начинает длительную историческую эволюцию как социальный фактор насилия, приобретая самые разнообразные исторические маски, в том числе имеющие огромное криминальное значение.

Экологический подход к рассмотрению насилия сформулирован в работе Р. Раппопорта,[423] который, проводя антропологические исследования в Новой Гвинее, пришел к выводу, что демографическое давление приводит к конфликтам из-за перераспределения населения и доступности ресурсов на используемой территории.

Насилие как средство социального контроля используется в обществах индустриального типа, где индивид существенно отчужден от них. В традиционном обществе отдельные индивиды интегрированы в социальные общности, и основным средством контроля поведения выступает моральное неодобрение со стороны членов общества. Репрессивная модель уголовного законодательства сама выступает примером насильственного социального контроля в обществах индустриального типа. При этом индивид индустриального общества подвергается дополнительному отчуждению, исключению из общества, в соответствии с системой стигматизации (labeling theory), исследованной H. Becker (1963).[424] Таким образом возникает порочный круг социального контроля в форме насилия и отчуждения, исключения индивида из общества, в ответ на которые следует насильственное и криминальное поведение со стороны индивида.

Следует отметить широкую распространенность насильственных преступлений среди лиц с психической патологией. Так, по данным ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, процент невменяемых среди лиц, совершивших убийства или покушения на убийства, составляет 8—10 %, изнасилования и насильственные действия сексуального характера – 2,5 %. Соответственно доля невменяемых в 5 и 20 раз превышает процент от среднестатистических показателей в общей популяции лиц, совершивших преступления.[425] Характеризуя проблему насилия, G. Newton писал: «Суть насилия заключается в том, что благодаря его воздействию человека принуждают вести себя не так, как он того хотел бы. Насилие может быть направлено против психического или нравственного здоровья человека, его имущества и жизненных интересов. Подобное насилие, носящее латентный характер, представляет такую же опасность, как и прямое физическое».[426]

В 1987 г. в «Заявлении о насилии» – совместном документе ведущих ученых, отражающем их взгляды на природу насилия, сформулированном в пяти утверждениях, было отмечено следующее:

Первое, неверно с научной точки зрения утверждение, что мы унаследовали тенденцию к войнам от наших животных предков.

Второе, неверно с научной точки зрения утверждение, что война или какое-либо другое насильственное поведение генетически запрограммировано в человеческой природе.

Третье, неверно с научной точки зрения утверждение, что в процессе эволюции человека происходил отбор индивидов с агрессивным поведением в противовес видам с другими типами поведения.

Четвертое, неверно с научной точки зрения утверждение, что люди имеют «ум, ориентированный на насилие».

Пятое, неверно с научной точки зрения утверждение, что война порождается инстинктом или каким-то единственным мотивом.[427]

Обращаясь к правовому определению насилия, А. А. Пионтковский писал: «…насильственное воздействие на личность состоит во всяком принуждении ее к действиям, противоречащим ее желаниям».[428] Л. Д. Гаухман определял насилие как «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли».[429] А. В. Иващенко и А. И. Марцев формулируют понятие насилия как «активную сознательную деятельность, непосредственно направленную против свободного волеизъявления».[430] Л. В. Сердюк определяет насилие как умышленное, противоправное физическое или

психическое воздействие на человека со стороны другого лица, осуществляемое против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий.[431]

Для характеристики правовой природы насилия и отграничения от более общей категории социального насилия необходимы выделение и оценка наиболее существенных признаков именно криминального насилия. На признаки криминального насилия указывал еще И. Я. Фойницкий (1912). К таким признакам он относил: а) противозаконность, б) употребление силы против личности вопреки ее воле, в) насилие не должно переходить в иное преступное деяние, иначе оно наказывается как последнее.[432] К наиболее значимым признакам насилия можно отнести: 1) отсутствие легитимности или противоправность, 2) осознанность насильственного поведения, так как оно охватывается умышленной формой вины (неосторожное причинение вреда нельзя относить к насилию), [433] 3) причинная связь между волевым целенаправленным воздействием на личность и наступлением последствий или реальной возможностью наступления последствий. При физическом насилии это причинение смерти и вреда здоровью различной степени: легкой, средней и тяжелой; при психическом насилии – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, угроза причинением насилия опасного или неопасного для жизни или здоровья, психические нарушения, нравственные страдания.

Сексуальное насилие как одна из форм насильственного поведения имманентно присутствует во всех культурах. Отмечая данный факт, Дж. Фридман пишет: «Как при совершении с помощью хитрости, так и производимом с помощью насилия половом сношении насилующие мужчины использовали методы, закрепленные культурной традицией. Это необходимо подчеркнуть. При внезапном изнасиловании трюк заключается в том, что жертву во сне захватывают врасплох таким образом, чтобы насилующий мог резким движением ввести свои указательный и средний пальцы во влагалище беззащитной девушки. При половом сношении, совершаемом с помощью насилия, жертва оглушается сильным ударом в солнечное сплетение. Обе практики являются элементом культуры на Самоа».[434]

Конкретизируя проявление насилия при половых преступлениях, следует отметить, что оно может выступать средством совершения преступления. Отмечая это, А. А. Жижиленко писал: «Под физическим насилием как способом

совершения изнасилования разумеется всякое воздействие на телесную неприкосновенность, будь ли это насилием над личностью в тесном смысле, или же насилие выразилось в телесном повреждении независимо от его тяжести».[435] В отношении насилия при половых преступлениях П. И. Люблинский отмечал, что «физическое насилие вообще выражается в действиях, нарушающих телесную неприкосновенность другого лица помимо его явного или скрытого согласия».[436]

На рисунке 10 показано соотношение применения преступниками физического и психического насилия при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера.

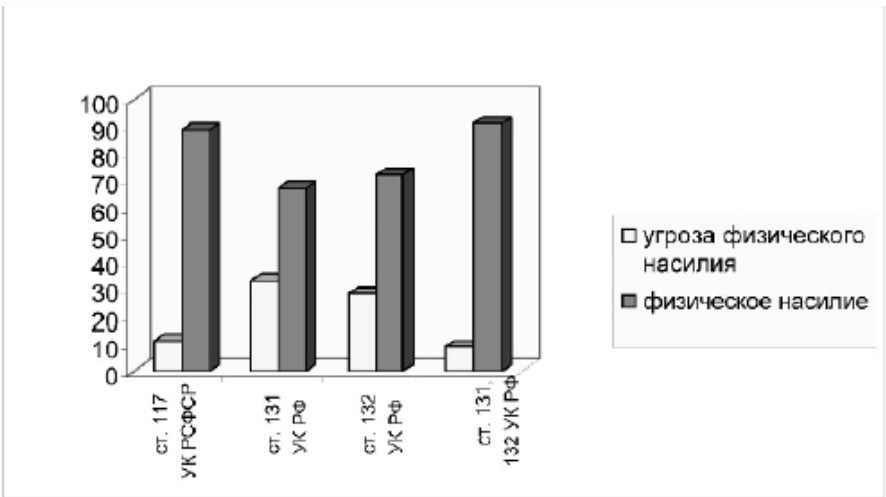


Рис. 10. Соотношение угрозы насилия и применения реального физического насилия при сексуальных преступлениях

Последствия применения физического насилия в отношении жертв сексуальных преступлений могут быть различными: смерть; вред здоровью различной степени тяжести; физическая боль и физическое страдание; моральные страдания.

Смерть, связанная с сексуальным насилием, может быть разделена на убийство и самоубийство, которые с уголовно-правовой точки зрения удобно дифференцировать так, как это представлено на рисунке 11.

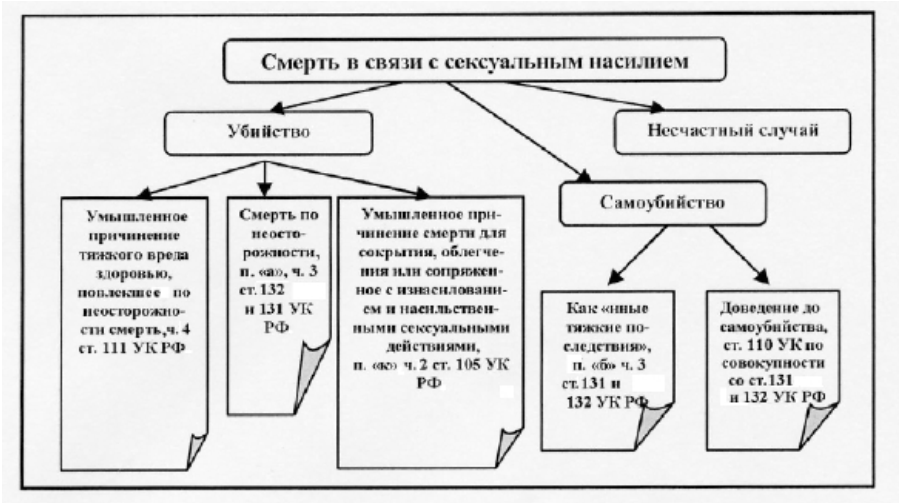

Смерть в связи с сексуальным насилием
Убийство
Несчастный случай
Самоубийство
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть, ч. 4 ст. 111 УК РФ
Смерть по неосторожности, п. «а», ч. 3 ст. 132 и 131 УК РФ
Умышленное причинение смерти для сокрытия, облегчения или сопряженное с изнасилованием и насильственными сексуальными действиями, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ
Как «иные тяжкие последствия», п. «б» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ
Доведение до самоубийства, ст. 110 УК по совокупности со ст. 131 и 132 УК РФ

Рис. 11. Систематика смерти, связанной с сексуальным насилием

Смерть по неосторожности является особо квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренным п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК, и ее особенностью является причинная связь с насильственными сексуальными действиями при отсутствии умысла виновного на ее причинение. Смерть по неосторожности, наступившая в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ), дополнительной квалификации при сексуальном насилии обычно не требует, так как указанный состав охватывается п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК, однако в ряде случаев причинение тяжкого вреда, сопровождающееся особой жестокостью, издевательствами или мучениями, является своеобразным психологическим эквивалентом действий сексуального характера, например в ряде случаев садизма. Разъяснение по квалификации убийств, сопряженных с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ: «Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ».[437]

J. Douglas, A. Burgess, R. Ressler определяют сексуальное убийство как «убийство, которое включает в себя сексуальную активность (деятельность), являющуюся основой для последовательности действий, ведущих к смерти».[438]

А. Н. Попов предлагает квалифицировать убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, совершенное 1) в процессе указанных преступлений; 2) с целью их сокрытия и 3) по мотивам мести за оказанное сопротивление.[439]

Кроме того, в самой диспозиции статьи отмечен такой признак, как «облегчить совершение преступления». Месть за оказанное сопротивление также не является единственным мотивом совершения убийства. Так, практике известны случаи убийства жертвы как месть виновного за неудавшуюся по физиологическим причинам попытку совершения изнасилования. В отношении сексуальных убийств наиболее важными являются два момента. Во-первых, действия сексуальных убийц по своей организации могут быть достаточно разнообразными: от осторожного планирования сексуального убийства перед его совершением до импульсивного убийства, в порыве ярости и гнева, в течение которого сексуальное нападение может быть ускорено отказом жертвы или алкогольной интоксикацией преступника. Любое сексуальное убийство попадает на континуум между организованным и дезорганизованным сексуальными убийствами, и чаще встречаются «смешанные» случаи.

Во-вторых, сексуальное поведение сексуальных убийц является достаточно неоднозначным по своей сути и времени его осуществления относительно убийства и смерти жертвы. Сексуальное поведение может иметь место до, в течение или после убийства, или же оно может случаться на протяжении всего события. Кроме того, сексуальное поведение может по-разному проявляться (быть различным по своей сути): от сознательной фантазии к физиологическому возбуждению, мастурбации или фактическому проникновению в жертву (оральное, анальное или вагинальное). Сексуальное поведение может быть также выражено символически (в порыве гнева и любопытства убийца искажает гениталии жертвы).

Из предлагавшихся классификаций следует отметить следующие. К. Имелинский выделял сексуальные убийства «с целью получения сладострастных переживаний; убийства как следствие преодоления сопротивления жертвы при изнасиловании; с целью лишить жертву возможности позвать на помощь; в момент переживания оргазма (часто при суженном сознании как продолжение преодоления сопротивления жертвы,

не обязательно желая причинить смерть); для сокрытия сексуального преступления и избавления от свидетеля изнасилования, а также по другим мотивам, внешне напоминающим убийства с целью получения наслаждения».[440]

Немецкий психиатр Э. Шорш подразделял сексуальные убийства на три группы: убийства как кульминация садистского перверсного развития; убийства как прорыв сексуальной деструктивности; убийства, связанные с изнасилованиями.

Обобщив следственную практику, С. А. Афанасьев, В. И. Иванов и В. В. Новик предложили следующую классификацию сексуальных убийств. «Сексуальные убийства по мотивам совершения могут быть подразделены на две группы: условно-сексуальные и безусловно-сексуальные».[441] К первой группе относятся убийства, которые совершаются по несексуальным мотивам. По характеру действий, их мотивации и наступившим последствиям в этой группе целесообразно различать: а) убийства, сопряженные с изнасилованиями, и б), убийства, внешне напоминающие сексуально-садистские. При убийствах, сопряженных с изнасилованиями, основным мотивом преступного поведения является удовлетворение половой потребности, само же убийство совершается по несексуальному мотиву: с целью сокрытия совершенного изнасилования, по мотиву мести за оказанное при изнасиловании сопротивления или в процессе преодоления сопротивления жертвы. Убийства, внешне напоминающие сексуально-садистские, могут быть также условно отнесены к сексуальным ввиду внешнего сходства, потому что садистские действия лишь сопутствуют основному, несексуальному, мотиву убийства. Например, при убийстве из ревности преступник может причинить жертве повреждения половых органов, молочных желез, так как субъективно для него они символизируют измену. Аналогичные повреждения может нанести преступник жертве по мотиву мести за оскорбление на интимной почве. Такие же повреждения могут причинить потерпевшим подростки на почве их повышенного интереса к сексу.

Лица, ранее судимые, отбывавшие наказание в местах лишения свободы, могут причинить такие повреждения на почве личных несексуальных отношений с убитым, так как по представлениям уголовных элементов («зековским») в этом выражается крайнее проявление унижения. Ко второй группе убийств – безусловно-сексуальным – относятся лишь те случаи, когда процесс убийства и смерть жертвы включены в сложный динамический комплекс сексуального удовлетворения как один из необходимых его элементов. Безусловно-сексуальные убийства

совершаются из сладострастия, т. е. по сугубо сексуальному мотиву.

Для развернутой систематики убийств необходим учет не только уголовно-правовых, но и криминологических особенностей.

Здесь актуальным является вопрос об отсутствии в уголовном праве таких важных понятий, как «серийное убийство» и «серийное изнасилование». Особенное звучание он приобретает в связи с тем, что Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. исключил из квалифицирующих признаков понятие неоднократности (ст. 16 УК) и ранее совершение насильственных сексуальных преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 131 и п. «а» ч. 2 ст. 132 УК).

С криминологической точки зрения систематика смерти, связанной с сексуальным насилием, условно может быть представлена как: 1) вызванная по неосторожности; 2) обусловленная ситуационными факторами; 3) вызванная особенностями поведения жертвы; 4) серийные убийства и 5) убийства в состоянии психоза и измененного состояния сознания.

Проблема смерти от сексуального насилия становится в последнее время все более актуальной, особенно в связи с увеличением количества серийных сексуальных преступлений. Так, по данным M. French, с 1976 по 1984 г. количество смертей от сексуального насилия возросло на 160 %.[442]

Вред здоровью различной степени тяжести. Под вредом здоровью человека понимают нарушение анатомической целости или физиологической функции органов и тканей, возникшее в результате воздействия факторов внешней среды: механических, физических, химических, биологических, технических. Следовательно, вред здоровью заключается в причинении телесных повреждений и в ином расстройстве физиологических функций человеческого организма (например, тяжелое соматическое или психическое заболевание, прерывание беременности).[443]

Уголовный кодекс РФ различает три степени причинения вреда здоровью: тяжкий, средний и легкий. Выделяются следующие критерии разграничения вреда здоровью: экономический, эстетический, анатомический и психический.

1. Экономический критерий.

а) По длительности расстройства здоровья (единицей измерения являются дни):

от 6 до 21 дня – кратковременное расстройство здоровья, относящееся к легкому вреду;

от 21 до 120 дней – средней тяжести вред здоровью, не опасный для жизни человека и не повлекшей последствий, указанных в ст. 111 УК, но вызвавший длительное расстройство здоровья;

свыше 120 дней – тяжкий вред здоровью.

б) По степени утраты общей трудоспособности (единица измерения – %):

от 5 до 10 % – незначительная стойкая утрата общей трудоспособности – легкий вред;

от 10 до 33 % – значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть – средний вред здоровью;

не менее 1/3 (более 33 %) – тяжкий вред здоровью.

в) По утрате профессиональной трудоспособности: при полной утрате – тяжкий вред здоровью.

2. Эстетический критерий (определяется по внешнему виду): при неизгладимом обезображивании лица – тяжкий вред здоровью.

3. Анатомический критерий: потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций, сюда же может быть отнесено прерывание беременности.

4. Психический критерий: психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией – признается тяжким вредом, причиненным здоровью.

В отношении насильственных сексуальных преступлений легкий и средний тяжести вред здоровью входит в основной состав преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК, и дополнительной квалификации не требует.[444] Тяжкий вред здоровью составляет особо квалифицированный состав преступления (п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК). Если тяжкий вред здоровью был причинен после совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера, действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 119 УК и ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ.[445]

Распределение вреда здоровью по степени тяжести, приведенное на рисунке 12, основано на данных заключения судебно-медицинской экспертизы и комплексных судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз (КСМСПЭ) в отношении 187 потерпевших по ст. 131 и 132 УК РФ. При этом КСМСПЭ назначалась только в 7 случаях, что составляет менее 4 %, а это свидетельствует о недостаточной распространенности данного вида исследования. Следует отметить, что в 5 случаях из 7 установлен тяжкий вред здоровью от повреждений, повлекших

психические расстройства.

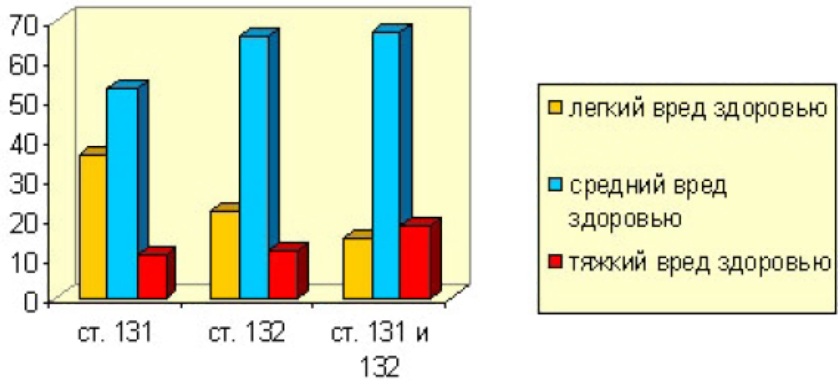


Рис. 12. Распределение потерпевших по тяжести вреда здоровью, полученного вследствие сексуального насилия

УК РФ предусматривает особые способы причинения физического насилия: физическое страдание, истязание, особая жестокость в отношении жертвы, установление которых не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта, а относится к компетенции органов дознания, предварительного следствия и суда.

Физические страдания могут выражаться: в виде мучений, под которыми понимают действия, причиняющие страдания (заболевание) путем длительного лишения пищи, питья или тепла, либо помещения (или оставления) потерпевшего во вредные для здоровья условия, либо другие сходные действия (например, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ); в виде истязаний, т. е. причинения физических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями (длительное причинение боли щипанием, кусанием, сечением, нанесением множественных, в том числе небольших, повреждений тупыми или острыми предметами, воздействием термических факторов и другие аналогичные действия). Такие действия квалифицируются по ч. 1 ст. 117 УК РФ.

Особая жестокость относится к квалифицированному составу преступлений (п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК), причем насилие признается совершенным с особой жестокостью, когда в процессе сексуальных действий потерпевшему или другим лицам умышленно причиняются физические или нравственные мучения и страдания.[446] Сюда относятся издевательство и глумление над потерпевшим, совершение актов сексуального насилия в присутствии родных и близких потерпевшего. При этом для

квалификации необходимо, чтобы действия с особой жестокостью охватывались умыслом виновного.

Беспомощное состояние потерпевшей(*его*), является одним из важнейших юридических понятий, которое рассматривается, с одной стороны, как признак состава преступления (ст. 105, 111, 112, 117, 131, 132 УК РФ), а с другой – выступает как обстоятельство, отягчающее ответственность (п. 3 ст. 63 УК РФ).

Вопрос о беспомощном состоянии потерпевших относится к компетенции судебно-психиатрических и психологических экспертов не только по делам о половых преступлениях, но и по правонарушениям, квалифицированным как кражи, грабежи, разбои, нанесение телесных повреждений и др., в тех случаях, когда у потерпевших (по разным причинам) происходит нарушение произвольной регуляции поведения в криминальной ситуации.

Критерием «беспомощного состояния» потерпевших в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ» является их неспособность в силу физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т. п.) понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление.

Констатация «беспомощного состояния» относится к компетенции суда; предметом комплексных экспертных исследований является выявление психических расстройств и сопутствующих психологических особенностей и обстоятельств (возрастных, личностных, эмоциональных и др.), совокупный эффект которых определяет невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий (интеллектуальная составляющая юридического критерия) или оказывать сопротивление (волевая составляющая).

К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее. При этом состояние сна или сильная степень алкогольного опьянения не относятся к беспомощным состояниям в отношении статьи 105 УК РФ.[447] Однако в отношении изнасилования и насильственных действий сексуального характера опьянение, вызванное употреблением

алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, признается беспомощным в случаях, если указанное состояние лишило возможности оказать сопротивление насильнику.

Ю. Л. Метелица выделил четыре уровня понимания потерпевшими характера и значения совершаемых с ними действий: 1) понимание внешней стороны юридически значимых событий; 2) понимание фактической стороны (или внутреннего содержания); 3) понимание их социального значения; 4) понимание социального значения юридически значимых событий на уровне личностного смысла.[448] Нарушение на каждом из низших уровней препятствует способности понимания на более высоких уровнях.

В научных исследованиях последних десятилетий убедительно доказано, что a priori судить о психическом здоровье человека невозможно, а установление этого факта относится к компетенции психиатра. Существует широкая область пограничных психических расстройств, когда возникает необходимость установить соотношение нарушенных и сохранных сторон психики у взрослых потерпевших с психическими расстройствами, определить характер взаимного влияния стрессового и психопатологического факторов на юридически значимые способности и конкретную меру их проявления как в криминальной ситуации, так и в ходе судебно-следственного процесса. Кроме того, в детском и подростковом возрасте даже при наличии психических расстройств очень важно оценить уровень психического развития, личностные особенности и формы нарушения развития. Все эти вопросы могут быть решены только в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Показаниями для направления потерпевших на КСППЭ являются: малолетний возраст, наличие у потерпевших психических расстройств, сведения о неправильном или провоцирующем поведении в предкриминальной и криминальной ситуации, об употреблении ими алкогольных напитков, наркотических или других психоактивных веществ, данные о перенесенных ими черепно-мозговых травмах, появление у них после деликта негативных последствий в виде психических нарушений, непоследовательность, противоречивость показаний, расстройства памяти, наличие склонности к фантазированию, повышенной внушаемости и подчиняемости.

В отличие от ст. 117 УК РСФСР, где беспомощное состояние потерпевшего рассматривалось как особо квалифицирующий признак, в ст. 131 и 132 УК РФ оно охватывается основным

составом, кроме того, приведение жертвы в беспомощное состояние также не является отдельным квалифицирующим признаком состава преступления.

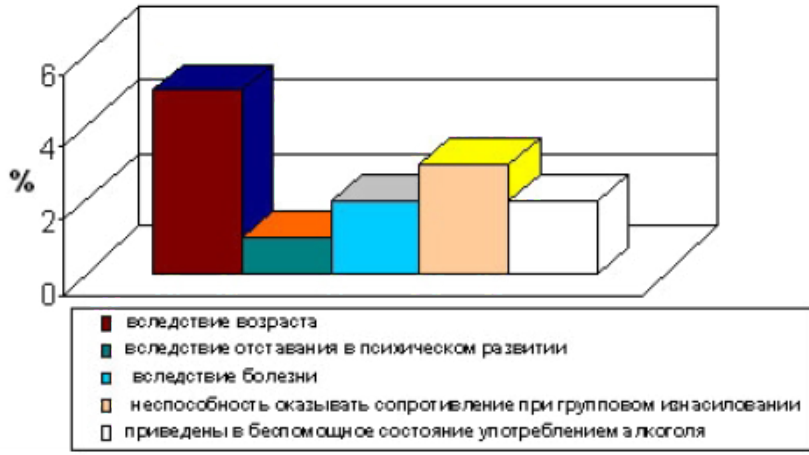


Рис. 13. Распределение причин беспомощного состояния потерпевших от сексуального насилия

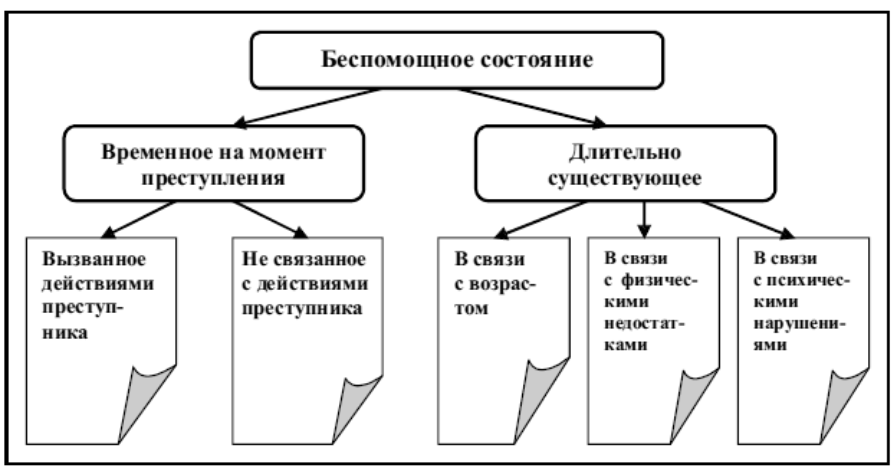


Рис. 14. Систематика беспомощного состояния потерпевших

По данным нашего исследования, в беспомощном состоянии находились 8 %, из них были приведены в беспомощное состояние виновным 3 % потерпевших, их особенности отражены на рисунке 13.

Беспомощное состояние потерпевших можно систематизировать на основе приведенной схемы (см. рис. 14).

Психическое насилие Л. В. Сердюк определяет как «воздействие на социальную сторону функционирования

человеческой психики, на тот общественный интерес, который проявляется в этом функционировании».[449] Однако такое определение является слишком широким и не может использоваться применительно к сексуальному насилию. Ф. М. Абубакиров рассматривает психическое насилие как умышленное, противоправное, выраженное вовне намерение причинить страдания потерпевшему, рассчитанное на запугивание или унижение его чести и достоинства.[450] Вопрос о понятии угрозы при половых преступлениях в уголовном праве трактовался далеко неоднозначно. Так, А. А. Пионтковский считал, что угроза сообщить о потерпевшей какие-либо порочащие сведения вполне может считаться достаточной в качестве средства вынудить потерпевшую вступить в половую связь.[451] Противоположной точки зрения на понятие угрозы придерживался А. А. Жижиленко, считая, что угроза оглашения тайны не может быть настолько интенсивной, чтобы быть приравненной к насилию.[452] Последняя точка зрения представляется обоснованной в связи с тем, что такая угроза не оказывает непосредственно ограничивающего влияния на волю потерпевшей.

Психическое насилие при половых преступлениях входит в основной состав ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК как средство преодоления сопротивления потерпевшей(его) в форме угрозы применения насилия и составляет квалифицированный состав преступления п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 как угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам об изнасилованиях» определил угрозу применения насилия как имеющую целью преодолеть сопротивление потерпевшей и очертил круг форм, в которых она может выражаться: соответствующие высказывания с намерением немедленного причинения вреда и угрожающие действия, как, например, демонстрация оружия.[453] Под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК, следует понимать «не только прямые высказывания, в которых выражается намерение немедленного применения физического насилия к потерпевшему лицу или другим лицам, но и также угрожающие действия виновного».[454]

При этом угрозы могут быть направлены как на потерпевшую(его), так и на близких ей (ему) людей. Основной характеристикой угрозы выступает реальность ее непосредственного применения, т. е. она должна быть конкретной, никогда не направленной на угрозу в будущем, – в этом ее способность воздействовать на свободное

волеизъявление. Т. В. Скорченко в связи с этим отмечает, что «психическая угроза при изнасиловании часто достигает поставленной преступником цели потому, что она имеет место при таких обстоятельствах, при которых потерпевшая не может оказать преступнику сопротивление, чтобы не поставить под угрозу благо и жизнь свою или своих близких родственников». [455]

Психологической основой угрозы насилием является вызов у потерпевшего аффективных состояний в виде страха, фрустрации и т. д., направленных на субъективное ограничение свободы выбора в сложившейся ситуации и тем самым оказывающих влияния на волеизъявление.

В отношении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как квалифицирующего признака следует обратить внимание на мнение Б. В. Даниэльбека о том, что вряд ли можно признать обоснованным, когда лицо, фактически причинившее легкий или средний вред здоровью, несет меньшую ответственность и охватывается основным составом преступлений, чем лицо, лишь угрожающее причинить тяжкий вред здоровью, которое относится к квалифицированному составу.[456] Причем эта особенность квалификации без изменений перешла из ч. 1 и 2 ст. 117 УК РСФСР в ч. 1, п. «в» ч. 2 ст. 131 и ч. 1, п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ.

Решение вопроса об оценке интенсивности угрозы относится к компетенции суда и должно обязательно проводиться с учетом, в первую очередь, реально сложившейся ситуации. Как отмечает по этому поводу П. Т. Скорченко, при решении вопроса о реальности угрозы нужно исходить из того, что по своей силе воздействия она должна быть близкой к физическому насилию. [457] Однако существенным моментом при оценке реальности угрозы выступают психологические особенности личности потерпевшего (внушаемость, подчиняемость, ситуационная обусловленность поведения, психический инфантилизм) и факультативные признаки объективной стороны состава преступления (время, место, обстановка совершения преступления). Учет личностных особенностей возможен на основании использования специальных познаний в области судебной психологии и психиатрии, что непосредственно решается в процессе производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Обязательным компонентом объективной стороны при изнасиловании выступает *половое сношение*, под которым в УК понимается нормативный гетеросексуальный половой акт. В

отличие от ст. 117 УК РСФСР, УК РФ не включает в состав изнасилования «удовлетворение половой страсти в извращенной форме», т. е. половые акты per os и per anus, которые образуют самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 132 УК РФ как насильственные действия сексуального характера. М. И. Авдеев определял половое сношение как физиологический акт, направленный на продолжение рода и заключающийся во введении мужского полового члена в копулятивные женские органы.[458] Однако такое определение не совсем точное, так как использование современных противозачаточных средств разделило репродуктивное и сексуальное поведение, кроме того, репродуктивные цели в современном обществе могут достигаться вне сексуального поведения, например при искусственном оплодотворении. Поэтому половое сношение следует рассматривать более узко как «физиологический процесс, начинающийся с момента введения во влагалище полового члена и заканчивающийся эякуляцией и оргазмом».[459] Оконченным изнасилование является с момента начала полового акта независимо от характера его продолжения и последствий.[460]

О необходимости отграничения изнасилования и насильственных действий сексуального характера А. Н. Игнатов писал в 1972 г. в целях устранения серьезных трудностей, возникающих в следственной и судебной практике: «Этой нормой охватывались бы любые сексуальные действия (и в извращенной, и в неизвращенной форме), но без полового сношения, совершенные как в отношении несовершеннолетних, так и взрослых лиц…»[461] Однако такое разделение насильственного сексуального поведения на основе «естественного полового акта» носит условный характер и ставит новые проблемы. Как отмечает М. И. Могачев, в ст. 131 УК РФ наказанию подлежит само сексуальное действие, т. е. половое сношение, которое совершено с насилием, в то время как ст. 132 УК предусматривает ответственность за насильственные действия, которые имеют сексуальный характер.[462]

При насильственных действиях сексуального характера по ст. 132 УК, кроме общего с изнасилованием применения насилия или угрозы его применения, вместо нормативного гетеросексуального полового акта объективную сторону преступления составляют мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Таким образом, ст. 132 УК охватывает все случаи насильственных действий сексуального характера за исключением изнасилования.

Отдельное выделение изнасилования на основе «естественного полового сношения» представляется

неоправданным и по следующей причине: насильственный половой акт в естественной форме в отношении женщины относится к ст. 131 УК, в то время как насильственный половой акт женщины в отношении мужчины будет отнесен к ст. 132 УК, тем самым одни и те же действия, составляющие объективную сторону в зависимости от гендерных различий, получают различную уголовно-правовую оценку.

Кроме того, различая гетеро– и гомосексуальное насилие, «акцент сделан не на насилии как способе достижения сексуальной близости, а именно на обыденном различении разных форм сексуальной активности».[463]

В отношении термина «половое сношение» А. А. Ткаченко отмечает, что его использование при квалификации изнасилования «давно не имеет аналога в специальной литературе, где давно уже наиболее употребительным является представление о “половом цикле”».[464] Понятие полового или копулятивного цикла включает в себя целый комплекс физиологических, поведенческих и психологических интеракций, что, естественно, невозможно при насилии или угрозе насилия, которое не имеет взаимности, поэтому говорить о насильственном половом акте с позиции клинической сексологии невозможно. Примерный Уголовный кодекс США в ст. 213 дает определение полового сношения, которое включает в себя и «сношение per os или per anum, сколь бы незначительным не было проникновение полового члена».[465]

Мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера выступают элементом объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 132 УК. Первые две формы охватывают любые гомосексуальные действия с применением насилия или угрозы насилия и, соответственно, отличаются от иных действий тем, что последние гетеросексуальны, но исключают нормальное половое сношение. Такого разделения вполне достаточно для целей уголовно-правовой квалификации, без дальнейшей детализации форм сексуального поведения, которая особенно распространена в последнее время среди юристов. Так, в литературе обсуждался вопрос об отсутствии уголовно-правового понятия лесбиянства и в связанных с этим трудностях привлечения к уголовной ответственности.[466] На наш взгляд, для квалификации насильственного лесбиянства вполне достаточно следующих критериев: 1) сексуальные действия носят гомосексуальный характер, осуществлены помимо воли потерпевшей, с помощью насилия или угрозы насилия, с использованием беспомощного состояния; 2) женский пол партнеров. Аналогично проводится квалификация актов

мужеложства, предполагая мужской пол преступника и жертвы.

§ 3.3. Групповые формы сексуального насилия: уголовно-правовая характеристика и криминологические особенности

Преступления, совершенные в группе, характеризуются двумя особенностями:

1) участие двух или более лиц, действующих в качестве исполнителей без предварительного сговора;

2) согласованность преступных действий в отношении потерпевшего.[467]

Действия участников группового изнасилования и насильственных действий сексуального характера квалифицируются по п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечено, что групповыми признаются изнасилования и насильственные сексуальные действия не только в тех случаях, когда несколькими лицами подвергается сексуальному насилию одно лицо, но и когда виновные, действуя согласованно и применяя насилие или угрозу его применения в отношении нескольких лиц, затем совершают насильственный половой акт или сексуальные действия в отношении хотя бы одного лица.[468] Участником группы не является лицо, которое присутствовало на месте преступления, но участия в нем не принимало; неоказание помощи потерпевшей не может рассматриваться как соучастие.[469] Действия лица, содействовавшего совершению изнасилования, но лично не совершавшего насильственного полового акта и не применявшего насилия к потерпевшей во время изнасилования ее группой, не является соисполнительством, а квалифицируется как соучастие.[470]

По мнению А. Дьяченко и А. Игнатова, действия участников должны квалифицироваться как групповое изнасилование независимо от того, что другие участники могут быть признаны невменяемыми, или не достигли возраста уголовной ответственности, или по другим основаниям не подлежали уголовной ответственности.[471] Такой подход длительное время применялся на практике. Однако он не согласуется с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в п. 9 которого отмечено, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной

ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не образует соучастия. Изменение позиции Пленума Верховного Суда РФ оценивается неоднозначно. Так, по мнению А. И. Рарога, оно оправданно, поскольку в подобной ситуации отсутствуют субъекты преступления, совершенного в соучастии.[472]

С уголовно-правовой позиции для группового сексуального насилия необходимо, чтобы каждый из участников выполнял те или иные действия, входящие в объективную сторону состава преступления. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если лица, принимавшие в нем участие, заранее договариваются о совместных действиях по совершению преступления до момента начала исполнения объективной стороны. Изнасилование и насильственные сексуальные действия могут считаться совершенными организованной группой лиц при условии их заранее объединения для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК), и отличаются «от преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору» планированием и распределением ролей между соучастниками и устойчивостью организованной группы.

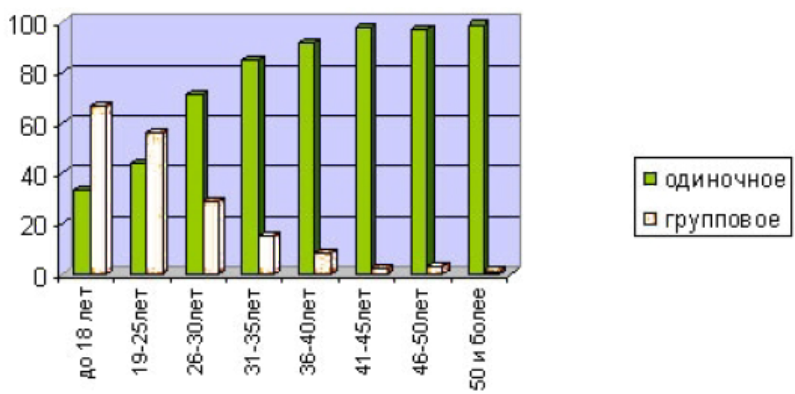


Рис. 15. Зависимость групповых форм криминального сексуального насилия от возраста преступников

Групповые формы изнасилования и насильственных сексуальных действий находятся в непосредственной зависимости от возраста виновных.[473]

По данным Б. Л. Гульман, до 33 % изнасилований носят групповой характер.[474] По нашим данным (см. рис. 15), процент групповых изнасилований и насильственных сексуальных действий значительно выше в возрастной группе лиц до 18 лет.

Групповой характер сексуального насилия характеризуется зависимостью от возраста участников преступления. Другой особенностью, выявленной при анализе групповых форм насильственных действий сексуального характера, является большая направленность таких действий в отношении лиц мужского пола. Исследуя проблему группового изнасилования, C. Czapow отмечает типичные черты участников криминальных группировок, такие как асоциальная направленность развития личности, принадлежность к уличным компаниям, высокая степень зависимости поведения индивида от лидера группы, личность которого характеризуется выраженной агрессивностью и деструктивной направленностью.

Для криминологического анализа все преступления по ст. 131 и 132 УК были подразделены на три группы: 1) одиночные; 2) групповые и 3) в присутствии «третьих лиц». При этом групповые формы в соответствии с диспозицией п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 разделены на следующие виды, совершенные: а) группой лиц; б) группой лиц по предварительному сговору и в) организованной группой лиц. Кроме того, групповые формы в зависимости от того, какие функции выполняли другие участники, разделены на: а) соисполнителей и б) соучастников (лиц, которые не применяли непосредственного насилия или угрозы насилия и сексуальных действий), которые выступали как организаторы, подстрекатели или пособники. Полученные результаты анализа в отношении 414 человек, привлеченных по ст. 131 и 132 УК на территории Орловской области за период с 1997 по 2005 г. включительно, приведены на рисунке 16.

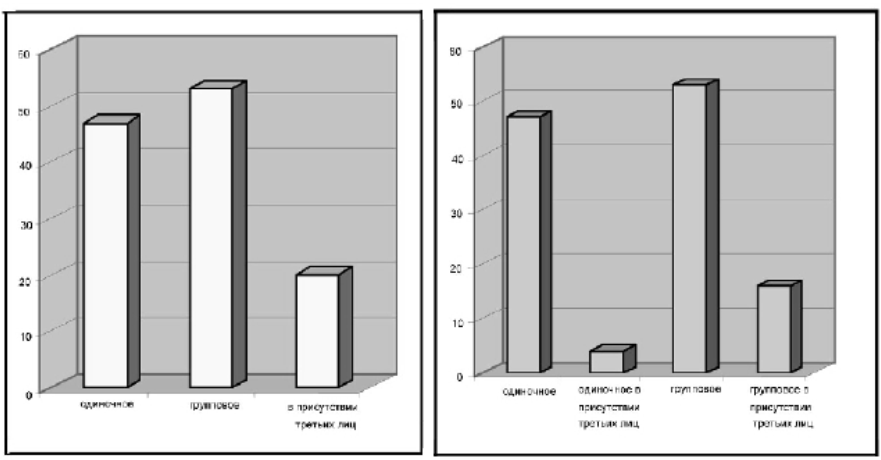


Рис. 16.

На диаграммах видно, что присутствие «третьих лиц», т. е.

лиц, находившихся на месте совершения преступления, но в действиях которых не усматривается состава преступления, значительно выше при групповом характере насилия. Наличие такой группы само по себе свидетельствует о росте толерантности к явлениям преступности в целом и к сексуальному насилию в частности. Важность введения понятия «третье лицо» с социально-психологических позиций изучения группового поведения неоднократно отмечалось многими авторами. Так, Г. М. Андреева пишет: «…присутствие в группе третьего лица создает новую позицию – наблюдателя, что добавляет существенно новый момент к возникающей системе взаимоотношений… при этом представляя именно не межличностное, а деятельное начало». [475]

Таким образом, можно говорить об уголовно-правовом понятии группового сексуального насилия в формах соучастия или соисполнительства и криминологической расширенной трактовки понятия группы, куда входят «третьи лица», в действиях которых нет состава преступления. Наибольший интерес с криминологической точки зрения представляет вовлеченность членов группы в криминальную динамику, т. е. почему одни лица совершают насилие, угрозу насилия и сексуальные действия, а другие – нет. Индивид в группе де-индивидуализирован, он представляет собой Homo collectivus. Испанский социобиолог J. Jauregui пишет: «Бывает очень интересно обнаружить, как часто и в каких обстоятельствах человеческие существа думают, чувствуют или действуют не как отдельные, уникальные индивидуальности, а как члены определенных социальных групп: как англичане, марксисты, католики и т. д.».[476]

Исследование процессов «криминальной вовлеченности» членов группы выявляет зависимость от социометрических параметров группы, и в первую очередь, от количества человек в группе. Последний показатель может варьировать в широких пределах. Так, И. Н. Якимов описывал случаи, когда число участников составляло 24, 26 и 62 человека.[477] В среднем численность при уголовно-правовом подходе к понятию группы варьируется от 2 до 8 человек, при криминологическом – от 3 (один как соучастник или соисполнитель и один – «третье лицо») до 12 (см. рис. 17). Выявленной особенностью является то, что при увеличении количества человек в группе более 4–5, остальные члены криминально не вовлечены в совершение преступления, а выступают «третьими лицами». Для описания механизма криминальной вовлеченности представляет интерес деление групп на группы членства и референтные.[478]

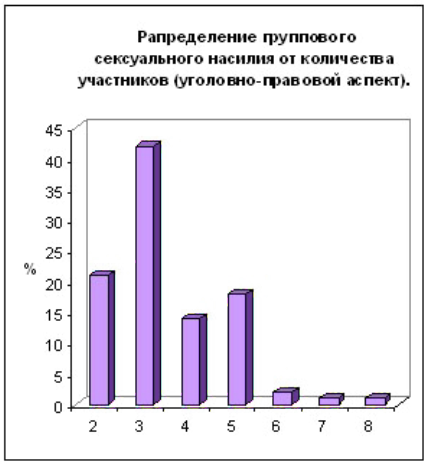


Рис. 17. Количественное распределение лиц при групповом сексуальном насилии

Эти две группы теоретически обособлены в функциональном отношении и пересекаются в реальных социальных группах, в то же время индивид может быть не включен в референтную группу, но перенимает ее нормы и ценности, стили поведения, стремится отождествлять себя с ней и т. д. Большую роль в создании образа таких референтных групп, «значимого другого» или моделей для подражания и идентификации играют СМИ, прежде всего телевидение. При разработке понятия референтной группы как «значимого круга общения» Г. Келли выделил две их функции – сравнительную и нормативную, когда собственное поведение индивида использует референтную группу как эталон для сравнения своего поведения или нормативной оценки. Можно говорить, что идентичность отдельного члена группы определяется, в первую очередь, референтной группой, «значимыми другими» и процесс идентификации с данной группой может отличаться бессознательным характером, когда механизм преступления носит характер подражания, о значении которого писал в своих работах еще Г. Тард.[479]

В отечественной психологии исследование неформальных групп велось в основном с позиций деятельностного подхода изучения межличностных отношений.[480] Для характеристики положения индивида в группе используется набор понятий, включающий понятия «статус», «роль» и «групповые ожидания». Последние определяются через «групповые нормы» и «групповые санкции».[481] По статусу для неформальных, организованных групп характерно условное разделение на лидера (формального и неформального), авторитетов, лиц, приближенных к лидеру и

составляющих ядро группы, рядовых членов группы, оппозиции и маргиналов, находящихся в наиболее низком статусном положении. Однако такое внутреннее структурирование характерно только для длительно существующих и организованных групп. Большинство же групп, совершающих насильственные сексуальные преступления, – это спонтанные, хаотические группы без внутренней структуры и при отсутствии определенных ролевых позиций участников.

Для неорганизованной группы наиболее характерными признаками выступают: 1) расплывчатое определение роли, которую играют члены группы; 2) ограниченная сплоченность; 3) непостоянство; 4) минимальная согласованность норм поведения; 5) текучесть членов; 6) беспорядочное руководство и 7) ограниченность ожиданий в отношении других членов группы. [482] Роль членов группы представляет собой динамический аспект статуса и рассматривается через призму функций, определенных для данного статуса группой. Однако при сохранении статуса набор функций может изменяться во времени. Особенностями ролевого поведения является закономерность: чем ниже статус индивида в группе, тем более неопределенным набором ролевых функций он характеризуется. Ролевое общение представляет собой одну из форм личностной иерархии деятельности.[483]

Для психологической характеристики индивида в группе используется понятие «групповой статус субъекта», который образуется из многочисленных психологических компонентов, составляющих иерархическую структуру.[484]

Система «групповых ожиданий», или система группового контроля поведения своих членов, предполагает от каждой роли выполнения определенных функций, определенного поведения посредством групповых норм и групповых санкций. Групповые нормы – это «установления, модели, эталоны должного поведения», основанные на разделяемых системах ценностей.[485] «Сбой» в «системе ожиданий» представляет интерес в плане виктимологии, особенно в условиях, когда потерпевшая от сексуального насилия является членом неформальной группы. Здесь возможны два варианта криминального насилия: жертва – новый член группы и не разделяет системы ценностей данной группы в сексуальном поведении, поэтому происходит «сбой в системе ожиданий»; сексуальное насилие связано с ролевым конфликтом и гиперролевым поведением в группе, иерархическим отношением доминирования-подчинения. В последнем случае часто жертвами сексуального насилия становятся лица мужского пола. Типичными примерами в этой

области являются иерархия в отношениях заключенных и сексуальные контакты между ними, однако данный материал не входил в проведенное исследование. Поэтому для иллюстрации приведем другой пример сексуального насилия в неорганизованной группе знакомых подростков, связанный с отношениями иерархии доминирования-подчинения.

> Обвиняемый по уголовному делу Тарасов С. А., 1988 года рождения (14 лет на момент совершения преступления), совместно с малолетним Малиным А. П. (13 лет) под угрозой применения насилия завели знакомого им ранее по улице Переменна А. А. (10 лет) в подъезд жилого дома и на лестничной площадке между 8-м и 9-м этажами подвергли его избиению. При этом Тарасов заставил потерпевшего обнажить задний проход, угрожая выжечь глаза и демонстрируя зажженную сигарету, ввел ему в задний проход половой член. После этого Малин ввел ему в задний проход палку, а потом половой член. Из показаний потерпевшего Черемсина, к нему подошли знакомые ребята, фамилии которых он не знает, и спросили его, зачем он пристает к девочкам. Он ответил, что ни к кому не пристает, после чего Тарасов и Малин сказали, что если они его изнасилуют, то больше обижать не будут, после чего повели в подъезд. Потерпевший не понимал, что они хотят сделать, и поэтому не сопротивлялся. Приведя на лестничную площадку Тарасов, угрожая, что выжжет глаза зажженной сигаретой, приказал ему снять штаны, после чего нагнул его и ввел половой член в задний проход и насиловал примерно 5—10 минут. Далее Малин, которого потерпевший хорошо знал, и «он и его друзья боялись его и поэтому сразу исполняли его желания», нашел какую-то палку и «потыкал» ей в задний проход, после чего попытался ввести половой член в задний проход, но у него ничего не получилось и он помочился на потерпевшего.

При проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы у Тарасова отмечены установочное поведение, наряду со стремлением к доминированию и лидерству, достигаемыми путем агрессивных и асоциальных форм поведения, гиперролевое поведение. При направленном психологическом исследовании выявлен маскулинный тип половой идентичности, регуляция поведения представлениями о мужской половой роли, когнитивная и смысловая интериоризация мужской половой роли

при недостаточной эмоциональной. По данным теста «Рука» ответы отражают директивные и агрессивные установки в процессе межличностных взаимодействий. Отмечен высокий уровень тревожности, склонность к регрессивному поведению. Характерна защита от окружающих в виде агрессии, легкомыслия в выводах, поверхностность в суждениях, зависимость от мнения окружающих.

Английский этолог Д. Моррис при изучении групповых форм сексуального поведения приматов пришел к выводу, что в большинстве случаев оно мотивировано не сексуальными потребностями, а статусом члена группы. Он писал: «…секс ради статуса является важным атрибутом социальной жизни обезьян, в том числе человекообразных. Благодаря ритуальным действиям лидеров и подчиненных удается избежать кровопролития… Если слабый самец чувствует угрозу со стороны сильного, он может защитить себя, избрав манеру поведения самки. Он демонстрирует роль подчиненного, принимая женские сексуальные позы и привлекая доминирующего самца своим задом. Последний подтверждает свой статус, обращаясь с этим самцом как с подчиненной самкой».[486] Особое значение такое поведение приобретает в группах, находящихся в условиях социальной изоляции, местах лишения свободы. М. Н. Гернет в связи с этим отмечал: «Половой вопрос… становится той осью, вокруг которой идет тюремная жизнь; он властно захватывает все помыслы и желания заключенных, и они отдаются ему без борьбы, без раскаяния, с легким сердцем, с радостью».[487]

О. В. Старков, рассматривая проблему «половых эксцессов осужденных», связывает ее с отклонениями от сексуальной нормы, чаще всего связанными с психическими аномалиями, а внутреннюю причину половых эксцессов осужденных он видит в «аномально-сексуальной мотивации».[488] Такое понимание проблемы девиантных и криминальных форм сексуального поведения как связанной либо с «аномальным» субъектом, либо с «аномальной» мотивацией, является довольно распространенным. Однако, с нашей точки зрения, оно не всегда отражает реальные мотивы преступлений и, как следствие, отсутствие методов профилактики или их неэффективность, наглядными примерами которого является сегодняшнее положение в местах лишения свободы. Для обоснования данной позиции, кроме изложенной выше точки зрения этологов и зоологов, следует отметить, что мотивация сама по себе редко является аномальной, патологической, т. е. рассматривается в психиатрии и сексологии как расстройство влечений. При этом формы ее реализации (поведение) носят выраженный патологический характер –

импульсивные, компульсивные и обсцессивные формы.[489]

Признание такого сексуального поведения как следствия аномального субъекта соответственно предполагает проведение комплекса профилактических мероприятий, где приоритет должен отдаваться медицинским и психологическим мерам, которые будут малоэффективны. Признание ведущей роли социодинамических факторов и сексуального поведения как проявления доминирования-подчинения в группе требует совершенно иного подхода с приоритетом социальных аспектов, комплекса мероприятий, направленных на работу с группой.

Группирование со сверстниками во многом определяется возрастными особенностями личности. А. Е. Личко считал реакцию группирования со сверстниками специфической реакцией подросткового возраста, где использование термина «реакция» подчеркивает биологическую природу механизмов.[490] Спор о проблеме соотношения биологического и социального в поведении человека актуален и в настоящее время. В период марксистско-ленинской идеологии приоритет в изучении поведения, в том числе криминального, отдавался социальным сторонам. Как отмечает В. Р. Дольник, «признание двойственной, биосоциальной природы человека долгое время оставалось формальным, ибо биологические, инстинктивные основы поведения человека были неизученными. Только в последние несколько десятилетий этологи стали заполнять этот пробел».[491] Особую значимость биологически детерминированные формы поведения приобретают не только в групповом криминальном поведении, но и у лиц с психическими аномалиями.

Кластерное распределение групп в зависимости от количества входящих в нее лиц и от их участия в совершении преступлений по ст. 131 и 132 УК приведено на рисунке 18.

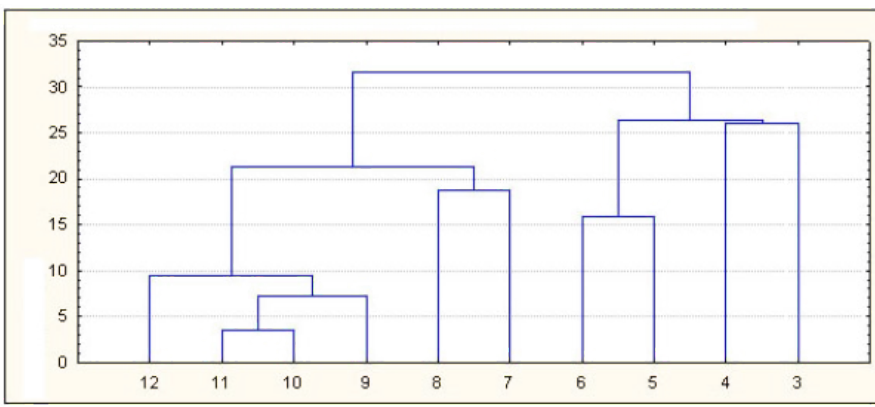


Рис. 18. Кластерное распределение групп по численности

Следует отметить, что не только вовлеченность в криминальное поведение при групповом совершении преступления, но и проявление насилия, агрессии, жестокости носят уже индивидуализированный характер, что должно отражаться в уголовно-правовой квалификации деяния каждого члена группы и дифференцированном характере уголовной ответственности.

Для иллюстрации группового сексуального насилия и различий в поведении его участников приведем пример.

> Уголовное дело № 2-23 Орловского областного суда от 2000 г. в отношении Филюшина А. А. (1979 г. р. – 20 лет на момент совершения преступления); Филюшина С. А. (1981 г. р. – 18 лет); Черепова Р. В. (1978 г.р. – 21 год) и Черникова А. Н. (1981 г. р. – 18 лет). Из материалов дела известно, что Филюшин А. А. и Черепов Р. В. 25 мая 1999 г, около 19 часов 30 мин., находясь в состоянии алкогольного опьянения и заметив, что находящаяся с ними несовершеннолетняя Ширшова О. П. (1982 г. р. – 17 лет) находится в состоянии сильного алкогольного опьянения и активного сопротивления оказать не может, достоверно зная, что она несовершеннолетняя, вступили в предварительный сговор с целью изнасилования Ширшовой. Предварительно в компании знакомых (учились в одной школе) они распивали с потерпевшей спиртные напитки и совместно проводили время. Действуя согласованно, они схватили Ширшову за руки и, преодолевая сопротивление, потащили в расположенную рядом лесополосу, где ее раздели и Филюшин А. А., преодолевая сопротивление, изнасиловал ее. Черепов находился при этом рядом и лишал потерпевшую возможности сопротивляться. На крик потерпевшей пришел Черников, которому Филюшин А. А. предложил совершить половой акт с последней, но тот отказался, и Филюшин А. А. прогнал его. Далее, преодолевая сопротивление, Ширшову в присутствии Филюшина А. А. изнасиловал Черепов. После этого они позвали Филюшина С. А. и предложили совершить половой акт с потерпевшей, на что он согласился, спустил брюки и трусы, лег на Ширшову, но из-за физиологических причин совершить половой акт не смог. После совершения изнасилования, когда компания покинула поляну, где распивала спиртное, Черников вернулся на место, где находилась потерпевшая, и

предложил ей добровольно совершить половой акт, от которого она отказалась. Черников повалил Ширшову на землю и стал ее насильственно раздевать, но потерпевшая активно сопротивлялась, громко кричала. Черников с целью преодоления сопротивления нанес ей более 4 ударов кулаком в лицо, причинив телесные повреждения в области лобного бугра, век правого глаза, спинки носа, скуловых областей, после чего Ширшова сопротивление прекратила. Раздев ее, он лег сверху и изнасиловал, в ходе совершения полового акта Ширшова вновь стала сопротивляться. Черников, предвидя возможность наступления смерти в результате своих действий и сознательно допуская возможность ее наступления, с целью подавления сопротивления схватил потерпевшую руками за шею и стал сдавливать ее руками, в результате чего причинил телесные повреждения в виде множественных ссадин с кровоизлиянием в подлежащие ткани шеи, перелома подъязычной кости, множественных кровоизлияний внутренних органов вследствие механической асфиксии, чем причинил тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, от которых наступила смерть потерпевшей. Труп потерпевшей с целью сокрытия преступления Черников выбросил в колодец недалеко от места совершения преступления. Преступление совершено в лесополосе, во время первого и второго эпизодов в нескольких метрах от места совершения преступления на поляне компания знакомых и бывших одноклассников распивала спиртные напитки. Всего в группе вместе с виновными было 8 человек, из которых две девушки – знакомые потерпевшей. Совер шили групповое изнасилование 3 и соответственно квалифицированы по п. «б», «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и п. «б», «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ в отношении Филюшина С. А. Последний эпизод изнасилования и убийства потерпевшей Черниковым к групповым не относится и был квалифицирован по п. «д» ч. 2 ст. 131 по совокупности со п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Соотношение индивидуального и группового компонентов вовлеченности в совершение преступления проявляется в двух противоположно направленных тенденциях – социальной фацилитации, когда присутствие в группе облегчает криминальное поведение индивида, и социальной ингибиции,

когда группа препятствует реализации криминальной деятельности.[492] При этом наибольшее значение указанные эффекты имеют в слабоструктурированных, хаотически организованных асоциальных группах.

При групповой криминальной динамике действуют бессознательные механизмы идентификации с группой. У отдельного индивида происходит моральная регрессия к групповой этике, для которой характерны дефицит Я-продуктивности, автономии, зависимость от других, прежде всего от лидера в группе, конформистская позиция.

При анализе групповых форм сексуального насилия выявлены три наиболее значимые криминологические особенности:

1) обратная зависимость участия в групповых сексуальных преступлениях от совершения сексуальных преступлений в прошлом;

2) отсутствие избирательности сексуального объекта от возраста, внешнего вида, состояния алкогольного опьянения;

3) чем моложе преступник, тем чаще он совершает групповые формы сексуального насилия.

Глава 4
Признаки субъекта и типология личности преступников, совершивших сексуальное насилие

Возраст, наряду с вменяемостью, выступает как одна из характеристик субъекта преступления в отношении действий, связанных с сексуальным насилием (ст. 131 и 132 УК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК он определен с 14 лет. Около 15 % лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за сексуальное насилие, являются несовершеннолетними в возрасте 14–18 лет. Возрастное распределение лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ, представлено на рисунке 19.

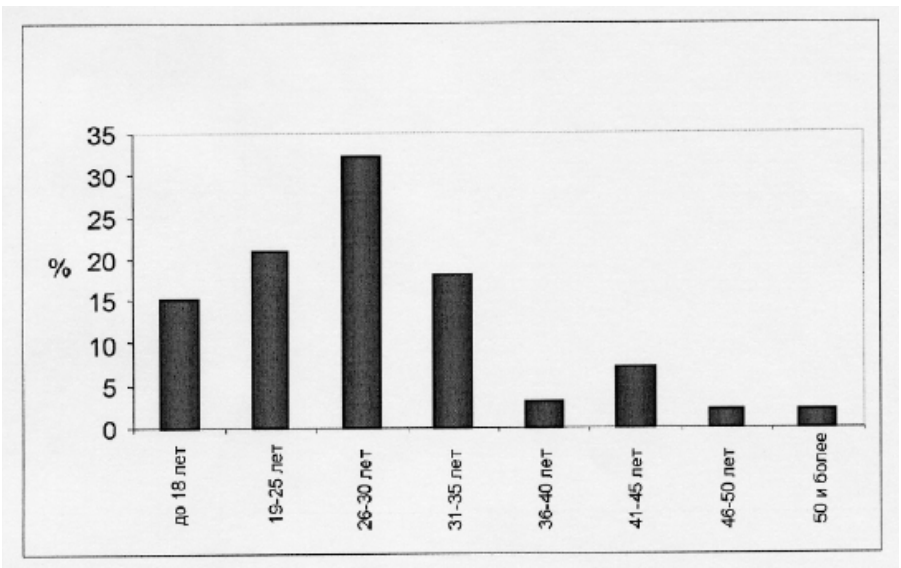


Рис. 19. Возрастное распределение лиц, совершивших насильственные сексуальные преступления по ст. 131 и 132 УК РФ

Вменяемость как способность субъекта преступления во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими и ограниченная вменяемость (ст. 22 УК) определяются медицинским и юридическим

критериями и косвенно зависят от возраста субъекта. Эта зависимость представлена на рисунке 20.

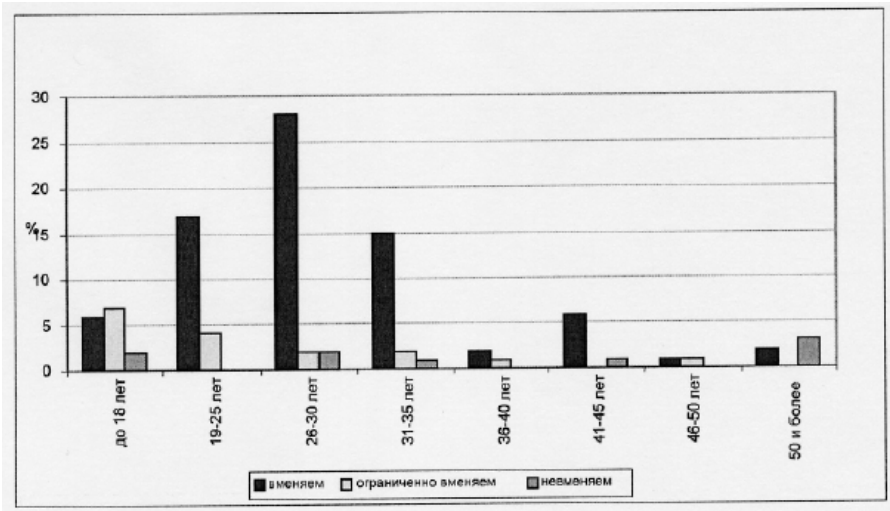


Рис. 20. Распределение лиц, совершивших сексуальное насилие, в зависимости от возраста и вменяемости

4.1. Психические нарушения улиц, совершивших сексуальное насилие

Многие исследователи указывали на значительную роль нарушений психической сферы в механизмах изнасилований. В. П. Сербский (1900, 1912) выделял дегенеративную психопатию, одним из видов которой, по его мнению, являлись приступообразные и постоянные половые извращения. V. Student (1983), описывая психопатических личностей, совершающих агрессивные преступления, указывал на свойственную сексуальным преступникам агрессивность в сочетании с эмоциональной холодностью вплоть до анетичности, наряду с повышенной ранимостью в сексуальной сфере. Он предложил свою классификацию, основанную на способе сексуальных отношений, в которой отмечено постепенное усложнение форм взаимодействия – от переписки и телефонных звонков до некросадизма. J. Zverina (1987) на основании данных литературы и собственных клинических наблюдений, приходит к выводу о том, что от 50 до 90 % лиц, совершающих агрессивные сексуальные деяния, являются психопатическими личностями. Отмечается, что среди насильников обычно выявляются бóльшие показатели психопатии (Harry B., Pierson T., Kuznetsov A., 1993); они менее эмпатичны и более схожи с другими группами преступников, чем лица, совершившие сексуальное насилие в отношении детей (см. напр., Quinsey, Rice, Harris, 1995; Serin, Malcolm, Khanna, Barbaree, 1994).

Однако психиатры и клинические психологи были подвержены резкой критике за патологизацию насильников. При этом подчеркивалось, что большинство преступников не страдает психическими расстройствами, которые могли бы уменьшить уголовную ответственность (Herman, 1990; Scully, Marolla, 1985), и никакое конкретное расстройство личности не связано с сексуальным правонарушением (Hillbrand, Foster, Hirt, 1990).

Критикуется также такая диагностическая рубрика МКБ-10, как антисоциальное расстройство личности, поскольку создается впечатление, что данный диагноз в значительной степени коррелирует с криминальностью (Widiger, Corbitt, 1993).

Неоднократно подчеркивалась и роль органического поражения головного мозга в возникновении агрессивного сексуального поведения. J. Zverina, J. Pondelickova (1984) обнаружили среди обследованных ими «сексуальных агрессоров» 35,9 % лиц с признаками энцефалопатии. По данным А. В.

Арутюняна (1984), лица, у которых обнаруживаются сексуальные перверзии на фоне органического поражения головного мозга, совершают изнасилования в 29,4 % случаев.

Как отмечают отечественные исследователи, 56,4 % лиц, совершивших изнасилования, обнаруживают признаки психических аномалий (Антонян Ю. М., Позднякова С. П., 1991). Структура психических аномалий (из признанных вменяемыми), по данным этих авторов, представляется следующей: органические поражения ЦНС – 56,1 %; психопатии – 27,9, олигофрении – 8,9, алкоголизм – 6, эпилепсия – 1,1, наркомании – 0,1; акцентуированные личности – 11,9 %. Велика роль психических аномалий и в рецидивности изнасилований – 32,2 % (среди здоровых – 15,7), из них у 25,3 % количество жертв колеблется от 2 до 5 (Антонян Ю. М., Позднякова С. П., 1991).

Б. Л. Гульман (1994) также проанализировал структуру психопатий среди лиц, совершивших изнасилования: группа возбудимых составляла 57 %, истероидных – 14; неустойчивых – 11, а также зависимость рецидивности от типа психопатий: у возбудимых – 74 %; неустойчивых – 9, шизоидных – 7; истероидных – 8 %. Групповые изнасилования составляют 33 % от общего числа и чаще отмечаются у психопатов возбудимого круга – 45 %; неустойчивого – 18 %; истероидного – 14 %.

Т. И. Зоренко (1994) обнаружила, что из 118 лиц с агрессивным сексуальным поведением 68,66 % совершили изнасилования, из них у 26,27 % диагностировано органическое поражение ЦНС, 8,48 % страдали психопатиями, а 3,39 % – олигофренией.

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что отрицание сексуального девиантного поведения у сексуальных преступников связано с механизмами защиты и чаще отмечается у лиц с расстройствами личности и тревогой (Haywood T., Grossman L., Hardy D., 1993).

По мнению Prentky и Knight (1991), сексуальная агрессия состоит из инструментального и экспрессивного компонентов: первый направлен только на преодоление сопротивления жертвы для завершения сексуального контакта, второй – на унижение жертвы. При преобладании *инструментальной агрессии* можно выделить правонарушения с сексуальной (парафильной) мотивацией и те, которые совершаются лицами с выраженными антисоциальными чертами личности, такими как импульсивность и низкая эмоциональная реактивность. При преобладании *экспрессивной агрессии* выделяются садистические нападения, при которых повреждения наносятся с целью получения сексуального удовлетворения, и насильственные действия, направленные на

унижение жертвы несексуальной мотивации (Prentky, Knight, 1991). Однако уровень использования физического насилия или характер повреждений не могут прямо указывать на характер агрессии (Pollard, 1994; Rosenberg, Knight, Prentky, Lee, 1988). Кроме того, насильственное поведение обычно отражает одновременно экспрессивные и инструментальные намерения (Berkowitz L., 1993).

Слабая успешность использования в практике предложенных классификаций, а также потребности криминалистов в создании такой типологии, которая помогала бы в идентификации и розыске преступников, прогнозировании последующих правонарушений, вели ко все большему усложнению типологии с акцентом уже на особенностях поведения правонарушителя. Так, D. Grubin (1992) при анализе насильственных сексуальных действий использует следующие критерии: *характер преступления* — совершено в группе или в одиночку, серийное или единичное, с убийством или без; *тип жертвы* — пожилая или молодая; *тип преступника* — подросток или взрослый, сексуальные преступления в прошлом, степень сексуального влечения, наличие или отсутствие сексуальных девиаций. По данным автора, кластерный анализ показал различия групп по пяти факторам: использование различных предметов при насилии; социальная адаптация; асоциальное поведение; импульсивность преступления; наличие сексуальной агрессии по отношению к партнерам.

§ 4.2. Роль психических нарушений в механизмах криминального поведения

P. Barker (1972) выделял следующие группы факторов агрессивного поведения:

1) связанные с внутрисемейными условиями, когда родители либо стремятся обучить ребенка определенной модели поведения, либо испытывают к нему неприязнь, что отражается на его социальных установках;

2) биологические факторы: темперамент, неврологический статус и т. п.;

3) социальные факторы – среди них важную роль занимает окружение, в которое попадает ребенок во время игр; фактор обучения, поскольку имеется корреляция между образованием (особенно задержкой обучения чтению) и антисоциальным поведением.

В большинстве случаев перечисленные факторы оказывают влияние и на формирование сексуального агрессивного поведения (Rutter M., 1983; Student V., 1984; Weiss P. et al., 1986).

Особенности развития. С помощью факторного анализа Prentky et al. (1989) выделили четыре значимых параметра развития: недостаточное воспитание и забота, воспитание в детских учреждениях, физическое насилие и пренебрежение, сексуальные отклонения и алкоголизм в семье. Эти факторы оказались связанными как с сексуальной, так и с несексуальной агрессивностью в зрелом возрасте. Недостаточные воспитание и забота, сексуальные девиации в семье связаны с выраженностью сексуальной агрессии, а воспитание в детских учреждениях и физическое насилие – с выраженностью несексуальной агрессии. Вывод о том, что опыт сексуального насилия в детстве и качество ранних межличностных связей важны для понимания сексуального насилия, соответствует и другим объяснительным моделям (Marshall, 1989; Ward, Hudson, Marshall, Siegert, 1995). Однако это касается в основном серийных и агрессивных насильников.

Психодинамические теории. Freud (1905/1953) видел девиантное сексуальное поведение как прямое отражение личностных нарушений, связанное с сохранением элементов инфантильной сексуальности в зрелости. Lanyon (1991) описывал последующих психоаналитических авторов как расширивших и углубивших позицию Фрейда (напр., Fenichel, 1945; Hammer, 1957; Rada, 1978), объяснительные модели которых обычно

включают как страх кастрации, так и эдипов комплекс.

В более поздних работах (Cohen, Garofalo, Boucher, Seghorn, 1971; Groth et al., 1977) утверждается, что ощущения сексуальной или межличностной неадекватности и неосознанных гомосексуальных тенденций взаимодействуют с агрессией, направленной на жертву как объект замены матери, приводя к сексуальному нападению. В крайних случаях агрессия так сексуализируется, что при ее запуске «эго» захватывается и управляющие механизмы повреждаются.

Однако эти теории не получили эмпирического подтверждения и не оказали влияния на эффективность лечения и профилактики (Lanyon, 1991).

Поведенческие теории. Ранние поведенческие этиологические модели сексуальной агрессии допускали, что сексуальное возбуждение в присутствии стимулов насильственного секса образуют мотивацию для сексуальных нападений (Abel et al., 1977; Amir, 1971; Freund, Blanchard, 1981; Quinsey et al., 1984). Однако фаллометрические исследования не дали четкого ответа на вопрос о возможности разграничения девиантного сексуального возбуждения (на стимулы насильственного секса) у насильников и нормативного – у других лиц (Hall, Hirschman, 1991; Malamuth, 1986; Marshall, Barbaree, 1990).

Barbaree и Marshall (1991) предложили шесть моделей роли сексуального возбуждения правонарушителя в течение насильственного полового акта.

Первая из них – модель сексуального предпочтения – постулирует, что максимальное сексуальное удовлетворение связано с сильным сексуальным пробуждением. Если это происходит в ответ на девиантные образы или действия, что может быть стабильным, образуется устойчивое предпочтение.

Вторая модель рассматривает торможение возбуждения на стимулы насильственного секса, что происходит, когда женщина демонстрирует несогласие на контакт показами боли, страха и неудобства, которые эмпатически тормозят сексуальное возбуждение у большинства мужчин. Фаллометрические обследования показывают, что у насильников это происходит в меньшей степени и такое угасание реакции прямо связано с количеством жертв (Abel et al., 1977, Abel, Blanchard, Becker, Djenderedjian, 1978).

Третья модель исходит из механизма дисингибирования, т. е. уменьшения обычного подавления возбуждения как реакции на стимулы насильственного секса. При этом задействованы факторы, которые уменьшают просоциальную мотивацию правонарушителя, например потенциальная жертва оценивается

как ответственная за нападение из-за «возбуждающей одежды» или «сокращения дистанции» (Sundberg, Barbaree, Marshall, 1991), а также обстоятельства, которые вызывают гнев, например унизительные замечания по поводу поведения мужчины (Yates, Barbaree, Marshall, 1984).

Четвертая модель, оценивая выраженность аффекта, исходит из утверждения, что не сексуальные эмоциональные состояния действуют синергически с сексуальным возбуждением, определяя силу сексуальной реакции.

Последние две модели подразумевают, что насильники могут быть охарактеризованы их относительной невозможностью волевого подавления сексуального возбуждения (Hall, 1989) или их возможностью одновременно быть как агрессивными, так и сексуально возбужденными (Blader, Marshall, 1989).

Преимущество этих моделей – в их способности учета гетерогенности моделей взаимодействия между восприятием жертв и возбуждением в патогенетическом механизме насильственного полового акта.

Социально-когнитивные теории. Клиницистами (напр., Marshall & Barbaree, 1989) часто описывается предубежденная обработка информации. Например, насильники часто видят особенности одежды жертвы как «зазывающие», испытывают трудности в представлении оценки ситуации с позиции жертвы (Cleary, 1988; Scully, 1988), интерпретируют пассивность или согласие жертвы на контакт от испуга как наслаждение от насилия и испытывают трудности в распознавании негативных эмоциональных состояний жертвы (Lipton, McDonel, McFall, 1987). Такой тип предубежденной обработки информации отражает «подозрительную» схему (Malamuth, Brown, 1994), когда насильники воспринимают особенности сексуальной коммуникации женщин искаженно, что создает высокий уровень недоверия и враждебности к женщинам и, в конце концов, поддерживает сексуальную агрессию.

У мужчин с повышенным риском сексуального «приставания» (likelihood to sexually harass – LSH) выявляется более тесная связь между сексуальностью и социальной доминантностью, чем у мужчин с низким риском LSH (Pryor, Stoller, 1994). Такие мужчины убеждены в обязательных отношениях сексуального соперничества между мужчинами и верят, что женщины предпочитают доминантных, получая с ними большее удовлетворение в сексуальных отношениях (Pryor, 1987). Сексуальное «приставание» оказывается результатом комбинации личностных факторов, таких, как, например, высокий LSH, и ситуационных факторов, как, например, одобряющие

общественные нормы (Pryor, LaVite, Stoller, 1993).

Социобиологические теории. Социобиологи утверждают, что мужчины, в отличие от женщин, расширяют свой репродуктивный потенциал, совокупляясь с многочисленными половыми партнершами. Таким образом, мужчины, «напористые» в сексуальных контактах, необходимы в эволюции (Ellis, 1991). Рассмотрение роли таких этологических понятий, как территориальное поведение, индивидуальное расстояние и доминирование, безусловно, продуктивно для анализа механизма насильственного полового акта, однако ограниченность такого аспекта, по сути игнорирующего гетерогенность психологических механизмов сексуального насилия, очевидна. Интересно, что в последних работах автор высказывает предположение об особой роли тестостерона как не только прямого стимулятора сексуальной агрессии, но и ингибитора эмпатических способностей у мужчин (Ellis, 1993). Однако повышенный уровень тестостерона характерен не для всех насильников (Mazur, Lamb, 1980) и может являться не причиной, а следствием агрессивного поведения (Gladue, Boechler, McCaul, 1989)

Многофакторные теории. Malamuth, Heavey и Linz (1993) предложили последнюю версию комплексной модели сексуальной агрессии. По их мнению, для возникновения сексуальной агрессии должны взаимодействовать несколько факторов: мотивация агрессивного акта, редукция внутренних и внешних ингибиторов агрессивности и, наконец, возможность совершения агрессивного акта.

При разработке модели авторы первоначально использовали шесть прогностических переменных: сексуальное возбуждение на стимулы насильственного секса; доминантность как мотив для секса; враждебность к женщинам; установки, облегчающие агрессию против женщин; антисоциальные характеристики личности, и сексуальный опыт как мера возможности проявления агрессии.

Исследователи отмечают, что неблагоприятный ранний опыт, например родительское насилие и физическое и сексуальное злоупотребление, может привести к развитию антисоциальных взглядов на межполовые отношения (Huesmann, 1988).

Malamuth, Sockloskie, Koss и Tanaka (1991) предложили две формы взаимодействия факторов, которые ведут к сексуальной агрессии: враждебная маскулинность и промискуитет. Первая форма отражает убеждение авторов, что враждебная домашняя среда способствует выработке различных установок и черт личности, которые повышают вероятность насильственного поведения (Patterson, DeBaryshe, Ramsey, 1989), таких, как,

например, соперническая ориентация по отношению к женщинам, когда агрессивное ухаживание и сексуальное завоевание расцениваются как достижения (Gilmore, 1990). Они считают, что первые четыре из выделенных ими факторов относятся к этой форме.

Вторая форма – промискуитет – отражает искаженную оценку сексуальности как источника самоуважения и потенциально повышает возможность использования принудительной тактики в поисках сексуального завоевания.

Данная модель не опровергнута временем и получила эмпирическое подтверждение при изучении неосужденных сексуальных насильников.

Marshall и Barbaree's (1990) считают, что, наряду с подобными параметрами, необходимо учитывать и ситуационные факторы. Они рассматривают сексуальную агрессию как поведение, детерминированное многими факторами, и считают необходимым детальный анализ проблем развития и имевших место вредностей. Такие факторы, как неприязненные отношения с родителями, особенно противоречивая, жесткая физическая дисциплина при отсутствии тепла и эмоциональной поддержки, препятствуют социализации личности, в частности, выработке положительного отношения к межличностным связям (Ward, Hudson, Marshall et al., 1995), не формируют социальный контроль за проявлениями секса и агрессивности и могут даже смешивать эти два аспекта, затрудняя восприятие различий между ними (Marshall, 1989; Ward, Hudson, Marshall et al., 1995).

Hall и Hirschman (1991) предложили модель сексуальной агрессии против женщин, состоящую из четырех компонентов: физиологическое сексуальное возбуждение; знания, оправдывающие сексуальную агрессию; аффективные нарушения, и проблемы личности. Они описывают нарушения мотивации, повышающие вероятность сексуальной агрессии, и определяют подтипы правонарушений в зависимости от роли каждого из факторов в их сочетании. Первичным фактором авторы считают сексуальное возбуждение, которое у некоторых насильников на фоне девиантных фантазий при мастурбации может выступать как стимул для сексуальной агрессии, когда подворачивается случай, но оно же мотивирует секс по согласию, когда такой возможности нет (Pithers, 1993). Второй фактор – когнитивный контекст: если оцениваемые преимущества сексуальной агрессии (например, сексуальное удовлетворение, выражение гнева, наслаждение жертвы) выше, чем оцениваемые угрозы (например, значение несправедливости действия, риска наказания), тогда вероятность сексуальной агрессии возрастает.

Третий аспект этой модели – роль аффективных нарушений. Многие авторы предполагают, что отрицательные эмоциональные состояния, особенно гнев и враждебность, у насильников обычно развиваются раньше и действуют как стимуляторы в цепи событий, ведущих к сексуальной агрессии (Knight, Prentky, 1990; Pithers, 1990). Hall and Hirschman предполагают, что существуют реципрокные отношения между такими состояниями и нормальными ингибиторами сексуального агрессивного поведения (такими, как сочувствие жертве, вина, моральные убеждения и т. п.), т. е. речь идет о временной нестабильности и ситуационной специфичности когнитивных и эмоциональных процессов, что соответствует и клиническим наблюдениям (Pithers, 1993).

Четвертый компонент – проблемы личности как факторы, облегчающие возникновение сексуальной агрессии. Подчеркивается роль раннего негативного опыта, такого, как нарушения отношений с родителями, физическое и сексуальное насилие, повышающих вероятность формирования негативных и антисоциальных установок (Hall, Proctor, 1987) и уменьшающих вероятность адекватной социализации (Lipton et al., 1987). Однако непосредственная роль последних параметров в развитии сексуальной агрессии остается неясной, как и их взаимосвязь с первыми тремя компонентами.

Наконец, модель «предотвращения рецидивов» (relapse prevention – RP) (Pithers, 1990; Pithers, Marques, Gibat, Marlatt, 1983) – спорная, но в настоящее время наиболее информативная для прогноза лечения модель. В отличие от упомянутых выше RP – не этиологическая модель, она описывает когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты рецидива сексуальной агрессии.

Типичное описание этого процесса (Pithers, 1990) начинается с негативного аффективного состояния (например, ощущение заброшенности, замешательство или гнев), часто возникающих в результате межличностных конфликтов. Негативный аффект приводит к появлению в фантазиях сексуальных насильственных и/или оскорбительных действий, которые уменьшают отрицательные эмоции. Такие фантазии часто связаны с когнитивными искажениями, которые привлекаются для рационализации девиантной сексуальности. В результате таких когнитивно-аффективных процессов правонарушитель начинает планировать нападение, которое и реализует.

Эта модель не объясняет первое нападение и ранний генез сексуальной агрессии, однако оказывается во многих случаях эффективной для построения адекватной терапии.

Оптимальной можно назвать такую модель, которая учитывает когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты регуляции поведения, а также мотивационные и контекстные параметры. Подобная модель описательного характера предложена в приложении к патогенезу рецидива насилия по отношению к детям (Ward, Louden, Hudson, Marshall, 1995).

Рецидивность. Особого внимания заслуживает рассмотрение факторов рецидивности, поскольку они отражают важные аспекты патогенеза изнасилований. Показатели рецидивности, по данным некоторых авторов, зависят и от нозологии аномалий: среди лиц с органическим поражением ЦНС ранее судимые составляли 44,4 %, из них: за половые преступления – 42,2 %; при психопатиях – 23,7 %; олигофрении – 22,7 %, алкоголизме – 4,5 % (Антонян Ю. М., Позднякова С.П., 1991).

Как уже отмечалось, рецидивность среди лиц, страдающих психопатиями, достигает 70 % (Гульман Б. Л., 1994).

Понятно, что показатели рецидивности известны только в отношении осужденных и не могут быть экстраполированы на другие группы (Quinsey, Lalumiere, Rice, Harris, 1995). Среди осужденных показатели рецидивизма колеблются от 6 до 36 % (см. напр., Grubin, Gunn, 1990; Marshall, Barbaree, 1990; Scully, 1990; Southey, Braybrook, Spier, 1994). В обзоре Quinsey, Lalumiere et al. (1995) общий показатель для насильников в отношении любого сексуального правонарушения составил 22,8 %.

R. Hanson, M.Bussiqre (1996) в обзоре исследований, посвященных проблеме прогноза рецидивности, для упрощения анализа объединили различные показатели рецидивности в три категории: сексуальный рецидивизм, несексуальный насильственный рецидивизм и общий рецидивизм.

Сексуальный рецидивизм наилучшим образом был предсказан:

1) показателями сексуальной девиантности (например, ненормальные сексуальные предпочтения, предшествующие сексуальные правонарушения);

2) в меньшей степени общими криминологическими показателями (например, возрастные, общие предшествующие правонарушения).

Прогнозаторы несексуального рецидивизма и общего рецидивизма были подобны тем, которые выявлялись среди несексуальных преступников.

По данным авторов, изучивших показатели за период 4–5 лет, общий показатель рецидивности был 13,4 % – для сексуальных правонарушений, 12,2 – для несексуальных насильственных правонарушений, и 36,3 % – для любого рецидивиста.

Прогнозаторы сексуального рецидивизма. Три из

анамнестических показателей значимо предсказывали сексуального рецидивиста: отрицательное отношение к матери, правонарушения в пубертате, проблемы родительской семьи (несексуальное насилие, развод родителей). Сексуальное злоупотребление в детстве и отрицательное отношение к отцу не коррелировали с рецидивностью. Из демографических показателей коррелировали: молодой возраст, отсутствие брака. Имело значение количество предшествующих правонарушений, выбор незнакомой жертвы, наличие эксгибиционистских эпизодов в анамнезе и повторность изнасилования.

Общая категория «девиантное сексуальное предпочтение» также предсказывала рецидивиста (особенно полиморфность). Небольшая вероятность была выявлена у лиц с психическими расстройствами в целом. Несколько общих клинических переменных показывали значимую связь с рецидивностью: наличие психоза в анамнезе; расстройства личности, особенно антисоциальное или психопатия; незначительно – интеллектуальное снижение.

В четырех исследованиях (Davis, Hoffman, Stacken, 1991; Hall, 1988; Hanson et al., 1992, 1993; Reddon et al., 1995) показана корреляция шкал MMPI с сексуальной рецидивностью: со шкалой маскулинности-феминности и меньшая – со шкалой паранойи.

Прогнозаторы несексуального насильственного рецидивизма. К ним относятся: молодой возраст, отсутствие брака, насильственные правонарушения в анамнезе. Значительно коррелирует наличие антисоциальных личностных расстройств. Из шкал MMPI отмечается корреляция со шкалой психопатии, высокими показателями шкалы К и низкими – по шкале социальной интраверсии (Hanson et al., 1992, 1993; Reddon et al., 1995).

Прогнозаторы общего рецидивизма. К ним относятся: правонарушения в пубертате, отрицательное отношение к матери, сексуальные злоупотребления в детстве. Среди демографических – молодой возраст, количество предшествующих правонарушений, особенно насильственных. Малозначимые корреляции – с психическими расстройствами в целом, более значимые – с расстройствами личности и злоупотреблением алкоголем.

Комбинированные показатели рецидивности. Другая объективная шкала риска, которая применялась к сексуальным правонарушителям, – Risk Appraisal Guide (RAG) (Webster, Harris, Rice, Cormier, Quinsey, 1994). Результаты этого обзора говорят о том, чтобы рецидивизм сексуального правонарушения был тесно связан с сексуальной девиантностью. Надежными прогнозаторами

выступали также наличие предшествующих половых правонарушений и, в меньшей степени, разнообразие сексуальных преступлений. Сексуальный рецидивизм также был связан с индексами общей криминальности, как, например, предшествующие несексуальные правонарушения и антисоциальное расстройство личности, но эти корреляции были более слабы, чем корреляции с сексуальной девиантностью.

Другие перспективные прогнозаторы сексуального рецидивизма включали раннее начало сексуальных нападений, выбор незнакомых жертв и шкалу маскулинности-феминности MMPI.

Клинические исследования Pithers et al. (1988) выявили другие показатели риска: раздражительность, низкие самоуважение и эмпатию. Однако, очевидно, корреляции с рядом параметров не являются стабильными. McKibben, Proulx и Lusignan (1994), например, при проведении среди нелечившихся сексуальных правонарушителей повторной оценки конфликтов, негативных эмоциональных состояний и девиантных сексуальных фантазий обнаружили, что при стрессах и болезнях последние учащались.

Таким образом, параметры риска рецидива сексуального насилия включают, прежде всего, «девиантность» сексуальной сферы, полоролевые нарушения, личностную патологию, связанную с особенностями развития.

Распределение субъектов сексуального насилия в зависимости от диагноза, выставленного при проведении судебно-психиатрической экспертизы, приведено на рисунке 21.

Влияние нозологических форм психических расстройств на диагностические экспертные вопросы относительно вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости представлено на рисунке 22.

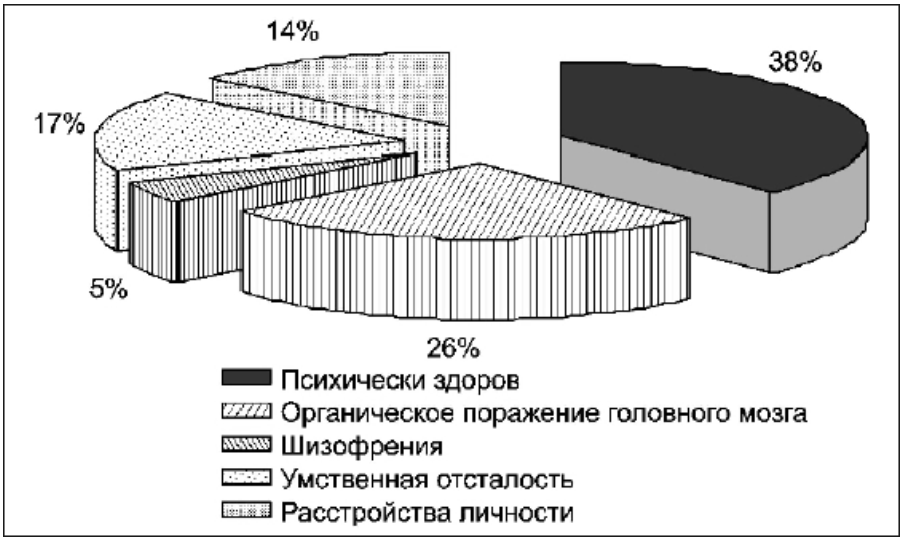


Рис. 21. Распределение лиц, совершивших насильственные сексуальные преступления, по диагностическим формам

Экспертные решения относительно вопроса вменяемости и ограниченной вменяемости лиц, совершивших преступления, в большей степени определяются не нозологической формой психического расстройства, а выраженностью психопатологических нарушений на момент совершения преступления, в первую очередь состояния измененности сознания, выраженностью аффективных и волевых нарушений.

В основу типологии лиц, совершивших насильственные сексуальные преступления, нами был положен способ реализации криминального сексуального поведения. Выделено четыре варианта реализации криминального сексуального поведения насильственного характера.

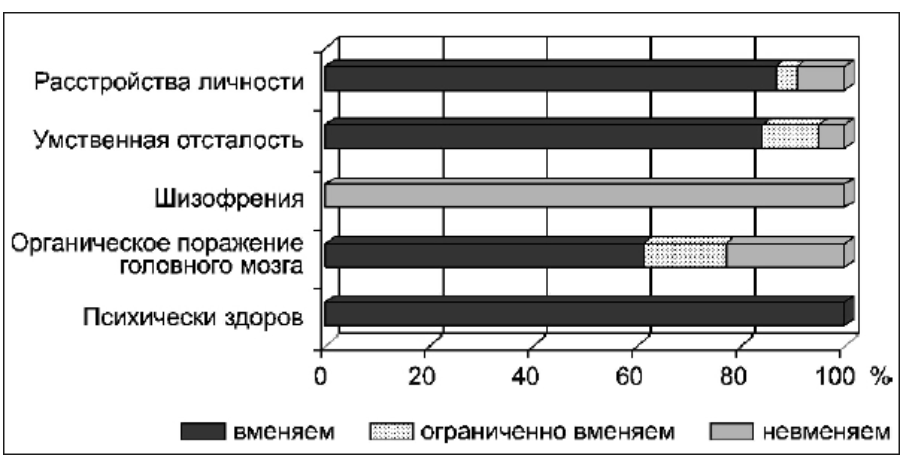


Рис. 22. Распределение субъектов преступления в

зависимости от нозологической формы и вменяемости

1. Ситуационно-обусловленный – основную роль играет виктимологический фактор, заключающийся в провоцирующем поведении жертвы.

2. Обсцессивный (навязчивый) – характеризуется осознаванием неадекватного и противоправного характера своего поведения, борьбой мотивов.

3. Компульсивный вариант – криминальные акты происходят в большинстве случаев на фоне явлений аффективно-суженного сознания с последующей частичной амнезией своих действий, часто – на фоне массивного алкогольного опьянения.

Приведем пример компульсивного механизма реализации сексуального насилия.

Игнатьев Сергей Анатольевич, 1962 г. р. Из заключения АСПЭК: в 7 лет появилось желание близости с девушкой. С другом, старше испытуемого на 2 года, беседовали на сексуальные темы, уединялись с 1 или 2 девочками и занимались взаимной мастурбацией. При этом испытывал приятные ощущения при манипуляциях девочки с его половым членом. Сам вводил девочке во влагалище 2 пальца или 2 сигареты до появления у нее болевых ощущений, нравилось наблюдать за подобными манипуляциями своего товарища. С этого же возраста был недоволен размерами своего полового члена, считал его маленьким, сравнивал с размерами у более старших ребят, стеснялся, в бане стоял ко всем спиной или закрывался.

В 8 лет, возвращаясь домой, искал на улице девочку-ровесницу, чтобы войти с ней в интимную близость, при этом допускал возможность применения физической силы. Увидев девочку, наблюдал за ней со стороны, испытывал сомнения, напасть на нее или, заговорив с ней, предложить ей близость.

С 14 лет на улице хватал женщин за грудь и сильно прижимал к себе, в транспорте прижимался эрегированным половым членом к женщинам.

В возрасте 15–16 лет сильно возбуждался от вида женских колготок, в связи с чем при мастурбации перед зеркалом неоднократно одевал колготки и ажурное женское белье.

26.09.80 г. в состоянии алкогольного опьянения у испытуемого возникла амнезия последующих 3 часов.

Очнулся в возбужденном состоянии с «распирающим» желанием осуществить с женщиной половой акт и с устойчивой эрекцией. На улице увидел девушку и пошел за ней следом, при этом думая о том, как с ней познакомиться и предложить близость. После этого возникла мысль о нападении. Некоторое время боролся с желанием «подмять» девушку, при этом ощущал сердцебиение, дрожь в ногах и неприятные ощущения по типу парестезий – «щекотание в груди», чувство «необычности – как будто над землей». Обогнав девушку, задал ей индифферентный вопрос и, увидев страх в ее глазах, напал на нее, так как в этот момент исчезли из головы мысли, появилась злоба. Неожиданно схватил ее за горло, оттащил в сторону и повалил на землю. С этого момента не очень отчетливо помнил происходившее. В ответ на сопротивление девушки нарастала злость, подавлял ее сопротивление (душил, надавливал пальцами на глаза, введя пальцы в рот, пытался захватить корень языка), разорвал на ней нижнее белье. При этом желание осуществить с ней половой акт исчезло, пропала эрекция. Думал только о подавлении ее сопротивления. Представлял себя «вершителем ее судьбы», испытывал чувство торжества. Когда девушка перестала оказывать сопротивление, ощутил, как что-то «окатило его с головы до ног». Возник страх «показаться слабым, опозориться». В то же время возникло чувство вины за произошедшее, просил у нее прощения, беседовал с ней, по ее согласию поцеловал ей грудь, проводил до дома. В последующем длительно испытывал стыд по поводу данного поступка, чувствовал себя униженным. На следующий день вспоминал данный эпизод, испытывал возбуждение, представлял себе проведение полового акта с жертвой, испытал интенсивный оргазм, было семяизвержение. По данному делу был осужден на 5 лет лишения свободы.

В феврале 1985 г. в состоянии опьянения в период отбывания наказания совершил сходное нападение на женщину. Во время нападения «видел происходящее со стороны». Через некоторое время «осознал реальность», возникли вялость, мысли о свой ненормальности, виновности. В этот момент исчезла эрекция, после чего убежал с места нападения.

Летом 1988 г. в состоянии алкогольного опьянения совершил нападение на женщину по сходными с

предыдущими нападениями механизмами. Неожиданно женщина согласилась совершить с ним половой акт. Зайдя в подвал дома, испытуемый совершил с этой женщиной половой акт в грубой форме, без предварительных ласк, однако не получил такого «удовлетворения», как при мастурбации. Отказался от повторного полового акта по инициативе партнерши и ушел.

26.03.89 г. в состоянии алкогольного опьянения после разговора со знакомым на сексуальные темы у испытуемого внезапно возникло половое возбуждение и сильное желание совершить половой акт с женщиной. Прервав разговор, испытуемый направился домой для того, чтобы совершить половой акт с женой. Выйдя из дома, увидел во дворе девочку-соседку, после этого «все происходило как будто автоматически». После непродолжительной борьбы мотивов «ноги сами несли к ней» – внезапно напал на нее, при этом как бы «отключился» от окружающей обстановки. Зажал жертве рот рукой и потащил в сторону. Девочка не оказывала ему сопротивления. Раздел ее насильно, при этом проводил удушение, надавливал пальцами на глазные яблоки, пытался пальцами захватить корень языка. Внезапно эрекция и желание совершить половой акт исчезли, хотя жертва была раздета и «подготовлена» к совершению полового акта. В тот момент «все прояснилось», осознал происходящее, «сам ужаснулся» и убежал. По данному делу был осужден на 7 лет лишения свободы.

Находясь в заключении, совершал гомосексуальные половые акты орально-генитальным и анально-генитальным способом, выступая в роли активного партнера, при этом проводил удушение партнеров, бил их, испытывал к ним злобу.

В апреле 1995 г. привел на вечеринку для женатого знакомого молодую девушку, за которой весь вечер ухаживал в присутствии жены. Затем, уединившись на кухне, совершал манипуляции руками с ее половыми органами. Провожая ее домой, неоднократно настаивал на совершении полового акта, при этом возникла сильная эрекция и желание совершить половой акт. Неожиданно схватил девушку за шею и сильно сжал, но сразу же отпустил, так как «пришел в себя».

Со слов испытуемого: совершил около 20 нападений

на женщин. При этом каждый раз, когда видел «подходящую» девушку – стройную, в короткой юбке, в сапогах или обуви на тонком каблуке, издающем стук, – возникала борьба мотивов – нападать или не нападать. Мог справляться со своим желанием до тех пор, пока дистанция между ним и жертвой не превышала 3 метров. После этого не мог бороться с собой и бросался на женщину. При этом испытуемому во многих случаях достаточно было схватить женщину за бедро или грудь, после этого «осознавал» происходящее, усилием воли прекращал нападение и убегал. Из всех случаев нападений на женщин практически ни в одном случае не совершил с женщинами законченных половых актов. В фантазиях после нападения «продолжал» эпизод нападения до совершения полового акта, испытывал оргазм, происходило семяизвержение. Во время проведения половых актов с женой также «возбуждал» себя фантазиями и воспоминаниями о нападениях. В интимном отношении с женой ограничивался пощипыванием ее за ягодицы, укусами во время полового акта. В последние 5 лет в фантазиях начал представлять себе вид крови жертвы, появилось желание «разорвать жертве горло, грудь руками». Испытывал при этих фантазиях сильное возбуждение.

13.02.97 г. после длительного воздержания от половых контактов с женой находился в вялом, апатичном состоянии. После употребления спиртного возникло желание осуществить с женщиной половой акт. Увидев проходящую мимо С., почувствовал желание ее «пощупать», что сопровождалось интенсивной, «распирающей» эрекцией. Этап борьбы мотивов был кратковременным, вбежал в подъезд вслед за С. и вошел вместе с ней в лифт. В лифте ощутил дрожь в ногах, сердцебиение, учащенное дыхание, взгляд стал бегающим, в глаза бросались отдельные части тела девушки. Неожиданно для себя нажал кнопку “стоп” и мгновенно напал на С., при этом совершал удушение, надавливал пальцами на глаза, пытался ухватить корень языка. Повалив девушку на пол лифта, испытуемый приказал ей снять нижнее белье, гладил рукой и пощипывал ягодицы С. через ткань одежды. Внезапно испытуемый «осознал» нелепость, аморальность происходящего, у него произошел «спад энергии», исчезла эрекция. Нажав кнопку первого попавшегося

этажа, испытуемый выбежал из дома, ощущая «внутреннее опустошение». Придя домой, фантазировал на тему этого эпизода, пытался «разрядиться» мастурбацией.

Из показаний потерпевшей С. 13.02.97 г. она вошла в лифт своего дома. Следом за ней вошел испытуемый, который, когда лифт начал двигаться, напал на нее, стал душить, повалил на пол, приказал снять нижнее белье. С. вырвалась от него и стала кричать. Потерпевший велел ей встать лицом к стене. С. не подчинилась ему, и, когда лифт открылся, испытуемый выскочил из него и убежал.

4. Импульсивный вариант – характеризуется реализацией сексуального криминального поведения в сопровождении агрессивно-садистических действий с внезапным, острым началом, высокой интенсивностью влечения, отсутствием борьбы мотивов, явлениями дереализации, деперсонализации на фоне нарушений сознания различной глубины.

Пример импульсивного варианта криминального поведения.

Мерзляков Дмитрий Михайлович, 1980 г. р. Из акта амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы: родился вторым ребенком в семье. Когда испытуемому было 15 лет, семья распалась – отец уехал в Бурятию. Отец употреблял алкоголь, но конфликтов в семье не было.

Из показаний матери испытуемого: имел друзей. Насколько я видела его общение с друзьями дома, они были равноправные. Мнение свое он имеет и внушению поддается несильно. У него было много знакомых девушек, есть их фотографии. Долго дружил с девушкой по имени Ирина, жениться вроде не собирался. Склонности к насилию над девушками у него не замечалось.

Со слов испытуемого: друзья были всегда, однако предпочитал ребят старше лет на 5, с ними было интереснее, чем со сверстниками. В 9—11 лет отрицательно относился к девочкам, старался не общаться с ними, бывало, что «лупил», подробностей не помнит. С учителями также были конфликты: мог встать и выйти среди урока, так как «было скучно или не было настроения». «По силе» в классе был вторым, дрался охотно, в драках бывало, что «терял над собой контроль», его «оттаскивали». В компании подростков имел кличку «наглый».

Из акта АСПЭК: из школьной характеристики известно, что учился слабо, трудолюбием и добросовестностью не отличался, на уроках был невнимательным, часто отвлекался, соображал слабо, память плохая. Своего твердого мнения не имел. По отношению к товарищам был груб, не отличался вежливостью и к девочкам. Иногда был нетактичен с учителями, на критику товарищей реагировал агрессивно, был вспыльчив. В училище характеризуется вспыльчивым, но быстро отходит. В раннем детстве занимался 2 года самбо. Свободное время проводит в компании сверстников. Себя характеризует как вспыльчивого, драчливого, раздражительного, общительного.

Со слов испытуемого: с 12 лет нравилось топить кошек, когда видел их судороги в воде, «как-то успокаивался». Всего утопил около 15, говорит, что вообще не любит кошек (хотя дома «терпел»), собак любит и никогда даже мыслей не было причинить им боль. Иногда в состоянии плохого настроения наносил себе самоповреждения – резал ножом руку, вид крови, боль «как-то успокаивали, было ощущение какого-то удовлетворения». С 13–14 лет – частые сны трех видов: первые – он свидетель групповых половых актов, испытывал сексуальное возбуждение; вторые – он отсекает незнакомому мужчине голову мечом, и третьи – он вонзает нож в спину незнакомой девушке. После последних двух просыпался в страхе, в течение какого-то времени не понимал, сделал ли он это в действительности или это ему приснилось. Когда понимал, что это был сон, испытывал облегчение. Отрицает поллюции во время этих снов. В то же время отмечает, что в снах, когда пронзал ножом спину девушке, ощущал какое-то удовлетворение, сходное с тем чувством успокоения, когда топил кошек.

Из показаний матери испытуемого: 07.03.97 г. был сильно взволнован, сказал, что избил девчонку и сейчас убьет ее, также сказал, что убил Галину.

Из допроса испытуемого от 09.03.97 г.: 13.02.97 г. я с С. встретили мою знакомую Н., которая плакала, рассказала, что поссорилась со своим другом, повели ее ко мне домой, договорившись с С. ее изнасиловать. Повалили на кровать, стали раздевать, она сопротивлялась, мы стали ее бить по различным частям

тела руками. С. первый изнасиловал ее в естественной форме, затем также я. Когда мы ее насиловали, то я предложил убить ее, чтобы она никому об изнасиловании не рассказала. Он согласился. Вывели на улицу, к мусорной яме, я два раза ударил ее по голове ручкой ножа, но она сознания не потеряла. Тогда С. ударил ее и был слышен хруст кости. Хочу добавить, что дома я отрезал несколько волос с головы и лобка. Я понял, что она потеряла сознание, когда провел ножом по правому плечу и сделал порез, но она не реагировала. Тогда я ударил ее ножом в область сердца, живот, горло. Затем мы ее свалили в яму и там я еще раз ударил в спину.

Из допроса испытуемого от 11.03.97 г.: я не отрезал грудь Н. В этот день мы выпили литр водки, бутылку вина и полбутылки самогона. Совершили половые акты в естественной форме: сначала – С., потом – я. Когда она начала кричать, мы стали бить ее руками и ногами по голове и телу, сколько и кто ударов нанес, я не помню. Затем С., а потом я по 2 раза совершили половой акт в рот. Я совершение половых актов во влагалище и рот не окончил. Мы срезали пучки волос с головы и лобка ножами, зачем – пояснить не могу. Когда она оделась, я порезал на ней блузку ножом, а С. – брюки, зачем – пояснить не могу.

Из заключения СМЭ трупа Нечаевой Г. В., 1980 г. р.: колото-резаная рана шеи слева, две колото-резаных раны груди слева, колото-резаная рана спины слева, колото-резаная рана живота, резаная рана левой молочной железы с ее полной ампутацией, резаная рана шеи по передней поверхности и правого плечевого сустава, множественные ссадины и кровоподтеки в разных областях. Повреждения в виде кровоподтеков в лобковой области и внутренней боковой поверхности правого бедра в верхней трети характерны для совершения насильственных половых актов с потерпевшей. Сперматозоиды не обнаружены.

Из показаний потерпевшей Ш., 1977 г. р.: 07.05.97 г. в 21.25 испытуемый медленно приблизился ко мне и обхватил меня рукой и стал тащить во двор бани, закрыл ладонью рот. Я схватилась руками за столб, испытуемый, схватив меня сзади за волосы, ударил меня головой о столб, и я упала. Оба стали меня избивать ногами по лицу и телу. Испытуемый сказал: «Пойдем за баню и

поговорим», но я отказалась, после чего он опять потащил меня, другой – ударил кулаком по лицу. Били лежащую ногами, С. отошел и выломал палку из забора. М. сзади поднял за волосы на колени и стал говорить П., чтобы тот бил ногой по лицу, С. бил палкой по голове, М. говорил, чтобы тот бил по почкам. Затем по почкам били оба. Когда вели дальше, С. сказал: «Одну убили и тебя убьем». Ведя по улице, несколько раз избивали меня. М. спросил: «Ты переспишь с нами двумя?». С. сказал, что если я буду орать, он выколет мне глаз палкой. М. говорил, что если я пересплю с ним одним, то меня никто не тронет. Когда С. предложил перетащить меня через забор, М. не соглашался, говорил, что если он заступится за меня, то я не напишу на него заявление за изнасилование. Когда я кричала, слышала, как какая-то женщина кричала на М., последний повалил меня, а С. пошел к женщине. М. начал душить меня, я, скинув его, перевернулась на живот, он бил меня по голове. С. сказал ему, чтобы он бросал меня и они побежали, однако М. продолжал бить меня по голове. Потом они убежали, и я пошла к женщине, но, услышав хруст снега сзади, обернулась и увидела, что М. или С. забрал мою шапку и куртку, испугалась, что они вернулись, и зашла в дом.

Из показаний испытуемого от 08.03.97 г.: 07.03.97 г. С. предложил ограбить кого-нибудь. Когда мы избивали мою знакомую Ш., я ударил ее головой о столб, сел на нее сверху, а С. бил ее палкой по голове. Когда она потеряла сознание, то мы вдвоем стали бить ее ногами, чтобы она точно не пришла в себя и не вспомнила нас. Когда она лежала без сознания, С. предложил мне изнасиловать ее. (В других показания – денег у нее не было, и я предложил ее изнасиловать, С. согласился.) Я согласился, но в это время вышел мужчина, и мы убежали. Угрожали убийством, избивали. Когда появилась женщина и стала кричать, то С. стал бить ее ногами и говорить, чтобы она замолчала.

Из допроса обвиняемого С., 1980 г. р., от 16.03.97 г.: Н. не насиловал, а совершил с ней 1 половой акт с ее согласия. Не раздевал и в квартире ей ударов не наносил. Вел по улице ее один М., умысла на убийство у меня не было, я думал, что мы собираемся ее отпустить. В яме я нанес ей один удар рукояткой ножа по голове. Ударов лезвием я не наносил и грудь ей не отчленял. О

совершении насильственных половых актов с Ш. я не договаривался и не бил ее. Всего я нанес ей два удара рукой на улице. М. под угрозой ножа повел Н. в свою квартиру. Видел, как М. совершает половой акт с Н., после чего предложил ей совершить со мной оральный половой акт, она согласилась, я его окончил. Затем я вышел, а когда вернулся, то увидел, что М. бьет ее ногами. Он сказал, что она чем-то больна, и она сказала, что врачи ей запретили заниматься сексом. М. отрезал ножом клок волос с ее головы и бросил их здесь же в комнате, а также порезал блузку ножом. М. вел Н., затем столкнул ее в яму и там ударил рукояткой ножа по левому виску. Я также ударил ее рукояткой ножа в область лба, так как он сказал, что ее нужно оглушить. Потом я вылез из ямы, а он продолжал наносить ей удары ножом, сказав, что за изнасилование дадут больше, чем за убийство. Когда по училищу стали ходить слухи об убийстве, я узнал, что у жертвы отрезали грудь. Я спросил у М., зачем он это сделал, он сказал, что грудь не отрезал, а только надрезал. Зачем он это сделал, он не объяснил. В случае с Ш. он сказал ей, что если она отдастся нам обоим, он ее отпустит. Били штакетиной оба. М. предложил ей совершить с нами половой акт, и она согласилась.

Со слов испытуемого: не помнит, что отрезал грудь Н., признает, что отрезал волосы с лобка и головы жертвы, изрезал ножом блузку, зачем – объяснить не может. Когда наносил удары ножом Н., то испытывал «какое-то успокоение». После убийства дома спал спокойно (после принятия большой дозы алкоголя), на следующий день встал с сомнением, приснилось ему или он на самом деле сделал это, и только после встречи с С. полностью поверил в случившееся. Не помнит полностью свои эмоциональные переживания во время деликтов, иногда была злость, иногда – сексуальное возбуждение.

Распределение лиц, совершивших изнасилования и насильственные действия сексуального характера, в зависимости от способа реализации криминального поведения представлено на рисунке 23.

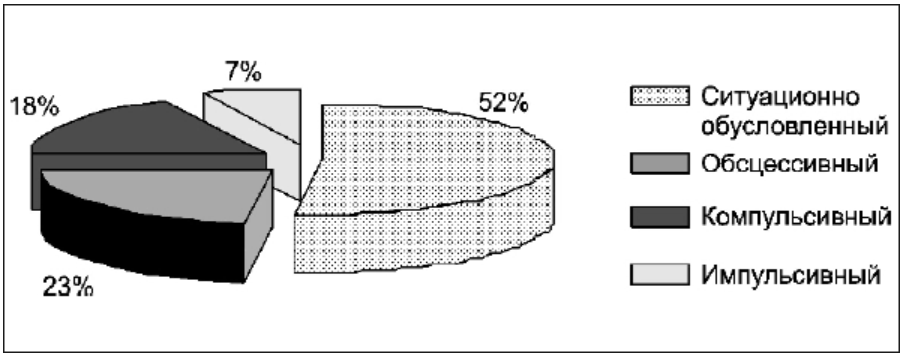


Рис. 23. Распределение лиц, совершивших преступления по ст. 131 и 132 УК РФ, по способу реализации сексуального насилия

4.3. Психологические особенности личности преступника

Психологические характеристики лица, совершившего сексуальное насилие, находятся в значительной зависимости от патологических расстройств влечений. Особенностями полового самосознания лиц с парафилией являются: выраженность фемининной составляющей полоролевой идентичности, зависимость от социального окружения, отсутствие эмоциональной и смысловой интериоризации мужской половой роли. Учитывая свойственные для лиц с парафилиями трансформированность образа Я, переживание его нестабильности, механизмом изнасилования в этом случае может являться стабилизация образа Я. Основным механизмом криминального поведения выступают недостаточная включенность полоролевых стереотипов в регуляцию поведения, отсутствие ценностных установок в отношении сексуального поведения.

Половое самосознание у лиц без парафилии также характеризуется фемининным типом полоролевой идентичности (на границе с недифференцированным), отсутствием когнитивной и смысловой интериоризации мужской половой роли, при сохранности эмоциональной, регуляцией поведения мужским полоролевым стереотипом. Сфера сексуальных предпочтений характеризуется относительной безконфликтностью. Сексуальные предпочтения согласуются с представлениями о женской половой роли, что свидетельствует о предпочтении женщины в качестве сексуального партнера. Для данных лиц на эмоциональном уровне также характерны ассоциации понятий «секс» – «женщина». Основной механизм криминальной активности заключается в недостаточной когнитивной освоенности соответствующих норм поведения или их искажении при различных психопатологических процессах.

4.4. Состояние острого алкогольного опьянения на момент совершения сексуального насилия и его комплексная экспертная и правовая оценка

Состояние алкогольного, наркотического и токсикоманического опьянения на момент совершения преступления в соответствии со ст. 23 УК РФ (Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения) относится к общей характеристике лиц, подлежащих уголовной ответственности (глава 4 УК). Состояние алкогольного опьянения не относится к обстоятельствам, отягчающим наказание (ст. 63 УК), в отличие от ст. 35 УК РСФСР, однако, как и ранее, простое алкогольное, наркотическое или вызванное другими одурманивающими средствами опьянение не входят в медицинский критерий невменяемости (ст. 21 УК).

Однако не вызывает сомнения тот факт, что «лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, не в полной мере обладают возможностью оценивать противоправность своего поведения и руководствоваться этой оценкой».[493] В состоянии острого алкогольного опьянения, в первую очередь, нарушаются процессы в эмоционально-волевой сфере, выраженность которых варьирует в широких пределах, а реализация в поведении зависит от особенностей личности, ее воспитания, привычек, морально-нравственных установок, усвоенных социальных норм. Поэтому сами по себе эмоционально-волевые нарушения не являются юридическим критерием невменяемости. Однако в большинстве случаев состояние острой алкогольной интоксикации развивается у лиц, имеющих аномалии психической деятельности, когда происходит взаимное влияние нарушений психики на протекание состояния опьянения и влияние алкоголя как провоцирующего фактора имеющихся нарушений. Речь идет о влиянии психического расстройства на возможность лица в момент совершения преступления в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими и о применении в данном случае нормы ограниченной вменяемости, предусмотренной ч. 1 ст. 22 УК, а в некоторых случаях и о полном лишении преступника способности осознавать значение своих действий и руководить ими (ч. 1 ст. 21 УК). Данные состояния получили в судебной психиатрии наименование острой алкогольной интоксикации с атипичной

клинической картиной.[494]

Состояние алкогольного опьянения тесно связано с насильственными преступлениями, однако непосредственная связь острой интоксикации алкоголем с криминальной активностью далеко неоднозначна.[495] По данным Б. А. Спасенникова, каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения.[496] Ряд исследователей на основании проведенных исследований приходят к выводу о том, что острое алкогольное опьянение способствует реализации насилия и коррелирует с тяжестью последствий и жестокостью совершения преступлений.[497] Для рассмотрения проблемы сексуального насилия в состоянии алкогольного опьянения интересна работа L. Zhang et al., (1997) в которой отмечается роль наличия девиантной личностной мотивации, которая реализуется в состоянии алкогольного опьянения.[498] Важность влияния психопатологических факторов на поведение индивида в состоянии алкогольного опьянения отмечена в исследовании D. Murdoch et al. (1990), показавшего, что психопатологические факторы являются в данном случае основными в реализации агрессии и насилия.[499] Низкая роль ситуационных факторов и преобладание внутренних психопатологических механизмов в формировании поведения в состоянии острой алкогольной интоксикации выявлена также в работе B. Bergman (1997).[500]

Таким образом, обзор многочисленных зарубежных исследований последних лет показывает, что острое алкогольное опьянение как фактор криминального поведения не только имеет значение само по себе, но и в первую очередь выполняет роль «связывающего звена» между аномалиями субъекта преступления и его психопатологическими особенностями и собственно криминальным поведением, т. е. выступает как пусковой механизм последнего. В отношении сексуальных преступлений такая связь приобретает первоочередное значение как в силу огромного числа лиц, находившихся в состоянии алкогольного опьянения (около 82 %) в момент совершения преступлений, так и значительных показателей имеющихся у них психических и, прежде всего, психосексуальных аномалий, влияющих на поведение. Соответственно и подход к правовой оценке и наказанию лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, носит неоднозначный и дискуссионный характер. Для примера приведем УК ФРГ, в котором для лиц, находившихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения, действуют два правила.

Во-первых, если лицо сознательно привело себя в состояние невменяемости путем опьянения для совершения преступления,

то тогда действует разработанное еще обычным правом правило “actio libera in causa” (изначально свободное действие), т. е. действие, свободное относительно его причины. В этом случае невменяемое состояние не учитывается, и наказание имеет место по совершенному преступлению.

Во-вторых, если лицо оказалось в состоянии опьянения умышленно или неосторожно, но без умысла на совершение преступления, то оно наказывается в соответствии с § 323-а, предусматривающим наказание до 5 лет или штраф за приведение себя в состояние опьянения, что повлекло за собой совершение в этом состоянии преступления, но при этом наказания за совершенное преступление не происходит. Если же преступление совершено в состоянии опьянения, но при наличии вменяемости, то ответственность наступает на общих основаниях. Наказание за преступление по § 323-а в любом случае не может превышать наказание за основное преступление.[501]

В отечественном законодательстве до 1997 г., традиционно со времен Петра I, состояние алкогольного опьянения на момент совершения преступления относилось к обстоятельствам, отягчающим вину за совершенное преступление. Воинский Устав в артикуле 43 указывал: «Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем, чего злого учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощения получил, но по вине вящего жестокостью наказан имеет быть».[502] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. дифференцированно подходит к оценке состояния опьянения преступника и рассматривает его как отягчающее вину только при условии умышленного приведения себя в опьянение для совершения преступления.[503] Редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. сохраняла дифференцированность подхода. Так, ст. 106 определяла: «За преступления, учиненные в пьянстве, когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление, определяется также высшей мерой наказания, за то преступление в законах изложенного. Когда же, напротив, доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мерой его наказания назначается по другим, сопровождающим преступления обстоятельствам».[504] Таким образом, русское дореволюционное законодательство в отношении ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, эволюционировало от его рассмотрения как фактора, отягчающего преступления, до индивидуализации на основании субъективных причин алкогольного опьянения. Такой подход и его эволюция, как справедливо отмечает Б. А. Спасенников, обусловлен целым рядом выделенных им

социально-правовых причин, таких как: 1) попытки использовать любой повод для гуманизации и смягчения уголовного наказания; 2) отсутствие должного уровня знаний в судебной психиатрии относительно механизмов опьянения и его влияние на поведение и самоконтроль, и 3) широкое законодательное поле для индивидуализации наказаний.[505]

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., так же как Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., не решали вопроса об ответственности лиц за совершение преступления в состоянии опьянения. Статья 11 УК РСФСР 1926 г. предусматривала освобождение лиц от уголовной ответственности в состоянии невменяемости, и в примечаниях к указанной статье отмечалось, что действие этой нормы не распространяется на лиц в состоянии алкогольного опьянения.[506] УК РСФСР 1960 г. в ст. 12 отмечал, что лица, совершившие преступления в состоянии опьянения, не освобождаются от уголовной ответственности, а в п. 10 ст. 39 указывал, что совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, с учетом всех обстоятельств дела и характера преступного деяния может быть по усмотрению суда признано как отягчающее обстоятельство.[507] Статья 23 УК РФ (Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения) говорит, что данное лицо подлежит уголовной ответственности.

Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, должна основываться на общих принципах виновности, поэтому заранее определить алкогольное опьянение как отягчающее или смягчающее вину обстоятельство невозможно, нужен индивидуальный подход к каждому преступлению и каждой личности преступника. Еще в начале XX в. В. В. Чехов, рассматривая условия вменяемости при алкогольной интоксикации, писал: «…имеем ли мы вообще право карать человека, за то, что он пьянеет, когда пьет, а пьянея, то есть когда его душевное состояние изменяется под влиянием отравы, совершает преступление».[508] Вопрос о соотношении вменяемости и алкогольного опьянения А. Ф. Кистяковский относил «к разряду наиболее спорных» и выделял в зависимости от его причины три вида опьянения: «а) опьянение недобровольное, произошедшее или совершенно случайно, или вследствие действий постороннего лица; б) опьянение хотя и добровольное, но такое, в которое субъект привел себя без всякой мысли и без всякого отношения к тому преступлению, которое в этом состоянии было совершено; в) опьянение намеренное, в которое субъект привел себя с той целью, чтобы заглушить

совесть или почерпнуть бодрость в таком состоянии на совершение преступления».[509]

Г. В. Назаренко, рассматривая уголовную ответственность лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, предлагает единообразный подход к ст. 23 УК, основанный на трех положениях.

1. Лицо, совершившее преступление в состоянии любой степени опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

2. Лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии патологического опьянения, исключающего возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (вариант – контролировать их), уголовной ответственности не подлежит.

3. Совершение преступления в состоянии опьянения является основанием для установления нуждаемости лица в принудительном лечении от алкоголизма и наркомании наряду с отбыванием наказания.[510]

С приведенной единой схемой нельзя полностью согласиться, так как в п. 1 критерием опьянения выступает его степень, т. е. количественная мера, но не учитываются качественные атипичные психопатологические особенности алкогольного опьянения, его провоцирующего влияния на имеющиеся психические аномалии субъекта преступления. Кроме того, в п. 3 основанием «нуждаемости» применения принудительных мер медицинского характера является не состояние опьянения на момент совершения преступления, а установление факта, что лицо страдает хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией и не имеет противопоказаний для проведения соответствующего принудительного лечения или проведение последнего должно быть четко регламентировано.

Другой подход к правовой оценке состояния острого алкогольного опьянения на момент совершения преступления основан не на субъективных предпосылках добровольности или неосторожности возникновения опьянения, а на объективных клинических проявлениях картины алкогольного опьянения и ее комплексной судебной наркологической и психиатрической оценке способности лица в полной мере осознавать фактический характер и общественную значимость совершаемых им действий и способности руководить ими. Подобный подход характерен для современного уголовного права РФ, но возможность его применения рассматривалась еще Н. С. Таганцевым. Он ввел

градацию по степени острого алкогольного опьянения на полное и неполное – «к опьянению полному нужно отнести не только наступление полной бессознательности и сна, но и ту стадию, когда опьяневший утрачивает *способность распознавать* (здесь и ниже выделено нами. – *Н. И.*) зависимость и причинную связь явлений, когда под влиянием ненормального состояния органов чувств сфера его представлений получает субъективную окраску, и рассудок утрачивает ***способность управлять*** действиями. Такое психическое состояние, несомненно, устраняет вменяемость. Опьянение неполное будет обнимать все предшествующие первичные стадии; причем вменяемость, несомненно, существует при возбужденном состоянии, вызванном алкогольным опьянением, определяющим ответственность, объем которой можно дифференцировать. Установление степени опьянения и притом именно в момент учинения преступного деяния может быть, конечно, сделано только ввиду обстоятельств каждого отдельного дела, и в этом отношении может иногда встретиться весьма большое затруднение, особенно тогда, когда опьянение прогрессирует и притом без нового принятия спиртных напитков».[511] Как видно из приведенной цитаты, основными критериями, положенными в качестве оценки состояния опьянения, являются способность распознавать окружающие явления и способность управлять действиями, что в современной интерпретации соответствует способности осознавать фактическое значение и общественную опасность (интеллектуальный компонент юридического критерия) и способности руководить своими действиями (волевой компонент юридического критерия). Кроме того, интересно описание «прогрессирующего опьянения» без дополнительного принятия спиртных напитков. Отмеченная особенность характерна именно для атипичных форм алкогольного опьянения подлежащих экспертной оценке по ст. 22 УК. При экспертизе алкогольное опьянение само по себе не оценивается на предмет отнесенности к медицинскому критерию невменяемости, за исключением состояния патологического опьянения и психотических форм алкогольного опьянения, однозначно относимых к ст. 21 УК. Предмет медицинского критерия применения ст. 22 УК (ограниченная вменяемость) в отношении лиц, совершивших преступление в алкогольном опьянении, составляют психические аномалии, имевшие место у лица до криминального события, а алкогольное опьянение выступает «промежуточным звеном», с «многообразными расстройствами аффективной сферы, восприятия, самосознания, мышления»[512], составляющих психологический (юридический) критерий ограниченной

вменяемости.

Как с криминологической, так и экспертной точек зрения наиболее важными являются выявление атипичных форм острого алкогольного опьянения и выяснение их роли в реализации сексуального насилия. Для этой цели на основе изучения экспертных психиатрических данных, специальной литературы по данной проблеме и собственных исследований предлагается следующий алгоритм дифференциального подхода к оценке острого алкогольного опьянения на момент совершения преступлений (см. рис. 24). Криминологический анализ влияния острой алкогольной интоксикации на насильственное поведение проводился на основании предложенного алгоритма.

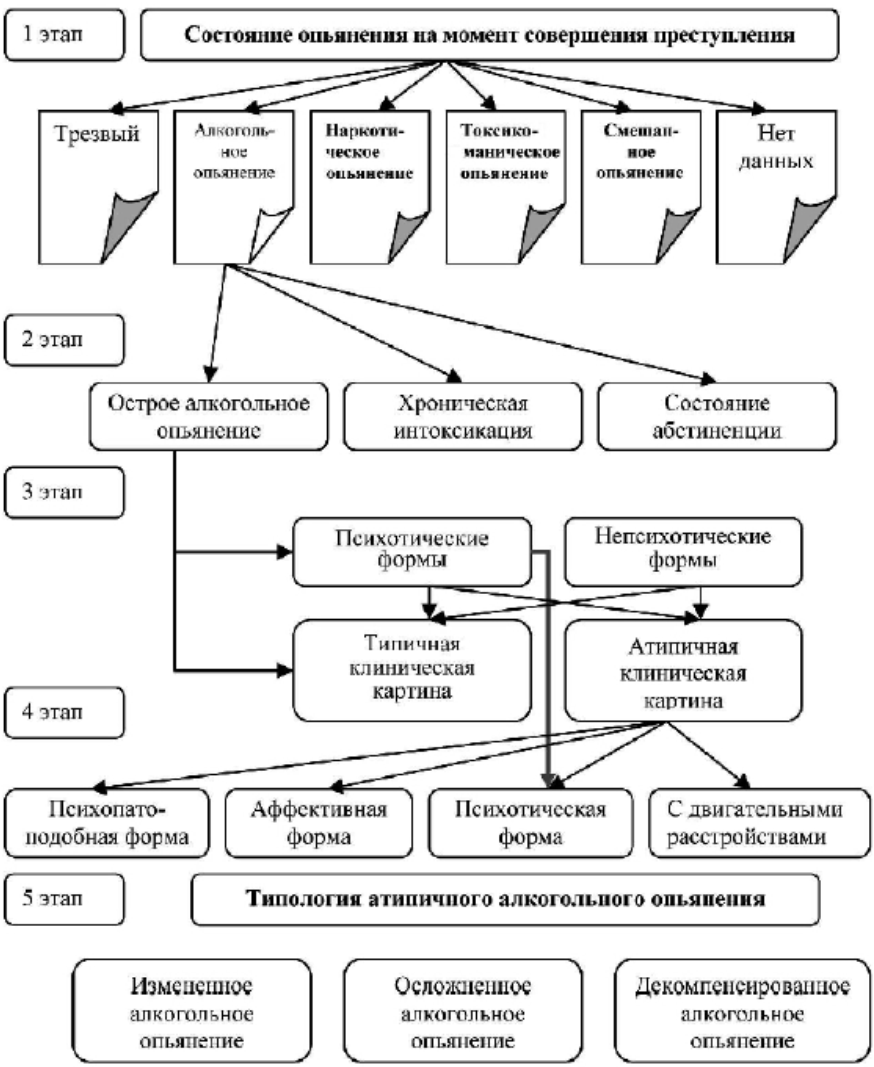


Рис. 24. Алгоритм диагностики состояния острого

алкогольного опьянения на момент инкриминируемого деяния

Выделение четырех атипичных форм алкогольного опьянения основано на дифференцированном клинико-психопатологическом подходе к рассмотрению опьянения и предполагает градацию от менее патологических форм к более патологически выраженным, где осью, вокруг которой выстраивается анализ, выступает нарушение *личности.*[513] Таким образом, в процессе экспертного исследования оцениваются не только конкретные психофизиологические особенности субъекта, но и нарушения, отражающие функционирование личности в целом в конкретной криминальной ситуации.

Специфика и роль состояний алкогольного опьянения при совершении различных сексуальных правонарушений рассматривается разными авторами неоднозначно. Б. Н. Маньковский считал, что алкоголизация при изнасилованиях играет незначительную роль (19 % от общего количества, по его данным).[514] Однако исследования последних лет свидетельствуют об обратном соотношении (Юлдашев В. Л., 1986; Green F., 1988 и др.). Более раннее исследование роли алкогольной интоксикации при изнасилованиях было проведено R. Rada (1975). По его данным, 35 % насильников страдали алкоголизмом, 50 % – находились в состоянии опьянения на момент совершения преступления, из них 4 % – находились в состоянии тяжелого опьянения; сочетания с приемом наркотиков и лекарственных средств редки. В литературе приводились противоречивые данные. Так, М. Н. Красильникова и соавт. (1986) отмечают, что 86,3 % сексуальных преступлений совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а по данным P. Weiss et al. (1988), – 37 %. R. Langevin et al. (1988) отмечали, что треть сексуальных правонарушителей страдают хроническим алкоголизмом. J. Wortis (1990) считал, что большая часть преступлений, независимо от их структуры, совершается в состоянии алкогольного опьянения. 53 % пациентов английской больницы со строгим наблюдением, совершивших изнасилования, сообщали об употреблении алкоголя перед правонарушением (McMurran M., Bellfield H., 1993). Т. И Зоренко (1994) отмечала, что из обследованных ею сексуальных преступников у 5,09 % обнаруживались признаки хронического алкоголизма, однако на момент противоправного деяния состояние алкогольного опьянения имело место у 56,25 % испытуемых.[515] В последних исследованиях роль алкогольного опьянения также признается значительной. Так, указывается, что приблизительно половина из всех сексуальных нападений совершена мужчинами в состоянии

алкогольного опьянения (Crowell, Burgess, 1996). При сексуальных нападениях в состоянии алкогольного опьянения насильник и жертва в большинстве случаев незнакомы или случайно знакомы, и происходит это чаще на вечеринках или в барах (Abbey et al., 1996).[516]

Механизмы воздействия алкогольной интоксикации на сексуальное поведение. Описан эксперимент, когда добровольцы употребляли напиток, не содержащий алкоголя, но им сообщалось, что это спиртосодержащая жидкость. Обследуемые отмечали возникновение сексуального возбуждения не только в ответ на эротические, но и на насильственные и «насильственно-эротические» визуальные стимулы (George W., Marlatt G., 1986). И. Г. Гринберг говорил об активирующем влиянии алкоголя на поведенческие реакции.[517] Кроме того, в лабораторных исследованиях было показано, что у мужчин в состоянии алкогольного опьянения выше вероятность оценки ситуации как угрожающей, соответственно, возрастает вероятность агрессии, которая может быть остановлена с большим трудом. Соответственно, если мужчина в таком состоянии чувствует, что женщина якобы уже согласна на секс, он может воспринять любое сопротивление как угрозу и реагировать агрессией (Taylor S., Chermack S., 1993).[518]

Abbey et al. (1994, 1996) разработали модель объяснения роли алкоголя в сексуальных нападениях, совершенных знакомыми. Модель постулирует две временные точки в течение взаимодействия между виновником и жертвой, приложение действия алкоголя в которых увеличивает вероятность сексуального нападения. Первая точка – в течение ранних этапов взаимодействия, когда человек оценивает вероятность того, что женщина хочет иметь секс с ним. Эта оценка является длительным процессом, в течение которого человек оценивает потенциальное сексуальное значение женщины по вербальным и невербальным признакам. Алкоголь может содействовать ошибочному восприятию женщины таким образом, что эти признаки воспринимаются как поощрительные более, чем она думает, вследствие воздействия алкоголя на когнитивную сферу. Вторая точка – принуждение женщины к сексу против ее желания. У некоторых мужчин и без алкоголя появляется желание принудить женщину к сексу, если они почувствовали, что с ними кокетничали или поддразнивали. Когнитивный дефицит, связанный с алкоголем, тем не менее, может повысить вероятность агрессивного поведения, поскольку в этом случае затрудняется выбор неагрессивных решений, ведущих к получению сексуального удовлетворения. Таким образом, в

состоянии опьянения субъект может более легко сфокусироваться на непосредственном сексуальном удовлетворении и/или гневе, а не на его социальном значении или будущем сожалении о нем, страдании жертвы или возможности, что он будет наказан за свои действия.

Соответственно можно говорить о двух механизмах воздействия алкоголя на межличностную коммуникацию: 1) через нарушения невербальной коммуникации, когда поведение женщины интерпретируется как сексуальная заинтересованность – модель «миопии» (Abbey et al., 1996); 2) через когнитивный дефицит в состоянии опьянения, проявляющийся в нарушениях абстрагирования, планирования, облегчении агрессии – модель «ожиданий» (Taylor S., Chermack S., 1993).[519] Модель «миопии» хорошо описывает сексуальные реакции и изменение восприятия после употребления алкоголя, а модель «ожиданий» наиболее убедительно объясняет сексуально-рискующие разговоры и сексуальное нападение (George W., Stoner S., 2000).[520]

Однако имеет значение и уровень общей агрессивности. Так, изучение влияния психологического и фармакологического эффектов алкоголя на способности склонных к насильственному сексу мужчин различать ситуации, когда женщина хочет, чтобы партнер остановил «сексуальные авансы» путем предъявления аудиозаписи случая изнасилования, показало, что, независимо от того, пил испытуемый алкоголь или только думал, что пил, ему требовалось больше времени, чтобы правильно оценить реакцию женщины, чем тому, кто не употреблял алкоголь. В то же время такой же эффект в той же ситуации отмечался у лиц, склонных к несексуальному насилию, проявляясь в несексуальных аналогах (Marx B., Gross M., Adams E., 1999).[521] L. Zhang, W. Wieczorek, J. Welte (1997, 2000) также большое значение придают преморбидным личностным качествам и особенностям, в частности, девиантным мотивам и наклонностям, агрессии и враждебности, импульсивности и способности к разрешению проблем. По их мнению, действие алкоголя проявляется в усилении роли первых двух факторов.

Таким образом, *объективное* влияние алкоголя на сексуальное поведение осуществляется через фармакологические процессы и психологические ожидания, причем: 1) высокие дозы уменьшают физиологический сексуальный ответ, хотя субъективно это может не оцениваться; 2) ожидания уменьшают ингибиторный эффект алкоголя на сексуальную сферу (Abbey A., Zawacki T., Buck P., Clinton A., McAuslan P., 2001).

Субъективно же смысл употребления алкоголя может быть различен: 1) для «смелости» в осуществлении желаний; 2) для

«извинения» своего поведения (George W., Stoner S., 2000).

В психологическом аспекте влияние алкоголя на общее психическое состояние субъекта, как считает И. А. Кудрявцев (1999), проявляется в повышении субъективности познавательных процессов, снижении способности к самоконтролю, осознанию причин эмоциональных воздействий и собственных затруднений; генерализации агрессивного смысла на большее, чем у трезвых лиц, число поведенческих ситуаций, возрастании субъективности оценки ситуаций как более конфликтогенных, повышении субъективности и ригидности мотивации.

Однако при экспертной оценке влияния простого алкогольного опьянения необходимо учитывать не только преморбидные особенности личности, но и сексологическую характеристику, отражающую, прежде всего, особенности полового самосознания. У лиц с парафилиями отмечается актуализация аномального сексуального влечения с усилением компульсивного компонента, в психологическом же аспекте актуализация базового внутриличностного конфликта ведет к еще более выраженной дезинтеграции тормозящего влияния социальных норм, и в первую очередь полоролевых стереотипов, на регуляцию сексуального поведения, которая начинает определяться в основном «сценарием» парафилии. У лиц без расстройств сексуального влечения в этой ситуации происходит усугубление уже имеющегося когнитивного дефицита, что также еще более ослабляет влияние плохо усвоенных норм секстипического поведения.

Атипичное алкогольное опьянение и его судебно-психиатрическая оценка. Критериями атипичности алкогольного опьянения, по мнению И. А. Кудрявцева (1999), являются: 1) отклонение от стереотипа эмоционального реагирования данной личности; 2) нетипичность опьянения для фармакологии этанола; 3) отклонение от обычной картины опьянения у данного лица. [522]

Для удобства оценки психопатологических расстройств в структуре алкогольного опьянения у лиц с органическим психическим расстройством, в том числе не исключающим вменяемости, было произведено разделение атипичных форм острой алкогольной интоксикации с точки зрения патогенетических механизмов их формирования на следующие типы (Олифиренко Н. Ю., 2002):

1. Измененное алкогольное опьянение. «Измененность» клинической картины была обусловлена наличием органической почвы и(или) хронического алкоголизма (облигатные признаки). Возникающие практически при каждом алкогольном эксцессе

психические расстройства являлись характерной реакцией на алкоголь для подобного контингента лиц и не достигали психотического уровня.

2. Осложненное алкогольное опьянение. Данный вариант также являлся «привычным» для субъекта, возникал при употреблении субъективно повышенных доз алкоголя, базировался на тех же облигатных признаках, что и измененное алкогольное опьянение, но включал расстройства психотического и двигательного уровней.

3. Атипичное алкогольное опьянение. Этот вариант опьянения развивался при добавлении факторов временной почвы: психогении, бессонницы, физического истощения, переутомления и т. п. и не являлся типичным для субъекта.[523]

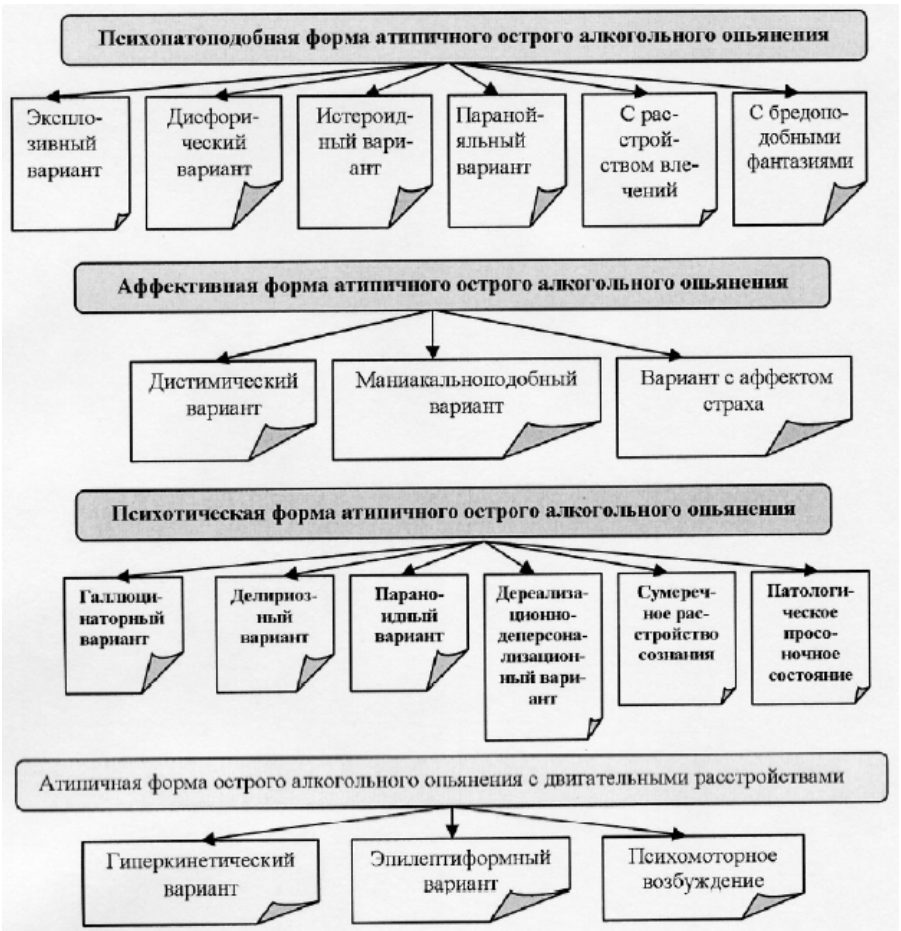


Рис. 25

В зависимости от клинической картины и с целью дифференцированного экспертного подхода атипичное

алкогольное опьянение также подразделено на формы, представленные на рисунке 25:

В проведенном исследовании 840 лиц, совершивших сексуальные преступления, алкогольное опьянение отмечено у 81,5 %, при этом при насильственных формах, предусмотренных ст. 131 и 132 УК, – в 74 % случаев, и зафиксировано 89 % случаев ненасильственных сексуальных действий по ст. 134 и 135 УК РФ. По данным судебно-психиатрической экспертизы, анализа клинической картины и поведения подсудимых, на момент совершения преступления в 24 % случаев отмечались атипичные формы острого алкогольного опьянения.

Психопатоподобный вариант острого алкогольного опьянения (48 %) в целом характеризовался незначительными нарушениями в когнитивной сфере: замедление темпа мышления, его обстоятельность, возможность сверхценных образований. Эмоционально-волевые и психомоторные расстройства более выражены и проявляются нарушениями координации движений, возникновением импульсивных и автоматизированных действий, шаткостью походки, дизартрией. Однако указанные психопатологические особенности отражают вовлеченность в патологический процесс только характерологических нарушений. Патологической «почвой» отмеченных нарушений выступает наследственная отягощенность алкоголизмом или личностными расстройствами, преморбидные акцентуации характера по возбудимому типу, различные формы органической неполноценности головного мозга. Факторами, непосредственно предшествовавшими совершению преступления, являются психогенные декомпенсации органического поражения головного мозга. Наиболее характерной данная форма атипичного алкогольного опьянения является для совершения насильственных действий сексуального характера.

Эксплозивный вариант атипичного алкогольного опьянения выделяется на основе преобладания на момент опьянения раздражительно-злобного аффекта в ответ на незначительные внешние поводы и в дальнейшем сопровождается выраженной агрессивностью поведения. В ряде случаев развитие данного варианта отмечается без участия ситуационного фактора только на основе субъективной интерпретации происходящих событий. На фоне указанного аффекта отмечается выраженное психомоторное возбуждение. В плане экспертной оценки данного варианта на первый план выступает степень нарушения сознания, которое, как правило, носит невыраженный характер в форме легкого оглушения, элементов аффективного сужения. Агрессия, в начале направленная на личность, в дальнейшем

генерализуется, отмечается ее отрыв от причинных факторов.

Дисфорический вариант, впервые выделенный в работе Г. В. Морозова и соавт. (1973), характеризовался авторами как псевдоэпилептоидное алкогольное опьянение.[524] Данный вариант клинически выделяется в силу преобладания характерного тоскливо-злобного, внешне немотивированного аффекта, который усиливается по мере нарастания тяжести алкогольного опьянения. Часто сопровождается агрессивными и разрушительными действиями, возникновение которых происходит по механизму «последней капли».

Истероидный вариант алкогольного опьянения протекает на фоне эмоционально-неустойчивого состояния, характеризуется демонстративностью поведения, стремлением быть в центре внимания, показать окружающим свою значимость, эпизодическими вспышками раздражительности. Агрессивные действия встречаются наряду с аутоагрессией, наиболее типичны для опьянения в группе, чаще малознакомых лиц.

Паранойяльный вариант является относительно редкой формой острого алкогольного опьянения. В плане насильственных сексуальных преступлений он представляет интерес в связи с возможностью реализации в данном состоянии сверхценных идей ревности, неверности в отношении супруга, небредовой патологической любви (НПЛ) и изолированных идей любовного содержания. Подобные состояния, как правило, возникают после предшествовавшей опьянению психогенной травмы в ответ на разрыв взаимоотношений с объектом любви. Развивающиеся состояния некоторые авторы рассматривали в рамках «психоза любви»[525] или паранойяльного развития личности. Преморбидными характерологическими особенностями лиц являются истерический, шизоидный и шизоидно-ананкастный радикалы. Данный вариант часто сочетается с атипичным алкогольным опьянением с бредоподобным фантазированием. В криминологическом плане особенностью выступает тот факт, что сексуальное насилие совершается в отношении знакомой жертвы.

Н. Ю. Олифиренко (2002) выделяет среди психопатоподобной формы алкогольного опьянения *вариант с расстройством влечений*, аналогичный описанному Э. С. Фельдманом (1963) у больных с сосудистыми заболеваниями, лиц, интолерантных к алкоголю, психопатических личностей, больных хроническим алкоголизмом, сочетающих алкоголь с наркотическими средствами.[526] Ведущим клиническим расстройством в этих случаях была сексуальная расторможенность, что проявлялось в возникновении сексуального возбуждения, которое

реализовывалось в половых эксцессах с применением угроз и насилия, нередко в форме перверзий. Каких-либо психопатологических расстройств в других сферах психики не отмечалось. Такое поведение в трезвом виде у этих лиц не проявлялось. В исследовании Н. Ю. Олифиренко указанный вариант наблюдался преимущественно у лиц с органическим психическим расстройством вследствие патологии раннего периода развития.[527]

Острое атипичное алкогольное *опьянение с бредоподобным фантазированием и элементами эйдетизма* характеризуется рядом особенностей, среди которых на первом месте декомпенсация истероидных характерологических особенностей личности, которые как бы «входят в роль» воображаемых ими героев и поведение и поступки соотносятся с принятой ролью.

Аффективная форма острого атипичного алкогольного опьянения выделяется на основании преобладания нарушений в аффективной сфере и аффективного сужения сознания. Различаются дистимический, маниакальноподобный варианты и вариант с преобладанием аффекта страха. Криминогенное значение данного варианта атипичного алкогольного опьянения значительно ниже, чем психопатоподобного варианта.

При атипичной форме алкогольного опьянения речь идет об измененном типе экзогенного реагирования, связанного с наличием патологической почвы (чаще органического поражения головного мозга) и/или с наличием особо токсических суррогатов алкогольных напитков. По мнению И. А. Кудрявцева (1999), это позволяет рассматривать такие смешанные экзогенно-токсические типы реакций как болезненные, как своего рода транзиторные состояния измененной почвы, в их генезе алкоголь играет преимущественно преципитирующую роль, проявляя психические расстройства, находившиеся на субклиническом уровне.[528] На этом основании, как считает автор, атипичные формы алкогольного опьянения могут быть отнесены к медицинскому критерию ст. 22 УК РФ. Вместе с тем при атипичном опьянении остается, хотя и с различными ограничениями, способность ориентироваться в происходящем. Однако при этом совершаются недостаточно мотивированные, странные, необъяснимые поступки, зачастую противоречащие личности пациента (Клименко Т. В., Игонин А. Л., 1998), что определяет ограничение способности прогнозировать свои действия (интеллектуальный признак юридического критерия) и руководить ими (волевой признак юридического критерия).

Приведем пример экспертного исследования лица с атипичным вариантом алкогольного опьянения.

П., 1969 г. р., обвиняется по ст. 119, 213, ч. 1, ст. 131, ч. 2, п. «в», УК РФ. На разрешение экспертной комиссии поставлены следующие вопросы: 1) Не страдал ли П. в момент совершения инкриминируемых ему деяний, не страдает ли в настоящее время каким-либо временным или хроническим психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, если да, то каким именно? 2) Не находился ли он в момент совершения инкриминируемых ему деяний в состоянии патологического опьянения? 3) Могли он в связи с этим осознавать фактический характер своих действий, отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими? 4) Не страдал ли П. хроническим алкоголизмом, не нуждается ли в принудительном лечении?

По данному делу испытуемый амбулаторно освидетельствован не был. Из материалов уголовного дела, медицинской документации, со слов испытуемого известно следующее. Родился первым ребенком в семье. Наследственность психическими заболеваниями не отягощена. Беременность матери и роды протекали без патологии. В детском возрасте перенес корь, краснуху, ветряную оспу. По характеру формировался общительным, активным, увлекающимся ребенком. С детства интересовался техникой, помогал отцу заниматься машиной. В школу пошел с 6 лет, учился хорошо, любимыми предметами были химия, рисование, черчение, посещал различные кружки и секции: имел 3-й взрослый разряд по плаванию, увлекался киномеханикой, занимался общественной работой, играл на мандолине в ансамбле. Согласно характеристике из ансамбля, П. отличался дисциплинированностью, ответственностью, проявил способность и настойчивость в овладении музыкальным инструментом. Участвовал в многочисленных концертах, выступал на радио и телевидении, неоднократно поощрялся командованием гарнизона и Дома офицеров. В общении с товарищами был вежлив, в поведении скромен. Окончил 8 классов с хорошими результатами и в 1984 г. поступил в автомеханический техникум, где учился с большим увлечением, по-прежнему занимался общественной работой. В свободное время помогал отцу чинить машины. С 13.11 по 27.12.84 г. испытуемый находился на лечении в нейрохирургическом отделении МСЧ. При

поступлении жаловался на головную боль в лобно-височной области, тошноту. В результате обследования был установлен диагноз: «Церебральный арахноидит». После лечения состояние улучшилось, и он был выписан в удовлетворительном состоянии. В течение последующих трех лет П. находился под диспансерным наблюдением невропатолога с диагнозом: «Последствия церебрального арахноидита. Астено-вегетативный синдром». В 1988 г. был призван в армию. Службу проходил в ракетных войсках особого назначения. Легко адаптировался к новым условиям, установил хорошие отношения с командирами и сослуживцами. Вернувшись из армии, устроился на завод легких сплавов, где проработал год. В 1991 г. перенес сотрясение головного мозга без потери сознания, обращался за медицинской помощью, однако госпитализирован не был, лечился амбулаторно. В 1992 г. вновь перенес сотрясение головного мозга с кратковременной потерей сознания. По этому поводу с 13.02 по 25.02.92 г. находился на стационарном лечении в ЦВКГ. В 1992 г. поступил на службу в ОВД, работал в должности инспектора ГАИ. С 1992 г. неоднократно обращался в поликлинику по месту жительства с жалобами на головные боли. Отмечалось повышение артериального давления от 130/100 до 155/105 на фоне стрессов и переутомления. Ему был установлен диагноз: «Нейроциркуляторная дистония по гипертоническому типу». С 06.01 по 20.01.95 г. по этому поводу находился на стационарном лечении в ЦВКГ. В 1993 г. женился, от брака имеет дочь 3 лет. Жена характеризует его как человека уравновешенного, любящего дочь. В своих отношениях с ним отмечает полное взаимопонимание. В последнее время работал оперативным дежурным. Характеризуется как ответственный, исполнительный сотрудник, умеющий ориентироваться в сложной обстановке и принимать правильные решения. В общении с коллегами по работе и гражданами тактичен. Контакты устанавливает без затруднений. В употреблении спиртных напитков в служебное время не замечен.

Как следует из материалов уголовного дела, П. обвиняется в том, что 28.10.97 г. он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил изнасилование, сопряженное с угрозой убийством, гр. С. Он же обвиняется в том, что угрожал убийством и

совершил хулиганство, сопровождающееся применением насилия к С. и повреждением чужого имущества. Уголовное дело возбуждено на основании заявления гр. С. (1977 г. р.), в котором она просит привлечь к уголовной ответственности сотрудника милиции по имени Александр, впоследствии оказавшегося П., который 28.10.97 г. около 19 часов подверг ее избиению и изнасилованию.

При допросе 28.10.97 г. потерпевшая С. сообщала, что в этот день впервые познакомилась с П., который пришел к ним в гости вместе с сожителем ее сестры К. В этот день они отмечали день рождения П., пили водку. Около 18 часов К. ушел за Д., а П. остался в квартире. Он стал рассказывать, что развелся с женой. Через некоторое время она сказала П., что «напилась таблеток и сейчас ласты склеит», на что он закричал, что надо сделать промывание желудка. На замечание о том, что она пошутила, он не обращал внимания, схватил ее за волосы и потащил в ванную, где пытался сделать промывание желудка. Затем он потащил ее в спальную комнату и начал бить по лицу, на просьбу отпустить ее отвечал: «Хочешь жить, молчи», разбил телевизор и трельяж. Через некоторое время он раздел ее и заставил раздеть его, после чего несколько раз ударил ее по лицу, а затем совершил половой акт в естественной форме, который закончил семяизвержением. Около 20 часов 30 минут вернулась сестра потерпевшей Д. с К. и застала их в постели, так как П. не разрешал ей выйти из комнаты. Потерпевшая также добавляла, что боялась сопротивляться, потому что он все время угрожал убить ее и «свернуть шею ее собаке». При допросе 29.10.97 г. С. подтвердила данные ранее показания, добавив, что в этот день К. и П. принесли с собой бутылку водки емкостью 0,75 л, которую они выпили на троих, через некоторое время они купили двухлитровую бутылку пива, 200 г из которой выпила она, а остальное – К. и П. Затем П. ушел домой, для того чтобы переодеться, и около 17 часов вернулся с бутылкой водки емкостью 0,75 л, половину которой они выпили вместе с К. Также С. добавляла, что после того, как он притащил ее в спальную комнату, он принес сковороду и велел ей спровоцировать рвоту, при отказе обхватил ее сзади и стал давить на живот. В это время в комнату вошла собака, тогда П. велел убрать ее, угрожая «свернуть» ей

шею. При этом выглядел он очень агрессивно, выражение лица было «диким». Затем он стал снимать зеркала с трельяжа и бить их о пол, столкнул телевизор на пол, после чего схватил ее, положил на живот, потянул назад голову за волосы и сказал на ухо, что если она будет кричать, то убьет ее. Она попыталась сопротивляться, но он продолжал избивать ее. На вопрос потерпевшей, зачем он это делает, П. ответил, что очень сильно любит ее. Затем он раздел ее, велел раздеть его, после чего лег на нее сверху и стал целовать, потом совершил половой акт в естественной форме. Закончил ли он его семяизвержением, потерпевшая сказать затруднялась. Она уточняла, что все это происходило примерно в 20 часов. При проведении СМЭ у потерпевшей С. были обнаружены телесные повреждения в виде кровоподтеков и ссадин, которые не квалифицировались как вред здоровью. Повреждений в области половых органов у потерпевшей не выявлялось. При проведении судебно-биологической экспертизы в мазках с содержимым влагалища потерпевшей и на ее трусах была обнаружена сперма, ее принадлежность П. не исключается.

Сестра потерпевшей Д. при допросе 28.10.97 г. сообщала, что в тот день вернулась с работы около 20 часов 20 мин. вместе с К., дверь квартиры была открыта настежь. В квартире она увидела беспорядок, а в спальной комнате на кровати – сестру и П. Она стала кричать на них и попросила объяснить, что произошло. В ответ на это П. назвал ее «сукой» и велел замолчать. Встав с постели, П. начал одеваться, при этом одел спортивные брюки К. Она потребовала, чтобы он снял их, тогда П. зашел в детскую комнату, из которой затем вышел в детских брюках. Затем он переоделся в свои брюки и водолазку, которую надел наизнанку. При допросе 31.10.97 г. Д. подтвердила данные ранее показания и добавила, что, одев брюки ее сына, он стал утверждать, что это его брюки. Затем он начал отрицать избиение и изнасилование, при этом С. продолжала утверждать, что это сделал он, на что П. ответил, что если она не замолчит, то он ей «еще добавит». Во время задержания он заявлял: «Вы еще не знаете, с кем связались, за меня приедут, будет разговор, ты мне еще должна будешь. Вас всех на ремни перережут». Затем он «кинулся» на К. с угрозой: «Подумай, у тебя жена и ребенок».

К. при допросе 30.10.97 г. подтвердил показания Д. На вопрос следователя о том, в каком состоянии был П. в тот момент, когда он уходил из квартиры, К. ответил, что он был в достаточно сильной степени опьянения, однако мог контролировать свои действия, речь его была связная, рассуждал он логично, последовательно, никакой агрессии с его стороны не было.

Свидетель З., участковый инспектор, при допросе 28.11.97 г. сообщал, что 28.10.97 г. он участвовал в задержании П. В квартире он увидел беспорядок: на полу лежали осколки стекла, разбитый телевизор, разбросанные вещи. На полке он увидел пустую пачку от таблеток. П. сидел в зале на диване, одет он был в пуховик, брюки были расстегнуты, на нем не было нижнего белья. Он был в достаточно сильной степени опьянения. Кричал в адрес К.: «Ты что, хочешь деньги с меня содрать? Дам я тебе денег. Сколько тебе нужно?» По прибытии в отдел милиции он все время пытался объяснить, что «они» хотят его наказать за разбитую мебель. Потом он сказал, что С. попала под горячую руку, говорил, что он «честный», просил отвезти его на экспертизу, затем заявил, что полового акта между ними не было. Свидетель С. при допросе 10.12.97 г. подтвердил показания З. и добавил, что при задержании П. находился в состоянии алкогольного опьянения: речь его была замедленная, он шатался. Одет был в детские брюки темно-серого цвета, белую водолазку наизнанку. Свидетель М., соседка потерпевшей, при допросе 11.11.97 г. сообщала, что 28.10.97 г. около 18 часов 15 минут в квартиру позвонили. На пороге стоял П., который находился в состоянии сильного алкогольного опьянения и еле держался на ногах. Из его слов она поняла, что кто-то отравился таблетками, он просил вызвать «скорую помощь». Слова он произносил нечетко, путался. Около 19 часов он вновь позвонил в ее квартиру, сказал, что «она отравилась», и просил спуститься с ним в квартиру Д. Дверь открыла С. По ее внешнему виду она решила, что С. не нуждается в медицинской помощи и решила уйти, П. крикнул ей вдогонку, чтобы она набрала «095» и вызвала «скорую помощь».

При проведении медицинского освидетельствования 29.10.97 г. в 1 час 25 мин. у П. были обнаружены признаки алкогольного опьянения: субъективные

признаки (запах алкоголя изо рта) и положительная проба Шинкаренко. При допросе 29.10.97 г. П. сообщал, что 28.10.97 г. находился в гостях у К. и отмечал свой день рождения. С потерпевшей он ранее знаком не был. После того как К. ушел, С. стало плохо, она пошла в туалет и попросила его принести воды. На кухне он увидел 4 упаковки таблеток, которые были вскрыты, и он подумал, что потерпевшая их выпила. Тогда он решил сделать ей промывание желудка. Когда он приводил ее в чувство, то несколько раз ударил ладонью по щеке. Далее он сообщал, что последующие события помнит «фрагментарно». Допускал, что «крушил» мебель, но почему это делал, сказать затруднялся. Вспоминал, что когда С. успокоилась, он подсел к ней, погладил ее по голове. Далее между ними произошел половой акт по обоюдному согласию, но не помнил – закончил ли его семяизвержением, так как уснул. При допросе 10.11.97 г. П. заявил, что предыдущие показания давал в болезненном состоянии и помнит их плохо. Также он сообщал, что после того как увидел пустые пачки от таблеток, решил сделать потерпевшей промывание желудка. Так как С. сопротивлялась, ему пришлось применить силу, при этом он задел трельяж и телевизор, которые упали на пол и разбились. Когда С. успокоилась, он обнял ее за плечи и стал гладить по голове. Затем она неожиданно предложила вступить с ней в половую связь, велела ему раздеваться, а сама ушла в ванную. Он разделся, лег и уснул. Разбудили его сотрудники милиции. П. также заявлял, что абсолютно уверен в том, что полового акта между ними не было.

При настоящем обследовании выявлено следующее. *Соматическое состояние.* Жалоб не предъявляет. Телосложение нормостеническое. Кожные покровы и видимые слизистые обычной окраски. В легких дыхание везикулярное, хрипов нет. Тоны сердца ясные, ритмичные. Частота сердечных сокращений 74 удара в минуту. Артериальное давление 110/70 мм рт. ст. Живот при пальпации мягкий, безболезненный. Поколачивания с обеих сторон безболезненны.

Неврологическое состояние. Менингеальных симптомов нет. Выявляются гидроцефальная форма черепа и асимметрия лицевого черепа. Левая глазная щель шире правой. Обнаруживается недостаточность конвергенции за счет правого глаза. Сухожильные

рефлексы более выражены слева, оживлены, рефлексогенные зоны слегка расширены. Брюшные рефлексы живые. Обнаруживаются слабоположительные симптомы Маринеску-Радовичи (больше слева), симптом Россолимо (кистевой) с обеих сторон. В позе Ромберга устойчив. Выявляются диспластичность и кифосколиоз. При электроэнцефалографическом исследовании выявляются умеренные диффузные изменения биоэлектрической активности головного мозга органического характера с признаками некоторого повышения лабильности корковых структур. Заключение невропатолога: «Органические изменения центральной нервной системы, возможно, последствия перенесенной нейроинфекции и повторных черепно-мозговых травм».

Сексологическое обследование. Со слов испытуемого: в детстве играл в машинки, с мальчиками. Воспитывался в основном матерью и бабушкой. Отец «выпивал», однако к испытуемому относился хорошо. Мать по характеру властная, всегда ее слушался. В школе близких друзей не было, «только приятели». Предпочитает общение с мужчинами. Нравится готовить, шил себе разные вещи. Любит детей. Периоды любопытства к женским половым органам и межполовой агрессии отрицает. Девочки стали нравиться в 7–8 лет, однако из-за стеснительности никак это не проявлял. Впервые поцеловался в 14 лет, половая жизнь с 15 лет. Обстоятельства и возраст первой эякуляции точно не помнит, «возможно, лет в 14». Онанизм в подростковом возрасте отрицает, ночные поллюции «вероятно, были», частоту указать не может. Сны сексуального характера были, снились половые акты с женщинами, возраст и частоту не помнит. Снились чаще всего женщины на 8—10 лет старше. Первый половой акт в 15 лет с 23-летней женщиной по ее инициативе оценивает как успешный. В 16 лет влюбленность в девушку, которую знал со школы, встречались больше года, хотел жениться, но мать была против, поссорился с ней. Девушка вышла замуж за его друга. Были эпизодические половые контакты. Неудачи в половой жизни отрицает. Максимальный эксцесс – 3. Женился в 24 года на женщине на 6 лет старше, имеет дочь. Частота половой жизни в браке в первый год 2–3 раза в неделю, затем по разу в неделю. Соматически: бреется с 16 лет, возраста оволосения лобка не помнит. Оволосение лобка по мужскому типу. Наружные половые

органы развиты правильно. От пальцевого исследования простаты отказался. Половая конституция средней степени выраженности (ТИ = 1,99; ИТ = 83,5 – мезоморфия; РЕ = 105,46 – астеник).

Заключение по результатам направленного экспериментально-психологического исследования. В ходе исследования испытуемый контакту доступен, контакт неформальный. Смысл обследования понимает. Эмоциональных реакций на успешность выполнения не обнаруживает. Инструкцию понимает с первого предъявления. Темп работоспособности ровный сниженный. Признаков психического истощения не обнаружено. Полоролевая идентичность характеризуется выраженностью феминнных черт (феминнный тип «Я-реальное» в методике МиФ). По данным методики ЦТО, выявляется идентификация с образом «женщины», что выражается в цветоассоциативной связи «Я», «женщина». Полоролевые предпочтения характеризуются выраженностью как маскулинных, так и феминнных черт (андрогинный тип «Я-идеального»). Представления о мужской половой роли также характеризуются наличием как маскулинных, так и феминнных черт (андрогинный тип «Мужчина должен быть…» по методике МиФ), нейтральным эмоциональным отношением (по данным методики ЦТО, характерна цветоассоциативная связь: «люди», «жизнь», «мужчина»). По данным методики «Кодирование», образ «мужчины» также характеризуется нейтральным эмоциональным отношением («мужчина – труба, так как оратор, способен на высказывания!). Можно говорить о нарушении эмоциональной и смысловой интериоризации мужской половой роли при относительной сохранности когнитивной. Представления о женской половой роли характеризуются выраженностью феминнных черт (феминнный тип «Женщина должна быть» по методике МиФ), положительным эмоциональным отношением (по данным методики ЦТО, связь: «удовольствие», «доверие», «женщина»). По данным методики «Кодирование», также проявляется положительное эмоциональное отношение к образу женщины (женщина ассоциируется с «подорожником, так как можно найти себе подходящую, т. е. нормальную, порядочную»). Сексуальные предпочтения испытуемого характеризуются выраженностью феминнных черт (феминнный тип

«Идеальный сексуальный партнер» по методике МиФ) и согласуются с выраженностью полоролевых черт в структуре собственной идентичности (близость «Я-реального» и «идеальный сексуальный партнер»), что подтверждается результатами методики ЦТО (связь «реальный сексуальный партнер» и «Я») и свидетельствует об аутоэротических тенденциях. По данным методики ЦТО, для испытуемого также характерна цветоассоциативная связь: «Идеальный сексуальный партнер», «Мальчик», «Мужчина», что может свидетельствовать о гомосексуальных тенденциях. Таким образом, по результатам проведенного исследования обнаружено: феминининый тип полоролевой идентичности, отсутствие эмоциональной и смысловой интериоризации мужской половой роли при относительной сохранности когнитивной, недостаточная дифференцированность представлений о половых ролях, снижение участия мужского полоролевого стереотипа в регуляции поведения, положительное отношение к образу женщины, аутоэротические и гомосексуальные тенденции. Заключение сексолога: «Задержка психосексуального развития».

Психическое состояние. Входит в кабинет быстрой походкой с улыбкой на лице, поза в начале беседы несколько напряжена: сидит, положив ногу на ногу, сцепив руки в замок, однако в процессе беседы становится более раскованным, активно жестикулирует, настроение несколько приподнятое, шутит. Речь правильная, темп ее ускорен. Цель экспертизы понимает правильно, однако отмечает, что считает себя психически здоровым человеком и согласился на экспертизу, так как доверяет своему адвокату. Улыбаясь, с легкостью говорит, что не придает результатам экспертизы решающее значение. Оптимистично заявляет, что на 95 % уверен в оправдательном приговоре. Допускает, что осудить его могут «по беспределу», но тут же отмечает, что для этого есть Верховный Суд, и в результате все закончится его оправданием. При разговоре о правонарушении становится взволнованным, часто меняет позу, придвигается ближе к собеседнику, темп речи ускоряется, во время рассказа изредка сбивается. Сразу же приводит ряд доказательств, свидетельствующих о его невиновности, при этом обнаруживает хорошую осведомленность в материалах

уголовного дела. Рассказывает, что после задержания находился в подавленном состоянии, постоянно размышлял над сложившейся ситуацией, не мог понять, как могло с ним такое произойти. С готовностью пускается в рассуждения о происшедшем, становится многословным. Предлагает свое видение сложившейся ситуации, которую считает созданной преднамеренно. С ироничной улыбкой говорит, что знал о том, как «делают дела», а сам «попал в эти сети». Уточняет, что уже по виду следователя понял, что «происходит что-то неладное – в его высказываниях звучали фальшь и высокомерие, он старался направить беседу в выгодное для него русло». Затем возникла мысль о том, что его «подставили». Говорит, что долго размышлял над причинами возникшей ситуации, но, когда узнал, что потерпевшая предъявила иск о возмещении морального ущерба, сразу стало ясно, что таким образом они вымогают у него деньги. Вспоминает, что незадолго до происшедшего К. отвозил их с женой на рынок, где они приобрели дорогие вещи. Предполагает, что это послужило поводом для зависти с его стороны. Убежден, что не случайно в тот день он отказался пойти к нему в гости, а пригласил к себе домой, где в это время находилась потерпевшая. Уверенно заявляет, что им все было продумано заранее. С некоторым недоумением отмечает, что ему не совсем понятно, зачем они подали заявление в милицию, однако, не смущаясь данным противоречием, тут же говорит, что «видимо, у них такая тактика». Рассказывает, что знал о подобных случаях, которые происходят не в первый раз. Убежден, что этим занимаются одни и те же люди, а он стал их очередной жертвой. С готовностью приводит ряд доказательств своей правоты. Так, рассказывает, что в тех случаях также фигурировали две сестры и сотрудник милиции в должности сержанта, при этом отмечает, что К. сразу после происшедшего уволился с работы, а потерпевшая с сестрой куда-то уехали. Считает, что потерпевшая не случайно часто меняет цвет волос – в день правонарушения у нее были рыжие волосы, а на суд она пришла с черными. Высказывает сожаление по поводу того, что пострадавшие от их афер не смогли прийти на суд. Предполагает, что потерпевшая на самом деле могла выпить таблетки, так как ей надоело принимать участие «в этих делах». Рассказывает, что когда

потерпевшая сказала ему о том, что выпила таблетки, он очень забеспокоился и решил, несмотря на ее сопротивление, сделать промывание желудка. Говорит, что считал своим долгом помочь ей, при этом замечает, что никогда не проходил мимо человека, нуждающегося в помощи. Не отрицает, что в тот день находился в состоянии алкогольного опьянения. Однако утверждает, что ему не свойственна агрессивность, в состоянии алкогольного опьянения он становится вялым, сонным, сразу ложится спать. При целенаправленном расспросе категорически отрицает наличие каких бы то ни было жалоб, считает себя «абсолютно здоровым человеком». При напоминании о перенесенных им черепно-мозговых травмах и церебральном арахноидите уверяет, что они никак не повлияли на его здоровье. В беседе стремится представить себя с наилучшей стороны. С гордостью рассказывает о карьерном росте, заявляет, что в будущем может добиться многого в профессиональной деятельности. Заявляет, что никогда не испытывал трудностей в общении с людьми, при этом не считает зазорным «подстраиваться» под существующие условия. С улыбкой говорит, что ему пришлось выучить «блатной жаргон», чтобы найти общий *язык с* другими заключенными в тюрьме, хотя отмечает, что в последнее время тяготится этим, «хочется быть самим собой». Мышление последовательное. Нарушений памяти не обнаруживается. Критика к своему состоянию и сложившейся ситуации сохранена. При экспериментально-психологическом исследовании выявляется способность испытуемого к выполнению основных мыслительных операций, уровень обобщения соответствует полученному образованию. Отмечается тенденция к обстоятельности мышления. Ассоциативные связи адекватны, конкретны, эмоционально окрашены. Существенных изменений со стороны памяти и внимания не отмечается. Обнаруживаются некоторые признаки повышенной утомляемости. Для испытуемого характерны широкие поверхностные социальные контакты, просоциальный характер установок со стремлением следовать общепринятым нормам поведения в сочетании с ригидностью установок, настойчивость в отстаивании своих позиций. При достаточной способности к интеллектуально-волевому контролю поведения в субъективно сложных ситуациях у

испытуемого выявляется эмоциональная неустойчивость с тенденцией к внешнеобвиняющим формам поведения.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что П. не страдает в настоящее время каким-либо психическим расстройством и не страдал им в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию. Как следует из материалов уголовного дела и данных настоящего обследования, в момент совершения инкриминируемых ему деяний П. не обнаруживал и признаков какого-либо временного болезненного психического расстройства, в том числе и признаков патологического опьянения, которое лишало бы его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а находился в состоянии простого алкогольного опьянения. Он правильно ориентировался в окружающей обстановке, его действия носили целенаправленный характер, не сопровождались амнезией, в его поведении отсутствовали признаки расстройства сознания, бреда, галлюцинаций и другой психотической симптоматики. Поэтому он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В связи с отсутствием у П. признаков хронического алкоголизма применение к нему ст. 97, 99 УК РФ не рекомендуется.

Представляется, что в этом случае состояние на момент правонарушения правильнее было бы оценить как атипичное опьянение, о чем говорит не характерное для испытуемого действие алкоголя в виде проявлений неадекватной, немотивированной агрессии по отношению к потерпевшей, противоречащей его обычно просоциальному поведению, которая в течении деликта приобретала все более недифференцированный, брутальный характер (ломал мебель, угрожал убить собаку), избиение чередовалось с сексуальными ласками, проявлениями заботы о состоянии потерпевшей, одел чужую одежду, высказывал нелепые угрозы, отмечался выход в сон с последующей парциальной амнезией явно диссоциативного характера (на сексуальные агрессивные действия).

Выпадение периодов любопытства к женским половым органам и межполовой агрессии указывает на задержку психосексуального развития. Клинические проявления нарушений половой идентичности небогаты и исчерпываются предпочтением женских полоролевых занятий (готовка, шитье,

уход за детьми). Однако в анамнезе отмечаются характерные факторы: воспитание бабушкой и властной по характеру матерью, нарушение коммуникации со сверстниками, «плохая память» на такие проявления биологического пола, как эякуляции, эталон сексуального объекта в виде старших по возрасту женщин. Выявляемые при направленном психологическом исследовании нарушения более четкие: феминный тип полоролевой идентичности, идентификация с образом «женщины» наряду с андрогинностью полоролевых предпочтений и представлений о мужской половой роли, нейтральное эмоциональное отношение к образу «мужчины» и мужской половой роли, т. е. отсутствие эмоциональной и смысловой интериоризации мужской половой роли при относительной сохранности когнитивной, снижение участия мужского полоролевого стереотипа в регуляции поведения при положительном отношении к образу женщины, аутоэротические и гомосексуальные тенденции.

При преобладании искажения сознания (нарушение интеллектуального компонента юридического критерия за счет снижения осознанности фактического характера своих действий) можно говорить и о снижении уровня осознанности регуляции за счет определенной нестабильности самосознания (нарушение осознания последствий своих действий – их общественной опасности).

4.5. Меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих алкоголизмом

Нельзя согласиться с авторами, комментирующими ст. 23 УК РФ в том, что лица, страдающие алкоголизмом и совершившие преступления, «подлежат уголовной ответственности, но не подвергаются медицинскому лечению в обязательном порядке». [529] После вступления в силу Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из ст. 97 УК был исключен п. «г» (принудительные меры в отношении лиц, совершивших преступления и признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании). Одновременно с этим вступил в действие Федеральный закон № 163-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”», где в ст. 2 указано изменение редакции ч. 3 ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса, которое вместо отмены принудительного лечения, назначаемого судом, вводит обязательное лечение страдающих алкоголизмом или наркоманией, которое назначается непосредственно в учреждениях уголовно-исправительной системы. В измененной редакции ч. 3 ст. 12 УИК РФ гласит: «К осужденным к наказаниям, указанным в части первой настоящей статьи, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также к осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение».[530] Указанная поправка принята в то время, когда количество преступников с указанными нарушениями прогрессивно возрастает из года в год. В сравнении с УК РСФСР порядок назначения принудительных мер медицинского характера при психических и наркологических заболеваниях в УК РФ до введения Федерального закона № 162 рассматривается как единый комплекс мероприятий, предусмотренный ст. 97–104 УК РФ. Для лиц, признанных судом вменяемыми, в отношении инкриминируемого деяния могло быть назначено принудительное амбулаторное лечение в местах лишения свободы. Если наказание не было связано с лишением

свободы, то амбулаторное принудительное лечение виновный мог проходить в учреждениях здравоохранения (ч. 2 ст. 99 УК до ФЗ № 162 и ч. 1 ст. 104 УК). В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК (в ред. ФЗ № 162) суд, назначая условное осуждение, может возложить на условно осужденного обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании и токсикомании, в то же время при назначении реального наказания такой возможности у суда нет, что является существенным пробелом действующего законодательства. В период действия УК РСФСР принудительное лечение наркологических больных назначалось в двух случаях: а) лица, не являвшиеся преступниками, но уклонявшиеся от добровольного лечения, направлялись в ЛТП; б) лицам, совершившим преступления, наряду с исполнением уголовного наказания, в соответствии со ст. 62 УК РСФСР назначалось принудительное лечение от алкоголизма в местах лишения свободы.

Контроль за прохождением курса лечения в условиях назначения судом недобровольных мер медицинского характера, выработка критериев такого контроля или его отмены возложены на комиссию специалистов-экспертов, которые в соответствии со ст. 307 УК РФ дают подписку о том, что предупреждены об уголовной ответственности за заведомо ложную дачу заключения. В условиях лечения на основании ч. 5 ст. 73 УК РФ контроль за исполнением, обращение в суд с предъявлением о его продлении или прекращении и контроль за поведением условно осужденного осуществляются «уполномоченным на то специализированным органом» в соответствии с ч. 6 ст. 73 УК РФ, органами исполнения наказания в соответствии с ч. 4 ст. 104 УК РФ. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 9 неисполнение условно-осужденным возложенных на него судом определенных обязанностей, в частности прохождения лечения, может являться основанием для решения в установленном законом порядке вопроса об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.[531] Лечение таких лиц может проходить как в амбулаторной, так и стационарной формах, что конкретно законодательством не оговаривается. Амбулаторная психиатрическая (в том числе наркологическая) помощь в соответствии с ч. 1 ст. 26 Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании (в редакции Федерального закона от 10.01.2003 г. № 15-ФЗ) подразделяется на два вида: а) консультативно-лечебная, и б) диспансерное наблюдение.[532] Диспансерное наблюдение устанавливается вне зависимости от согласия лица (ч. 3 ст. 26 указанного Закона) в

случаях «хронического и затяжного психического расстройства с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися проявлениями» (ч. 4 ст. 26). В соответствии с Международной классификацией болезней десятого пересмотра (МКБ-10) употребление психоактивных веществ (алкоголь, наркотические и токсикоманические вещества), т. е. веществ, вызывающих при злоупотреблении зависимость, относится к разделу F (Психические расстройства и расстройства поведения) рубрики F10-19 (Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ.[533]

Таким образом, условно осужденные лица, страдающие зависимостью от психоактивных веществ, находятся под диспансерным наблюдением, в соответствии с чем по «Инструкции по диспансерному учету наркологических больных» на них заводится медицинская документация двух видов: 1) история болезни амбулаторного больного (форма № 025-5/у-88), и 2) контрольная карта наблюдения за психическим (наркологическим) состоянием (форма № 030-1/у). Указанные лица относятся к первой группе динамического наблюдения, что автоматически включает в их обязанности регулярное, с частотой не реже одного раза в месяц, посещение и обследование у лечащего врача. Прекращение диспансерного наблюдения предусмотрено в двух случаях: а) выздоровление, и б) значительное и стойкое улучшение психического состояния лица (ч. 4 ст. 27 Закона о психиатрической помощи). Вопрос о выздоровлении в случае зависимости лица от психоактивных веществ по причине биологических особенностей действия последних практически не ставится, так как «в силу необратимых биологических сдвигов, происходящих в организме этих больных, употребление даже незначительных доз алкоголя или других психоактивных веществ почти неизбежно ведет к рецидиву заболевания».[534] Критерий «значительного и стойкого улучшения психического состояния» подразделяется на: а) ремиссии, которые характеризуются полным воздержанием от употребления психоактивных веществ, и б) выраженное клиническое улучшение состояния. Ремиссия предполагает полное воздержание от употребления психоактивных веществ в течение более одного года при алкоголизме и шести месяцев при наркомании. Выраженное клиническое улучшение подразумевает эпизодические непродолжительные приемы психоактивных веществ, которые чередуются с длительными периодами воздержания. Указанные критерии применимы только в случае амбулаторного диспансерного лечения условно осужденных лиц, так как недобровольное медицинское лечение в условиях системы

исполнения наказания неприменимо. Решение о снятии с диспансерного наблюдения принимается комиссионным освидетельствованием лица, страдающего наркологической зависимостью, и его порядок регламентирован ст. 102 УК (Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера).

Соответственно можно говорить о существовании законодательно регламентированных двух форм применения недобровольных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления и страдающим зависимостью от психоактивных веществ, а именно: 1) обязательных мерах медицинского характера в отношении лиц, условно осужденных в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК, и 2) обязательном лечении осужденных лиц в соответствии с ч. 3 ст. 18 УИК. Однако законодательная регламентация применения данных мер нуждается в дальнейшем совершенствовании и разработке эффективных критериев прекращения их применения. Следует отметить, что изменение «принудительного» характера на «недобровольный» внесло значительную путаницу. Если принудительные меры медицинского характера применяются только к лицам, страдающим психическими расстройствами, а недобровольные меры – к лицам, страдающим алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, как это явствует из смысла законодательных изменений, внесенных Федеральным законом № 162-ФЗ, то такая позиция противоречит клинической реальности, где зависимость от психоактивных веществ относится по МКБ-10 к разделу F (Психические расстройства и расстройства поведения) и делает расплывчатыми критерии как назначения таких мер, так и их отмены.

Глава 5
Уголовно-правовая и криминологическая характеристика ненасильственных сексуальных преступлений в отношении детей и подростков

«После определения ребенка как бесполого существа, “пустого сосуда”, его наполнили разного рода цивилизованными представлениями. Одна из идей заключалась в том, что дети по своей сути очень схожи с Адамом, “полны замыслов” и “крайне испорчены с самого рождения”. Наряду с подобным представлением ребенка как “примитивного, нецивилизованного дикаря”, появились соответствующие детям особенности, такие как невинность, непорочность и притягательность, сопутствующие им и по сей день».

Крис Кэмпион

«История детства – это кошмар, от которого мы только начинаем пробуждаться».

Франц Кафка

5.1. Культурально-криминологический аспект ненасильственных сексуальных действий в отношении детей

Чтобы понять сложные исторические и правовые особенности сексуальных взаимоотношений взрослых и детей, необходимо кратко остановиться на культурно-историческом понятии «мир детства», введенном американским антропологом М. Мидом. В зависимости от отношения к понятию «мир детства» М. Мид выделяет три типа культур – постфигуративные, конфигуративные и префигуративные,[535] которые схематично можно представить следующим образом (см. рис. 26).

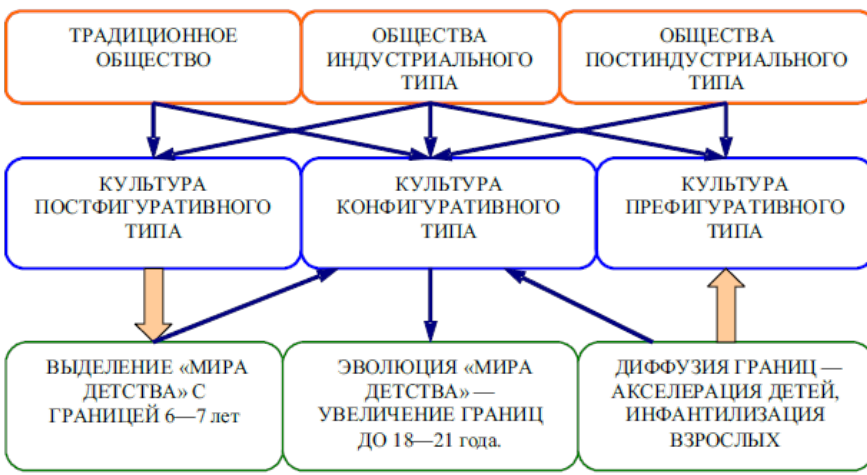

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
ОБЩЕСТВА ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПА
ОБЩЕСТВА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПА
КУЛЬТУРА ПОСТФИГУРАТИВНОГО ТИПА
КУЛЬТУРА КОНФИГУРАТИВНОГО ТИПА
КУЛЬТУРА ПРЕФИГУРАТИВНОГО ТИПА
ВЫДЕЛЕНИЕ «МИРА ДЕТСТВА» С ГРАНИЦЕЙ 6—7 лет
ЭВОЛЮЦИЯ «МИРА ДЕТСТВА» — УВЕЛИЧЕНИЕ ГРАНИЦ ДО 18—21 года.
ДИФФУЗИЯ ГРАНИЦ — АКСЕЛЕРАЦИЯ ДЕТЕЙ, ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ ВЗРОСЛЫХ

Рис. 26. Историко-культурологическая типология «мира детства»

В первом типе культур «мир детства» как таковой не выделяется, он характерен для традиционного общества, с низкой продолжительностью жизни, высоким уровнем смертности, общности традиций и ритуалов для всех его членов. Такая ситуация существует вплоть до европейского Средневековья. Как отмечал Ф. Арьес, проблем социологии и психологии детства тогда не было: дети носили ту же одежду, что и взрослые, играли в те же игры.[536]

В 1880 г., говоря о внутрисемейном насилии в отношении детей, лорд Шефтсбери отмечал: «Злоупотребления ужасны, и это не подлежит сомнению, но они носят частный, внутрисемейный, домашний характер, что виновник оказывается за пределами

действия закона, и предмет этот, я думаю, не примет к обсуждению никакая Палата Общин».[537] В Великобритании первая хартия о детях была принята в 1887 г. – на 67 лет позднее закона о защите животных. Особенностью отношения к детям в культуре постфигуративного типа является отсутствие восприятия детей как членов общества.

Чтобы обрести полноправное членство в таком обществе, необходимо выполнить ряд условий, которые варьируются у различных народов: достижение определенного возраста, способность носить оружие, участвовать в охоте, иметь семью ит.д., после чего индивид проходит обряд посвящения, «инициации». До этого момента ребенок находится полностью в зависимом (нередко и сексуально зависимом) положении от полноправных членов общества. Р. Карсон, Дж. Батчер, С. Минека как пример культуральных различий сексуальных взаимоотношений взрослых и детей приводят данные о распространенности гомосексуального отношения детей со взрослыми неженатыми мужчинами в племени самбийцев, проживающих в Папуа – Новой Гвинее. Дети клана, мужского пола, достигнув семилетнего возраста, отделялись от своих матерей для того, чтобы жить исключительно вместе со взрослыми мужчинами и другими мальчиками, полагая, что половая зрелость не наступит до тех пор, пока дети не будут находиться в постоянных гомосексуальных контактах со взрослыми. Такая практика являлась частью ритуала посвящения, пока дети не вырастали и им не присваивался статус полноправных охотников. Однако оценивать антропологические факты сексуальных отношений с детьми ни с точки зрения психопатологии, т. е. называть это педофилией, ни с правовой позиции нельзя, так как они принадлежат к совершенно иному типу культуры. Такая оценка будет равносильна тому, чтобы с позиции современного права оценивать поступки людей, живших в другие исторические эпохи. Оценивать с позиции моральности или аморальности современного западного мира такое сексуальное поведение тоже нельзя – оно интегрировано в их мировоззрение и мифологию, создавая общественный порядок (у них нет изнасилований и насильственного сексуального поведения). Внедряя в их общество стандарты нашего мира, мы уничтожаем культуру этого народа.

Культуры конфигуративного типа выделяют «мир детства» как отдельную, обособленную категорию. J. R. Kincaid, рассматривая культуру викторианской эпохи, отмечает, что изменение отношения к ребенку связано, прежде всего, с представлениями о детской сексуальности.[538] Он пишет, что

термин «ребенок» как определенный этап биологического развития был определен первоначально в третьем издании книги У. Эктона «Функции и расстройства репродуктивных органов в детстве, юности, взрослом возрасте и преклонных годах». Соответственно представления о сущности ребенка носили крайне противоречивый характер, от примитивного, нецивилизованного дикаря, «пустого сосуда», который должен быть наполнен культурой в процессе воспитания и образования, до «крайне испорченного с самого рождения существа» и пансексуальности детей З. Фрейда.

Этот небольшой исторический экскурс представляет значительный научный интерес в том плане, что отмеченные противоречия относительно сексуальности детей остаются нерешенными до настоящего времени. В качестве примера приведем мнение профессора психиатрии Нью-Йоркского и Колумбийского университетов А. Брилла. В своей книге «Лекции по психоаналитической психиатрии» А. Брилл пишет, что ни в одном из случаев, когда он давал заключение о мужчинах, втягивающих 6–11-летних девочек в сексуальные отношения, потерпевшие сами не сообщали о случившемся: «В каждом случае поведение пострадавших почти не отличалось… Установка на отсутствие сексуального опыта у девушек, вплоть до наступления социальной зрелости, представляется явно искусственной». [539]

В конфигуративных типах культур возможно рассмотрение трех аспектов взаимосвязи между детьми и взрослыми (см. рис. 27).

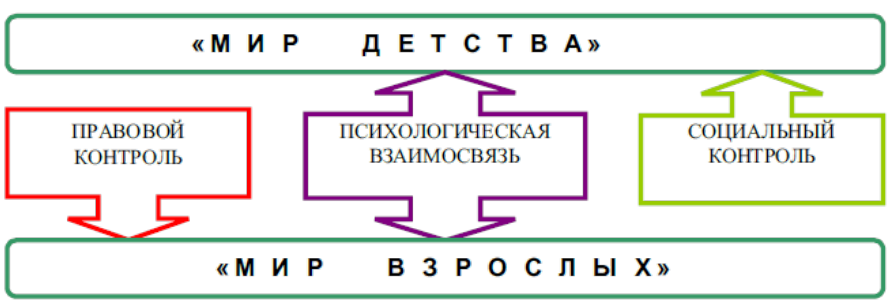


Рис. 27. Взаимосвязь взрослых и детей в культуре конфигуративного типа

Во-первых, правовой аспект направлен в сторону взрослых и регламентирует нормы, в том числе уголовно-правовые, направленные на защиту интересов детей. Во-вторых, социальный аспект направлен на детей и включает различные социальные легитимные и институционализированные меры контроля взрослых над детьми, как-то: воспитание, образование и т. д.

Третий аспект взаимосвязи детей и взрослых – психологический, он единственный является взаимосвязанным, одновременно направлен как на детей, так и на взрослых, взаимообусловливает поведение детей от поведения взрослого и поведение взрослого от поведения ребенка. В криминологическом аспекте он представляет наибольший интерес. Ллойд де Моз, рассматривая психологическую взаимосвязь детей и взрослых, отмечает, что взрослые имеют возможность реагировать тремя способами:

1) использовать ребенка как объект, на который направлено содержание его собственного бессознательного (проективная реакция);

2) использовать ребенка как заместителя фигуры взрослого, значимого для него в его собственном детстве (возвратная реакция);

3) сопереживать потребностям ребенка и находить возможности для их удовлетворения (реакция сопереживания). [540]

Выделенные психологические механизмы реагирования представляются достаточно интересными в плане анализа механизмов криминального сексуального поведения в отношении детей. Многочисленные исследования лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении детей, показывают, что виновные сами в детстве подвергались сексуальному насилию, т. е. обнаруживается преемственность поведения (возвратная реакция). A. Glasser et al. в своем исследовании 747 лиц, совершивших сексуальные преступления, выявил, что 76 % из них в детстве сами подвергались сексуальному насилию, и таким образом образуется криминальный порочный круг, или цикл «victim-to-victimizer». [541]

D. Tingle et al., проведя исследования педофилов, указывает, что 56 % из них в детстве сами подвергались сексуальному насилию. [542] При этом следует отметить важную особенность, согласно которой выбираемый возраст объекта в большинстве случаев релевантен возрасту, когда сам преступник испытал сексуальное насилие или развратные действия. В связи с этим И. С. Кон отмечает: «Некоторые сексуально травмированные дети, став взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированным чувством вины и стыда, чувством отчуждения от других, склонностью к пьянству и наркомании». [543]

3. Старович приводит данные исследования взрослых лиц с девиантным поведением, при этом сексуальное насилие в детстве отмечено у 3,4 % мужчин-алкоголиков, 5 % мужчин-наркоманов и 3,4 % женщин-наркоманок. [544] Значительную роль сексуального насилия, пережитого в детстве, в формировании отклоняющихся

и криминальных форм сексуального поведения во взрослом состоянии отмечают многие отечественные исследователи.[545] Некоторые авторы полагают, что склонность к сексуальным посягательствам передается главным образом путем личного опыта, так что обиженный ребенок, вырастая, сам становится обидчиком (abused/abuser hypothesis), но этот вывод представляется слишком упрощенным и не до конца подтверждается статистическими данными.[546]

В большинстве литературных источников рассматриваются два механизма abused/abuser hypothesis: 1) идентификация с агрессором и вымещение своей обиды на другом, и 2) подвергающийся насилию ребенок, несмотря на страх и боль, испытывает при этом сексуальное возбуждение, обстоятельства которого закрепляются в его воображении, делая для него привлекательным аналогичный сексуальный контакт с мальчиками.[547] Однако, на наш взгляд, действия сексуальной психотравмы как причины криминального поведения необходимо рассматривать исходя как из совокупности действовавшей вредности, так и из ситуационных особенностей реализации криминального поведения. Тогда как в формировании девиантного сексуального поведения и парафильных форм поведения такое влияние может быть значительным.

Культура постфигуративного типа характеризуется стиранием жестких границ «мира детства» и «мира взрослых», что происходит во всех трех рассмотренных аспектах: психологическом, социальном и правовом. В психологическом плане это инфантилизация взрослых и акселерация детей, в социальном плане – процессы ранней социализации, эмансипации и, соответственно, снижение социального контроля.

Правовые нормы, прежде всего в области уголовного законодательства, остаются определяющими демаркационную линию, поэтому от того, насколько четко будут определены критерии и какими они будут по своему содержанию, будут зависеть социальные, культурные и психологические аспекты взаимосвязи мира детства и взрослых.

Относительно сексуальных взаимоотношений нормы, их регулирующие, в том числе уголовно-правовые, должны не только опираться на критерии сексуальной зрелости личности, но и содержать в себе интегрированный междисциплинарный научный подход.

5.2. Объект и объективная сторона ненасильственных сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних

Преступления, предусмотренные ст. 134 и 135 УК РФ, обозначаются в литературе как «ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних».[548] Это субъективно ориентирует на их восприятие как менее общественно опасных, по сравнению с насильственными, что не всегда сопровождается адекватной оценкой их общественной опасности. Между тем *родовым объектом* преступных посягательств, так же как при насильственных половых преступлениях, выступают общественные отношения, обеспечивающие одно из основных прав личности – право на свободу и неприкосновенность.

Условность термина «ненасильственные сексуальные преступления» в отношении несовершеннолетних связана с целым рядом причин, основными из которых, по нашему мнению, являются следующие:

1) вопрос о добровольном поведении детей не имеет смысла как в силу их психологических особенностей, связанных с интеллектуальной и волевой сферами, так и в силу зависимого состояния от окружающих взрослых лиц;

2) в большинстве случаев согласие детей носит фиктивный характер;

3) отсутствие возможности использования свидетельских показаний, данных детьми.

Рассматривая в качестве *видового объекта* при половых преступлениях в отношении несовершеннолетних и малолетних их половую неприкосновенность, необходимо остановиться на определении критериев половой неприкосновенности в сравнительно-правовом и междисциплинарном аспектах. Можно выделить четыре критерия, определяющих круг лиц, в отношении которых уголовное законодательство устанавливает половую неприкосновенность.

1. *Возрастной критерий*. С момента вступления в действие УК РФ и до 1998 г., возраст составлял 16 лет; с 1998 до 2003 г. – 14 лет (Федеральный закон от 25.06.1998 г. № 92), с декабря 2003 г. и до настоящего времени – 16 лет (Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162). Эти законодательные изменения не могли

не отразиться на количестве преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК, что отражено на представленном рисунке 28. По полученным нами данным, около 37 % потерпевших по ст. 134 и 135 УК находились в возрастном диапазоне от 14 до 16 лет.

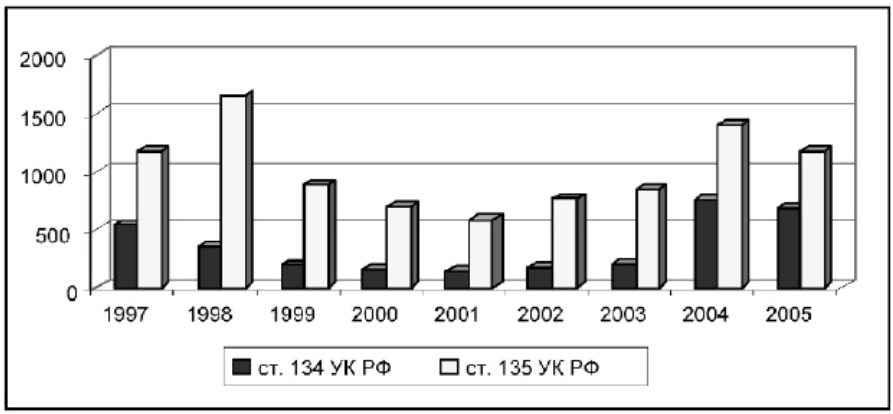


Рис. 28. Динамика ненасильственных сексуальных преступлений в отношении лиц моложе 16(14) – летнего возраста в РФ

2. *Критерий беспомощного состояния в силу возрастных особенностей.* Под беспомощным состоянием потерпевшего понимают состояние, когда он в силу возраста, болезни или иных причин не осознавал фактического характера и социального значения совершаемых в отношении него действий либо не мог оказывать им сопротивление. При применении данного критерия возникают трудности в определении субъективной стороны состава преступления, заключающиеся в том, что виновный должен знать, что потерпевший(ая) находится в беспомощном состоянии, в то время как в судебно-следственном процессе беспомощное состояние определяется проведением экспертного психолого-психиатрического исследования.

3. *Критерий половой зрелости.* Этот критерий действовал в УК РСФСР 1960 г., и в настоящее время активно ведутся дискуссии о целесообразности его введения в действующий УК.

4. *Критерий возрастного различия сексуальных партнеров.* Данный критерий используется в некоторых зарубежных законодательствах, когда один из сексуальных партнеров является несовершеннолетним, в отношении другого устанавливается предельно допустимая разница в возрасте, декриминализирующая гетеросексуальное половое сношение. Следует отметить, что критерий возрастного различия используется только для нормативных гетеросексуальных

отношений. Так, например, ч. 2 ст. 187 УК Швейцарии «Действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних» определяет, что сексуальные действия в отношении лиц моложе 16 лет не являются наказуемыми, если разница в возрасте между участвующими лицами составляет не более трех лет.[549]

Использование возрастного критерия половой неприкосновенности и вопрос о введении его в уголовное законодательство на практике приводят, как минимум, к трем проблемам.

1. Трудности и противоречия в определении субъективной стороны преступления по ст. 134 и 135 УК. Основной недостаток возрастного критерия в субъективной стороне состава преступления заключается в том, что виновный должен знать, что лицо, с которым он совершает сексуальные действия, не достигло определенного законом возраста (16 лет), при этом возрастной ценз в 14 лет субъективно даже определяется несколько проще. Основные трудности связаны с ускоренным физическим и сексуальным развитием подростков. Эти особенности преждевременного развития проявляются в том, что подростки активно заводят разговоры на сексуальные темы, знакомства, используют вызывающие стили одежды, косметики, стремятся к пребыванию в компании взрослых, часто лгут относительно возраста, стараются «выглядеть старше», употребляют спиртное, курят. С другой стороны, процессу акселерации несовершеннолетних противостоит инфантилизация взрослых, которые, наоборот, стремятся выглядеть моложе, и таким образом границы «мира детства»[550] оказываются диффузными и размытыми.

2. Противоречивость правовых актов субъектов РФ в отношении брачного возраста. В соответствии с ч. 1 ст. 13 Семейного кодекса РФ установленный законом брачный возраст 18 лет, ч. 2 предусматривает сниженный возраст вступления в брак – 16 лет, ч. 3 ст. 13 позволяет субъектам РФ при определенных обстоятельствах устанавливать возраст вступающих в брак ниже 16 лет. В такой ситуации явно просматривается противоречие со ст. 134 УК в редакции Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162, что отмечается практиками в некоторых субъектах РФ.[551] При этом вполне обоснованы доводы, приводимые в пользу «ранних» браков: повышение рождаемости, вред, наносимый абортами, так как причиной снижения брачного возраста наиболее часто является беременность, и более раннее развитие личности подростков, раннее вступление в самостоятельную жизнь и т. д. Естественно, уголовно-правовая политика является частью социальной

политики государства, направлена на развитие демократического общества и не должна вступать с последней в противоречия. Между тем диспозиция ст. 134 УК, кроме гетеросексуального, нормативного полового сношения, включает «иные действия сексуального характера», к которым относятся мужеложство и лесбиянство, что никоим образом не сказывается на рождаемости, а ведет к нравственной деградации формирующейся личности. Соответственно выходом из сложившейся ситуации может быть внесение изменений в действующий УК. Целесообразно выделить мужеложство и лесбиянство в отдельный состав, поднять возрастную планку в отношении потерпевших, как минимум, до 18 лет и отдельным составом рассматривать половое сношение с лицом, не достигшим 14-летнего возраста. Еще одним из возможных вариантов решения дилеммы возможности ранних браков и декриминализации сексуальных отношений подростков являются обстоятельства, когда потерпевшее лицо заключило с виновным брак. Так, УК Швейцарии предусматривает и такую возможность, однако при условии, если виновный не достиг 20-летнего возраста, и тогда в соответствии с ч. 3 ст. 187 УК Швейцарии возможен отказ от уголовного преследования, передачи дела в суд или наказания. Однако, представляется, что такой подход неприменим в условиях российской действительности, так как процедуры развода по российскому и швейцарскому законодательствам несопоставимы.

3. Трудности в оценке вреда потерпевшему и общественной опасности деяния. С одной стороны, вред причиняется несовершеннолетнему, не достигшему половой зрелости, т. е. находящемуся в процессе развития, а с другой стороны, как справедливо отмечает Ю. Е. Пудовочкин, приобщение несовершеннолетнего к преждевременному вступлению в половую жизнь несет в себе возможность социального оскудения личности, и вред перестает быть только вредом для личности, а становится таковым для общества в целом. Соответственно вред, причиняемый развитию личности несовершеннолетнего, наступающий в результате преступлений по рассматриваемым статьям, будет отличаться от вреда, причиняемого несовершеннолетним по ст. 131 и 132 УК в силу влияния специфики насилия и, кроме того, будет носить индивидуализированный характер в зависимости от степени сформированности личности в целом, особенностей психического, физического, морального и сексуального развития. Поэтому, как отмечает А. Н. Игнатов, девушке, в 13 лет достигшей половой зрелости, от раннего начала половой жизни может быть нанесен меньший вред, чем 15–16-летней, но половой

зрелости не достигшей.[552] Естественно, что для решения подобных вопросов необходим комплексный подход, который предоставляет возможность использования знаний, полученных в других научных дисциплинах, в частности судебной медицине, сексологии, психологии, патопсихологии и др.

Ю. Е. Пудовочкин, рассматривая преступления, предусмотренные ст. 134 и 135 УК, определяет объект как право на защиту от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации.[553] Такой подход нельзя признать абсолютным, поскольку он имеет несколько слабых позиций. Во-первых, под эксплуатацией человека понимается использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги, в том числе сексуального характера), подневольное состояние, и эксплуатация относится к диспозиции ст. 1271 УК «Торговля людьми», где несовершеннолетний возраст потерпевшего выступает квалифицирующим признаком (п. «б» ч. 2 ст. 1271 УК). Во-вторых, термин «совращение» не имеет четкой юридической экспликации и по семантике может быть отнесен и к вовлечению в занятие проституцией (ст. 240 УК), и к понуждению (приневоливанию) [554] к действиям сексуального характера (ст. 133 УК), развратным действиям (ст. 135 УК). В-третьих, определение преступлений по ст. 134 и 135 УК не отражает главной особенности – объекта преступного посягательства. И, как справедливо отмечает сам автор, непосредственным объектом данных преступлений выступает процесс нормального развития несовершеннолетнего.

Непосредственный объект при сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних определяется А. Н. Игнатовым как «нормальное физическое и духовное развитие и формирование несовершеннолетних»,[555] с чем мы полностью согласны. Непосредственный объект можно определить как половую неприкосновенность несовершеннолетнего лица, обеспечивающую нормальное физическое (включая половое или соматосексуальное), психическое (в том числе психосексуальное) и нравственное развитие несовершеннолетнего. В то же время объект преступного посягательства при нахождении взрослого лица, находящегося в беспомощном состоянии, может быть определен как половая неприкосновенность, обеспечивающая защиту жизни и здоровья, нравственности, чести и достоинства человека, но не физическое или психическое развитие.

И. М. Тяжкова отмечает, что опасность данного преступления определяется тем, что сексуальные контакты с малолетними и несовершеннолетними лицами негативно сказываются на их

физическом и нравственном развитии и зачастую приводят к извращенной сексуальной ориентации в их последующей жизни.[556]

Исходя из поставленных проблем, следует более подробно остановиться на некоторых моментах причинения вреда и общественной опасности при преступлениях против половой неприкосновенности в отношении детей. Так, понятие легкий и средний вред здоровью по ст. 131 и 132 УК входит в основной состав преступления и дополнительной квалификации не требует. Причем это относится, как ни парадоксально, к пострадавшим вне зависимости от возраста, так как возраст имплицитно заложен в квалифицированный и особо квалифицированный составы преступления. Для определения тяжести вреда здоровью проводится либо судебно-медицинская экспертиза, либо, если этот вред здоровью связан с психическими расстройствами, комплексная судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза. Однако специфика вреда здоровью, как уже отмечалось, заключается в применении физического насилия или угрозы его применения. У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни приводят общую схему развития психических расстройств у жертв сексуального насилия:

1) острый период (от нескольких дней до нескольких недель) – выражается в шоковых реакциях, страхе, переживаниях чувства вины, стыда, гнева и возмущения;

2) фаза посттравматического «отката» (от нескольких недель до месяцев) – выражается в попытках справиться с переживаниями, возвратом к прежнему образу жизни, когда страх и неверие в собственные силы оттесняются на периферию сознания;

3) заключительная фаза – значительно варьирует по длительности в зависимости от возраста, индивидуальности, степени поддержки окружающих и проявляется наплывами сцен насилия в памяти, ночными кошмарами, фобическими и депрессивными расстройствами.[557]

Указанные психические нарушения характерны для острой психической травмы, связанной с насилием, и вкладываются в диагностическую категорию «посттравматическое стрессовое расстройство» (F43.1; МКБ-10).[558] Однако механизм вреда здоровью при преступлениях ненасильственного характера имеет принципиально иные механизмы, при этом нельзя конкретизировать, что вред причиняется только половому (соматосексуальному и психосексуальному) развитию несовершеннолетнего. Понятия полового развития и половой зрелости широко использовались в отечественной судебной

медицине в период действия УК РСФСР 1960 г., когда половая зрелость выступала критерием криминальности сексуального поведения. Так, М. И. Авдеев определял половую зрелость лиц женского пола как такое физическое развитие и физиологическое состояние организма, при котором вынашивание плода и родоразрешение совершаются без вреда для здоровья и являются физиологическим актом.[559] При таком чисто судебно-медицинском подходе к определению половой зрелости полностью отсутствует учет психологических факторов и психосексуального развития. М. И. Авдеев отмечал: «Состояние умственного развития не имеет отношения к половой зрелости. Психически дефективные женщины (имбецилы, идиотки и др.) и психически больные с деградацией личности могут выносить и родить без вреда для своего здоровья здорового ребенка, если они достигли соответствующего физического развития».[560] Однако половое сношение с указанными лицами никак не может быть квалифицировано по ст. 134 УК, так как они в силу имеющихся психических недостатков не могут осознавать фактический характер и социальное значение совершаемых с ними действий и, соответственно, находятся в беспомощном состоянии. В этом случае деяние подлежит квалификации по ст. 131 УК.

А. П. Загрядская под состоянием половой зрелости лиц женского пола понимает окончательную сформированность женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией и женщина способна к выполнению материнских обязанностей. При экспертизе половой зрелости она предлагает учитывать следующую совокупность признаков развития организма:

а) общее развитие организма;

б) развитие половых органов и способность к совокуплению;

в) способность к зачатию;

г) способность к вынашиванию плода;

д) способность к родоразрешению;

е) способность к вскармливанию.

Каждый из указанных признаков, взятый в отдельности, не является определяющим, и лишь их совокупность дает возможность судить о половой зрелости.[561]

Половую зрелость лиц мужского пола Л. Я. Мильман определяет как «период жизни, в течении которого организм, достигнув морфологического и функционального развития, способен к воспроизведению потомства». Б. М. Семенов понимает половую зрелость как «достижение такого периода жизни, когда общее физическое развитие и функциональное состояние половых желез допускают половую деятельность (совокупление и

оплодотворение) без ущерба для дальнейшего развития организма». А. П. Загрядская отмечает: «Половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма».[562] Исходя из последнего определения, вред здоровью может быть определен не только как непосредственные последствия, но и как отдаленные последствия, связанные с развитием. Соответственно, чтобы конкретизировать тяжесть таких последствий и возможные отклонения в развитии, в первую очередь, необходимо определиться с существующими представлениями о нормальном половом развитии, и для этого обратимся к специальной литературе. Так, Г. С. Васильченко в процессе индивидуального развития человека условно выделяет следующие возрастные периоды становления и развития сексуальности.

2. Парапубертатный период (1–7 лет), в течение которого формируется половое самосознание (1-й этап психосексуального развития).

3. Препубертатный период (7–13 лет) характеризуется выбором и формированием стереотипа полоролевого поведения (2-й этап психосексуального развития).

4. Пубертатный период (12–18 лет) – самый бурный в сексуальном развитии организма, во время которого происходят половое созревание и формирование платонического, эротического и начальной фазы сексуального либидо (первые две стадии 3-го этапа психосексуального развития).

5. Переходный период становления сексуальности (16–26 лет) характеризуется началом половой жизни, мастурбационной практикой, сочетанием сексуальных эксцессов с периодами абстиненции (последняя стадия 3-го этапа психосексуального развития и завершение формирования сексуального либидо).

6. Период зрелой сексуальности (26–55 лет) отличается регулярной половой жизнью с постоянным партнером, вхождением в полосу условного физиологического ритма половой активности.

7. Инволюционный период (51–70 лет) – снижение половой активности и ослабление интереса к сексуальной сфере, сочетающиеся с регрессом либидо (до уровня эротической, а затем и платонической стадии).[563]

В соответствии с приведенной периодизацией сексуального развития возраст половой зрелости наступает в 26 лет (?). В правовом аспекте такой возраст не упоминается ни в одном

законодательстве. Попытаемся разобраться в этом вопросе. Такая периодизация, как отмечает сам автор, отражает не только соматосексуальное, но и психосексуальное развитие как один из аспектов индивидуального психического развития, и охватывает первые четыре возрастных периода становления и динамики сексуальности, а ее окончание знаменует вступление в период зрелой сексуальности. При этом формируются половое самосознание, полоролевое поведение и психосексуальная ориентация, в соответствии со становлением которых можно выделить три этапа психосексуального развития.

1. Формирование полового самосознания, осознание принадлежности к полу (1–5 лет), происходит под влиянием микросоциальной среды, но в значительной степени детерминировано половой дифференцировкой мозга в пренатальном периоде. Формируется сознание половой принадлежности собственной личности и окружающих, уверенность в ее необратимости, после чего попытки изменить половое самосознание ребенка оказываются малоуспешными. Детское любопытство направлено на выявление причин появления на свет детей и изучение половых признаков (строение тела, половых органов и т. д.). В норме в завершающей фазе этого этапа при определении ребенком пола окружающих его лиц равнозначную роль играют все признаки половой принадлежности (внешний вид, одежда, строение тела и половых органов).

2. Формирование стереотипа полоролевого поведения. На этом этапе (5—12 лет) происходит выбор половой роли, наиболее соответствующей психофизиологическим особенностям ребенка и идеалам маскулинности (или феминности) микросоциальной среды. Он характеризуется интенсивной социализацией ребенка, формированием у него коллективного сознания. Формируется характер. Этому возрасту свойственны недостаточное развитие воли и импульсивность поведения, любознательность, доверчивость, подражательность. Развиваются элементы абстрактно-логического мышления.

3. Формирование психосексуальной ориентации. На этом этапе (12–26 лет) начинается и достигает максимума функционирования эндокринной системы, в частности половых желез. На основе индивидуальных особенностей темперамента и характера формируется личность. Происходят пересмотр привитых догм и своего положения в семье и обществе, эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, развиваются высшие эмоции. Специфика этапа – формирование психосексуальных ориентаций, которые

обусловливают в последующем выбор объекта влечения (человека, животное, фетиш) с его индивидуальными особенностями (половая принадлежность, внешний вид, телосложение, поведение и т. д.), необходимость для реализации влечения определенной ситуации и ряда последовательных действий, подчас составляющих настоящий ритуал.[564]

При этом в юридическом аспекте наиболее важным представляется именно психосексуальное развитие, на которое, собственно, и происходит негативное влияние ненасильственных сексуальных действий в форме полового сношения, мужеложства и лесбиянства (ст. 134 УК) и развратных действий (ст. 135 УК). В «Руководстве по судебной сексологии» специальная глава посвящена экспертизе сексуальной зрелости.[565] Однако указанная экспертиза рассматривается не в плане оценки сексуальной зрелости у пострадавшего(ей) на момент совершения деяния, а в отношении субъекта преступления, для оценки возможности применения ч. 3 ст. 20 УК, когда вследствие отставания в психическом (психосексуальном – применительно к рассматриваемой проблеме) развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния субъект преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, либо руководить ими и, соответственно, не подлежит уголовной ответственности.

По официальной статистике, количество лиц в возрасте от 14 до 17 лет, осужденных за изнасилование, составляет в среднем 18 % от общего числа осужденных по указанной статье, за насильственные действия сексуального характера – 25 %, а вот в отношении детей за «добровольные» сексуальные действия с ними ответственность наступает с 18 лет, что, естественно, является серьезным пробелом законодательства. Исходя из возможной оценки вреда и общественной опасности по ст. 134, 135 УК, целесообразно установить общий возраст наступления уголовной ответственности в 16 лет, а при учете индивидуальных особенностей развития, как патологического, так и непатологического характера, сочетать уголовную ответственность либо с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК), либо принудительных мер медицинского характера.

Объективная сторона состава «ненасильственных» преступлений в отношении несовершеннолетних характеризуется отсутствием единства и четкости терминологии для описания действий сексуального характера как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. G. E. Wyatt и S. D. Peters, описывая

непосредственные сексуальные контакты взрослого с ребенком, демонстрацию половых органов и прикосновения к телу, обозначили эти действия как сексуальные притязания.[566] Сексуальными посягательствами в отношении детей R. A. Lang и R. R. Frenzei считают вовлечение зависимых детей и подростков в сексуальную активность, сущность которой последние не понимают и принципиально не способны дать согласие.[567] Термин “sexual molestation” обозначает сексуальные покушения, другими обозначениями насильственного и потенциально-насильственного сексуального поведения в отношении детей являются термины: “child abuse”, “child neglect”, “sexual abuse” и “sexual harassment”.[568] Наиболее распространенным является термин “child sexual abuse” (сексуальное взаимоотношение взрослого и ребенка), включающий в себя ряд признаков:

а) неравноправные взаимоотношения;

б) односторонняя власть старшего над младшим, т. е. отношения доминирования – подчинения;

в) ограничение свободы и возможности выбора у ребенка;

г) основным мотивом таких взаимоотношений служат мотивы сексуального удовлетворения со стороны взрослого.[569]

Сексуальное злоупотребление детьми (child sexual abuse) американскими криминологами подразделяется на два вида: 1) сексуальные взаимоотношения взрослого и ребенка внутри семьи – инцест, и 2) внесемейные сексуальные взаимоотношения – педофилия. С криминологической точки зрения, такая систематика представляется довольно удобной, но она нуждается в некоторых терминологических уточнениях. Под инцестом в специализированной литературе по сексологии понимают сексуальные контакты между кровными родственниками, вне зависимости от возраста сексуальных партнеров. Такими родственниками могут выступать родители и дети, братья и сестры. В западной литературе криминологическое использование понятия «инцест» вполне оправданно, так как большинство уголовных кодексов этих государств выделяет кровнородственные сексуальные связи в отдельный состав преступления. В отечественном законодательстве инцест между взрослыми лицами состава преступления не образует.

Другим обстоятельством, ограничивающим возможность применения термина «инцест» как внутрисемейного сексуального посягательства на детей, является тот факт, что большинство подобных преступлений совершается лицами, проживающими вместе с детьми, но не состоящими с ними в кровном родстве (отчим, со житель матери и т. д.), и для подобного рода сексуальных связей чаще используется понятие «параинцест».

Однако, несмотря на указанные трудности и противоречия, термин «инцест» довольно широко используется в литературе и является оправданным с позиций криминологических, клинических и сексологических исследований.[570]

На рисунке 29 приводится возрастное распределение жертв сексуальных преступлений в зависимости от степени знакомства с преступником при ненасильственных сексуальных преступлениях.

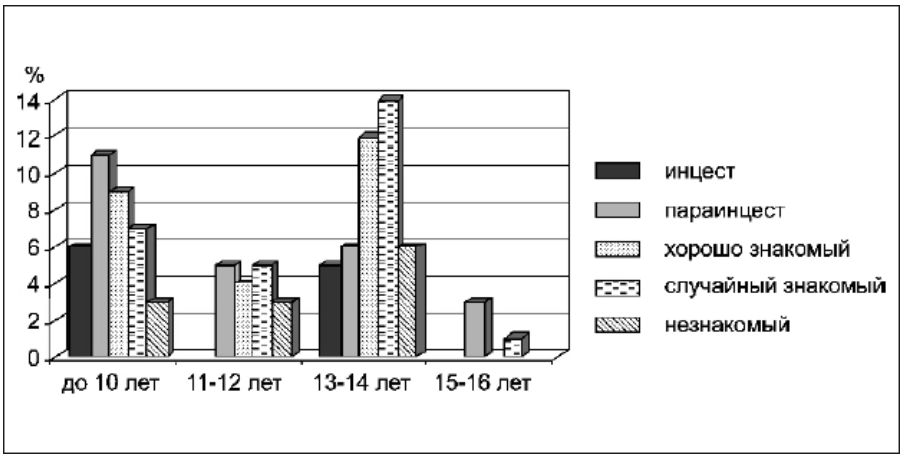


Рис. 29. Распределение ненасильственных сексуальных преступлений в зависимости от возраста потерпевших и степени их знакомства с преступником

На рисунке 30 представлено процентное распределение ненасильственных сексуальных преступлений в зависимости от отношений жертвы с преступником. Полностью незнакомыми для потерпевшего лицами преступления совершаются только в 37 %, в остальных случаях имеются различные степени родства, совместного проживания или знакомства.

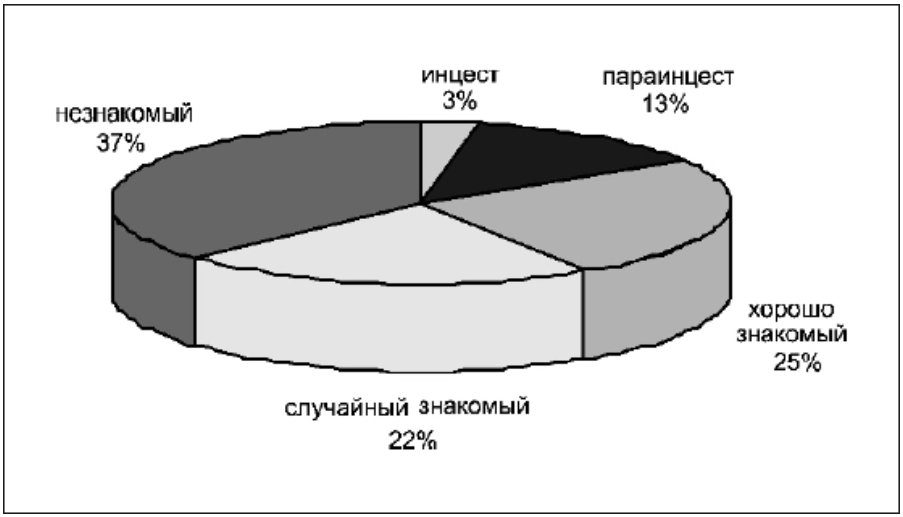


Рис. 30. Процентное распределение ненасильственных сексуальных преступлений в зависимости от степени знакомства преступника и потерпевшего

На приведенном рисунке видно, что в большинстве случаев сексуальные преступления в отношении детей совершаются вне семьи.

Внесемейные сексуальные взаимоотношения взрослого и ребенка в литературе чаще всего определяются термином «педофилия», который также является семантически неоднозначным. В отечественном законодательстве к правовым терминам он не относится, но часто используется в криминологических исследованиях. В клиническом плане в соответствии с международной классификацией болезней (МКБ-10) педофилия относится к нарушениям сексуального влечения (парафилиям), объектом которого являются дети и подростки.[571]

D. Finkelhor условно выделяет три категории действий, составляющих понятие “child sexual abuse”:

1) сексуальную эксплуатацию детей, злоупотребление их беспомощностью для непосредственного удовлетворения собственных сексуальных потребностей взрослого или в коммерческих целях;

2) подавление детской сексуальности, будь то физическое изменение половых органов ребенка или подавление его нормальных сексуальных интересов;

3) эротизацию детей, т. е. создание среды, которая может искусственно стимулировать детскую сексуальность в ущерб другим задачам развития.

Соответственно сравнение и сопоставление данных о

распространенности и латентности сексуальных преступлений в отношении детей невозможно проводить без предварительно четко оговоренных условий или нахождения «общего знаменателя» в отношении используемой тем или иным автором терминологии.

Отечественные криминологи и психиатры начала XX в. подразделяли сексуальных преступников в отношении детей и их деяния на три группы: растлители, вступающие в сношения с малолетними без дефлорации и извращений, развратители и гомосексуальные развратители.[572]

Использование в ст. 135 УК РФ термина «развратные действия», на наш взгляд, также является неоправданным, так как сам термин, кроме того, что не имеет четкой логической определенности, не является правовым, относится, прежде всего, к понятиям этического плана, и наряду с понятиями «удовлетворение похоти», «непотребство», «растление», которые также когда-то использовались в уголовно-правовых дефинициях, является анахронизмом. Также понятие «развратные действия» не имеет медицинской экспликации, дифференцирующей норму и патологию, и социальной – проводящей отличия нормы и девиантности. Его употребление вполне оправданно в области морально-этических границ, определяющих пороки и нравы. В комментарии к ст. 135 УК «к развратным действиям относятся направленные на удовлетворение половой страсти или на возбуждение полового инстинкта “иные действия сексуального характера”: мастурбация, удовлетворение половой потребности с лицом другого пола через рот или прямую кишку, с использованием различных суррогатных форм – введение полового члена между молочными железами, сжатыми бедрами партнерши и т. д.».[573] Таким образом, определение понятия «развратные действия» проводится посредством таких понятий, как «удовлетворение половой страсти», «возбуждение полового инстинкта», которые, в свою очередь, также семантически неопределенны и относятся к различным областям. Довольно сложно, например, сказать, чем отличается страсть от инстинкта. В итоге создается еще большая терминологическая путаница, даже на уровне научного анализа, не говоря об их практическом использовании.

Т. В. Кондрашова определяет развратные действия как физические действия сексуального характера, кроме перечисленных в диспозиции ст. 134 УК. Однако с последним определением нельзя согласиться, так как развратные действия могут быть психологического характера, как, например, рассказы непристойного содержания и т. д. При направленности

развратных действий на потерпевшего(ею), который в силу возраста, развития или психических отклонений не понимает характера совершаемых в отношении него действий, преступление следует квалифицировать по п. «д» ч. 2 или п. «в» ч. 3 ст. 132 УК.

Интересно, что удовлетворение половой потребности per os и per anum с лицом противоположного пола входит в объективную сторону состава преступления по ст. 135 УК, т. е. относится к развратным действиям,[574] те же действия с лицом одного с виновным пола квалифицируются как иные действия сексуального характера, образуют состав преступления по ст. 134 УК и имеют при этом различные уголовно-правовые санкции. Сексуальные акты per os и per anum относятся к действиям сексуального характера, и вред, наносимый развитию несовершеннолетнего, будет определяться его индивидуально-психологическими особенностями, но не зависеть от пола потерпевшего или от того, какие конкретно сексуальные действия производились.

Если совершение развратных действий сопровождается демонстрацией порнографических материалов или предметов, то действия образуют совокупность преступлений по ст. 135 и 242 УК. Если действия сексуального характера в отношении детей и несовершеннолетних сопровождаются фото– или видеосъемками, то они образуют совокупность преступлений по ст. 242[1] УК.

Проведенный анализ показывает, что не имеет практического значения разделение мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, в том числе развратных действий при их ненасильственном характере, в отдельные составы преступлений. В то же время «половое сношение» в диспозиции ст. 134 УК как нормативное гетеросексуальное поведение в отношении лиц моложе 16 лет по своим последствиям явно будет отличаться от актов мужеложства и лесбиянства.

Разделение криминального сексуального поведения в отношении детей по объективной стороне преступления на насильственные и ненасильственные формы носит также неоднозначный характер. Несмотря на это ст. 134 и 135 УК предполагают именно ненасильственные действия, в то время как насильственные действия (изнасилование) в отношении несовершеннолетних квалифицируются по п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ, малолетних (не достигших 14-летнего возраста) – в соответствии с п. «в» ч. 3 ст. 131 УК. Насильственные действия сексуального характера (лесбиянство, мужеложство и иные действия сексуального характера) в отношении несовершеннолетнего составляют квалифицированный состав по

п. «д» ч. 2 ст. 132 УК, а в отношении малолетнего – особо квалифицированный состав по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК.

Распределение по содержанию и длительности действий сексуального характера, составляющих объективную сторону состава преступления по ст. 134 и 135 УК, приведено в таблицах 3, 4.

Таким образом, основными криминологическими особенностями объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, в проведенном нами исследовании выступают два момента:

1) наиболее часто преступления совершались лицами, известными потерпевшим, 63 % (против 37 % преступлений, совершенных незнакомыми лицами);

2) по длительности совершения преступлений наибольший удельный вес – 61 % – приходится на сроки от одного до нескольких месяцев.

Таблица 3

Распределение действий сексуального характера, составляющих объективную сторону состава преступлений по ст. 134 и 135 УК РФ

Содержание действий сексуального характера	%
Гетеросексуальные	54
Половой акт	43
Per os	23
Per anum	31
Манипуляции с половыми органами потерпевшего	22
Мастурбация половых органов потерпевшего	11
Введение инородных предметов в половые органы и per anum	7
Манипуляция жертвы с половыми органами потерпевшего	15
Взаимные манипуляции сексуального характера	36
Гомосексуальные	32
Per os	35
Per anum	32
Манипуляции с половыми органами потерпевшего	35
Мастурбация	14
Введение инородных предметов в половые органы и per anum	3
Манипуляция жертвы с половыми органами потерпевшего	18
Взаимные манипуляции сексуального характера	25
Без физического контакта	14
Демонстрация порнографии	17
Совершение половых актов в присутствии потерпевших	3
Демонстрация половых органов	26
Мастурбация перед потерпевшим	15
Склонение потерпевших к половым актам и действиям сексуального характера между собой	4

Таблица 4

Распределение преступлений по длительности их совершения

Длительность совершения деликта	%
однократно	8
неоднократно в течение: недели	15
месяца	23
нескольких месяцев	38
продолжались более года	16

Проведенный междисциплинарный системный анализ позволяет остановиться на следующих основных моментах в отношении уголовно-правовой регуляции ненасильственных

сексуальных действий в отношении несовершеннолетних.

1. Половое сношение с лицом старше 14 лет декриминализировать при условии, если оно носит нормативный гетеросексуальный характер.

2. Любые сексуальные действия ненасильственного характера в отношении лица моложе 14 лет, в том числе половое сношение, считать криминальными.

3. Групповые формы ненасильственных сексуальных действий в отношении лиц моложе 18 лет относить к квалифицированному составу ненасильственных преступлений.

4. Действия сексуального характера, носящие ненасильственный характер, кроме гетеросексуального нормативного полового сношения, с лицами моложе 14 лет относить к квалифицированному составу преступления.

5. Считать термин «развратные действия» морально-этическим, а не правовым понятием и не рассматривать «иные действия сексуального характера» самостоятельным составом преступления.

5.3. Уголовно-правовая характеристика субъекта и криминологические особенности личности ненасильственного сексуального преступника

Относительно возраста субъекта уголовное право в общем случае подразумевает хронологический (паспортный) возраст наступления уголовной ответственности за совершенное деяние (ст. 19, ч. 1, 2 ст. 20 УК). В соответствии с ч. 3 ст. 20 УК дается возможность учета психологического возраста (отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством). В диспозиции ст. 134 и 135 УК (в редакции Федерального закона № 162) введен специальный возраст субъекта – 18 лет.

Под возрастом понимается период развития человека, который характеризуется качественными изменениями физических (биологических) и психических процессов с определенными закономерностями их протекания.[575] В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев определяют возраст как категорию психологии развития, обозначающую отдельные временны́е интервалы жизни человека, имеющие, прежде всего, культурно-историческую обусловленность.[576] В юридической практике Р. И. Михеев (1995) определяет возраст в широком и узком понимании: в первом случае – это календарный период времени от момента рождения до определенной даты; во втором – период в жизни лица, с которым связаны медико-биологические, социально-психологические и правовые изменения.[577] Таким образом, можно говорить о двух выделяемых типах возраста: абсолютный возраст – календарный или хронологический, выраженный в *количественных* показателях временны́х единиц, и условный, или относительный, возраст – возраст индивидуального развития, отражающий его *качественную* специфику.[578] Индивидуальное развитие личности в различных исследованиях характеризуется как онтогенез, биография, жизненный путь. Можно говорить, что в каждый момент хронологического возраста человека в нем сосуществует несколько относительных возрастов, наиболее важными из которых являются: а) биологический; б) социальный; в) психологический. Под биологическим возрастом понимается развитие организма и его функций по отношению к статистическим показателям всей популяции данного хронологического возраста; под социальным – статусно-ролевые

характеристики данной возрастной группы, и психологическим возрастом – комплекс психофизиологических параметров, таких как интеллектуальное развитие, нравственная зрелость и т. д. Л. С. Выготский определял развитие как «социальную ситуацию развития», отражая тем самым «индивидуальные ключевые позиции», складывающиеся для развивающегося субъекта в каждый момент жизни.[579]

Социально-психологические особенности возраста отражаются в биографическом методе исследования личности. Характеризуя особенности биографического метода, С. Н. Иконникова отмечает: «Биографическая реконструкция включает в себя целый комплекс методологических принципов, систему категорий, методические приемы и процедуры получения информации, этнические нормы и запреты, язык повествования и изображения индивидуальности персонажа, опору на документ и ограниченную возможность вымысла, высказываемого в форме предположения».[580] Огромное значение для криминологических исследований развития личности приобретает выявление “life change event” (жизнеизменяющих значимых событий),[581] часто имеющих психотравматический опыт, способных изменять предшествующую логику построения жизни человека.

Особенности биографических данных будут проявляться в специфике криминального поведения, выбора жертвы по возрастным или другим признакам, групповом характере совершения преступлений, состояний типа “flash-back” – навязчивый регресс субъективности ко времени пережитой психотравмирующей ситуации и т. д.

Критерием возраста в уголовном праве выступает не только количественный, объективный, хронологический критерий, а исходя из смысла ч. 3 ст. 20 УК, и качественный, субъективный, определяемый как способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, т. е. юридический (психологический) критерий, слагающийся из интеллектуальных способностей и возможности волевого контроля. Данное положение распространяется только на лиц, не достигших 18-летнего возраста, поэтому не может быть применимо к субъекту преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ. Определение «возрастной невменяемости» относится к компетенции судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Роль психиатра-эксперта заключается, прежде всего, в исключении психических расстройств, наличие которых автоматически исключает применение ч. 3 ст. 20 УК. Психосексуальная зрелость является

составной частью психологической зрелости, и нарушения психосексуального развития могут быть не связаны с психическими нарушениями и существенно влиять на способность руководить действиями, особенно сексуального характера. Соответственно правомерно в отношении определения психологической зрелости и применения ч. 3 ст. 20 УК при сексуальных преступлениях говорить о проведении комплексной судебной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы.

Некоторая несогласованность норм УК в отношении субъекта усматривается между ч. 3 ст. 20 УК и ст. 22 УК. Так, несовершеннолетний, который не в полной мере способен понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить или в связи с психическими нарушениями, в соответствии с ч. 1 ст. 22 УК подлежит уголовной ответственности, и данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания по ч. 2 ст. 22. В то же время несовершеннолетний, который также не в полной мере способен понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, но в связи не с психическими нарушениями, а особенностями его отставания в психическом развитии, не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК).

Распределение лиц, совершивших ненасильственные сексуальные преступления в отношении детей, по возрасту на момент совершения деяний представлено на рисунке 31.

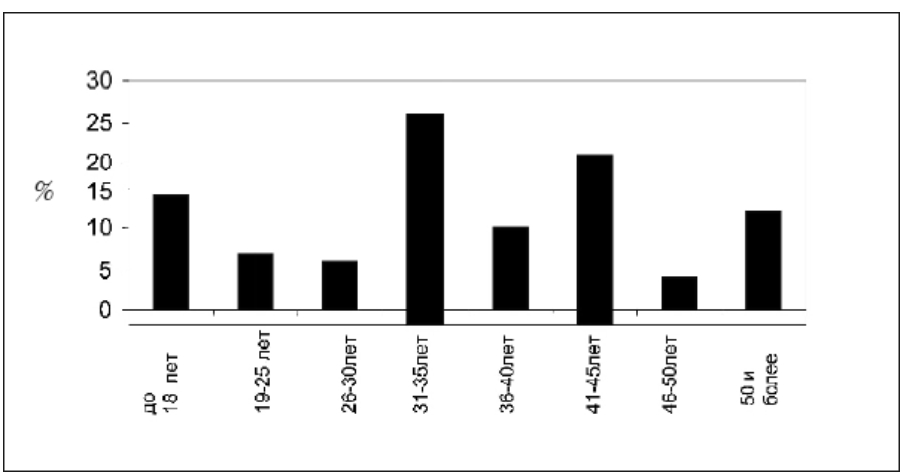


Рис. 31. Возрастное распределение субъектов ненасильственных сексуальных преступлений

Для оценки влияния психотравмирующих ситуаций детского возраста на криминальное сексуальное поведение в отношении

несовершеннолетних из карты исследования лиц, совершивших сексуальные преступления, были выбраны характеристики психических травм, полученных ими в детстве, и возраст их получения. Результаты исследования представлены в таблице 5.

Таблица 5

Психотравмы детского возраста у лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 134, 135 УК РФ

Особенности психотравмы	Возраст воздействия психотравмы				
	До 7 лет	8—10 лет	11—14 лет	Более 14 лет	Итого
Насилие и жестокое обращение в семье	9	16	14	21	60
Насилие и жестокое обращение со стороны сверстников	2	11	5	3	22
Подчиненное положение в отношениях со сверстниками	—	4	1	—	5
Вынужденная депривация	4	3	1	6	14
Депривация вследствие отсутствия референтной группы	6	2	1	5	14
Депривация вследствие психологических особенностей индивида	3	1	1	1	6
Сексуальное насилие	8	6	18	12	44
Ненасильственные сексуальные притязания в детстве	16	4	1	—	21
Косвенные данные о сексуальном насилии в детстве	3	2	2	—	7
Гипоопека и отверженный тип воспитания в семье	18	12	9	22	61

Кластерный анализ (см. рис. 32) выявил две группы распределения по возрастному фактору в зависимости от влияния особенностей психотравмы: 1) 31–35 и 19–25 лет; 2) до 18 и более 50 лет.

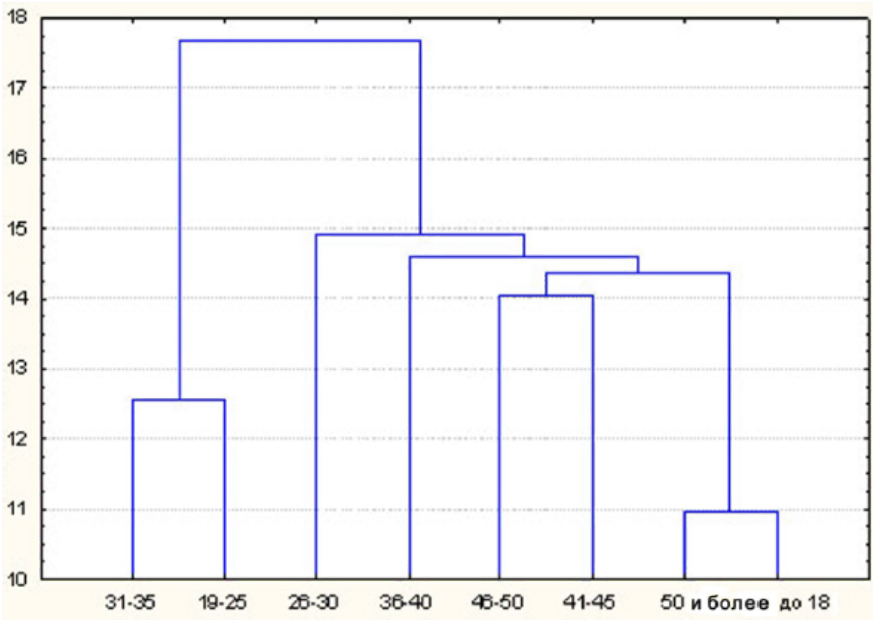


Рис. 32. Кластерное распределение виновных в сексуальных преступлениях в отношении детей в зависимости от особенностей психотравмы, полученной в детском возрасте

Причем в первом кластере значимыми оказываются семейное насилие в детском возрасте и отчуждение от сверстников в детстве. Второй кластер, объединяющий возрастные группы до 18 и после 50 лет, характеризуется отсутствием влияния психотравмирующих факторов. Только в возрастной группе до 18 лет отмечена депривация вследствие психологических особенностей (аутизм). Таким образом, кластер объединяют патобиологические механизмы, такие как патологический пубертатный криз в подростковом возрасте и органическое поражение головного мозга с изменениями личности после 50 лет.

Возраст потерпевших также имеет криминологическое значение. Распределение потерпевших по возрастным группам и половой принадлежности приведено на рисунке 33. Данные о возрастной группе 14–16 лет не являются репрезентативными, так как в анализируемый период с 1998 г. до конца 2003 г. сексуальные ненасильственные действия в отношении этой возрастной категории были декриминализированы. В отношении пола потерпевших в литературе приводятся различные данные. Так, Н. А. Радченко при обследовании лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних, приводит данные, что девочки в три раза

чаще становятся жертвами сексуального насилия, а против мальчиков оно принимает более тяжелые и извращенные формы.[582] По данным Ю. Л. Метелицы, лица женского пола, потерпевшие от сексуальных преступлений, составляют 76,2 %, в то время как лица мужского пола – 12,9 %.[583] С точки зрения И. С. Кона, доля женщин, подвергавшихся в детстве сексуальным приставаниям разного типа и степени, колеблется, по данным разных исследований, от 6 до 62 %, доля мужчин – от 3 до 6 %, что зависит от: 1) характера выборки, 2) возрастных рамок происшествия (случилось ли оно до 14, 16 или 18 лет), и 3) характера самого сексуального действия (только насильственные или же любые нежеланные, недобровольные или ненасильственные сексуальные действия).[584]

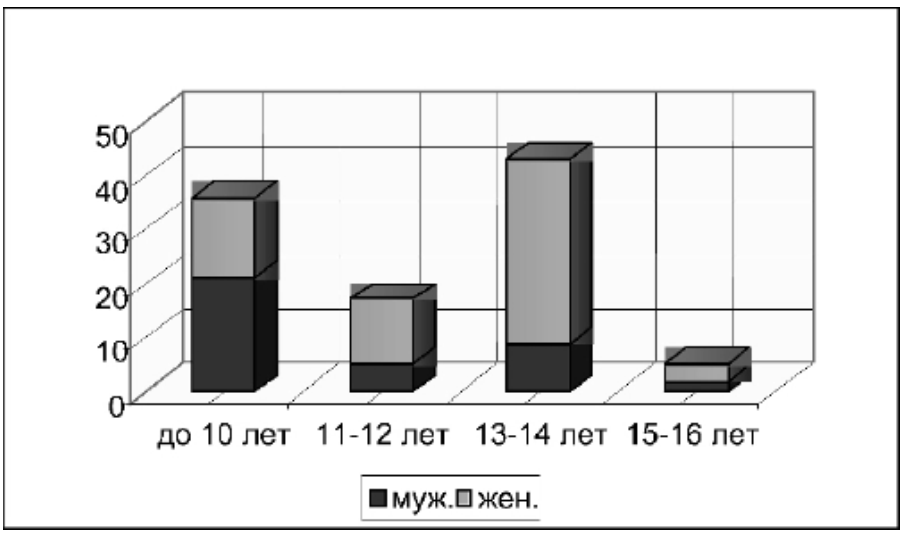


Рис. 33. Распределение потерпевших при ненасильственных сексуальных преступлениях по возрасту и полу

Преобладание среди потерпевших лиц женского пола объясняется несколькими причинами. Указанные авторы проводили исследования жертв сексуальных преступлений как ненасильственного, так и насильственного характера, тогда как при последнем значительно преобладают лица женского пола. Распределение потерпевших по полу носит выраженную возрастную зависимость. Как показали наши исследования, в возрастной категории потерпевших 13–14 лет соотношение мужчин и женщин равно 1/7, в то время как в возрастном диапазоне до 10 лет преобладают лица мужского пола. Объясняя подобную зависимость, можно согласиться с мнением D. Finkelhor о том, что низкие показатели потерпевших мужского пола,

особенно с увеличением возраста, связаны с тем, что последние стремятся не разглашать или преуменьшать такой «сексуальный опыт» и испытывают трудности при разговорах на тему их сексуального злоупотребления.[585] Отмеченная особенность влияет также и на высокую латентность данного вида преступлений. В исследованиях Ю. М. Антоняна и С. П. Поздняковой отмечалось, что лица мужского пола в последнее время все чаще становятся жертвами сексуальных преступлений, что также согласуется с полученными нами данными.[586]

При возрастной корреляции преступников и жертв выявлены две значимые особенности. Возраст преступника 31–35 лет наиболее часто соотносится с возрастом потерпевших 13–14 лет и возраст субъекта до 18 лет – с возрастом потерпевших также 13–14 лет. Однако с 1997 г. до принятия Федерального закона № 162 от 08.12.2003 г. с 16 лет наступала уголовная ответственность только по ст. 135 УК РФ за развратные действия, поэтому сюда не включается добровольное половое сношение между указанными возрастными категориями. Увеличение возраста уголовной ответственности по ст. 135 УК до 18 лет, так же как возраст уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК), представляется неоправданным. В то же время нормативный гетеросексуальный половой акт добровольного характера может быть декриминализирован с 14-летнего возраста партнеров.

Целесообразно увеличить возраст потерпевших до 18 лет в отношении любых действий сексуального характера, кроме нормативного гетеросексуального полового акта, который запретить с лицами моложе 14 лет. Кроме того, следует криминализировать любые групповые формы сексуального поведения с участием лиц моложе 18-летнего возраста.

Проведенные криминологические, психологические и психопатологические исследования всей обследованной группы лиц, совершивших ненасильственные сексуальные преступления, свидетельствуют о неоднородности преступников в данной группе. Поэтому актуальным остается вопрос о типологии личности ненасильственного сексуального преступника в зависимости от имевшихся данных.

Ю. М. Антонян отмечает, что сексуальные преступления в отношении малолетних чаще совершают лица, имеющие семью или постоянного полового партнера, но данные половые отношения не приносят им сексуального удовлетворения либо по различным причинам являются невозможными. В результате проведенного анализа им выделяются три подтипа преступников на основе мотивации криминального поведения: 1) лица,

имеющие эмоционально фиксированную установку на девочек, возникшую в связи с сильными сексуальными переживаниями в определенный период развития; 2) лица, которые в детстве или подростковом возрасте имели дефицит общения со сверстниками, что сформировало дефект развития и своеобразие мотивационной установки, и 3) отцы, которые изнасиловали своих дочерей.[587]

W. Radecki выделяет пять групп криминальной педофилии: 1) педофильные действия, совершенные молодыми преступниками под влиянием алкоголя, при отсутствии сексуальных отклонений; 2) педофильные действия в отношении близких родственников, важную роль в совершении которых сыграл хронический алкоголизм и примитивизм преступников; 3) педофильные действия на чувственной почве, когда молодые преступники сожительствуют с 12—13-летними девушками на добровольных началах; 4) педофильные действия на девиантной основе, в том числе и гомосексуальные педофильные действия; 5) педофильные действия, совершенные пожилыми лицами, преимущественно на фоне психоорганического синдрома.

В исследовании Н. А. Радченко приведена типология лиц, совершивших противоправные действия в отношении несовершеннолетних в соответствии с механизмами реализации криминального поведения: 1) транзиторное сексуальное поведение у лиц подросткового возраста, обусловленное реакциями имитации и гиперкомпенсации; 2) лица с «переадресацией» сексуальной активности вследствие психопатологических расстройств; 3) лица с аномальным сексуальным поведением вследствие «кризиса половой идентичности» инволюционного периода; 4) «смещение» сексуальной активности в рамках временных состояний нарушения психической деятельности, и 5) лица с патологией сексуальных влечений (парафилиями).

На основании проведенного комплексного исследования, статистической обработки материала все данные о личности преступников условно были разделены на блоки: персонографический, биографический, криминологический, виктимологический, психопатологический, сексологический и психологический, на основе которых выделена следующая типология личности преступника и механизмов криминального сексуального поведения в отношении малолетних и несовершеннолетних:

1) лица с нарушением сексуальной ориентации;

2) лица с нарушением иерархической ориентации доминирование – подчинение;

3) лица с нарушением возрастной ориентации;

4) лица со случайной, ситуационно обусловленной формой криминального поведения;

5) лица с патологией сексуальных влечений (парафилии) в форме педофилии.

Распределение приведенной типологии личности преступника представлено на рисунке 34.

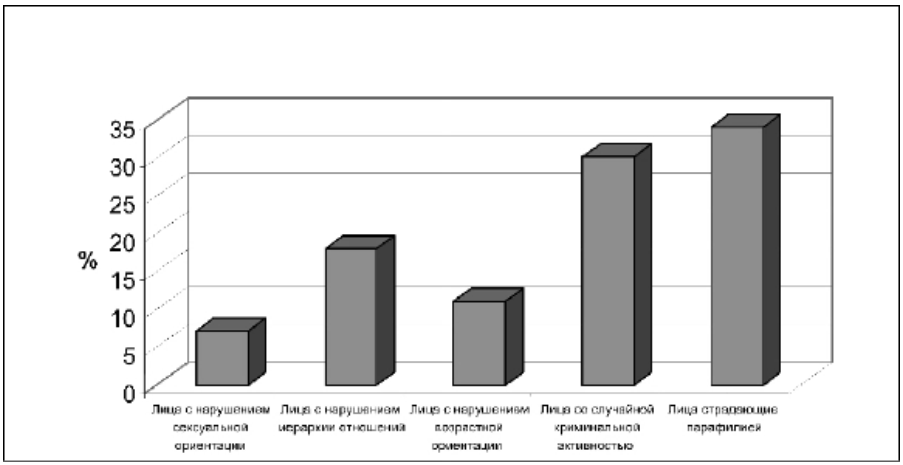


Рис. 34. Типология личности ненасильственного сексуального преступника

Выделенные типы личности ненасильственного сексуального преступника характеризуются следующими особенностями:

Лица с нарушением сексуальной ориентации имели среднее или неполное среднее образование, склонность к антисоциальному образу жизни, обладали низкой трудовой квалификацией, на работе характеризовались отрицательно, большинство из них были неоднократно судимы в прошлом за различные преступления, что свидетельствует о низком морально-нравственном уровне. В большинстве случаев преступники отмеченной группы страдали в разной степени выраженной склонностью к алкоголизации, что также усиливало моральную деградацию. Эмоциональная сфера характеризовалась примитивностью и малой дифференцированностью эмоций, склонностью к аффективному реагированию в субъективно сложных ситуациях, примитивностью, обидчивостью. Характерной особенностью этой группы преступников было наличие органического поражения головного мозга различной степени выраженности, который усугублялся злоупотреблением алкоголем, что, возможно, способствовало сексуальной расторможенности и приводило к беспорядочной половой жизни. Выбор сексуального объекта определялся в большинстве случаев

возникающим сексуальным импульсом и потребностью его немедленного удовлетворения, чему часто способствовало состояние алкогольного опьянения. Учитывая морально-этическое снижение таких лиц, их сексуальная активность часто была направлена на родственников, случайных знакомых, оказавшихся с ними в компании, собутыльников, бомжей, проституток вне зависимости от их возраста, эмоциональных симпатий. Изложенное можно проиллюстрировать следующим примером:

Обвиняемый Стажеров В. Г., 1972 г. р. Из материалов дела: из акта СПЭК от 1996 г.: старший из 9 детей. Отец злоупотреблял алкоголем, был осужден за изнасилование, после освобождения с семьей не проживал. После его ухода из семьи мать также стала злоупотреблять спиртным, пропивала все деньги, не занималась воспитанием детей. Семья жила в стесненных бытовых условиях, дети часто спали в одной постели. Много времени проводил с братьями и сестрой, помогал матери по хозяйству.

Осенью 1995 г. в состоянии алкогольного опьянения предложил брату Пете (14 лет) в общественном туалете совершить с ним половой акт в задний проход. Вначале брат не соглашался, он ударил его по щеке, тот уступил. В 1996 г. предложил брату Сергею взять половой член в рот «пососать», предлагал это и сестре Марине. С Мариной это повторялось 2–3 раза. Из показаний брата Сергея: по ночам брал его в постель, заставлял сосать его половой член несколько раз за ночь, при этом всегда был пьян. Из показаний сестры Марины: действия сексуального характера стал совершать с ней, когда ей было 4–5 лет. Когда она его отталкивала, бил ее. Заставлял брать в рот половой член Сережу и Петю.

Сообщил, что в детстве неоднократно видел родителей во время полового акта, при этом испытывал любопытство. В школьные годы часто разглядывал картинки порнографического содержания, слышал разговоры взрослых об орально-генитальных и гомосексуальных контактах, ему было интересно попробовать.

Со слов испытуемого: помнит, что в возрасте 8 лет с братьями, изображая «корову с телятами», сосал у них половые члены, а они у него, отмечалась эрекция, испытывал удовольствие. С того же времени – фрустрационная псевдомастурбация, с 10 лет с оргазмом

без эякуляции. В 10 лет помнит эпизод, когда ездил на лошади позади седла, от трения появлялись эрекция и оргазм. С 11 лет – эякуляция при мастурбации, фантазии отрицает, сны не помнит. Максимальный эксцесс при мастурбации – 2, однако до сих пор мастурбирует почти каждый день. Влечение к девочкам с 12 лет, но из-за того, что в классе над ним издевались, боялся к ним подходить. Впервые поцеловался в 16 лет, в этом же возрасте первый половой акт с ровесницей по ее инициативе, однако первая попытка окончилась неудачей – семяизвержение наступило после 2–3 фрикций. До армии было 2–3 половых контакта с девушками. Всего за жизнь с женщинами было около 10 половых актов, ни с кем продолжительных отношений не поддерживал. После армии нравилось давать телятам сосать половой член, отмечает, что при этом эякуляция наступала быстрее, чем при мастурбации. Наряду с этим неоднократно занимался фелляцией с братьями, говорит, что и он у них сосал половые члены, когда же у них наступала эякуляция, чувствовал удовлетворение. С братом Петей совершил половой акт в задний проход «по пьянке», после того, как узнал, что тот вступал в половые контакты с мужчинами. С Мариной также неоднократно проводил фелляцию, а также половые акты. Отрицает, что когда-либо бил братьев и сестру – «разве только по пьянке». В местах заключения был «опущен», отнесся к этому спокойно, затем неоднократно вступал в гомосексуальные связи в пассивной форме и орально-генитальные контакты добровольно, даже получал от этого удовлетворение.

Психическое состояние: держится временами напряженно, однако периодически без чувства дистанции, неадекватно эйфоричен, хихикает, внезапно переходит к слезам или дает эксплозивную реакцию. Иногда отмечаются неадекватные мимические движения – «таращит глаза», чмокает губами. Мышление конкретное, обстоятельное, вязкое, интеллектуально снижен. Настроение неустойчивое. Обнаженно рассказывает о своей сексуальной жизни, заявил, что наибольшее удовлетворение получает от фелляции с мужчинами, в тюрьме даже «влюбился в одного парня». Не видит ничего страшного в своих сексуальных контактах с братьями и сестрой, подчеркивает, что всегда расценивал их как игру, а о том, что это карается

законом, узнал только тогда, когда его «посадили». Говорит, что с женщинами у него «не получается», поэтому хотел обратиться к врачу с жалобами на короткий половой акт, а также на то, что они его «быстро бросают». Не скрывает, что постоянно занимается мастурбацией во время пребывания в институте, в туалете и в постели, ежедневно – «меня это успокаивает».

Заключение комплексной сексолого-психиатрической экспертизы. В отношении инкриминируемого деяния вменяем. У испытуемого выявляется аномалия сексуального влечения в форме синдрома недифференцированного сексуального объекта.

Лица с нарушением социальной иерархии доминирования – подчинения. Сексуальная активность для них выступала не столько способом удовлетворения сексуальных потребностей, сколько средством установления и демонстрации своего превосходства, особенно в отношении детей. При этом сексуальным действиям предшествуют агрессивные, чаще – физические наказания. Временна́я дистанция между ними постепенно сокращается, и в конечном итоге агрессивные действия эротизируются, формируя новый стереотип поведения. Сопровождая девиантные акты, негативные эмоции усиливают интенсивность возникающих при этом ощущений и степень последующей релаксации. Сексуальное насилие воспринимается лишь как средство разрядки, а побуждения к нему возникают в условиях, сопровождающихся аффективным напряжением и тревогой, требующими привычных, стереотипных способов разрешения ситуации.

По социальным характеристикам такие лица чаще всего воспитывались в семье с жестоким доминирующим положением отца или отчима, и последующее их поведение воспроизводит травматический опыт их детства.

Преступники этой группы характеризовались преимущественно психопатическими личностными особенностями. Они имели высокий социальный статус, положительно характеризовались на работе, преобладающим было среднее специальное и высшее образование. С психологической точки зрения им свойствен эгоцентризм, завышенная самооценка, склонность к внешнеобвиняющим формам поведения.

Лица с нарушением возрастной ориентации характеризуются размыванием ролевых норм внутри семьи, обусловленных

возрастом, когда в отношениях с ребенком устанавливается новый вид взаимоотношений «ребенок – ребенок» или «взрослый – взрослый». Соответственно происходит либо инфантилизация отношений взрослого, либо акселерация отношений ребенка.

Отношения «ребенок – ребенок» возникают у лиц с отставаниями психического развития, высокой степенью инфантильности, замкнутости, аутичности, испытывающим в среде взрослых лиц трудности установления контактов.

Механизм криминального поведения при отношениях «взрослый – взрослый» возникает при раннем психическом развитии ребенка, восприятии его как взрослого члена общества.

Лица со случайной, ситуационно обусловленной криминальной активностью выделены на основе однократного привлечения к уголовной ответственности за ненасильственные сексуальные действия в отношении детей, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. В момент правонарушения происходят «смещение объекта», его неразличение, деперсонификация. После совершения деяния преступник сожалеет о случившемся и затрудняется объяснить свои действия. Ключевыми моментами данного криминального поведения являются изменение сознания в момент совершения правонарушения под воздействием алкогольного или токсикоманического фактора, а также степень выраженности органического поражения головного мозга. Кроме того, из личностных предиспозиций им присуща непосредственная реализация возникающих побуждений, недостаточный самоконтроль, склонность к накоплению отрицательных эмоций, стремление без волевых задержек удовлетворять возникающие потребности.

Лица с патологией сексуального влечения (*парафилиями*) выделены в самостоятельную группу с использованием критериев парафилии по DSM-III R:[588] существование на протяжении не менее 6 месяцев влечений к совершению сексуальных действий с малолетними, реализуемое в повторных сексуальных манипуляциях с детьми, а также в сновидениях и фантазиях представления о педофильных объектах, существующих на фоне нарушенной нормативной сексуальной адаптации.

В механизмах реализации криминального поведения лиц данной группы отмечался постепенный переход от родительских отношений с детьми к партнерским сексуальным действиям. Этому предшествовал длительный подготовительный этап с включением преступника в сексуальную «репетиционную» игру с ребенком, когда привычный тактильный контакт между ним и жертвой приобретал эротическую окраску, что позволяло преступнику преодолеть социальный барьер и перейти к

сексуальным действиям.

Для большинства лиц, представленных в этой группе, характерно преждевременное психосексуальное развитие на фоне задержки соматосексуального, нарушения половой идентичности. В основе криминального поведения лиц данной группы лежат механизмы нарушенного влечения, которые являются определяющими как в выборе объекта, так и в способе реализации сексуального влечения. Другой особенностью выступает частое органическое поражение головного мозга или расстройство личности. Из других значимых характеристик следует отметить воспитание в неполной семье или употребление родителями алкоголя, жестокое отношение в детском возрасте, которое в последующем может выступать эталоном для подражания.

Приведем пример криминального поведения лица с нарушением влечений в форме педофилии.

> Из материалов уголовного дела и медицинской экспертной документации: Николаев С. А., 1972 г. р. Отец злоупотреблял спиртными напитками, умер от пьянства, когда испытуемому было 11 лет. Мать пыталась создать семью, но неудачно. Испытуемого воспитывала вместе со старшей дочерью (на 10 лет старше испытуемого).
>
> Из показаний матери: в семье – младший, старшая дочь живет отдельно. Муж умер, когда ему было 10 лет. Из показаний матери от 01.07.97 г.: муж был алкоголиком, в семье постоянно были ссоры, на глазах у сына причинял мне телесные повреждения. Сын все это видел, очень переживал, часто мне говорил, что, когда вырастет, пить не будет. Со слов испытуемого: к отцу относился негативно из-за его пьянства и конфликтов с матерью, был свидетелем избиений матери. Когда тот умер, «испытал облегчение». Мать характеризует как спокойную, однако «не терпит женщин», которых он приводит к себе. С сестрой отношения были напряженными из-за того, что та училась на «отлично», постоянно читала ему мораль. В течение 5 лет был отчим, который к нему хорошо относился, очень переживал, когда тот внезапно умер. Учился посредственно, был в меру общителен. Уверяет, что всегда подвергался физическому насилию со стороны ровесников. Из показаний матери от 01.07.97 г.: из-за отца не поддерживал дружеских отношений со

сверстниками, вел замкнутый образ жизни, комплексовал, что у него такой отец. После смерти отца у него появился друг, с которым он до сих пор поддерживает дружеские отношения. Были случаи, когда он не хотел идти в школу, предполагаю, что из-за конфликтов с одноклассниками, но он об этом ничего не говорил.

Со слов испытуемого: в компании были клички: «Паганини» (по ассоциации с «Николой»), затем – «баки» (рано начал бриться). Был лидером в словесном общении, когда дело касалось других занятий, тушевался. Драться не умел, вид крови переносил спокойно. Подвижных соревновательных игр избегал. Подтверждает, что над ним часто издевались старшеклассники, однако говорит, что не столько физически, сколько «морально унижали». Уходит от подробностей. Из акта АСПЭК: во время службы в СА перенес травму головы, имел нарушение воинской дисциплины. Проживает вдвоем с матерью. После армии сменил несколько мест работы: «быстро надоедает», перестает выходить на работу и увольняется. Перенесенные заболевания: травма головы, простудные, гонорея.

Из показаний матери: рос нормальным, спокойным, отклонений в психике не наблюдалось. Когда я ездила к нему в армию, то поняла, что там процветало насилие. Был случай, когда он уходил самовольно, но вернулся через два дня. Сам он мне ничего не рассказывал, потому что замкнутый по характеру. После армии стал вспыльчивым. Я поняла, что он сам был там жертвой насилия, но это только догадки. Дружил с девушкой, с которой в хороших отношениях. Выпивает редко, честен, совестлив.

Из показаний матери от 01.07.97 г.: его трудно разбудить утром, бужу в течение часа, обливаю водой. Всегда делает мне замечания о невкусности пищи – ежедневно, долго моется в ванной.

Из акта АСПЭК: было несколько связей длительностью более года, однако женщины быстро надоедали. В дальнейшем контакты были эпизодическими, с женщинами легкого поведения.

Из показаний матери от 01.07.97 г.: после окончания школы год дружил с девушкой, предполагаю, что близких отношений между ними не было. Когда он ушел

в армию, они переписывались, но позже она стала встречаться с другим, сын очень переживал, был агрессивным, в словесной форме угрожал расправиться с ней и ее парнем. Данные переживания длились 2–3 месяца. Затем он стал встречаться с другой, с которой у него были интимные отношения. С ней он встречался 3–4 месяца, затем, по моему совету, он перестал с ней встречаться, так как она была из неблагополучной семьи. Позже он познакомился с женщиной, с которой встречался до настоящего времени.

Из показаний свидетельницы Ж., 1965 г. р.: знакома с испытуемым с 1993 г. Поддерживаем интимные отношения с 1994 г. Сексуальных отклонений не замечала, однако удивляло то, что половой акт мог быть и в коридоре, и в кухне, т. е. не только в кровати. Очень любит спать. Дважды просил о половом акте в анальное отверстие, один раз из-за боли я прекратила, другой раз отказала. У него комплекс по поводу размера полового члена, он считает его небольшим.

Со слов испытуемого: сказал, что ни за кем из женщин не ухаживал, «они сами предлагают мне». Отрицает, что был когда-нибудь по-настоящему влюблен, хотя привязанности были, переживал разрывы. Подчеркивает, что ему приятнее просто общаться с женщинами, на сексуальный контакт идет только по их инициативе. Поцелуи и ласки ему удовольствия не доставляют, так же как и сам акт. Заявляет, что предпочитает в сексуальном смысле онанизм – «больше ощущений, и не надо всяких ласк». Подтвердил, что практиковал и анальные половые акты с женщинами «по согласию». Признает, что до сих пор считает, что у него маленький половой член, завидует другим мужчинам. Возраст и внешность женщины не имеют для него большого значения, самой старшей партнерше было на 14 лет больше. Желания жениться, завести детей никогда не было.

Из акта АСПЭК: во время службы в СА был свидетелем гомосексуальных контактов, говорит, что ничего, кроме отвращения, не испытывал, однако часто вспоминал об этом впоследствии. После возвращения из армии в периоды сексуальной абстиненции свыше 2–3 недель стали появляться фантазии, в которых представлял себя со стороны, и совершал с собой анальные и оральные половые акты, затем в фантазиях

появились мальчики и девочки 7–8 лет, с которыми совершал различные сексуальные манипуляции, больше всего возбуждало ощупывание и лизание половых органов. Никаких попыток реализации якобы не предпринимал, так как осознавал противоправность таких действий. Пытался бороться с такими мыслями, возвращался к мастурбации, однако это помогало на срок не более 2 недель.

Из показаний испытуемого от 21.05.97 г.: влечение к мальчикам я у себя почувствовал после армии. Приходили местные ребята и, поймав кого-нибудь из солдат, совершали с ним развратные действия и акты мужеложства. Сам я не был участником этих актов. Влечение после армии было эпизодическим, когда длительное время был без сексуального удовлетворения, но я старался об этом не думать, отвлекался. Влечение было и в трезвом, и в нетрезвом состоянии. Я общался в половом плане с девушками и получал половое удовлетворение, но на влечение к мальчикам это не влияло. Я хотел показаться врачам, но как-то все откладывал. Кроме того, мне удавалось отвлекаться от этого.

Со слов испытуемого: уклоняется от разговора о том, что с ним было в армии, сказал, что в казарме «азербайджанцы насиловали русских», это происходило в темноте, однако он слышал стоны. После возвращения из армии появились фантазии, в которых сначала представлял себя со стороны, как он сам с собой совершает анальные и оральные половые акты. Затем в фантазиях стал участником, появились мужчины разного возраста («не старше 40 лет, подростки»), позже – мальчики 6–11 лет. Утверждает, что с мальчиками нравилось производить ласки, гладить половые органы, ягодицы, спину. Последние 4 года фантазии самопроизвольно начинались и заканчивались, утратил контроль над ними. Периодически пытался бороться с собой, однако на улице при виде мальчиков этого возраста возникало влечение.

Особенности криминального поведения: был задержан, когда держал мальчика за плечи, гульфик на его брюках был расстегнут, штанишки мальчика были приспущены до щиколоток.

Из показаний испытуемого от 21.05.97 г.: ранее у меня возникало желание потрогать половые органы

детей, но я себя сдерживал, к половому сношению я не стремился. В состоянии алкогольного опьянения завел потерпевшего в детский садик, в беседку, спустил его брюки до колен вместе с колготками и трусами, гладил по попе, половым органам, меня это возбуждало. Затем я расстегнул свои брюки и попытался ввести свой член в задний проход мальчика, но у меня ничего не получилось. Я это проделывал около 5 мин., мальчик в это время кричал. Застегнул свои брюки и повел его к выходу, не помню, были ли брюки на нем опущены или одеты.

Из показаний испытуемого от 21.05.97 г.: увидел мальчика, у меня появилось желание совершить с ним развратные действия, погладить его по половым органам, дать потрогать свои и этим удовлетвориться. Стал гладить его по ягодицам и половым органам, просил его потрогать мои – он трогал, просил взять в рот – он брал, но удовлетворения не наступало. И тут я решил совершить половой акт через анальное отверстие. Я повернул его к себе спиной, поставил на что-то, наклонил его и стал пытаться вводить свой половой член в его задний проход. Мальчик стал кричать, что ему больно, вырываться. Введение не получилось, стало почему-то противно, и я прекратил свои действия. Семяизвержения не было.

Из показаний потерпевшего 1991 г. р.: снял с меня штаны, потом снял с себя, трогал мою попку и письку, потом я не помню, что он со мной делал.

Из протокола допроса испытуемого от 22.05.97 г.: я решил удовлетворить свою половую страсть путем разговоров с ним на сексуальную тему и путем прикосновения к нему. Одной рукой трогал мальчика, другой возбуждал себя. Потом решил сымитировать половой акт, вводил половой член ему между ног, член был в напряженном состоянии. Потом я решил ввести ему член в задний проход. Вводить член в задний проход я не хотел.

Со слов испытуемого: ранее алкоголь ослаблял влечение к мальчикам, так как улучшал настроение, однако в день правонарушения, наоборот, влечение усилилось, и когда увидел мальчика, то не мог сдержаться.

Заключение. У испытуемого выявляется аномалия сексуального влечения в форме гомосексуальной

педофилии, преждевременное половое развитие. Выявляющееся у испытуемого расстройство полового влечения в форме гомосексуальной педофилии оказало существенное влияние на его поведение в ситуации инкриминируемого ему деяния.

Вменяемость, т. е. способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, наряду с возрастом, является одной из основных характеристик субъекта преступления. Определение вменяемости при половых преступлениях, наряду с судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизами, наиболее целесообразно в рамках комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы.

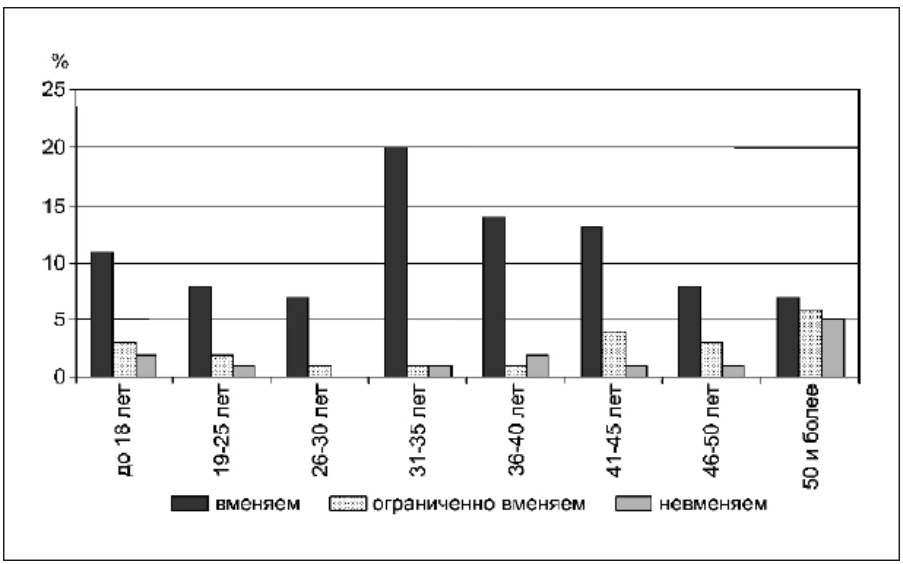


Рис. 35. Распределение лиц, признанных вменяемыми, ограниченно вменяемыми и невменяемыми, в зависимости от возраста

Для комплексной оценки вменяемости необходимо рассмотреть ее зависимость от возраста субъекта преступления, нозологической формы в рамках классификации психических и поведенческих расстройств. Данные, полученные при изучении указанных зависимостей, представлены на рисунках 35–37.

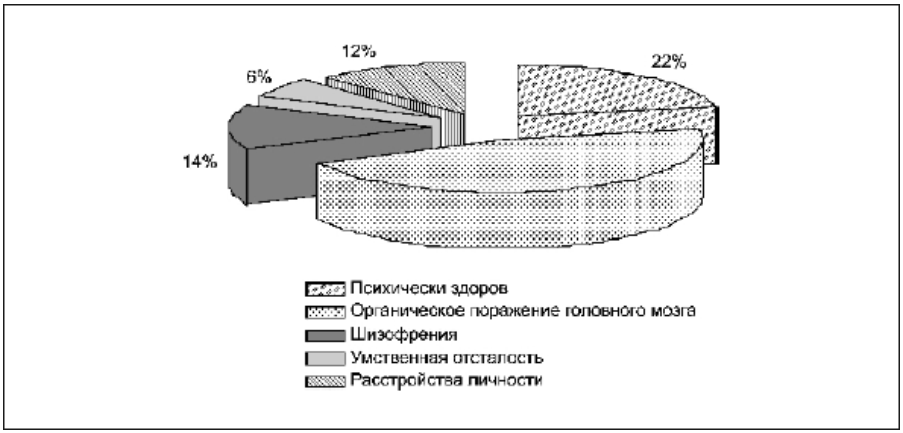


Рис. 36. Распределение лиц, совершивших ненасильственные сексуальные преступления, по диагностическим формам

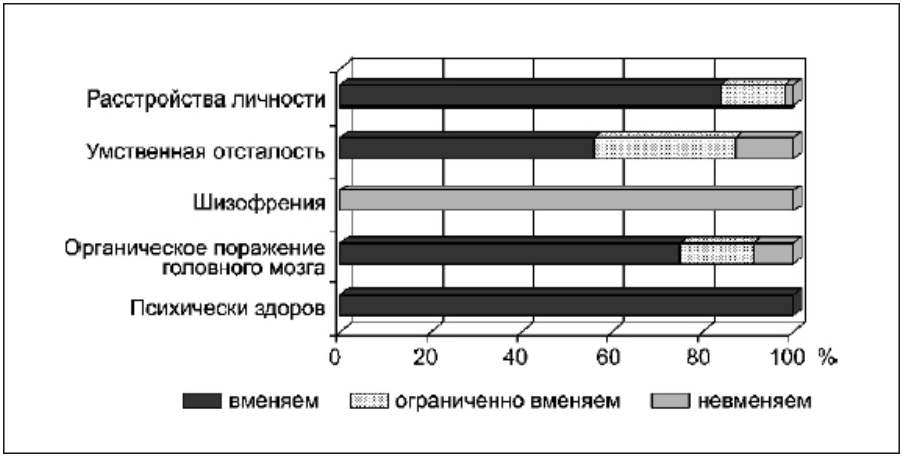


Рис. 37. Распределение субъектов преступления в зависимости от нозологической формы и вменяемости

Приведенные данные свидетельствуют о зависимости экспертных решений от выставляемого диагноза без учета патологических нарушений сексуального влечения.

Психологические особенности личности преступников данной группы находились в сильной зависимости от расстройств сексуальных влечений в форме педофилии и от гетеро/гомосексуальной ориентации. Указанную группу лиц отличает низкий уровень мужских черт в базовой полоролевой идентичности. В группе педофилов гомосексуальной ориентации отмечается меньшая фемининность базовой полоролевой идентичности, по сравнению с гетероориентированными, у гомосексуальных педофилов выявляется отрицательное эмоциональное отношение к «женщине», при этом образ

«женщины» не соотносится с представлением о «сексуальном партнере», а также отмечается деперсонифицированность восприятия образа «ребенка». Таким лицам была свойственна гиперкомпенсация мужской роли за счет директивных установок и независимости от окружающих. Для гетеросексуальных преступников характерным являлось преобладание позитивного восприятия образа ребенка и выраженная зависимость их поведения от окружающих. В целом же у лиц с педофилией отмечались полоролевая и личностная незрелость, установление ассоциативной связи «Я-ребенок», а также минимальная выраженность собственных маскулинных качеств. Кроме того, при выборе сексуального объекта наблюдаются нечеткость, недифференцированность восприятия возрастных качеств объекта сексуального влечения, который наделяется явно не соответствующими ему взрослыми качествами, что свидетельствует о значительной роли механизма идентификации в ситуации реализации сексуального влечения, а именно при выборе объекта аномального сексуального влечения.

Некоторые испытуемые имели значительно выраженные черты инфантилизма на фоне снижения черт зрелости, что сближало их по психологическим характеристикам с жертвами; в других случаях сексуальный преступник, совершивший развратные действия в отношении ребенка, вообще не обладал способностью дифференцировать объект с точки зрения возрастных параметров; а в ряде случаев значительное расхождение между степенью выраженности возрастных черт в образах «Я-идеальное» и «Я-реальное» может обусловливать гиперкомпенсаторную потребность доминирования в социальных отношениях, которые могут реализовываться в сексуальном предпочтении.

Проведенное комплексное исследование личности сексуального преступника позволяет говорить о двух подходах к их типологии. В отношении лиц, совершивших сексуальное насилие, более целесообразно разделение по наличию или отсутствию патологии сексуальных влечений, которая влияет на способ реализации криминального сексуального поведения. Относительно лиц, совершивших ненасильственные сексуальные преступления в отношении детей, типологию преступников целесообразнее проводить исходя из специфики механизмов криминального поведения.

Глава 6
Порнография и проституция как криминальные формы сексуального поведения и негативные социальные явления

«Вселенная соблазна оказалась для меня существенной составной частью того, что радикально противостоит производству. В данной вселенной вещи не порождаются, не фабрикуются, не создаются для ценностного мира – здесь происходит их совращение. Совращенная вещь уже не ориентирована на ценность, а значит, на сферу самотождественного, реального… Совращение – первое из преступлений».

Жан Бодрийяр

6.1. Социальный феномен порнографии и его криминальные формы

Явление порнографии – сложный социально-правовой феномен, который может быть рассмотрен, как минимум, в трех аспектах:

1) в уголовно-правовом аспекте – как криминальная деятельность, связанная с незаконным изготовлением в целях распространения или рекламирования, распространение и рекламирование, а равно незаконная торговля печатными изданиями, кино– или видеоматериалами, изображениями или иными предметами порнографического характера (ст. 242 УК РФ); «изготовление, хранение или перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования порнографических изображений с несовершеннолетними, а равно их привлечение в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера» (ст. 242^1 УК РФ в ред. Федерального закона от 08.12.03 г. № 162-ФЗ);

2) порнография и демонстрация сексуального насилия в СМИ как негативное социальное явление, направленное на разрушение моральных устоев и нравственности общества;

3) порнография как фоновый криминогенный фактор, наряду с другими такими явлениями, как алкоголизм, наркомания, бродяжничество и проституция.

Четкая правовая дефиниция термина «порнография» и критерии экспертной оценки до настоящего времени отличаются неопределенностью. Так, порнографическими предметами и материалами признаются произведения, основным содержанием которых является грубо-натуралистическое, детальное изображение анатомических и(или) физиологических подробностей сексуальных отношений.[589] Порнографические предметы – это предметы, имеющие крайнюю непристойность, циничность в изображениях, связанных с сексуальными отношениями.[590] Другие авторы определяют порнографию как материалы, общим признаком которых является стимуляция интереса к сексу.[591]

В американском законодательстве критерии, определяющие «непристойные материалы», которые могут быть запрещены, были сформулированы в ходе судебного разбирательства «Миллер против штата Калифорния» в 1973 г. и состоят из трех пунктов:

1) если средний человек, рассматривающий произведение с

точки зрения стандартов современного общества, обнаружит, что в целом оно вызывает сексуальный интерес;

2) если работа изображает сексуальное поведение «откровенно агрессивным образом»;

3) если произведение в целом не имеет «значительной литературной, художественной, политической или научной ценности».[592]

Таким образом, понятие «непристойность» в американской юстиции является правовым термином.

Статья 12 главы 16 «О преступлениях против общественного порядка» УК Швеции, предусматривающая уголовную ответственность за распространение порнографии среди детей и молодежи, определяет последнюю как «литературу, изображения или техническую запись, которые, исходя из их содержания, могут привести к грубости или жестокости или иным образом создать серьезную опасность для морального воспитания молодежи».[593]

В УК Австрии наказуемыми являются порнографические изображения с малолетними (§ 207a десятого раздела «Преступные деяния против нравственности»), к которым относятся «фотографические изображения сексуального действия в отношении малолетнего лица или малолетнего лица в отношении себя самого, на другом лице или с животными, рассматривание которых при известных обстоятельствах создает впечатление, что при их изготовлении такое сексуальное действие происходило в действительности».[594]

Четкое правовое определение порнографии содержится в § 204 главы 19 «Преступления сексуального характера» уголовного законодательства Норвегии: «Под порнографией в настоящем параграфе имеются в виду сексуальные изображения, которые действуют вызывающе или иным способом умаляют ценность человека, разлагают или унижают; сексуальные изображения включают те, в которых используются дети, трупы, животные, насилие и принуждение. Под детской порнографией подразумеваются движущиеся и статичные сексуальные изображения с использованием детей, тех, кто считается детьми, или тех, кого представляют как детей. Порнографией не считаются сексуальные изображения, которые должны рассматриваться как дозволительные с художественной, научной, информационной или подобной точки зрения».[595]

Швейцарское уголовное законодательство определяет порнографию как «издания, звукозаписи, фотографические снимки, изображения, другие предметы подобного вида или представления, которые по своему содержанию включают в себя

сексуальные действия с детьми или с животными, с человеческими экскрементами или насильственную деятельность» (ст. 197 пятого раздела «Преступные деяния против половой неприкосновенности» УК Швейцарии).[596]

Проведя сравнительно-правовой анализ, можно выделить несколько общих критериев криминального характера порнографических изображений. Во-первых, это сексуальные действия с участием детей или демонстрация детям. Во-вторых, криминальной является демонстрация сексуальных действий при помощи принуждения или насилия. На наш взгляд, выделенные критерии являются вполне достаточными для разграничения криминальных и легитимных форм порнографии. Для сравнения приведем критерии порнографии УК Турции: «…любые предметы или изображения непристойного содержания, оскорбляющие чувство стыда, возбуждающие или эксплуатирующие сексуальные желания людей» (ст. 426–428 восьмого раздела «Преступления против общественной нравственности и семейного уклада» УК Турции).[597]

Исторически один из первых процессов о непристойности проходил в Англии в 1727 г. Обвинитель Суда королевской скамьи в Вестминстер-холле сэр Филипп Йорк произнес речь, не потерявшую своей актуальности и в настоящее время. Он сказал: «Я настаиваю на утверждении, что это преступление… ведет к развращению нравов подданных короля. Благоденствие предполагает, что порядок считается нарушенным даже в тех случаях, когда не было совершено явное насилие… Я не стану утверждать, что каждый аморальный поступок, например обман, должен быть рассмотрен в суде, но если он оказывает разрушительное воздействие на нравственность в целом, если влияет или может повлиять на королевских подданных – это преступления общественного уровня».[598]

Основные исследования в отношении порнографии с уголовно-правовых и криминологических позиций сосредоточены вокруг нескольких актуальных тем (влияние на нормальное психосексуальное и нравственное развитие молодежи, насильственные сексуальные преступления и формирование аномальных, в том числе криминальных, форм сексуального поведения).

В вопросе о влиянии порнографии на насильственные формы сексуального поведения и формирование его аномальных форм много спорного и неоднозначного. Исследователями было обнаружено, что порнография может оказывать различное воздействие на индивида. Потребление порнографических материалов конкретным индивидом, кроме сексуального

возбуждения, может вести к изменению в установках, ценностях и поведении. Связь сексуального материала и возбуждающего воздействия была показана в целом ряде работ американских исследователей.[599] Однако результат этих многочисленных исследований носит парадоксальный характер и заключается в том, что менее откровенные сексуальные материалы оказывали более возбуждающее действие, чем «жесткая порнопродукция».[600] Другими значительными результатами в этих исследованиях являются выводы: во-первых, сексуальное возбуждение может вырабатываться путем классического обусловливания определенными стимулами, т. е. практически действует по механизму «павловских условных рефлексов»;[601] во-вторых, интенсивное потребление порнографии с течением времени приводит к тому, что сексуальные отношения с половыми партнерами заменяются на сексуальные отношения без эмоциональной привязанности.[602]

В работе D. Zillmann, J. Bryant предлагается «модель возбуждения и валентности», которая призвана объяснить воздействие порнографии и эротики на мотивированную агрессию.[603] Модель состоит из четырех положений:

1) приятная и не возбуждающая эротика снижает агрессивность, нейтрализуя чувство гнева у спровоцированного субъекта;

2) неприятная и не возбуждающая эротика повышает агрессивность и усиливает чувство раздражения;

3) неприятная и не возбуждающая эротика повышает агрессивность, так как усилившееся чувство раздражения сохраняется и переносится на другие ситуации;

4) приятная и возбуждающая эротика создает атмосферу умиротворения, а не возбуждения.[604]

E. Donnerstein в серии экспериментов определил, что связь между порнографией и агрессией зависит от трех факторов:

1) уровня возбуждения, вызываемого просмотренным материалом;

2) уровня агрессивности в содержании материала;

3) реакции жертв, изображенных в материале.[605]

Если при просмотре порнографического материала гнев и возбуждение провоцируются женщиной, то после этого испытуемый становится более агрессивным в отношении женщин. Клинически это подтверждается тем фактом, что многие насильники перед совершением преступления были расстроены, унижены или оскорблены женщинами.[606] Исследования N. M. Malamuth, M. Hein, S. Feshbach показали, что при просмотре сцен сексуального насилия возбуждение у испытуемых наступало в

том случае, если насилие нравилось персонажу-жертве.[607]

Изменение ценностей и установок под влиянием просмотра порнографии объясняется механизмом десенсибилизации – постепенным изменением системы ценностей, когда ранее неприемлемые формы сексуального поведения становятся привычными в результате регулярного воздействия сексуальной информации.[608] Достаточно ярко описывают этот процесс сами авторы: «Только порнография демонстрирует мужчин и женщин, испытывающих большое сексуальное наслаждение от сношения со многими партнерами, по очереди или одновременно… И только в фильмах этого жанра можно увидеть такие формы секса, как фелляция, когда мужской половой член полностью исчезает во рту женщины, или коитус, при котором пенис невероятных размеров вызывает болезненный экстаз партнерши. Сексуальный опыт реальной жизни по сравнению с такими фильмами кажется совершенно неинтересным».[609]

Фактор изменения поведения в крайнем варианте может принимать жесткие деструктивные формы как в случае сексуальных преступлений-копий, особенно у лиц с повышенной внушаемостью и слабостью интеллектуальной деятельности. Если механизм изменения установок и ценностей обозначен как десенсибилизация, то изменения поведения в англоязычной литературе получили название дезингибиции. Неоднократный просмотр сцен сексуального насилия позволяет человеку более терпимо относиться к насилию в жизни, ослабляя сдерживающие морально-этические факторы. Исследования L. Baron, M. Straus (1987) обнаружили высокую корреляцию между изнасилованием и тиражами порножурналов.[610]

J. H. Court условно делит порнографию на агрессивную и неагрессивную. Он полагает, что «порнонасилие» действует по принципу «волнового эффекта» в области аттитюдов к женщинам и сексуальному поведению, демонстрируя связь между изменениями в законодательствах европейских стран в области доступности порнопродукции и изменениями в статистике изнасилований, что позволяет говорить о существовании прямого причинного влияния в области сексуальной агрессии.[611]

По отношению к СМИ используется термин «информация сексуального содержания», которая характеризуется различной степенью «сексуальной откровенности».[612] По данным проведенного социологического опроса 30 % американских подростков бóльшую часть информации о сексе получают из просмотра телепередач.[613]

В 1986 г. комиссия американского Генерального прокурора Миза выделила пять критериев информации, которая

классифицируется как порнография:

1) материалы, изображающие сексуальные преступления;

2) не связанные с физическим насилием материалы, изображающие унизительные и оскорбительные действия или же сцены подавления личности (доминирования и подчинения);

3) откровенные сцены, не связанные с физическим насилием и оскорбительными действиями (как правило, изображение полового акта, проходящего при взаимном согласии партнеров и без применения физического насилия);

4) показ обнаженного тела;

5) детская порнография (сексуальная эксплуатация детей). [614]

Тема влияния порнографии на сексуальное насилие, как видно из приведенного анализа, многообразна и далека от своего окончательного решения и поэтому нуждается в дальнейших разработках и исследованиях, как со стороны юристов, так и со стороны психологов, сексологов и ученых других смежных специальностей. Заканчивая обзор, хочется привести резюме американского криминолога К. Бартола: «Связь между порнографией, содержащей сцены насилия, и сексуальной агрессией изучена не до конца и вызывает тревогу. Хотя сексуально возбуждающая порнография, в которой нет жестокости, должна быть доступной в свободном обществе и, возможно, обладает какой-то социальной ценностью, “усиленная” изображением насилия порнография не имеет никакой оправдывающей ее существование ценности. Ее вредное воздействие, однако, трудно исчислить, но ясно, что оно касается определенной подгруппы людей». [615]

В отношении негативного влияния порнографических материалов непосредственно на криминальное сексуальное поведение имеются данные, полученные в 1994 г. V. Cline на материале исследования заключенных за сексуальные преступления. Им были сформулированы четыре основных вида поведенческих проявлений вследствие воздействия порнографии – так называемый «синдром четырех факторов»: зависимость, эскалация, десенсибилизация и тенденция к подражанию или копированию моделей сексуального поведения. [616] Зависимость возникла в самом начале потребления порнопродукции, после чего отмечался эффект эскалации, когда требовались более сильные стимулы. Третий этап – десенсибилизации – заключался в том, что неадекватные, асоциальные и извращенные формы сексуальной активности воспринимались как вполне адекватные с соответствующим изменением морально-этических стандартов. На последнем, четвертом, этапе происходило копирование

увиденного сексуального поведения, в том числе и криминальных форм – изнасилование, садомазохизм, секс с детьми. V. Cline писал: «За исключением всего лишь несколько случаев, порнография была либо первопричиной, либо второстепенным фактором, способствующим развитию сексуального отклонения или сексуальной зависимости… от которой они не могли избавиться и не были способны ни изменить, ни остановить, как бы негативно это не сказывалось на их жизни».[617]

Изложенные представления о негативном влиянии порнографии на личность и возможность выработки и стимулирования насильственных форм сексуального поведения в целом укладываются в общую модель формирования аддиктивных (зависимых) и созависимых стереотипов, включая девиантные формы как по способу реализации (насилие), так и по объекту влечения (педофилия, эфебофилия, зоофилия). С этой моделью хорошо согласуется «синдром четырех факторов», описанный V. B. Cline.[618]

Другим подходом, объясняющим воздействие порнографии с учетом индивидуальных особенностей личности, может служить модель, построенная на понятиях личностной и половой идентичности.

В 1959 г. Филлис и Эберхард Кронхаузен опубликовали книгу «Порнография и Закон»,[619] с которой связывается начало эпохи сексуальных революций. Авторы ввели понятие эротического реализма и пришли к выводам о том, что литературное описание половой жизни существует на протяжении всей истории человеческой культуры и между эротическим реализмом и порнографией можно провести четкие границы. Под эротическим реализмом они понимали протест художника или писателя против отрицания обществом реальности жизни. В последующем понятие реальности, с учетом особенностей СМИ, в том числе Интернета, трансформируется в понятие «гиперреальности» общества постмодерна (Ж. Бодрийяр). «Нет смысла выяснять, какие фантазмы таятся в порнографии (фетишистские, перверсивные, первосцены и т. п.): избыток “реальности” перечеркивает и блокирует любой фантазм».[620] Таким образом, гиперреальность порнографии уничтожает реальность сексуального поведения. Зависимость, или аддиктивное поведение, по мнению Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриевой, представляет собой поведение, которое характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния.[621]

Уход от реальности может производиться совершенно различными способами от химической зависимости при

наркомании, гэмблинге, сексуальной аддикции, общими моментами которых выступает выработка индивидуальных стереотипов поведения и мотивационных структур, которые, доминируя в сознании, становятся центральной идеей. В сфере сексуального поведения клинически выделяется существование трех взаимосвязанных видов аддиктивности: любовная (эротомания, небредовая патологическая любовь), сексуальная и аддикция избегания. Общими особенностями лиц с такими формами аддиктивного поведения являются: проблемы с установлением адекватного уровня самооценки, нечеткость границ собственного Я и неспособность реальной оценки окружающих, поведенческие проблемы, связанные с выражением чувств и реализацией активности и контроля (они либо нуждаются в постоянном контроле со стороны, либо сами стремятся контролировать других), формирование собственных систем верований, ценностей и убеждений, которые в дальнейшем формируют искаженную систему реальности.

Влияние порнографии на зависимые формы поведения довольно четко сформулированы Э. Гидденс: «Порнография без труда становится аддиктивной благодаря своему замещающему характеру. Женское соучастие гарантировано, но порнографическое представление не может сдерживать противоречивых элементов мужской сексуальности. Сексуальное наслаждение, которое демонстрирует женщина, подобно прикрепленному ярлыку с указанием цены – потому, что существо, которое дает свидетельство такого неистовства, можно рассматривать как требование наслаждения, которое подлежит исполнению».[622]

Исходя из рассмотренных подходов, первым общим звеном формирования зависимых форм поведения, отражающим индивидуализированный характер воздействия, являются “слабость self’, «нарушение, размытость границ Я», что может быть рассмотрено как синдром «диффузной идентичности». В отношении криминального сексуального поведения субъекты преступления часто характеризуются нарушением половой идентичности и психосексуальных ориентаций.

Идентичность, по Э. Эриксону, это тождественность самому себе или конфигурация, в которую интегрирована предрасположенность, особенности либидных потребностей, предпочитаемые способности, действенные защитные механизмы, успешные сублимации и осуществляемые роли.[623]

Идентичность следует рассматривать не как что-то неизменно данное, но как постоянный динамический процесс, происходящий в личности, а точнее создающий ее. Он направлен,

с одной стороны, на поддержание постоянства (идентификация), с другой – на изменение и развитие личности. Нарушения данного процесса могут выступать факторами, влияющими на различные формы криминального сексуального поведения.

Учитывая общественную опасность порнографии, 12 сентября 1923 г. в Женеве была принята международная Конвенция «О борьбе с распространением и торговлей порнографическими изделиями», к которой 8 июля 1935 г. присоединился СССР. В соответствии с конвенцией в СССР был издан общесоюзный Закон «Об ответственности за изготовление, хранение, рекламирование порнографических изделий, изображений и иных предметов и за торговлю ими». Однако еще УК РСФСР 1922 г. в ст. 182 предусматривал уголовную ответственность за изготовление, распространение, рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений и иных предметов, а также торговлю ими или их хранение с целью продажи или распространения. В УК РСФСР 1960 г. существовала ст. 228 «Изготовление или сбыт порнографических предметов», которая практически полностью повторяла положения УК РСФСР 1922 г. Объективная сторона преступления включала в себя изготовление, распространение, рекламирование порнографических предметов, а также торговлю или хранение их с целью продажи или распространения. Субъективная сторона выражалась в форме прямого умысла, в связи с чем субъект преступления должен был осознавать порнографический характер предмета. Санкция за указанное преступление предусматривала лишение свободы до трех лет либо штраф до трех минимальных МРОТ с конфискацией как самих материалов, так и средств их производства.[624] Уголовный кодекс 1996 г. ввел специальную ст. 242 об уголовной ответственности за незаконное распространение порнографических материалов или предметов, исключив из объективной стороны предыдущей редакции УК РСФСР хранение, и сделал шаг в сторону смягчения санкций: штраф в размере от пятисот до восьмисот МРОТ или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти до восьми месяцев либо лишение свободы на срок до двух лет. Принципиальной новеллой УК стало введение Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 242[1] «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».[625]

Нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за порнографию, содержатся в IX разделе УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Таким образом, под родовым

охраняемым объектом подразумевается общественная безопасность и общественный порядок, что практически совпадает с представлениями Ф. Йорка, высказанными еще в 1727 г.[626] Видовой объект незаконного распространения порнографии отражен в названии главы 25 УК РФ – «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Непосредственным объектом данного состава преступления выступает общественная нравственность, т. е. совокупность общественных отношений, определяющих представления о пристойности и непристойности, гуманности и негуманности, моральности и аморальности.[627] Уголовно-правовой анализ признаков ст. 242 УК РФ связан с определенными трудностями, так как в диспозиции статьи использован признак «незаконное», который означает бланкетность уголовно-правовой нормы с отсылкой на другие правовые нормы и, соответственно, подразумевая законные способы изготовления и распространения порнографии, которые никакими правовыми актами не предусмотрены. В комментариях к данной статье УК Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева незаконность как признак объективной стороны выражается в следующих действиях:[628]

а) незаконное изготовление в целях распространения (создание любым способом материала или предмета порнографического содержания без соответствующего разрешения либо в нарушение установленных правил с целью ознакомления других лиц с ними независимо от формы такого ознакомления);

б) незаконное изготовление в целях рекламирования (те же самые действия с целью вызова интереса к материалу или предмету у иных людей);

в) незаконное распространение (в нарушение установленных правил или без соответствующего разрешения доведение до сведения других лиц материалов и предметов порнографического характера);

г) незаконное рекламирование (в нарушение установленных правил или без соответствующего разрешения сообщение иным гражданам о наличии таких материалов и предметов, их содержании, условии приобретения и т. п.);

д) незаконная торговля (реализация порнографических материалов и предметов иным лицам за определенную плату лицом, не имеющим лицензии, в запрещенных местах, в нарушение порядка торговли, в том числе продажа несовершеннолетним, и т. п.).

Непосредственным объектом по ст. 242[1] УК «Изготовление и

оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» будут являться общественные отношения, обеспечивающие нормальное психосексуальное и нравственное развитие несовершеннолетних, которое нарушается при их участии в качестве исполнителей при производстве материалов и предметов порнографического содержания. В то же время эта норма направлена на охрану общественной нравственности, предотвращает возможность формирования девиантных сексуальных стимулов, объектом которых могут выступать несовершеннолетние и малолетние, а способом реализации – принуждение и насилие.

Признаками объективной стороны состава преступления по ст. 242[1] будут являться:

а) в содержании порнографических материалов изображение заведомо несовершеннолетних;

б) перемещение через Государственную границу данных материалов; где под перемещением следует понимать любые действия по ввозу или вывозу с территории РФ данной продукции, включая пересылку в почтовых международных сообщениях, электронную почту и другие средства связи;

в) привлечение заведомо несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

г) хранение в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования указанных материалов, при этом хранение относится к длящимся преступлениям и, соответственно, будет являться оконченным с момента начала хранения.

Субъектом преступлений по ст. 242 является лицо, достигшее 16-летнего возраста, в то же время по ст. 242[1] предусмотрены только специальные субъекты. В ч. 1 это – лицо, достигшее 18-летнего возраста, в ч. 2 субъектом преступления выступают: родители; лицо, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего; педагоги; работники воспитательных, образовательных, лечебных либо иных учреждений, обязанные осуществлять надзор за несовершеннолетним. Введение широкого круга специальных субъектов в ч. 2 ст. 2421 мера, совершенно оправданная и давно используемая в законодательствах зарубежных государств (например, в УК Германии) в отношении криминальных форм сексуального поведения.

В двух случаях по ст. 242 УК возможно рассматривать совершение преступлений по совокупности: 1) если субъектом преступления выступает специальный субъект – должностное

лицо и, соответственно, действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 242 и 285 («злоупотребление должностными полномочиями») УК РФ,[629] и 2) при распространении порнографических материалов среди лиц, не достигших 16-летнего возраста (в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2004 г. № 73), или их ознакомлении – тогда действия квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 242 и 135 УК, однако и в этом случае предусмотрен специальный субъект преступления – лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 242 и 242^1 УК, характеризуется прямым умыслом, однако отсутствие четкого правового определения понятия «порнография» ставит под вопрос принцип субъективного вменения. Прямой умысел, с которым совершается преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ, предполагает, что субъект, не обладающий специальными познаниями, должен представлять, какой предмет является порнографическим. В связи с этим совершенно справедливым представляется мнение А. В. Наумова о том, что «порнографический характер материала или предмета должен быть, как правило, очевидным для любого обычного человека, не обладающего специальными познаниями».[630] При неочевидности такого осознания нельзя говорить о прямом умысле виновного, и, соответственно, становится возможным только объективное вменение, которое запрещено действующим уголовным законодательством (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Рис. 38. Динамика преступлений, связанных с незаконным распространением порнографических материалов или предметов, с 1997 по 2005 г. на территории РФ

Зарубежное законодательство в отношении порнографии отличается достаточно последовательной уголовно-правовой политикой. В Ирландии с 1998 г. действует Закон о торговле детьми и порнографией, цель которого – запретить торговлю или

использование детей для сексуальной эксплуатации, а также производство, распространение, применение или обладание детской порнографией. Под ребенком в Законе понимается лицо моложе 17 лет. В Законе оговаривается несколько составов преступления: организация и пособничество в торговле и сексуальной эксплуатации детей (санкция – вплоть до пожизненного заключения); разрешение ребенку участвовать в создании порнографии (санкция – до 14 лет лишения свободы); хранение детской порнографии (санкция – до 5 лет лишения свободы или штраф 5 тысяч фунтов стерлингов).

В Австрии действует Закон о борьбе с непристойными публикациями и о защите молодежи от опасной нравственной порчи, согласно которому публикация порнографических и других материалов, нарушающих нормы общественной нравственности, является преступлением. В Великобритании публикация непристойной статьи является преступлением, влекущим административную и уголовную ответственность. Материал считается непристойным, если его содержание «способствует развращению и растлению граждан». Германское уложение от 1871 г. оперировало понятием «бесстыдные произведения», которые направлены на возбуждение полового инстинкта и грубо нарушают пристойность в половом отношении. [631] В Германии Уголовный кодекс предусматривает наказание за продажу порнографических материалов лицам моложе 18 лет. Также запрещено распространение порнографии, которая «изображает насилие, надругательство над детьми, или издевательство над ними, или сексуальные действия с детьми».

В марте 2001 г. в правительстве Канады рассматривался законопроект по борьбе с детской порнографией в Интернете, согласно которому преступлением будут считаться не только производство и распространение в Интернете непристойных сцен с участием детей, но и просмотр подобной продукции. В первом случае преступник, чья вина будет доказана, может быть приговорен к десятилетнему тюремному заключению, а для посетителей страниц, на которых демонстрируется детская порнография, предусмотрены сроки до пяти лет. В Нидерландах УК предусматривает ответственность за распространение порнографии. В США Верховный суд объявил, что «непристойности», т. е. определенная группа выражений с откровенно сексуальной окраской, полностью не подпадают под гарантии, данные первой поправкой к Конституции.

В уголовном законодательстве Швеции существует понятие «детская порнография», и лицо подлежит уголовной ответственности даже в случае простого хранения дома журналов,

фотографий или кассет с изображениями детей без намерения их распространять. УК Франции предусматривает ответственность за изготовление и хранение порнографических материалов для целей продажи, распространения, проката, расклеивания или выставления. Уголовный кодекс Испании содержит две статьи (ст. 186, 189 УК Испании), в которых предусмотрена ответственность за распространение любым способом порнографических материалов лицам, не достигшим 16-летнего возраста, и использование в порнографических целях лиц, не достигших 18-летнего возраста. Уголовное законодательство Швейцарии (ч. 5 ст. 197 пятого раздела «Преступные деяния против половой неприкосновенности» УК Швейцарии) предусматривает ответственность за распространение порнографии среди несовершеннолетних, не достигших 16 лет, и демонстрацию таких предметов в общественных местах. На Украине в ноябре 2003 г. принят Закон «О защите общественной морали от продукции, пропагандирующей порнографию», основными положениями которого предусмотрена недоступность порнографических материалов для несовершеннолетних, ее продажа в специализированных местах, запрет объявлений об интимных услугах, в том числе имеющих девиантный характер.

Нечеткость правового определения понятия порнографии, которое сегодня используется в нашем законодательстве, создает опасность двойственной или неправильной интерпретации этого явления и, как следствие, затруднения в реализации данной нормы уголовного права.

Искусствоведческие экспертные решения по отнесению фильмов к категории порнографических включают восемь критериев:[632]

а) отсутствие концепции фильма и художественных принципов его построения (сюжета, интриги, драматургической разработки действия и т. д.);

б) если основное экранное время посвящено показу физиологии полового акта;

в) если отдельные сцены и эпизоды повествовательно не мотивированы;

г) если антураж, костюмы, музыкальный фон, композиционные решения и другие средства художественной выразительности используются в иллюстративно-формальных целях;

8) если персонажи предстают лишь символами пола, не имеют характеров, психологически не проработаны, поданы лишь как носители различных типов темперамента, телосложения и т. п.;

е) однозначность изображаемого, отсутствие в нем метафорических смыслов, образных решений и других признаков художественной речи;

ж) если операторские решения (крупный план, прямые ракурсы, направленное освещение) ориентированы на детальный показ механики полового акта;

з) если диалоги действующих лиц скупы, не индивидуализированы, формальны или вовсе отсутствуют, шумы используются исключительно для подчеркивания акустических фактур полового акта.

Актуальность разработки принципов экспертной оценки порнографической продукции и медицинские аспекты дефиниции понятия порнографии отмечены в работе сотрудников лаборатории судебной сексологии ГНЦ ССП им. В. П. Сербского Г. Е. Введенского и А. А. Ткаченко (2004).[633] Дополнительными критериями квалификации порнографии авторы предлагают считать общественную опасность содержащихся в них сексуальных действий и форм половой активности.

1. По объекту сексуальных действий:

– сексуальные действия с несовершеннолетними;

– сексуальные действия с недееспособными лицами и лицами, находящимися в беспомощном состоянии;

– сексуальные действия с особыми объектами, при которых нарушается законодательство РФ (ст. 224 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными»).

2. По форме сексуальной активности:

– насильственные формы сексуальной активности, включающие принуждение или недобровольный характер одного из участников.

Критерии отличия порнографических и эротических материалов, разработанные специалистами Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан,[634] основаны на экспертном исследовании объектов по замыслу (содержание) и воплощению.

По замыслу (содержанию):

а) эротика предполагает наличие основной сюжетной линии, показывающей всю сложность и глубину человеческих переживаний, где показ сексуальных сцен является органическим продолжением, подтверждением глубоких эмоциональных переживаний героев; замысел порнографии достаточно одномерен, аналитичен и включает лишь одну идею – показ натурализма области гениталий и самого полового акта;

б) эротическое искусство самоценно, не утилитарно, оно исследует человеческий мир, открывает в нем новые грани; порнография жестко функциональна, она вызывает только сексуальное возбуждение;

в) целью эротики является показ новых сторон человеческого бытия, еще не понятых и не принятых массовым сознанием и отчасти нарушающих обыденные нормы благопристойности; порнография оперирует стандартными клише, и вследствие этого ее основной целью является нарушение общественных условностей, спекуляция на дефиците новизны – показе необычных форм половой жизни, сильнее возбуждающих людей;

г) эротика – это, прежде всего, средство свободного самовыражения художника; порнография – коммерция, тиражирование, массовость, стандартность, т. е. производство, нацеленное на получение прибыли;

д) эротика индивидуальна: как в исполнении, так и в предмете ее интересует неповторимое, своеобразное; порнография имеет дело со стандартным, деиндивидуализированным сексом, ее предметом является не личность, не индивидуальное тело, а гениталии;

е) эротическое искусство расширяет границы человеческой свободы, возводит в культ красоту человеческих отношений посредством показа красоты тела; порнография отрицает нравственность, унижает человека, превращая его в объект сексуальных манипуляций. В частности, унижение женщины показано посредством пропаганды традиционной идеологии мужского господства, закрепляя право на сексуальную эксплуатацию женщин.

По воплощению (приемам и средствам):

а) приемы и средства воплощения эротики используются таким образом, что увиденное или прочитанное скорее соблазняет и намекает на сексуальные действия, стимулирует, нежели показывает их; приемы и средства порнографии используются только для демонстрации чистой физиологии – натурализма гениталий и половых отношений;

б) по степени откровенности и детализации в эротических произведениях основное экранное время либо основной объем печатного текста посвящены отражению развития интимных, личностных отношений, демонстрации красоты тела и чувств человека. При этом каждое действующее лицо наделено определенным характером, его поступок окрашен эмоциональным и психологическим содержанием. Показ отдельных элементов сексуальных отношений не является самоцелью, а используется для подчеркивания психологической глубины эмоциональных

переживаний героев. При демонстрации того или иного фрагмента интимных, в том числе сексуальных, отношений, а также обнаженных тел (мужских, женских) используется общий либо средний план; отсутствуют прямые ракурсы съемок и направленность освещения; отсутствует акцент на анатомо-физиологических особенностях половых органов. В порнографии – преимущественное использование крупного плана, направленности освещения, а также прямых ракурсов съемки с целью фиксации деталей того или иного фрагмента сексуальных отношений либо анатомо-физиологических подробностей половых органов, актов естественных отправлений человеческого организма и пр. В печатных изданиях представление в натуралистической форме физиологии совокупления дается путем подробного описания сцен полового акта, их вариантов, различных форм сексуальных отклонений, анатомо-физиологических особенностей половых органов, актов естественных отправлений человеческого организма и пр., причем в таких понятиях и выражениях, когда они интерпретируются однозначно – без какого-либо иного смысла, кроме грубо-натуралистического, с указанием частных деталей того или иного фрагмента сексуальных отношений. Описываемые действия и детали представляются в непристойной форме, с использованием нецензурных выражений, а также набора терминов, которые отражают интимную и сексуальную стороны половых отношений в грубо-вульгарном, пошлом виде.

Экспертный подход к вопросу криминальности порнографии, по нашему мнению, один из возможных, но не самых лучших, вариантов решения проблемы. Кроме отмеченной проблемы объективного вменения, он имеет процессуальную проблему. Для вынесения постановления следователя или определения суда о проведении экспертизы на предмет отнесенности материала к порнографии необходимо возбуждение уголовного дела по ст. 242 или 2421 УК РФ. В то же время, чтобы возбуждать уголовное дело, следователь должен иметь критерии порнографического характера материала.

Поэтому целесообразно остановиться на выработке простых, понятных неспециалисту критериев запрещенных УК материалов. Такие критерии могут выглядеть следующим образом:

1) изображения, кино-, видеоматериалы и т. д. сексуальных действий с участием детей, животных или трупов;

2) изображение сексуального поведения, связанного с насилием, унижением или принуждением одного из партнеров или с лицами, находящимися в беспомощном состоянии.

Указанные критерии хорошо согласуются с уголовным

законодательством зарубежных стран и научными достижениями, полученными на данный период времени, при исследовании воздействия порнографии на психические процессы и поведение человека.

Криминологический анализ проблемы позволяет выделить некоторые особенности преступлений, связанных с незаконным распространением порнографических материалов и изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а именно:

1) отмеченная преступность носит профессиональный и организованный характер;

2) для совершения преступлений широко используются новейшие технические достижения в области компьютерных технологий и средств связи, в частности Интернет;

3) преступления в сфере незаконного распространения порнографии приобретают интернациональный характер;

4) данный вид криминального бизнеса, являясь высокодоходным, вовлекает в свои круги значительное число лиц и тесно связан с вовлечением в занятие проституцией и сексуальной эксплуатацией детей.

В уголовно-правовом плане представляется целесообразным внести следующие изменения.

1. Возраст субъекта по ст. 242^1 УК представляется неоправданно завышенным, так же как по ст. 135 УК, и его необходимо снизить до общего возраста наступления уголовной ответственности, предусмотренного ч. 1 ст. 20 УК РФ.

2. Учитывая, что незаконное распространение порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних наносит гораздо больший вред охраняемым законом общественным отношениям в сфере нравственного развития, необходимо в ст. 242 УК ввести квалифицированный состав преступления, предусматривающий деяния, содержащиеся в ч. 1 указанной статьи, но совершенные в отношении заведомо несовершеннолетних лиц.

3. Основываясь на криминологических особенностях преступления, предусмотренного ст. 242 УК, как связанного с незаконным извлечением сверхприбыли группами лиц по предварительному сговору и организованными группами преступников, ввести квалифицированным составом в ч. 2 совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц.

6.2. Социально-криминологическая характеристика феномена проституции

> *«Разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?»*
>
> *Ф. Энгельс*

Определить феномен проституции достаточно сложно, и сами определения, даваемые различными исследователями данного социального явления, зависят от взглядов и убеждений авторов, т. е. носят преимущественно субъективный характер. Так, К. Маркс определял проституцию как одну из форм эксплуатации рабочего класса, так как именно такое определение наиболее соответствовало рассмотрению истории как классовой борьбы. По мнению И. Гюйо, любая женщина, для которой финансовые отношения имеют более существенное значение, чем отношения половые, должна быть признана проституткой.[635]

Этимология слова “prostitum” означает «постыдная торговля своим телом».[636] Еще древнеримские юристы пытались дать определение проституции. Так, Ульпиан в Дигестах Юстиниана писал: «…публичным непотребством как ремеслом занимается не только та, которая проституируется в доме терпимости, но и та, которая бесстыдно продает себя – как это обыкновенно бывает – в увеселительном кабачке или в другом месте. Но под словом “публично” мы разумеем “всем и каждому, то есть без выбора” – следовательно, не такую женщину, которая отдалась, нарушив супружескую верность, или благодаря насилию, а такую, которая живет наподобие девки из публичного дома».[637] Христианская теология рассматривала проституцию как форму разврата, хотя однозначного отношения к ней как патристика, так и схоластика не выработали. Если в иудаизме разврат, блуд и проституция карались избиением камнями, то в христианстве вопрос Христа, кто должен первым кинуть камень, как известно, остался без ответа. А. Флекснер определил проститутку как «женщину, которая часто или иногда вступает с мужчинами в более или

менее несерьезные отношения и получает за это деньги или иного рода компенсацию».[638] Словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой определяет проституцию как «продажу женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию, а также с целью личного обогащения».[639] Следует отметить, что данные определения проституции представляют различные социологические подходы и не носят правового характера, кроме того, являются асимметричными в гендерном отношении, подразумевая, что проституцией занимаются только лица женского пола. Использование терминов «постыдная торговля», «несерьезные отношения» и т. д. переносит проблему из социально-правовой плоскости в область этическую, которая имеет релятивистский характер.

Рассматривая проституцию, можно выделить три аспекта, которые, на наш взгляд, в наибольшей степени отражают ее социальную сущность и не несут этической нагрузки.

Во-первых, рассмотрение проституции как возмездного промискуитета в обществах экономического типа, так как большинство определений основано на критерии платной, возмездной формы оказания сексуальных услуг. В связи с этим традиционным считается, что проститутки являются жертвами экономических факторов: материальной нужды, нищеты и обездоленности.[640] Экономические факторы и материальное благосостояние как один из главных факторов заинтересованности и вовлеченности лиц в занятие проституцией выделяют и другие авторы.[641] Проституция в современном значении этого слова представляет собой феномен сексуального поведения «обществ политической экономии» (Ж. Бодрийяр). Несмотря на то, что она бесконечно порицается моралистами, даже если из нее убрать экономическую мотивацию, она не исчезнет. С. Лем отмечал положительную сторону проституции, которая, в первую очередь, относилась к ритуальным ее формам, «она обеспечивает исполнимость вожделения людям, лишенным любого иного шанса из-за психофизиологических изъянов. Тогда оказание полового “оброка” увечным, возможно, было бы прекрасной моральной задачей для идейных добровольцев и доброволок».[642] Ритуальная проституция стирала понятия социального статуса и ролей и выступала соматической формой трансцендентного познания.

Противостоял ли социальный институт ритуальной, «храмовой» проституции институту семьи на исторической арене. Его рассмотрение нужно проводить крайне осторожно, так как любая реконструкция чревата субъективной интерпретацией, далекой от реальной исторической функции. Храмовая

проституция – это сексуальное поведение, которое не имеет связи с поведением репродуктивным. Она осуществлялась профессионалами в соответствии с определенно установленной процедурой, выступая, таким образом, институциональной формой поведения. Понятие приватности сексуального поведения на данном этапе человеческой культуры является нерелевантным. Сексуальность выступает как ритуальный и, соответственно, сакральный акт. Ее отнесение к области приватного сопровождается одновременно профанацией (десакрализацией), и в постиндустриальную эпоху происходит ее виртуализация (дереализация) с лозунгами типа “sex is fun”. В большинстве древних цивилизаций существуют культурно-ритуализированные кодексы половых отношений, сравнимые с современными руководствами по технической эксплуатации автомобиля. Наиболее известным из них является индийский кодекс «Камасутра». Такая ритуальность обеспечивает деперсонализацию сексуального партнера, эмоциональную отчужденность от него. В России проблема проституции остро стала возникать именно при переходе к рыночным отношениям.

Во-вторых, сексуальное поведение относится к интимной области человеческой деятельности, т. е. носит частный характер, проституция как социальное явление отражает перенос сексуального поведения в сферу публичных отношений. При этом следует оговориться относительно феномена храмовой проституции, которая относилась к явлениям сакрального, священного ряда, в противоположность профанному. Жертвенность в форме проституции в древнем мире, по свидетельству большинства историков, не носила экономического характера, плата имела символический характер и шла на нужды храма.

В-третьих, в психологическом плане проституция характеризуется психической и эмоциональной отчужденностью, или деперсонализацией (обезличиванием), безразличием к сексуальному партнеру, трансформацией его из эмоционального субъекта в сексуальный объект. К. Палья в связи с этим отмечает: «Превращение людей в сексуальные объекты – одна из характерных особенностей нашего вида. Оно никогда не прекратится, поскольку связано с художественным импульсом и может быть ему тождественно. Сексуальный объект – ритуальная форма, навязанная природе. Это тотем нашего причудливого воображения».[643]

Только сочетание отмеченных трех особенностей образует социальный феномен, называемый проституцией.

По данным социологического опроса Центра социального

прогнозирования, опубликованного Ф. Э. Шереги, 5,7 % опрошенных лиц женского пола в возрасте 12–22 лет занимаются проституцией, среди юношей этот показатель равен 1,8 %.[644] Доля представителей различных возрастных групп, занимающихся проституцией, в том числе профессионально, отражена на рисунке 39.

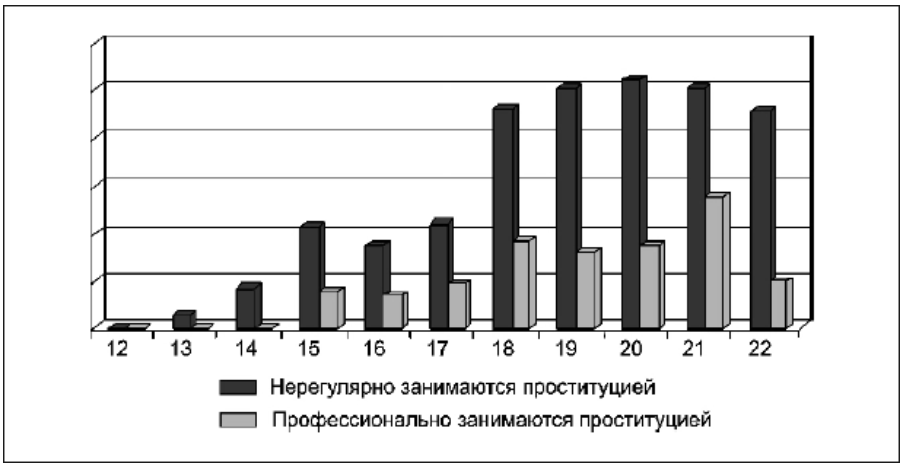


Рис. 39. Возрастное распределение лиц, занимающихся проституцией (по данным Ф. Шереги, 2004)

Отношение к проституции в нашей стране, как, впрочем, и во многих других странах мира, носит явно противоречивый характер, дискуссии в обществе по данному вопросу постоянно сопряжены с эмоциональными реакциями, которые подогреваются СМИ, и поэтому рациональные точки зрения по данному вопросу – чрезвычайно редкое явление. Двойственность отражается и в правовом отношении, она декриминализирована, но не легализована, так как в отечественном УК занятие проституцией не влечет уголовной ответственности, но в то же время является административным правонарушением в соответствии со ст. 6.11 КоАП РФ.

Довольно точно отношение к проституции сформулировал в 1929 г. в своей книге «Брак и мораль» британский философ Б. Рассел, удостоенный в 1950 г. Нобелевской премии: «Мораль половых отношений – если отбросить все предрассудки – по существу, состоит в глубоком уважении человеческого достоинства партнеров и в отказе от использования его или ее в качестве средства для удовлетворения половой потребности, не обращая при этом внимания на то, желает ли другой (другая) совершить половой акт. Вот почему проституция противоречит главному принципу морали…»[645]

Исторически можно говорить о трех видах отношения к феномену проституции: полный запрет (прогибиционизм), регламентация (разрешение занятия проституцией при определенных условиях, таких как постановка на учет, регистрация, медицинский контроль) и абсолютизм, или полное отсутствие каких либо запретов или контроля. Оптимальным, как правило, выступает срединный путь, или регламентация, т. е. какие-то социальные ограничения, вводимые на деятельность, связанную с проституцией. Путь абсолютизма является крайностью, и, как справедливо отмечает Я. И. Гилинский, «запрет и репрессии вообще малоэффективны в попытках искоренить то, что имеет социальные причины, пока последние существуют. Но если в борьбе с некоторыми видами социальной патологии, например с преступностью, запрет и наказание вынужденно необходимы (пока общество не нашло альтернативных мер защиты), то по отношению к проституции, гомосексуализму, потреблению алкогольных напитков и иным “преступлениям без жертв” запрет и репрессии скорее наносят вред, нежели приносят пользу».[646]

Детерминация, причины проституции крайне многообразны и вряд ли могут быть сведены к одному-единственному фактору. Во времена социальных кризисов, «аномии» общества количество проституток всегда возрастает в любом обществе, отражая степень нравственного упадка, «происходит снятие нравственных и психологических пут».[647] Однако, кроме этих объективных социальных причин, следует говорить и об индивидуальных обстоятельствах, которые «отражаются в личности, в ее психологии, мироощущении, отношении к самой себе и окружающему миру, к своему месту в нем».[648] В соответствии с этим можно говорить об огромном количестве субъективных причин и факторов проституции, для выяснения которых нужен комплексный, междисциплинарный подход не только криминологов, но и психологов, социологов, социальных работников, психиатров и, соответственно, интегрированные меры, направленные не только и не столько на борьбу с проституцией, сколько на ее социальный контроль и противодействие и борьбу с целым рядом криминальных и социально негативных явлений. По литературным данным, на поведение, предопределяющее риск проституции, большое влияние оказывают детские психотравмы на сексуальной почве: так, в Сан-Франциско 57 %,[649] а в Москве 39 % проституток стали жертвами полового насилия в детском и юношеском возрасте.[650]

Социальными факторами проституции выступают, прежде

всего: неопределенность в социальном статусно-ролевом отношении, несоответствие реального и желаемого социального статуса, низкая ролевая позиция, связанная с неквалифицированными или низкоквалифицированными видами трудовой деятельности, низким образовательным уровнем, выраженная личностная дезадаптация, часто сопровождаемая социальной отчужденностью на фоне высокого уровня притязаний, односторонней озабоченности в повышении социального статуса только путем материального благосостояния. Отдельные проявления сексуального поведения, основанные на какой-либо выгоде или «коммерческом сексе», этолог Д. Моррис отмечает даже в поведении приматов: «…самки обезьян предлагали себя самцам, сидящим в клетке, чтобы заполучить кусочки пищи, разбросанные на полу».[651] Однако с таким мнением можно не согласиться, так как описанное поведение укладывается в сексуальное поведение в рамках доминирования самца и подчинения самки, т. е. выступает как статусно-ролевое, а не коммерческое.

Не отрицая значимость социально-экономических факторов в генезе проституции, нельзя в то же время опираться на них как на основные и приоритетные, так как необходим комплексный исследовательский подход к рассматриваемой проблеме. Наряду с социальными предпосылками особую значимость имеют психологические особенности личности, которые определяют повышенную зависимость личности от внешних факторов и субъективных переживаний этих факторов.[652] Беспорядочные половые сношения, сопровождающиеся безразличием и деперсонализацией сексуального партнера, ведут к психологическому отчуждению на бессознательном уровне своей телесности как личностной ценности, десоматизации, чем объясняется отсутствие у проституток страха перед венерическими заболеваниями, физическим насилием и издевательствами.[653] Характеризуя отмеченный феномен, Ю. М. Антонян пишет: «Десоматизация не связана с психическими расстройствами в какой-либо форме, при ней человек, скорее всего, не теряет ощущения психических процессов либо измененности некоторых из них. Более того, отчуждение своего тела не ощущается и не охватывается сознанием и не может быть отнесено к расстройствам самосознания. Однако при отделении своего тела от личности оно начинает “восприниматься умом” и часто без надлежащего эмоционального сопровождения».[654]

Несмотря на тот факт, что эпонимически проституция является «древнейшей профессией», ее правовое определение носит довольно расплывчатый характер. Согласно ст.

1 международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г., проституцией является удовлетворение похоти одного лица другим за плату. М. А. Селезцев определяет проституцию как удовлетворение похоти одного лица другим лицом за плату путем непосредственного и прямого контакта партнеров независимо от их половой принадлежности.[655] И предлагает различать три формы ее проявления: акт проституции, занятие проституцией и эксплуатация проституции. Эксплуатация, в свою очередь, подразделяется на: а) сводничество, склонение или совращение другого лица в целях проституции; б) содержание и организация притонов для занятия проституцией. Однако с таким подразделением трудно согласиться по ряду причин. Невозможно определить акт проституции, так как сам термин «проституция» подразумевает длящийся во времени процесс, т. е. занятие, даже если оно носит эпизодический, ситуационный, «время от времени» характер, «она предполагает не единичные половые контакты с партнерами, а неконкретизированное по продолжительности и масштабу занятие».[656] Эксплуатация в приведенных формах носит криминальный характер, в то время как проституция – административный проступок, тем самым теряется общее правовое основание для классификации. Авторы комментария к УК определяют проституцию как «предоставление человеком за вознаграждение своего тела другому лицу для пользования им в целях удовлетворения половых потребностей».[657]

Как выраженное антиобщественное явление проституция должна рассматриваться в нескольких плоскостях: вовлечение в нее малолетних и несовершеннолетних, распространение заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП), в том числе ВИЧ-инфекции, распространение наркомании и пьянства, ее связь и эксплуатация организованной преступностью, направленность на подрыв общественной морали и нравственности, поддержание и распространение сексуальной девиантности. Поэтому, рассматривая проституцию как междисциплинарную проблему, нельзя недооценивать ее социальной опасности. По справедливому мнению И. В. Шмарова, проституцию следует рассматривать в качестве связующего звена и катализатора в цепи различных проявлений социальной патологии.[658]

Отношение общества к проституции является составным показателем его нравственного и идеологического состояния. В связи с этим представляют интерес данные социологического опроса, проведенного В. Е. Христенко, об изменении отношения к проституции, произошедшем в нашей стране в период с 1980 по

1996 г. (см. рис. 40).[659]

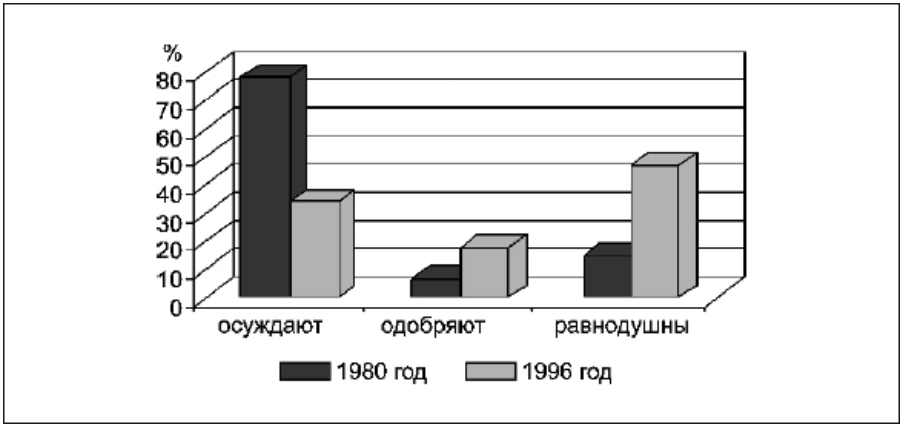


Рис. 40. Динамика отношения к проституции в российском обществе по данным социологических опросов

Одними из первых криминологов, занимавшихся подробно анализом проституции и непосредственно связывавших ее с женской преступностью, были Ч. Ломброзо и Г. Ферреро. Пытаясь найти характерные типологические особенности проститутки, они относили их к общим врожденным качествам, таким как: отвращение к труду, склонность к легкой жизни и безделью, равнодушие к родственным связям, сентиментальность и чувствительность по пустякам. Ч. Ломброзо и Г. Ферреро выделяли следующие виды проституции:

– традиционная продажа женщинами своего тела на улицах или в публичных домах;

– гражданская проституция, при отсутствии в обществе института брака и общности жен;

– гостеприимная проституция – традиция предлагать своих жен гостям;

– религиозная проституция;

– политическая – использование проституток для влияния на политических деятелей;

– проституция эстетическая – содержание любовниц представителями власти.[660]

За прошедшие полтора века и значительной смены нравов в области сексуальной жизни данная классификация представляет исторический интерес для криминологии. Современная систематика, представленная в работе С. М. Иншакова, имеет следующий вид:[661]

По субъектам:

– проституция женская;

– проституция мужская;

– проституция детская.

По характеру полового поведения:

– проституция без сексуальных извращений;

– проституция с сексуальными извращениями.

По мотивам занятия проституцией:

– проституция за материальное вознаграждение;

– проституция по принуждению (в результате шантажа или как одна из форм рабства);

– проституция как условие получения работы или продвижения по службе;

– проституция как форма взятки за те или иные услуги;

– проституция в целях фабрикации компрометирующих материалов и шантажа;

– проституция в политических целях и целях разведки.

На наш взгляд, предложенная систематика по мотивам носит слишком сложный характер и может быть сформулирована как: 1) добровольная; 2) принудительная (с дифференцировкой способов принуждения, насилия, угроз, шантажа, приведение в беспомощное состояние и т. д. от «сексуального рабства» до различного зависимого положения). Кроме того, классификацию можно расширить за счет степени вовлеченности в занятие проституцией: профессиональное, систематическое и случайное, эпизодическое.

В исследованиях Г. Б. Дерягина отмечено, что проституция и злоупотребление алкоголем, токсическими веществами и наркотическими средствами являются виктимизационным фоном, выражающим присутствие саморазрушительных тенденций в личности. Проституирующие лица обладают наиболее высоким уровнем виктимности в отношении целого спектра преступлений, которые, в свою очередь, характеризуются крайне высокой латентностью.[662]

6.3. Уголовно-правовые нормы регуляции деятельности, связанной с проституцией

«Проституция была запрещена, и в этом никто не сомневался, но "несуществующим" проституткам запрещалось появляться в общественных местах и в окнах своих домов, таким образом привлекая клиентов. Но если они не слушались и продолжали заниматься своим ремеслом, нарушая порядок, сговорчивая полиция отправляла их в дальние районы города».

Пьер Дюфур «История проституции»

«Без юридического произвола невозможен никакой контроль за публичными девками».

Лаура Адлер

В отношении проституции УК РФ содержит нормы, предполагающие ответственность за вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК) и организацию занятия проституцией (ст. 241 УК).

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162 исключил из уголовного законодательства ст. 151 УК «Вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних», объединив ответственность за вовлечение занятием проституцией как взрослых, так и несовершеннолетних и малолетних в ст. 240 УК в качестве особо квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 3.

Зарубежными уголовными законодательствами (ФРГ, Швейцарии, Латвии, Англии) установлены запреты и ограничения на занятия проституцией в определенных местах и в определенное время суток. УК Австрии, Дании, Швеции, Франции, Эстонии содержат запрет на такие виды деятельности, непосредственно связанные с проституцией, как сводничество и сутенерство. Уголовные нормы за сексуальную эксплуатацию женщин и детей и содействие проституции предусмотрены

законодательствами Австрии, ФРГ, Швеции, Швейцарии, Франции, Испании.

Статья 195 «Содействие занятию проституцией» пятого раздела «Преступления против половой неприкосновенности» УК Швейцарии вводит уголовный запрет на: 1) склонение несовершеннолетних к занятию проституцией; 2) использование зависимости лица или имущественную выгоду при склонении лица к занятию проституцией; 3) использование свободы действий лица, занимающегося проституцией, нарушает его интересы, осуществляя надзор за его деятельностью или определяя время, место, объем или другие обстоятельства занятия проституцией; 4) принуждение лица продолжать заниматься проституцией.[663] Интересной и довольно оправданной особенностью УК Швейцарии в отношении проституции, на наш взгляд, выступает норма, направленная на охрану свободы действий лица, занимающегося проституцией.

Параграф 202 главы 19 «Преступления сексуального характера» Уголовного законодательства Норвегии предусматривает санкции за следующие виды деятельности, связанные с проституцией: а) принуждение кого-либо заниматься или продолжать заниматься проституцией; б) поощрение или использование занятия проституцией другого лица; в) сдачу в аренду помещения, осознавая, что оно будет использоваться для занятия проституцией, или демонстрацию грубой халатности по отношению к этому.[664]

Уголовный кодекс Австрии выделяет преступления, связанные с проституцией, в четыре самостоятельные статьи, которые вместе с другими сексуальными преступлениями прописаны в десятом разделе Кодекса «Преступные деяния против нравственности».

Кодекс выделяет отдельным составом сводничество, содействие развратным действиям в отношении других лиц за вознаграждение, содействие профессиональной проституции и сутенерству (§§ 213–216).[665] При этом проституция рассматривается как развратные действия в отношении других лиц, осуществляемые за вознаграждение.

В УК Японии все деяния, связанные с проституцией, декриминализированы, что связано, прежде всего, с исторически обусловленным институциональным и легитимным характером данного социального феномена, имеющим практически ритуальное значение.

УК Франции сексуальные преступления относит к главе II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности», а преступную деятельность,

связанную с проституцией, регламентирует отдельно в главе V «О посягательствах на достоинство человека», отдел II «О сводничестве и тождественных преступных деяниях». Особенностями выступают два момента – возможность наступления уголовной ответственности по данным статьям юридических и физических лиц и относительно детальная разработка отдельных составов преступлений. Отдел II содержит семь составов. Под сводничеством Кодекс понимает следующие деяния: а) помощь, содействие или поощрение проституции другого лица; б) извлечение выгоды из проституции другого лица, участие в распределении доходов от этой деятельности или получение выплат от лица, систематически занимающегося проституцией; в) вовлечение в занятие проституцией, совращение, найм для занятия проституцией, оказание давления на лицо с целью заняться проституцией или продолжать это занятие.

К криминальным деяниям, тождественным сводничеству, относятся: а) посредничество между двумя лицами, одно из которых занимается проституцией, а другое использует или оплачивает это занятие; б) облегчение сутенеру легализации фиктивных источников доходов; в) неспособность лицом обосновать источник своих доходов, соответствующих его образу жизни, если это лицо живет с лицом, систематически занимающимся проституцией, или находится в постоянных отношениях с одним или несколькими лицами, занимающимися проституцией; г) воспрепятствование деятельности по предупреждению, контролю, помощи или перевоспитанию, осуществляемой компетентными организациями в отношении лиц, находящихся под угрозой проституции или занимающихся проституцией.[666] В плане профилактики проституции как негативного социального явления удачным представляется использованный в УК Франции термин «лицо», находящееся под угрозой проституции».

Криминальные формы поведения, связанные с проституцией, предусмотренные нормами уголовного законодательства РФ, прописаны в ст. 240 УК «Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 УК «Организация занятия проституцией».

Объект преступления. Родовой объект определен названием IX раздела УК – общественная безопасность и общественный порядок. Общественная безопасность выступает как обобщенная категория, включающая в себя здоровье населения и общественную нравственность, охраняемые государством общественные отношения, закрепленные в главе 25 УК «Преступления против здоровья населения и общественной

нравственности», которые выступают видовым объектом преступных посягательств. Непосредственный объект – нравственные устои совершеннолетних лиц, вовлекаемых в занятие проституцией, или здоровье и формирование нравственности несовершеннолетних, вовлекаемых в занятие проституцией.

В качестве дополнительного объекта преступного посягательства выступает половая свобода в отношении совершеннолетних и половая неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, а также лиц, в силу различных обстоятельств находящихся в беспомощном состоянии (например, вовлечение в занятие проституцией лиц с врожденным слабоумием – олигофренией или страдающих психическими расстройствами). Факультативным объектом ст. 240 УК также может являться честь, достоинство и неприкасаемость личной жизни.

Объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК, выражена в форме активных действий двух типов: а) вовлечение в занятие проституцией; б) принуждение к продолжению занятия проституцией. Определение понятия «вовлечение» дается в п. 1 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г. Это сведение, склонение или совращение в целях проституции другого лица, даже с согласия этого лица.[667] В редакции УК до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162 ст. 240 содержала иное понимание вовлечения, где под способами вовлечения в диспозиции статьи указывались применение насилия, угроза применения насилия, шантаж, уничтожение или повреждение имущества, обман. Однако такое определение явно расходилось с международной Конвенцией, и, соответственно, в действующей на настоящий момент редакции насилие и угроза его применения отнесены к квалифицированному составу п. «а» ч. 2 ст. 240 УК. Комментарий УК под редакцией Л. Л. Кругликова определяет вовлечение как активные действия лица, направленные на возбуждение у другого лица желания заняться проституцией, но к этому определению следует добавить форму проявления таких действий – сведение, склонение и совращение.[668]

Принуждение к продолжению занятия проституцией подразумевает направленное, противоправное воздействие на волю потерпевшего, при этом насильственные формы принуждения должны быть отнесены к квалифицированному составу. Соответственно в основном составе должны рассматриваться психические формы принуждения с целью

психологического воздействия на личность и вопреки ее желанию. При этом психическое принуждение в форме реальной угрозы применения физического насилия по смыслу статьи относится к квалифицированному составу (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК). Следовательно, к основному составу преступления, к психическим формам принуждения можно отнести шантаж (запугивание распространением нежелательных сведений в отношении потерпевшего или его близких), ложные обещания, угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества, просьбы, уговоры и т. д. Такие действия, направленные в отношении малолетнего или несовершеннолетнего с учетом психологических возрастных особенностей, повлекут принципиально иной результат и поэтому рассматриваются как особо квалифицированный состав ч. 3 ст. 240 УК.

Наряду с насилием другими квалифицированными составами преступления выступают перемещение потерпевшего через Государственную границу РФ или незаконное удержание его за границей (п. «б» ч. 2 ст. 240 УК). Практически этот состав можно рассматривать как «сексуальное рабство», т. е. лишение права на свободное перемещение, удержание с целью сексуальной эксплуатации, однако санкция данной статьи носит довольно либеральный характер – до шести лет лишения свободы – и вступает в противоречие с санкцией квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 127^2 УК «Использование рабского труда». Так, использование рабского труда с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения (п. «г» ч. 2 ст. 127^2 УК) предполагает санкцию в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет. Применяя п. «б» ч. 2 ст. 240 УК, необходимо разграничение с квалифицированным составом преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ «Торговля людьми», с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей, введенной Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162. До принятия указанного Закона в отношении несовершеннолетних действовала ст. 152 УК «Торговля несовершеннолетними», квалифицированный состав которой предусматривал наказание за незаконный вывоз несовершеннолетнего за границу или незаконное его возвращение из-за границы (п. «д» ч. 2 ст. 152 УК), торговлю в целях вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений или иных антиобщественных действий, а также для совершения действий сексуального характера (п. «е» ч. 2 ст. 152 УК). Эти квалифицированные составы предполагали санкцию от трех до десяти лет. Статья 127^1 УК рассматривает

несовершеннолетний возраст как квалифицированный состав торговли людьми (п. «б» ч. 2), однако в точности сохраняет санкцию ст. 152 УК. Такие изменения законодательства не являются последовательными, в то время как наиболее актуальным становится вопрос о защите прав и свобод несовершеннолетних и малолетних и выделении ювенальной юстиции в самостоятельную отрасль права, когда из самостоятельного состава преступления торговля несовершеннолетними становится квалифицирующим признаком. При этом следует отметить, что международным законодательством права детей закреплены в отдельных международно-правовых актах. Так, IX принцип «Декларации о правах ребенка» от 20 ноября 1959 г. провозглашает: «Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Он не должен быть объектом торговли, в какой бы то ни было форме».[669] Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. в ст. 11 гласит: «Государства-участники принимают меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из-за границы».[670] Соответственно для наиболее полной реализации изложенных международных принципов в области уголовной политики целесообразно рассмотрение торговли несовершеннолетними и малолетними лицами отдельным составом преступления.

Статья 127^1 УК предполагает куплю-продажу, вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека в целях его эксплуатации. Эксплуатация в том числе подразумевает использование занятия проституцией или иные формы сексуальной эксплуатации и входит в основной состав рассматриваемой статьи. Ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 240 наступает в том случае, когда виновный не совершает никаких действий, указанных в диспозиции ст. 127^1 УК.[671] Соответственно ответственность за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к ней, сопряженное с торговлей, необходимо рассматривать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 240 и п. «г» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ.

Другим сложным моментом является разграничение принуждения к продолжению занятием проституцией и использование рабского труда (ст. 127^2 УК). Диспозиция статьи гласит: использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), соответственно оказание сексуальных услуг при принуждении их оказывать квалифицируются ч. 1 ст. 240 УК РФ; но если имеются

«полномочия, присущие праву собственности», то преступление должно квалифицироваться по совокупности с ч. 1 ст. 127^2 УК; в случае, если «полномочия, присущие праву собственности» имеются в отношении несовершеннолетнего, то по п. «б» ч. 2 ст. 127^2 УК РФ; если в отношении потерпевшего используются насилие, угроза его применения или шантаж, то по п. «г» ч. 2 ст. 127^2 УК РФ.

В соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 240 УК предусматриваются деяния основного состава, но совершенные группой лиц по предварительному сговору. Организованная группа лиц (т. е. устойчивая и заранее объединенная для совершения преступления – ч. 3 ст. 35 УК РФ) при вовлечении в занятие проституцией образует особо квалифицированный состав (ч. 3 ст. 240 УК РФ).

Субъектом преступления по ст. 240 УК является лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако целый ряд факторов – использование насилия, психическое принуждение потерпевшего, значительное количество несовершеннолетних лиц, вовлекаемых для осуществления преступной деятельности, а также более ранее созревание и формирование личности, способность подростков осознавать социальное значение своего поведения – делают актуальным вопрос о пониженном возрасте уголовной ответственности (14 лет) по данной статье. Другим аспектом является возможность рассмотрения субъектом по ст. 240 УК юридического лица, по аналогии с опытом зарубежного законодательства, так как для секс-индустрии такой субъект более характерен. Однако в отечественном уголовном праве ответственность юридического субъекта не предусмотрена. Недостатком законодательства также следует считать отсутствие специального субъекта при вовлечении в занятие проституцией, т. е. лица, которое по роду своей профессиональной или иной деятельности связано с несовершеннолетними и малолетними, как-то: лица занимающиеся педагогической, воспитательной деятельностью, коменданты общежитий, где проживает молодежь и т. п., по аналогии с п. «а» ч. 2 ст. 241 УК, предусматривающим такой специальный субъект, как «лицо, использующее свое служебное положение».

Субъективная сторона представлена виной в форме прямого умысла. Мотивами преступления, как правило, выступают корысть, стремление к наживе.

Криминологические особенности преступного поведения по вовлечению и принуждению к занятию проституцией. Приведенные в параграфе 4.2 криминологические систематики в отношении лиц, занимающихся проституцией, безусловно,

представляют теоретический интерес, но малоприменимы в повседневных реалиях практической деятельности. Так, разделение проституции на извращенные, девиантные и «нормативные» формы имеет далекое отношение к уголовной практике, так как все они декриминализированы. Условно предлагается разделить проституцию на три категории: VIP-категория, организованная и уличная проституция. VIP-категория не является предметом криминологического анализа и уголовно-правовой борьбы или социального контроля, ее целями может выступать экономическая разведка крупных финансовых компаний, политические игры и т. д. Уличная, вокзальная и т. п. проституция совершается, как правило, личностями, морально деградировавшими, страдающими хроническим алкоголизмом, токсикоманией, часто не за деньги, а за еду или выпивку и нуждается, в первую очередь, в социальном контроле и медико-социальной помощи. Данная категория проституции соответствует трем принципам, выделенным ранее при социально-криминологическом анализе проституции, но принцип публичности здесь носит специфический характер, т. е. ориентирован на определенный круг лиц.

Организованная проституция, являясь в настоящее время самой многочисленной группой, носит наиболее жесткий, часто насильственный, характер. Преступник при этом не выискивает потенциальных будущих жертв, а создает ситуацию, когда они сами идут к нему и попадают в финансовую, материальную или иную зависимость. Для этих целей, в первую очередь, используются СМИ с различными объявлениями о выгодных и высокооплачиваемых рабочих местах.

Уголовно-правовая характеристика статьи 241 УК «*Организация занятия проституцией*» (*в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162*). В предыдущей редакции УК название статьи гласило: «Организация или содержание притонов для занятий проституцией».

Видовой и родовой *объект* преступного посягательства аналогичен предусмотренным ст. 240 УК.

Объективная сторона содержит признаки следующих видов криминальной деятельности: 1) деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами; 2) содержание притонов для занятия проституцией; 3) систематическое предоставление помещений для занятия проституцией.

В старой редакции ст. 241 УК, диспозицией предусматривалась только организация притона. Уголовным кодексом в редакции Федерального закона № 162 понятие

организации четко не определено, может пониматься в расширенном толковании и включает не только организацию притона, но и сутенерскую, сводническую деятельность. Организация – это определенная целенаправленная деятельность, которая может заключаться в финансировании, нейтрализации мер контроля со стороны государства и правоохранительных органов, вербовке клиентов, распространении рекламы и т. д. Процесс организации образует состав оконченного преступления с момента начала такой деятельности. Следует отметить, что для наиболее четкого представления объективной стороны состава данного преступления необходимым является постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Содержание притонов – это владение, аренда или управление местом, где создан притон. Если содержание притонов связано с привлечением в них проституток, то такое деяние должно квалифицироваться по совокупности преступлений ч. 1 ст. 241 УК и ч. 1 ст. 240 УК РФ; если привлечение связано с насилием или угрозой применения насилия, то совокупность образовывается ч. 1 ст. 241 УК и ч. 2 ст. 240 УК РФ.

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами определяла понятие «содержание притонов» в ст. 2:

1) содержит дом терпимости или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости;

2) сдает в аренду или снимает здание или другое место или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.[672]

Понятие притона должно трактоваться достаточно широко: это помещение или иное место, основным или дополнительным предназначением которого является занятие проституцией.

Систематическое предоставление помещений для занятия проституцией выражается в предоставлении специально не оборудованного жилого или нежилого помещения, причем безвозмездно или за плату – не имеет значения.

Субъективная сторона представлена виной в форме прямого умысла.

Субъект преступления общий: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Квалифицированными составами преступления по ч. 2 ст. 241 УК будут являться:

п. «а» – специальный субъект, т. е. лицо, использующее свое служебное положение (виновный наделен определенными служебными полномочиями, которые он использует для

совершения преступления);

п. «б» – применение насилия или угрозы ее применения;

п. «в» – использование для занятия проституцией заведомо несовершеннолетних.

Особо квалифицированный состав предусмотрен ч. 3 ст. 241 УК, который образуют деяния, предусмотренные ч. 1 и 2, но с использованием для занятия проституцией лица, заведомо не достигшего 14 лет, т. е. малолетнего возраста.

Санкции по основному составу – штраф в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо ограничение свободы на срок до трех лет, либо лишение свободы на срок до пяти лет (в ред. Федерального закона от 21.07.2004 г. № 73).

Санкции по квалифицированному составу – лишение свободы на срок до шести лет. Однако следует отметить, что п. «а» ч. 2 предусматривает специальный субъект «с использованием служебного положения» и, соответственно, целесообразно дополнить санкцию лишением права занимать определенные должности и заниматься определенными видами деятельности, в особенности связанными с работой с несовершеннолетними и т. д.

Санкция по особо квалифицированному составу – лишение свободы на срок от трех до десяти лет.

Для мероприятий, направленных на борьбу и профилактику преступлений, связанных с проституцией, необходим комплексный подход, включающий поэтапную реализацию ряда мер, из которых, в частности, можно предложить следующее:

1. На наш взгляд, в силу различия общественной опасности вовлечение малолетних и несовершеннолетних в занятие проституцией как криминальное деяние образует самостоятельный состав преступления, по аналогии со ст. 242 и 242^1 УК.

Выделение в отдельный состав преступления в отношении несовершеннолетних и малолетних, что может быть основано на разделении непосредственного объекта преступного посягательства. Нарушение здоровья в отношении взрослых лиц, вовлеченных в занятие проституцией или принуждаемых к продолжению, выступает факультативным признаком и при его нарушении может быть квалифицировано по совокупности преступлений в зависимости от формы его нарушений. Нарушение здоровья несовершеннолетнего, вовлеченного в занятие проституцией, входит в непосредственный объект преступления, например нарушение психосексуального развития

и, соответственно, вред психическому здоровью, и поэтому участие несовершеннолетних следует рассматривать не как особо квалифицированный состав. Оно должно образовывать самостоятельный состав преступления.

2. По аналогии с зарубежными законодательствами ввести уголовно-правовое ограничение занятием проституции в определенных местах и в определенное время суток, используя критерий «приватности».

3. Разработка и внедрение государственных программ по борьбе с сексуальным насилием и эксплуатацией.

4. Приведение отечественного УК в соответствие с международно-правовыми стандартами в области охраны граждан от сексуальной эксплуатации.

5. В ч. 3 ст. 240 УК рассматривать особо квалифицированным составом использование для вовлечения в занятие проституцией наркотических и психотропных средств.

6. Ввести отдельным квалифицированным составом преступления, предусмотренные в ч. 2 ст. 240 УК (использование сложных жизненных обстоятельств потерпевшего).

Глава 7
Системность и специфика профилактики сексуальных преступлений

«Имея дело с иллюзорным миром, все великие культуры стремились контролировать иллюзию посредством иллюзии, так сказать зло посредством зла. Мы единственные, кто претендует взять под контроль иллюзорное с помощью истины, что является самой фантастической из иллюзий».

Жан Бодрийяр

7.1. Стратегии и тактика общесоциальной профилактики сексуальных преступлений

Профилактическая деятельность в отношении преступности основывается, прежде всего, на криминологических исследованиях и выступает в нескольких взаимосвязанных аспектах:

1) как средство социального регулирования наиболее значимых общественных отношений;

2) комплекс мер правового, воспитательного, медицинского характера;

3) система различных уровней предупреждения, превенции преступности, лежащая в основе деятельности различных субъектов. В зависимости от иерархии причин и условий преступности выделяют три основных уровня ее предупреждения: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный.[673]

Соотношение представленных уровней можно рассматривать с позиции диалектической философии как категории общего, особенного и частного. Социальный уровень, или общая профилактика, представляет собой деятельность государства и социальных институтов, направленную на разрешение противоречий в обществе, формирование морально-нравственных идеалов общества, сохранение ценностных ориентаций личности, ликвидацию социальных пороков. Данная деятельность осуществляется различными органами государственной власти, общественными объединениями, фондами, организациями. При этом профилактика преступности не является их специфической или профессиональной функцией.

Социальная профилактика должна рассматриваться как стратегические направления борьбы с преступностью в целом, «достижение подлинной социальной справедливости в области распределения материальных и духовных благ среди всех членов общества, ликвидация всех форм эксплуатации и социального и экономического угнетения и неравенства».[674] Также и тактические мероприятия должны быть непосредственно направлены на устранение факторов риска определенных видов преступного поведения.

Разделение профилактических мероприятий на стратегические и тактические оправданно в силу нескольких обстоятельств. А. И. Долгова определяет стратегию как искусство борьбы с преступностью не только в целом, но и с отдельными ее

видами, с учетом их места в общей системе преступности.[675] Термин «стратегия», по мнению В. Н. Кудрявцева, является более содержательным, по сравнению с терминами «борьба» или «контроль преступности», так как он предполагает наличие общей концепции, определение не только ближайших, но и отдаленных целей и способов их достижения, т. е. их системный характер.[676] В рамках диалектической противоположности стратегии используется понятие «тактика» как форма конкретизации стратегии в определенных условиях места и времени.

Основными направлениями социальной профилактики преступности будут выступать три области: а) социально-экономическая; б) политико-правовая, и в) духовно-нравственная.[677]

Системность и специфика профилактических мероприятий на социальном уровне в отношении сексуальных преступлений связаны с комплексными исследованиями проблем насилия в целом и сексуального насилия в частности.

Превентивные меры в отношении насилия могут быть адресованы различным группам населения и подразделяются на первичные, вторичные и третичные.

Первичным мерам уделяется наименьшее внимание. Это скрининг-исследования и индикативные исследования. Скрининг-исследования носят универсальный характер, например анкетирование всех школьников или детей определенного возраста либо проведение таких исследований по территориальному признаку. Они направлены на выявление уровня насилия в целом и выделение специфических групп риска. Индикативные исследования должны проводиться в отношении лиц, которые раньше совершали акты насилия, особенно сексуальное насилие в отношении детей, внутрисемейное насилие, алкоголизм или психические расстройства одного из родителей и т. д.

Вторичные меры – это выявление специфических групп лиц с негативными, девиантными, отклоняющимися формами поведения, связанными, в первую очередь, с нарушениями волевой сферы. Это так называемые аддиктивные (зависимые) расстройства и оказание им медицинской и психологической помощи. Целесообразно ведение специальных учетов данной категории лиц.

Третичные меры социальной профилактики – это оказание всесторонней помощи жертвам насилия, применение в их отношении мер по ресоциализации и реадаптации, психологическое сопровождение таких лиц, наряду с оказанием правовой и медицинской помощи. В большинстве западных стран

действуют многочисленные программы помощи жертвам сексуального насилия. Они организуются на уровне неправительственных организаций, оказывающих материальную, юридическую и медицинскую поддержку.[678]

Проблема насилия является многосторонней по своей сути, включая биологические, социальные, психологические и экологические факторы. Следовательно, и профилактические мероприятия должны носить системный характер. Комплекс мер по профилактике насилия должен включать следующие задачи:

1) определение индивидуальных факторов риска и принятие мер, изменяющих поведение личности;

2) воздействие на межличностные отношения и создание здоровой обстановки в семье;

3) наблюдение за общественными местами – школами, общежитиями, средними специальными учебными заведениями – в отношении сексуального насилия; особенное внимание следует уделять детским учреждениям закрытого типа, отбор кадров для работы в которых следует тщательно организовывать;

4) борьба с гендерным неравенством и вредными взглядами и обычаями;

5) обращение к общекультурным ценностям и внедрение их в массовое сознание и массовую культуру;

6) формирование моральных стандартов поведения, пропаганда здорового образа жизни, развитие системы ценностей, направленных на нейтрализацию различных девиантных форм поведения, недопустимость их привлекательности, новизны, особенно в отношении молодежи. Именно на этом уровне должен ставиться вопрос о влиянии СМИ на пропаганду насилия, жестокости, аномальных форм сексуального поведения;

7) к специфике социальной профилактики сексуальных преступлений будет относиться социальный контроль над такими негативными явлениями общественной жизни, как проституция и порнография;

Социальная профилактика преступности должна основываться на научных исследованиях факторов риска сексуального насилия. Одним из таких факторов, как известно, выступает агрессивное поведение в детском возрасте, сексуальное насилие в отношении детей и эмоциональная депривация в семье. Соответственно первоочередной задачей социальной профилактики становятся проблемы семейной криминологии,[679] вмешательство на раннем этапе в семьи с риском жестокого обращения с детьми, злоупотребляющих алкоголем, наркотическими и токсикоманическими средствами, с целью обеспечения психологической и медицинской поддержки и

помощи.

Другим важным аспектом социальной профилактики сексуальной преступности выступают разработка и внедрение научных программ по изучению факторов риска в отношении поведения с чертами сексуального насилия. Изучение специфики факторов преступного поведения выступает промежуточным звеном между теоретическим криминологическим изучением преступности и практической организации борьбы с ней, т. е. непосредственной реализации теоретических положений. Положение о типичных обстоятельствах, порождающих преступное поведение, и факторах, влияющих на определенные ее виды, разрабатывалось в трудах Н. Ф. Кузнецовой, А. И. Долговой и других исследователей.[680] В отмеченных работах проблемы криминологической детерминации преступности связываются с определенными социальными условиями. Отмечая роль социальной среды, А. В. Боков пишет: «…именно в рамках широкой социальной среды устанавливаются материальные, государственно-политические, правовые, нравственные и иные социальные отношения, которые формируют личность (внутренний мир человека) как непосредственно, так и опосредованно, преломляясь через ближайшее ее окружение (через социальную среду). В связи с этим, безусловно, важно анализировать влияние социальных условий на преступность».[681] На сегодняшний день библиографический анализ и анализ собственных результатов исследования позволяют выделить несколько групп факторов, повышающих риск сексуального насилия. К ним, прежде всего, относятся:

1) виктимологические особенности поведения лиц женского пола, особенно в подростковом возрасте;

2) совместное употребление алкоголя и наркотических средств преступником и жертвой;

3) перенесенные ранее оконченные и неоконченные эпизоды сексуального насилия;

4) неразборчивость в выборе сексуального партнера, наличие многих сексуальных партнеров;

5) низкий уровень образования и культуры;

6) психологические проблемы межличностного общения и общения с лицами противоположного пола;

7) влияние асоциального окружения сверстников при групповых формах сексуального насилия;

8) психопатологические и психосексуальные нарушения.

Данный перечень представляет, естественно, далеко не все факторы риска сексуального насилия, однако он позволяет сформировать основы системного подхода. Остановимся на более

конкретном анализе взаимосвязи отмеченных факторов и их роли в генезе криминального сексуального поведения.

Разделение профилактических мер, направленных на борьбу с насильственной преступностью в целом и сексуальными преступлениями в частности, на стратегические и тактические позволяет также провести группировку факторов риска криминального поведения на макросоциальные и микросоциальные. Соответственно стратегические направления должны быть преимущественно направлены на макросоциальные факторы, тактические – на микросоциальные. Соотношение макросоциальных и микросоциальных (средовых) факторов риска в генезе криминального сексуального насилия можно представить на рисунке 41.

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ:

1. Социальные нормы, поддерживающие сексуальное насилие.
2. Недостатки законодательства или сложность юридических процедур
3. Высокий уровень насильственной преступности.
4. Низкие моральные стандарты.
5. Общая терпимость к сексуальному насилию. Распространение сексуального насилия как образца поведения в СМИ.
6. Неадекватные санкции.
7. Гендерное неравенство.
8. Низкий уровень культуры.
9. Высокая алкоголизация.
10. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи для лиц с сексуальными расстройствами.

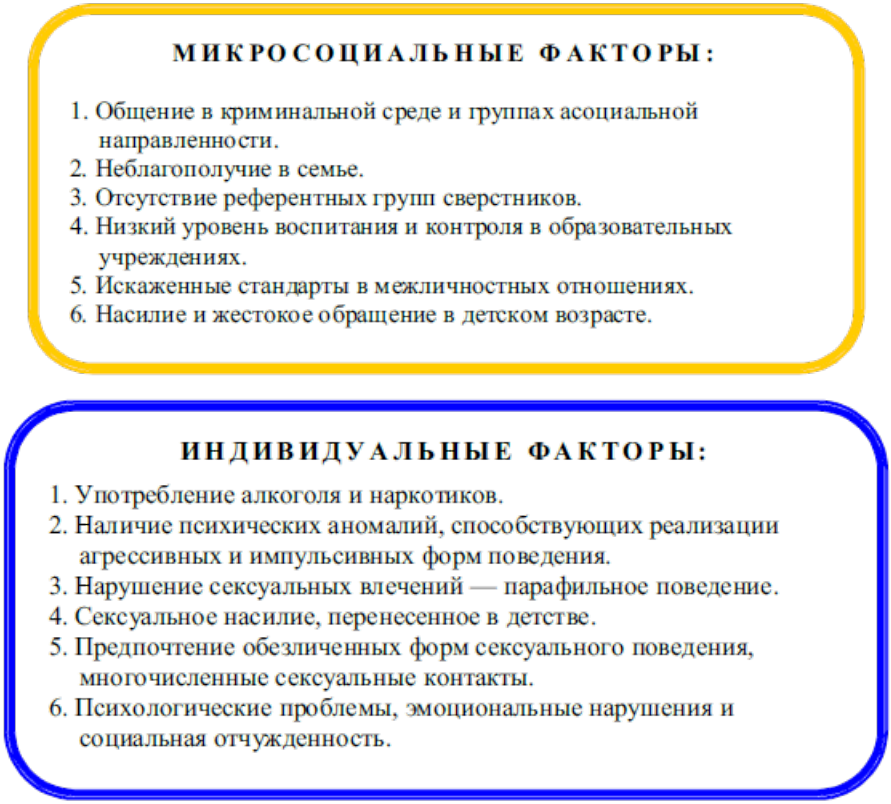

МИКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ:
1. Общение в криминальной среде и группах асоциальной направленности.
2. Неблагополучие в семье.
3. Отсутствие референтных групп сверстников.
4. Низкий уровень воспитания и контроля в образовательных учреждениях.
5. Искаженные стандарты в межличностных отношениях.
6. Насилие и жестокое обращение в детском возрасте.
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ:
1. Употребление алкоголя и наркотиков.
2. Наличие психических аномалий, способствующих реализации агрессивных и импульсивных форм поведения.
3. Нарушение сексуальных влечений — парафильное поведение.
4. Сексуальное насилие, перенесенное в детстве.
5. Предпочтение обезличенных форм сексуального поведения, многочисленные сексуальные контакты.
6. Психологические проблемы, эмоциональные нарушения и социальная отчужденность.

Рис. 41. Факторы, влияющие на криминальное сексуальное поведение индивида

Ни один из таких факторов не является детерминирующим в генезе насильственных форм криминального сексуального поведения, за редким исключением некоторых форм парафильного поведения. Их роль в генезисе проявляется в индивидуальном для личности сочетании с ее психологическими особенностями, психосексуальным развитием и т. д. Поэтому подходы к профилактике данного вида преступности также должны носить системный характер, направлены на учет многообразия факторов криминального поведения. В то же время учет факторов в совершении отдельно рассматриваемого преступления должен принимать индивидуализированный характер. Поэтому в основе исследований преступного поведения лежит, прежде всего, взаимодействие личности преступника с социальной средой, и любое отклоняющиеся девиантное поведение должно рассматриваться как поведение по отношению к социальной среде, его породившей. Медицинские исследования аномальности сексуального поведения дают много информации для криминологического понимания преступного сексуального

поведения, но не объясняют его. Проблемы криминальной мотивации, соотношение в ней сознательного и бессознательного, социального и биологического, культурального и личностного остаются в пределах компетенции криминологического анализа. Выявление одного фактора из множества всегда будет вести к односторонности интерпретаций, «научным перекосам», поискам «генов преступности», обоснованию черт «врожденного преступника» и т. д. Как справедливо отмечал В. Н. Кудрявцев, рассматривая причины преступного поведения, «негативные социальные процессы выступают как объективные предпосылки преступного поведения».[682] Системные взгляды на механизмы преступного поведения отражены в работах таких видных отечественных криминологов, как И. И. Карпец, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов, А. И. Долгова, А. И. Алексеев.[683]

Остановимся подробнее на анализе отдельных факторов криминального сексуального поведения и анализа их профилактики. При этом понятие фактора означает, что соответствующее явление имеет значение для преступного поведения, что позволяет сделать первоначальную ориентировку в кругу явлений и процессов, взаимосвязанных между собой, и осуществить переход к изучению функциональных и причинных зависимостей, чтобы установить значение фактора и степень его влияния.[684]

Виктимологические факторы. В отношении возраста и виктимного поведения женщин, подвергшихся сексуальному насилию, изучен достаточно подробно. Так, известно, что 2/3 жертв являлись несовершеннолетними, и их прекриминальное поведение харастеризовалось следующими особенностями. Они первыми шли на знакомство с незнакомыми людьми, часто находились в состоянии алкогольного опьянения или совместно с преступником употребляли спиртное, поведение носило заигрывающий, а часто и сексуально провоцирующий характер, в разговоре не отрицался факт их сексуальной доступности, а иногда они открыто бравировали многочисленными половыми связями. Низкий уровень культуры отражался в использовании многочисленной жаргонной и инвективой лексики. Основа профилактики такого поведения – проведение воспитательной работы в образовательных учреждениях, контроль посещаемости занятий, ограничение свободного времяпрепровождения, целевые установки на социально значимые интересы.

Употребление алкоголя, наркотиков и токсикоманических средств. На первом месте в ряду факторов риска стоит употребление алкоголя, особенно это статистически значимо в

отношении групповых форм сексуального насилия. Со стороны потерпевших употребление алкоголя ведет к понижению способности к самозащите, неправильной интерпретации признаков опасности, невозможности эффективно действовать и правильно оценивать сложившуюся ситуацию. В отношении преступника употребление алкоголя снижает способности к самоконтролю поведения, при этом у лиц с психическими аномалиями поведение часто принимает агрессивные формы, изменяется самооценка, к окружающим предъявляются субъективно измененные, повышенные требования. Значительно снижается социальный контроль поведения, начинают преобладать групповые, подражательные формы поведения, исчезает чувство индивидуальной ответственности. Психофармакологический эффект алкоголя снижает социальные нормы, нарушает способности к логическим суждениям и правильной интерпретации поступающей информации.[685] Суждение индивида сменяется суждением группы, происходит регресс индивидуальной морали и ответственности на групповой уровень. Особо следует остановиться на роли алкоголя в совершении определенных типов сексуального насилия как реализации доминирующего поведения, когда на первый план не выступает собственно сексуальная мотивация преступления, а сексуальные действия направлены на принижение, подчинение жертвы.[686]

Перенесенные ранее эпизоды сексуального насилия оказывают влияние как на формирование криминального насильственного поведения, так и играют роль в реализации виктимного поведения. Многочисленные зарубежные исследования (R. Acierno et al.; M. Koss, T. Dinero) свидетельствуют о том, что опыт сексуального насилия, перенесенный в детстве, повышает вероятность стать жертвой в зрелом возрасте.[687] Так, в исследованиях P. Tjaden, J. Zverina обнаружено, что женщины, подвергавшиеся сексуальному насилию до 18 лет, в два раза чаще становились жертвами изнасилования в зрелом возрасте (18,3 и 8,7 %).[688] Другими исследователями показана роль перенесенного сексуального насилия в формировании проблем с сексуальным и психическим здоровьем, которые непосредственно проявляются насилием в семье, проблемами межличностного характера и в интимных взаимоотношениях.[689]

В отношении лиц, совершивших сексуальное насилие, по данным A. Glasser et al., 76 % из них в детстве сами подвергались сексуальному насилию. Таким образом образуется криминальный порочный круг, или цикл “victim-to-victimizer”.[690] D. Tingle et al., исследовав педофилов, приводит цифру в 56 %.[691]

Соответственно мерами общесоциальной профилактики данного механизма является своевременное оказание медико-психологической реабилитационной помощи лицам, подвергнувшимся сексуальному насилию. Особый контроль в этом отношении должен осуществляться за закрытыми детскими учреждениями, в отношении детей-сирот, беспризорных детей, в колониях для несовершеннолетних преступников. Основная задача профилактики будет заключаться в возможности разорвать формирующийся порочный круг “victim-to-victimizer”.

Неразборчивость в выборе сексуального партнера и наличие многочисленных половых партнеров связаны, прежде всего, с низкими моральными стандартами данного круга лиц, определенным стилем жизни, который представляется как «свободный», независимый. Данные лица также характеризуются такими психологическими особенностями, как зависимость от мнения окружающих, стремление к времяпрепровождению в асоциальных, часто алкоголизирующихся, компаниях. Ряд исследований показал, что женщины, подвергавшиеся сексуальному насилию в детстве, имеют большее количество сексуальных партнеров в зрелом возрасте, что можно объяснить сложностями поддержания длительных психологических и интимных отношений с партнерами.[692] Мерами социальной профилактики в отношении данного фактора должны являться программы по внедрению и реализации широкой сети психологической и медицинской помощи населению, ее доступности, возможности анонимного обращения, так как проблемы интимных взаимоотношений касаются в первую очередь частной жизни лица. Непосредственно обращаться за медицинской помощью такого рода, когда на лицо заводится медицинская карточка, записываются его жалобы и т. д., в решении подобных вопросов явно неприменимо.

Психологические факторы можно рассматривать как самостоятельное звено в генезе криминального насилия. Следует кратко остановиться на психологических особенностях лиц, совершивших сексуальные преступления. В 81 % случаев улиц данной категории обнаруживаются нарушения половой идентичности, полоролевых стереотипов, сексуального предпочтения и иные отклонения психосексуального развития.[693] Проведенный нами психологический анализ лиц, совершивших насильственные сексуальные преступления, позволил выделить следующие особенности.[694]

Половое самосознание преступников характеризовалось фемининным типом полоролевой идентичности, отсутствием когнитивной и смысловой интериоризации мужской половой

роли, преимущественной регуляцией поведения на основе мужского полоролевого стереотипа, наличием базовых внутриличностных конфликтов, которые заключались в переживании собственной несостоятельности, нарушении эмоциональных процессов, повышенной зависимости от социального окружения, нестабильности образа своего Я. Эти данные согласуются с многочисленными результатами как зарубежных, так и отечественных исследователей, занимавшихся психологическими проблемами сексуального преступного поведения (А. А. Ткаченко, Н. В. Дворянчиков, Г. Е. Введенский, 2001; Ю. М. Антонян, А. А. Ткаченко, Б. В. Шостакович, 1999; З. Старович, 1991; N. Malamuth, 1998; R. Prentky, 1987).[695] N. Malamuth отмечает, что в психологическом плане сексуальное насилие связывается с предпочтениями безличных сексуальных взаимоотношений в противовес эмоциональным, склонностью отстаивать личные интересы и потребности в ущерб интересам других людей, неправильной оценкой поведения женщин в различных социальных ситуациях (искаженная когнитивная оценка поведения женщины) и преобладанием стойких ассоциаций между агрессивностью и сексуальным поведением.[696]

Оптимальным направлением для нейтрализации психологических факторов сексуальной преступности, как отмечалось, является создание широкой сети анонимной медико-психологической помощи. Однако если в условиях крупных городов практическая реализация подобных проектов не вызывает больших трудностей, то в условиях небольших городов и сельской местности, в условиях транспарентности, прозрачности данного общества нарушается главное условие – анонимность. Подходом к проблеме представляется создание медико-психологических центров на уровне областных городов, но с широкой пропагандой их деятельности в районах, непосредственная связь с районными больницами, школьными психологами и т. д.

Асоциальное окружение и групповой характер сексуального насилия отмечаются преимущественно в подростковом возрасте. При этом сексуальная агрессия часто определяется как фактор возмужалости, авторитета среди сверстников. Сексуальные преступления в группе часто рассматриваются как «наказание за аморальное поведение» женщин. Риск криминального поведения возрастает в группах лиц, имеющих судимости, вернувшихся из мест лишения свободы, психопатических личностей. Особенностями сексуальных преступлений в группах является то, что они совершаются чаще всего в отношении знакомых или

малознакомых сверстников или в отношении лиц женского пола, вовлеченных в группу с целью сексуальной эксплуатации. Последняя разновидность преступной деятельности отличается наибольшим цинизмом, повышенной общественной опасностью, высокой латентностью. Жертва постоянно находится в психологически подавленном, запуганном состоянии. Особенностью асоциально-криминальных групп выступает фактор наличия криминальной субкультуры, который заключается в присвоении статусов каждому члену группы, специфическим сленгом, наличием «своих норм» поведения, находящихся под жестким контролем со стороны лидеров. Наряду с подростками мужского пола в преступные группы часто включены девушки-подростки.[697] В таких группах типичными становятся нигилизм, попрание элементарных общечеловеческих ценностей, выраженная нравственная деградация, пьянство, потребление наркотиков, негативное отношение к окружающим. Как правило, организация таких неформальных групп проходит на фоне формальных связей: совместное проживание в одном дворе, обучение в одном классе, профтехучилище и т. д.[698] Психологам хорошо известны реакция группирования со сверстниками, специфический феномен подросткового возраста, и, соответственно, если общество не дает возможности реализации подростка в формальной группе, он приобщается к неформальной. Профилактика в отношении групповой преступности запретительными мерами и подавлением оказывается в результате неэффективной. Для успешных мер профилактики необходим комплексный подход воспитателей, педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних, психологов, направленный, в первую очередь, на дифференцировку личности в группе, создание альтернативных групповых форм поведения. Это, прежде всего, различные спортивные секции, клубы и кружки по интересам, которые бы не носили формальный характер, а отражали бы социальные реальности сегодняшнего дня. Особенно актуально это в отношении подростков из неблагополучных семей, которые, приобщаясь к асоциальной группе, стремятся найти адекватную замену тому, что они не могут получить в отношениях в семье – эмоциональное сопричастие к их проблемам, обсуждение интересующих жизненных вопросов и т. д. Создание формальных групп может преследовать и конкретные цели, например, дать подростку возможность заработать, улучшить свое материальное благополучие, помочь семье, которая в большинстве случаев нуждается в такой помощи. В связи с этим, описывая работу с асоциальными группами молодежи, И. П. Башкатов справедливо

отмечает, что, приступая к работе по переориентации и разобщению асоциально-криминальных групп, нужно помнить, что они не являются изолированными от общества. Члены групп не живут в каком-то социальном вакууме, они входят в самые разнообразные группы и коллективы, которые оказывали, оказывают или могут оказать положительное влияние и, значит, не исключена возможность проведения воспитательной работы. [699]

Психопатологические и патосексуальные факторы в генезе криминального поведения. Роль психопатологических факторов довольно часто оценивается неадекватно именно в отношении сексуальных преступлений – психические нарушения как бы служат оправданием неадекватного поведения. В исследованиях, посвященных проблемам изучением личности сексуального преступника, отмечается: «На практике очень часто изнасилования, в первую очередь в особенно извращенной, жестокой, наиболее циничной форме, а также сексуальные покушения на малолетних и женщин преклонного возраста пытаются объяснить именно наличием психических аномалий». [700] Проведенный нами в ГНЦ ССП им. В. И. Сербского, анализ психических нарушений у лиц, совершивших сексуальное насилие, выявил следующие особенности.[701] Наиболее частыми являлись органическое поражение головного мозга различного генеза, психопатические нарушения личности и умственная отсталость. Однако наибольшее значение имела не нозологическая природа заболевания, а типология психопатологических нарушений личности. Так, лица с возбудимыми чертами составляли более 18 %, эмоционально-неустойчивыми – более 20, мозаичные нарушения – около 16 и преобладающими являлись шизоидные черты – 32 %. Иначе говоря, в основе их криминального поведения лежала склонность к агрессивным и импульсивным формам поведения в субъективно значимых ситуациях. Среди патосексологических особенностей преступников на первом месте стоит парафильное поведение – поведение, в основе которого лежит нарушение сексуальных влечений. Однако реализация этого патологического поведения в большинстве случаев имеет ситуационно обусловленный характер.[702]

Общесоциальная профилактика сексуальных преступлений в отношении рассмотренного фактора должна осуществляться в рамках лечебно-профилактических учреждений и направлена на обеспечение лечебных учреждений специалистами в области сексологии, медицинская помощь которых должна быть доступной для населения. Указанные специалисты должны

привлекаться для просветительской работы в образовательных учреждениях, вести работу по выявлению лиц с данной патологией. Однако, несмотря на приказ Министерства здравоохранения СССР от 15 марта 1990 г. № 110 «О внесении изменений в инструктивно-методические указания по аттестации врачей-специалистов и перечень соответствия врачебных специальностей врачебным должностям для аттестации», который регламентировал специальность врача-сексолога, даже на уровне крупных городов таких специалистов практически нет.[703] Поэтому оказание квалифицированной сексологической помощи находится на крайне низком уровне. Обращение с проблемами сексуального характера к врачам-психиатрам также является малоэффективным в силу отсутствия у них специализации по данному профилю.

Некоторые авторы (Д. В. Ривман, В. Е. Христенко), с нашей точки зрения, совершенно оправданно рассматривают виктимологический аспект профилактики преступлений как самостоятельное криминологическое направление исследований.[704] По определению Д. В. Ривмана, виктимологическая профилактика представляет собой включенную в социальную систему предупреждения преступлений подсистему общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности, посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активизации защитных возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности.[705] Таким образом, виктимологическая профилактика выступает не только как направление, но и дополнение к криминологической и социальной профилактике преступности. Виктимное поведение находит свое отражение непосредственно в преступных действиях виновного. Некоторые авторы отмечают согласованность взаимодействия преступника и жертвы, когда «они оба идут навстречу преступлению».[706] Наиболее точная и системная оценка виктимологического направления исследований отражена в работе создателя данного направления Л. В. Франка как совокупность трех компонентов: преступника, жертвы и ситуации.[707] В целом состояние виктимологического направления профилактики преступности характеризуется как крайне низкое. Так, А. В. Боков отмечает: «Потерпевшие от убийств; причинения вреда здоровью разной тяжести; изнасилований, насильственных действий сексуального характера, от ряда других преступлений против личности в среднем в 60 % случаев вели себя виктимно. При этом виктимологическая профилактика в отношении этих потерпевших

не осуществлялась вовсе… Отношения “преступник-жертва”, таким образом, часто остаются без внимания со стороны тех, кто ведет борьбу с преступностью».[708]

Основными компонентами виктимологической профилактики преступлений являются три направления:

1) общая виктимологическая профилактика (причины и условия совершения преступлений в связи с личностью и поведением потерпевшего);

2) индивидуальная виктимологическая профилактика, состоящая из:

а) выявления по личностным и поведенческим особенностям лиц с высокой вероятностью стать жертвами;

б) мероприятия в отношении этих лиц по воспитанию, обучению, обеспечению личной безопасности;

3) неотложная виктимологическая профилактика в отношении замышляемых и подготавливаемых преступлений.[709]

В отношении специфики несовершеннолетних и малолетних жертв сексуальных преступлений к негативному поведению Д. В. Ривман относит: развращенность; нездоровое сексуальное любопытство; корыстную заинтересованность; излишнюю доверчивость, некритичность, сокрытие факта развращения.[710] Однако не по всем отмеченным моментам следует согласиться с автором. Так, сексуальное любопытство или излишняя доверчивость являются психологическими особенностями лиц указанного возраста, и рассматривать их следует в аспекте виктимного поведения. Вопрос решается неоднозначно. По мнению В. Е. Христенко, основными факторами, «непосредственно влияющими на уровень сексуальной виктимности», являются:

– наличие отклонений в психосексуальном развитии у жертвы;

– наличие отклонений в психосексуальном развитии у преступника;

– структура общественных отношений, которые создают условия для совершения преступлений.[711]

Позволим себе не согласиться с мнением автора, так как сексуальные отклонения, девиации не являются непосредственными факторами ни криминального, ни виктимного поведения. Такой подход уводит от системно-криминологической оценки сексуальной преступности в плоскость узкоспециализированного медицинского подхода, который не может решить проблему преступности.

Даже наиболее виктимная категория лиц, – в отношении сексуальных преступлений – лица, занимающиеся

проституцией, – не является девиантной в медицинском аспекте этого понятия. Ее основной характеристикой выступают фактор социального отчуждения, такие психологические черты, как стремление к легкому способу получения материального благосостояния, факторы социальной дезадаптации.[712]

Виктимологический аспект сексуальных преступлений позволяет провести анализ высокой латентности сексуальных преступлений, так как профилактика преступности должна не только осуществляться в отношении зарегистрированной или раскрытой преступности, которая является лишь верхушкой айсберга, но и, в первую очередь, направлена на латентность. Одной из основных причин латентности является то, что жертвы преступлений не заявляют о случившемся в правоохранительные органы. Причины этого явления могут быть многообразными. А. В. Боков выделяет следующие: 1) считают, что преступление недостаточно серьезно, чтобы заявлять о нем; 2) полагают, что правоохранительные органы многого не добьются из-за недостатка доказательств; 3) издержки, связанные с подачей заявления, могут казаться им несопоставимыми с получаемой от этого выгодой; 4) жертва может бояться мести преступника.[713] Соглашаясь в целом с приведенными доводами, следует, однако, признать указанный перечень далеко не полным.

Так, в отношении преступности в целом это – низкая правовая культура граждан, неверие в правоохранительные органы, стремление к наказанию преступника по типу самосуда и целый ряд других. В отношении сексуальных преступлений нужно отметить ряд специфических причин: 1) в соответствии с процессуальным законодательством РФ уголовные дела по ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ возбуждаются по частному заявлению граждан; 2) в отношении половых преступлений имеет широкое место практика прекращения дела в связи с примирением с потерпевшим; 3) сексуальные преступления затрагивают, прежде всего, вопросы интимного характера, которые потерпевший, как правило, не хочет предавать огласке; 4) жертвами могут являться малолетние и лица, находящиеся в беспомощном состоянии; 5) жертва может быть в зависимом положении от преступника, находится в закрытом учреждении. Все перечисленные особенности должны учитываться при разработке мероприятий по виктимологической профилактике сексуальных преступлений.

Поведение жертвы и криминальная ситуация выступают взаимосвязанными и ведущими факторами виктимологической общесоциальной профилактики сексуальных преступлений. Проведенные исследования показывают, что в более 70 % случаев насильственных сексуальных преступлений в отношении лиц в

возрасте 14–21 года поведение жертвы носило выраженный виктимный характер. Меры воспитательного характера – только часть возможного направления профилактической работы. Изучение психологических особенностей межличностного взаимодействия и в экстремальных ситуациях, которое может входить в общеобразовательные программы по безопасности жизнедеятельности, представляется более перспективным направлением и эффективным методом работы. Учиться на ошибках других, уметь защитить себя, выработка психологических навыков жить в современном обществе риска – такова перспектива дальнейших мер.

7.2. Специально-криминологическая и индивидуальная профилактика сексуальных преступлений

«Мне известны только три орудия, при помощи которых можно влиять на нравы народа: сила закона, власть общественного мнения и привлекательность наслаждения».

Ж.-Ж. Руссо

Под криминологической профилактикой в литературе понимается совокупность мер по выявлению и устранению (блокированию, нейтрализации) причин, условий и иных детерминант преступности и связанных с нею правонарушений, [714] целенаправленное воздействие на криминогенные факторы, связанные с отдельными видами преступного поведения, осуществляемые в процессе деятельности соответствующих специальных субъектов, для которых профилактическая функция является выполнением их профессиональных задач.[715] В рамках специальной профилактики преступлений выделяются различные направления – криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, криминалистическое и т. д.[716]

Таким образом, специфика данного вида профилактики заключается, прежде всего, в наличии специфических субъектов, для которых данная деятельность относится к профессиональным обязанностям: это – государственные органы, осуществляющие правоохранительную деятельность; государственно-общественные органы, выполняющие правоохранительные функции (например, комиссии по делам несовершеннолетних при районных администрациях, комитеты по молодежной политике и т. д.) и частные и общественные структуры, содействующие выполнению правоохранительных задач. Предупреждение преступности указанными субъектами реализуется в единой системе, имеющей различные объекты воздействия, различные формы, методы, технологии, основанные на использовании специальных знаний в определенной области.

В целом можно говорить о двух направлениях специальной профилактики: уголовно-правовой, которая следует, как правило, за совершенным преступлением, и криминологической

профилактике, несущей в себе потенциальные возможности превенции.

Для осуществления специфической профилактики сексуальных преступлений в любом из выделенных направлений необходимо использовать специальные знания из области судебной сексологии. Поэтому специалистов и экспертов в данной области можно рассматривать как субъектов специальной профилактики. Специальные знания могут использоваться в виде консультативной помощи или экспертных исследований. Целевое использование специальных познаний связано с тремя особенностями сексуальных преступлений:

1) высокий удельный вес лиц с психическими аномалиями, участвующими в механизмах совершения сексуальных преступлений;

2) высокий уровень криминологического (фактического) рецидива сексуальной преступности;

3) качественная специфика серийных сексуальных преступлений.

Соответственно можно рассматривать ряд специфических мер профилактики, к которым, прежде всего, нужно отнести: комплексные судебные сексолого-психиатрические экспертизы, институт применения принудительных мер медицинского характера в отношении аномальных субъектов сексуальных преступлений и криминальное профилирование или составление психологического портрета серийного преступника.

Специальные познания в области судебной сексологии определяются как круг вопросов, относимых к междисциплинарной области знаний, охватывающей биологические и социологические аспекты сексуального поведения человека в его взаимосвязи с юридически значимыми проявлениями жизнедеятельности.[717]

Американское руководство по судебной сексологии к предмету своего исследования относит следующий круг проблем.

1. Природа сексуальных табу, сравнительно-историческая и кросскультуральная перспектива границ социальной толерантности и криминализации, правовая регуляция сексуального и репродуктивного поведения.

2. Биологические, психологические и социальные механизмы девиантных форм сексуального поведения, предупреждение и профилактика рецидивизма сексуальной преступности.

3. Разработка методов биологической терапии, психотерапевтических и психокоррекционных программ в отношении лиц с парафилиями и аномальным сексуальным поведением.

4. Разработка принципов судебной оценки, методов обследования и экспертизы сексуальных правонарушителей.

5. Правовая оценка различных вариантов сексуального злоупотребления в детстве и изучение его психосексуальных последствий.

6. Разработка подходов к судебной оценке и экспертному обследованию жертв сексуального насилия.

7. Правовые и социальные аспекты проституции.

8. Правовая регламентация смены пола и психомедицинские проблемы транссексуализма.

9. Сексуальные притязания на рабочем месте и в ходе психотерапевтического взаимодействия.

10. Проблема субкультуральных девиаций сексуальности, включая, например, ритуальное сексуальное злоупотребление.

11. Правовая регламентация порнографической деятельности, установление связи между порнографической продукцией и насилием и аномальным сексуальным поведением.

12. Законодательная регуляция партнерских и супружеских взаимоотношений.

13. Механизмы рискующего сексуального поведения, ведущего к заражению, в том числе СПИДом, а также его правовая регуляция.

14. Правовые основы сексуального образования и полового просвещения, контрацепции и других способов регуляции репродуктивного поведения.[718]

Соответственно участие специалиста и эксперта в области судебной сексологии в специально-криминологической профилактике складывается из консультаций специалиста на этапе следствия. При этом на разрешение специалиста могут ставиться следующие вопросы:

1. Содержатся ли в материалах дела признаки, квалификация которых относится к компетенции психиатра и сексолога и которые позволяют предполагать влияние на противоправное поведение каких-либо расстройств сексуальной сферы?

2. Содержатся ли в материалах дела признаки, квалификация которых относится к компетенции психиатра и сексолога и которые позволяют предполагать, что все данные правонарушения совершены одним лицом?

3. Не выявляются ли признаки того, что неизвестный правонарушитель на момент деликта обнаруживал какие-либо психические расстройства? Если да, какие именно?

4. Имеются ли в представленных материалах признаки, дающие основания предполагать наличие у неизвестного преступника психического расстройства? Если да, какие именно?

5. Содержатся ли в материалах дела признаки, дающие основания предполагать наличие у неизвестного правонарушителя сексуальных расстройств. Если да, то какие именно?

6. Какие дополнительные оперативно-следственные мероприятия по поиску неизвестного правонарушителя могут быть рекомендованы на основании изучения специалистом материалов дела?

7. Какие дополнительные экспертные исследования и какие вопросы к экспертам могут быть рекомендованы на основании изучения специалистом материалов дела?

В рамках оперативно-розыскных мероприятий, особенно при расследовании серийных сексуальных убийств, специалист в области судебной сексологии принимает участие, наряду с другими специалистами, в составлении розыскного портрета лица, совершившего преступление, т. е. проводит криминальное профилирование личности разыскиваемого преступника. Учитывая важность и значимость криминального профилирования в борьбе с многоэпизодными сексуальными преступлениями, оно рассматривается самостоятельно.

Экспертные исследования являются комплексными и осуществляются наряду с судебно-психиатрическими. Высокий процент психических аномалий среди лиц, совершивших сексуальные преступления, которые к тому же носят специфический характер и касаются, в первую очередь, случаев психосексуальных расстройств, делает актуальным вопрос о роли и месте комплексных судебных сексолого-психиатрических экспертиз в индивидуальной профилактике. Если изначально в уголовном судопроизводстве экспертные психиатрические исследования направлены на определение вменяемости субъекта преступления, то норма ст. 22 УК РФ об ограниченной вменяемости лиц с аномалиями психики и возможностью, наряду с назначением наказания, применения принудительных мер медицинского характера призвана, в первую очередь, оценить степень общественной опасности личности, исходя из ее психического состояния. Часть 2 ст. 22 УК РФ позволяет учитывать имеющиеся аномалии психики при назначении судом наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. В соответствии с ч. 2 ст. 99 УК РФ лицам, осужденным за преступления в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении, суд, наряду с наказанием, может назначить амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. Согласно ст. 434 УПК РФ «связь психического расстройства лица с опасностью для него или

других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда» является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию. В соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ основанием для назначения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ), являются случаи, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Учитывая, что целями принудительных мер медицинского характера (в соответствии со ст. 98 УК) являются излечение, улучшение психического состояния и предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК, то их роль в профилактике преступлений лиц с аномалиями психики выступает как наиглавнейшая.

Таким образом, комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза, кроме определения способности лица в период совершения преступления осознавать фактический характер и социальное значение своих действий и руководить ими, должна определить общественную опасность личности. В целом для профилактических целей акцент экспертной деятельности важно сместить от уголовно-релевантных состояний психической деятельности к оценке потенциальной общественной опасности. Применение принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим психическими, и в частности психосексуальными, расстройствами, не исключающими вменяемости, и учет психических аномалий при назначении наказания являются комплексными мерами, направленными на обеспечение общественной безопасности. Наиболее острую дискуссию вызывает вопрос о правовых последствиях ограниченной вменяемости, в частности, во всех ли случаях признания лица ограниченно вменяемым данный факт должен повлечь смягчение наказания? Этому способствует и неопределенность формулировки ч. 2 ст. 22 УК РФ, которая решение вопроса об учете ограниченной вменяемости при назначении наказания и принудительных мер медицинского характера оставляет на усмотрение суда. Суд, оценивая заключение экспертов, играющее существенную роль для определения степени влияния заболевания на деяние, должен разрешить сомнение и провести оценку общественной опасности, в том числе вследствие имеющихся нарушений психики. «Пограничность» расстройств, неясность клинической картины заболевания, не всегда четкая формулировка экспертов отражаются в их заключении, делая его малоубедительным,

неясным. Относительно самостоятельности суда при решении вопроса об учете психических особенностей следует указать на то, что закон не раскрывает, каким образом суды должны учитывать так называемую ограниченную вменяемость при назначении наказания, что вызывает трудности в практическом применении ст. 22 УК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания»[719] данный вопрос оказался обойденным.

В литературе по рассматриваемой проблеме высказываются различные точки зрения. Одни авторы полагают, что уменьшенная вменяемость уменьшает степень вины.[720] Другие исходят из того, что ограниченная вменяемость уменьшает не степень вины, а ответственность лица за совершенное преступление.[721]

Первая точка зрения основана на рассмотрении вменяемости как предпосылки вины.[722] Из этого следует, что признание лица ограниченно вменяемым влечет признание и уменьшенной степени его вины за совершенное преступление. Под степенью вины в этом случае понимается мера осознания общественной опасности деяния, желания наступления общественно опасных последствий или возможности их предвидеть. В пользу такой точки зрения говорит определенная близость понятий вины как психического отношения лица к своему противоправному поведению и его последствиям и вменяемости как психического состояния лица в момент совершения этого деяния.

Ограниченная вменяемость уменьшает ответственность лица за содеянное, а не степень его вины. О. Д. Ситковская[723] указывает, что лицо с ограниченной вменяемостью, но ответственное за свое поведение, подлежит наказанию в пределах ответственности и принудительным мерам медицинского характера в пределах влияния психических аномалий на поведение. И. А. Кудрявцев[724] также полагает, что правовая особенность ограниченной вменяемости наиболее удачно раскрывается через психологическое понятие ответственности и мера ответственности виновного прямо определяется сохранностью регулятивных возможностей личности при совершении конкретного деяния.

О конкретном механизме учета ограниченной вменяемости при назначении наказания также высказываются разные точки зрения. С позиции О. Д. Ситковской,[725] необходимо введение специальной нормы, регламентирующей наказание ограниченно вменяемых лиц. Согласно Н. Г. Иванову,[726] ограниченную вменяемость как обстоятельство, смягчающее наказание, целесообразно закрепить в ст. 61 УК РФ. М. Голоднюк[727]

предлагает психические аномалии, не исключающие вменяемости, учитывать как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Однако не ясно, как решать вопрос в случае, когда подобные психические расстройства являются следствием антисоциального образа жизни (например, алкоголизма, наркомании) или если совершенное лицом, страдающим таким психическим расстройством, преступление отличается особой дерзостью и жестокостью.

С точки зрения И. А. Семенцовой,[728] «если степень психических расстройств была столь значительна, что момент осознания субъектом негативизма собственного поведения был затруднен или, как выражаются психиатры, его сознание было сужено, тогда учет психических аномалий в качестве смягчающих наказание обстоятельств необходим. В противном случае ст. 22 УК РФ оказывается бессмысленной.

Законодательное оформление отклоняющихся от нормы психических состояний как факультативной возможности смягчения наказания может быть использовано правонарушителем специально для того, чтобы избежать заслуженного наказания. Такие случаи встречались в правоприменительной практике.

Состояние психических расстройств, за исключением императивно обязательных моментов ст. 61 УК РФ, не может быть признано смягчающим наказание обстоятельством, если субъект намеренно спровоцировал такое состояние, чтобы облегчить совершение преступления. Во всех остальных случаях совершения преступления лицом, психика которого отягчена психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, такое состояние должно признаваться как смягчающее наказание».

По мнению Г. В. Назаренко, «в ч. 2 ст. 22 УК РФ психические расстройства, не исключающие вменяемости, обозначены в качестве возможного основания для вменяемости, а также в качестве возможного основания для назначения принудительных мер медицинского характера, но не смягчающего обстоятельства. Для того чтобы имелась формальная возможность смягчить наказание ограниченно вменяемым лицам, психические аномалии, как минимум, должны быть включены в перечень обстоятельств, смягчающих наказание, либо судебная практика должна пойти по пути реального смягчения наказания лицам с психическими расстройствами, не дожидаясь законодательных нововведений. В последнем случае на пути подобной судебной практики встают не решенные до конца вопросы, в каких случаях и каким образом наказание при наличии психических аномалий у субъекта преступления подлежит смягчению».[729]

Также в литературе высказывается и иная позиция,[730] согласно которой ограниченная вменяемость является обстоятельством, смягчающим ответственность, но может быть и не принята судом во внимание и не оказать влияния на меру наказания. Данная позиция обосновывается утверждением, что, назначая наказание ограниченно вменяемому лицу, суд должен руководствоваться общими началами назначения наказания и учитывать всю совокупность обстоятельств, в том числе и отягощающих наказание. Однако из этого не вытекает возможность игнорирования судом ограниченной вменяемости подсудимого, что фактически является признанием допустимости объективного вменения. Коль скоро судом установлен факт ограниченной вменяемости, он обязательно должен быть учтен при назначении наказания. Именно такую позицию занимает Верховный Суд РФ (постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 марта 1998 г.). На практике обязательное смягчение наказания ограниченно вменяемым лицам означает, что при прочих равных условиях ограниченно вменяемому подсудимому назначается более мягкое наказание, чем психически здоровому подсудимому, который в полной мере осознавал фактический характер своих действий, мог полностью руководить ими, предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления.

Необходимо ввести соответствующую статью (ряд статей) в УК РФ в раздел о назначении наказания, регламентировать учет ограниченной вменяемости в плане лечения, содержания. В противном случае ст. 22 УК РФ оказывается нежизнеспособной, не служит профилактическим провозглашенным целям и становится причиной бесконечных ходатайств о назначении дополнительных, повторных судебно-психиатрических экспертных исследований, жалоб на то, что при постановлении приговора не было учтено такое состояние здоровья подсудимого, как психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и на этом основании не было смягчено наказание.

В экспертном направлении профилактики сексуальных преступлений можно выделить два основных направления:

1) оценка уголовно-релевантных психических и психосексуальных расстройств личности и ее значение в индивидуальной профилактике сексуальных преступлений;

2) комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертная оценка общественной опасности и профилактика криминологических рецидивов сексуальных преступлений.

7.3. Комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза уголовно-релевантных психосексуальных нарушений личности и ее значение в индивидуальной профилактике сексуальных преступлений

Судебные комплексные экспертизы лиц, совершивших сексуальные преступления, – относительно новый вид экспертных исследований, однако в силу ряда специфических особенностей имеющий принципиальное значение в уголовном процессе. Выбор комплексных методов исследования обусловлен возможностью использования специальных познаний в нескольких смежных областях науки – сексологии, психиатрии и психологии. Показанием к назначению такого рода экспертных исследований служит несколько моментов: сексуальный характер правонарушений, совершение криминальных деяний, в основе которых лежат нарушения влечений, предположительная связь противоправного поведения с имеющимися сведениями о нарушении влечений у подэкспертного в анамнезе.

Для удобства рассмотрения целесообразно весь процесс экспертного исследования подразделить на несколько этапов, на каждом из которых происходит взаимодействие специалистов в области сексологии, психологии и психиатрии. Задачей *первого* этапа является установление наличия или отсутствия психических и сексуальных расстройств, т. е. определение медицинского критерия ч. 1. ст. 20 или ч. 1 ст. 22 УК РФ. Психиатр осуществляет собственно нозологическую диагностику, касающуюся психических расстройств, сексолог, соответственно, – расстройств сексуальной сферы, прежде всего аномалий сексуального влечения. Роль психолога на этом этапе вспомогательная и заключается в проведении направленного экспериментально-психологического исследования психосексуальной сферы для определения патопсихологических симптомокомплексов, облегчающих диагностику.

На *втором* этапе решается задача установления личностного и регулятивного значения выявленных психических расстройств – выяснение потенциальной способности к осознанной и произвольной регуляции значимых для права действий. Основное внимание психиатра при этом должно быть направлено на оценку выраженности изменений психики вследствие имеющихся психических расстройств. Сексолог на этом этапе оценивает

особенности и степень выраженности нарушений сексуального онтогенеза и половой идентичности у данного испытуемого. Другим состоянием, ограничивающим вменяемость в плане волевого критерия, может являться гиперлибидемия.

В направленном экспериментально-психологическом исследовании для решения данной задачи необходимо определение уровня развития потребностно-эмоционального и волевого аспектов психосексуальной сферы, а именно:

а) определение мотивации сексуального поведения, уровня иерархии потребностей, связанных с сексуальной сферой, степень опосредованности способов их удовлетворения существующими социальными нормами поведения;

б) оценка рефлексии собственного поведения и прогностической способности в ситуациях межполового взаимодействия;

в) квалификация уровня развития познавательных конструктов, релевантных сексуальной сфере, путем оценки уровня сформированности и адекватности социальных эталонов сексуального поведения, участвующих в регуляции поведения, а также в восприятии и оценке партнеров по коммуникации.

На этом этапе при установлении юридического критерия роли психиатра и психолога паритетные. В компетенцию первого входит преимущественное разграничение состояний возможности и невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, т. е. состояний вменяемости и невменяемости. В компетенцию второго – дифференцирование полной и ограниченной регуляции поведения. Результаты направленного экспериментально-психологического исследования отражают именно ограничения потенциальной способности к осознанной и произвольной регуляции поведения в ситуациях межполового взаимодействия.

На *третьем* этапе решается задача определения степени достаточности актуальной личностной регуляции значимых для права действий в конкретной юридически значимой ситуации. Основное внимание психиатра при этом должно быть направлено на оценку психического состояния на момент правонарушения, т. е. квалификации синдрома. Задачей сексолога на этом этапе является квалификация степени влияния выявленных расстройств психосексуального развития и половой идентичности на поведение в ситуации правонарушения.

К совместной компетенции эксперта-психолога и эксперта-психиатра относится дифференцированное определение меры осознанности и произвольности ответственного поведения. Эксперт-психиатр пользуется при этом интегративными

клиническими критериями, отражающими регулятивный статус личности, в частности критерием критичности. Эксперт-психолог дает целостную оценку регулятивного модуса личности, анализируя структурную развернутость и функциональное состояние психологических составляющих криминальной деятельности.

Направленное экспериментально-психологическое исследование должно определить значимые для права ограничения регуляции поведения в момент правонарушения: ситуационный и личностный факторы.

Ситуационный фактор. Ситуации необычности задачи, сверхсильности требований, предъявляемых обстановкой межполового и, как частный случай, сексуального (в том числе и усугубление неоднозначности оценки поведения жертвы) при условии отсутствия в опыте личности адекватных способов и средств поведения в изменяющихся условиях (в силу отсутствия интериоризированности половой роли), могут отражаться на упрощении структуры сексуальных сценариев, обусловливая их стереотипность и ригидность в ситуациях сексуального взаимодействия.

Личностный фактор. Внутриличностный конфликт в сфере полового самосознания оказывает влияние на регуляцию поведения по двум основным направлениям:

а) отсутствие достаточно четкого осознания актуального образа Я и желаемого Я, а также их чрезмерное расхождение, затрудняющие их сравнение и осознание их рассогласованности, определяют невозможность соотнесения предпринятых усилий полученным результатам и, следовательно, невозможность коррекции поведения с учетом «обратной связи»;

б) расстройство мотивационного звена – невозможность принятия адекватного решения в отношении реализации конкретного намерения в случае, когда возникает необходимость осуществления выбора из альтернатив. Чем менее мотивы опосредованы структурой социальных норм, способов удовлетворения потребностей, тем более вероятна жесткая фиксация на средстве удовлетворения потребности.

Комплексная экспертиза – это, прежде всего, установление возможности обвиняемых осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими для установления значимой для права ограниченности произвольной регуляции поведения вменяемых лиц при условии, если:

1) ее объектом является «пограничная» патологическая психика субъекта преступления в юридически значимый период

времени;

2) в ней максимально задействованы возможности судебной психиатрии, юридической психологии и патопсихологии;

3) предусмотрены паритет экспертов смежных специальностей, кооперация их методических возможностей и знаний и обязательная интеграция их выводов;

4) максимально учитывается ситуационный фактор.

Особое значение при производстве комплексного судебного сексолого-психиатрического исследования приобретает норма об ограниченной вменяемости, содержащаяся в ст. 22 УК РФ, поэтому несколько подробнее следует остановиться на значении данной нормы. В соответствии с содержанием ст. 22 УК РФ предметом комплексного экспертного исследования обвиняемых с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, является выявление таких существенных для права свойств этих расстройств, которые обусловливают невозможность обвиняемых в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в юридически значимой ситуации.

Как и классическая формула невменяемости, формула ограниченной вменяемости включает в себя юридический и медицинский критерии, выступающие в неразрывном единстве. Отсутствие медицинского критерия свидетельствует об отсутствии предмета экспертного исследования, а отсутствие юридического критерия – об отсутствии юридически значимых свойств предмета экспертизы.

Медицинский критерий ст. 22 УК РФ изначально сужен и качественно определен за счет юридической квалификации психического расстройства как не исключающего вменяемости, а самого лица – как вменяемого.

Юридический критерий конкретизирует медицинский, выделяет в нем значимые для права в актуальной ситуации качества, создающие основания для той или иной экспертной оценки и юридической квалификации установленного психического расстройства.

Интеллектуальный компонент юридического критерия ст. 22 УК отражает ограничение функционирования рефлексии, регулирующая роль которой состоит в обеспечении адекватности восприятия и понимания субъектом преступления самого себя, своих действий с позиций оценки их качества другими индивидами и общностями, т. е. с учетом принятых в обществе нормативных отношений и эталонов, регламентирующих социально одобряемое нормосообразное поведение. Ограничение рефлексии может касаться фактического характера или

общественной опасности деяния.

Ограничение *осознавания фактического характера своих действий* проявляется в недостаточной правильности, реалистичности восприятия реального, объективного культурного значения своих действий, ограниченности отражения их существенных технологических и нормативных сторон, в том числе неполной осмысленности с позиций морали и нравственности. Ограничение *осознавания общественной опасности* выражается в недостаточной адекватности (правильности, реалистичности) восприятия субъектом преступления реального, объективного юридического значения своих действий, отражает дефицит их смысловой и нормативной оценки, ограниченность прогноза их негативных социальных последствий для себя и общества в ситуации выбора, при формировании и осуществлении преступного намерения (умысла).

Волевой компонент юридического критерия ст. 22 УК РФ отражает недостаточную осмысленность и адекватность выбора способов и средств целедостижения, а также ограниченность контроля при их реализации – дефицитарность регулирующих нормативных оценок, недоучет ситуации, использование не соответствующих корригирующих воздействий.

Из изложенного вытекает алгоритм экспертного анализа:

1) установление наличия или отсутствия психических и сексуальных расстройств;

2) установление личностного и регулятивного значения выявленных психических расстройств – выяснение потенциальной способности к осознанной и произвольной регуляции значимых для права действий;

3) установление степени достаточности актуальной личностной регуляции значимых для права действий в конкретной юридически значимой ситуации, т. е. выявление актуальной возможности к осознанной и произвольной регуляции значимых для права действий.

Специфика оценки криминального поведения, связанного с патологией сексуальных влечений (*парафилиями*). Парафилии в настоящее время рассматриваются как самостоятельные психические (поведенческие) расстройства. Положение о самостоятельном значении парафилий как медицинского критерия невменяемости базируется не только на классификационном обособлении парафилий, но и на действительном своеобразии данных состояний, имеющих специфическую биологическую детерминацию, собственные закономерности формирования, течения и клинических

проявлений, не имеющих жесткой связи с нозологическими видами психических расстройств.

Исследование юридического критерия при судебно-психиатрической оценке парафилий, по мнению А. А. Ткаченко, предполагает количественную оценку экспертных факторов, основанную на многоосевой классификации, и складывается из трех этапов.[731]

Первый этап представляет собой традиционный судебно-психиатрический анализ, связанный с классификацией нозологических форм психической патологии в сопоставлении с медицинским и психологическим критериями невменяемости.

Второй этап предполагает анализ аномального поведения на синдромологическом уровне, причем при исследовании поведения лиц с расстройством сексуального влечения исходят из положения о самостоятельном значении парафилий как медицинского критерия невменяемости.

На третьем этапе целесообразно выделение факультативных критериев невменяемости, которые свидетельствуют о дизонтогенетических особенностях, лежащих в основе девиантного поведения.

Исходя из этого, при экспертной оценке лиц с патологией сексуальных влечений должны учитываться особенности парафильного поведения в соответствии с облигатными и факультативными критериями, поскольку они могут иметь самостоятельное значение независимо от нозологической формы психической патологии и оказывать существенное влияние на поведение испытуемого в ситуации правонарушения. Особое внимание следует уделять оценке синдромологической картины самих расстройств сексуального влечения, отражающей степень как произвольности поведения, так и его осознанности. По отношению личности к своему аномальному сексуальному влечению парафилии делят на эгодистоническую форму, когда пациент осознает чуждость влечения, и эгосинтоническую, характеризующуюся полным принятием личностью собственных девиантных побуждений с утерей тех элементов синдромологической структуры девиантного акта, которые определяются осознаваемым внутриличностным конфликтом.

При *эгодистоническом* типе влечение может носить обсессивный характер, когда преобладает идеаторная патологическая активность, реализация девиантных фантазий бывает относительно редкой, как правило, под действием психотравмирующих обстоятельств, ослабляющих волевой контроль, и сопровождается длительной борьбой мотивов. При этом сохраняется осознание противоправности и наказуемости

своих действий. В случае обсессивно-компульсивных влечений реализация девиантной активности происходит нередко на фоне измененного сознания, волевой компонент целенаправленной деятельности редуцируется, однако понимание противоправности и наказуемости своих действий может сохраняться. В данном случае целесообразно говорить об ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ), поскольку эмоционально-волевые нарушения свидетельствуют о том, что испытуемый не мог в полной руководить своими действиями (волевой признак юридического критерия) в силу неодолимости возникающих побуждений.

При *компульсивном* варианте патологии влечений осознавание своих действий, оставаясь относительно сохранным на этапе возникновения побуждения к реализации, сочетается с нарушением волевого контроля и искажается непосредственно в момент осуществления аномальной сексуальной активности по мере нарастания сужения сознания. Поэтому в данном случае можно говорить о нарушении как волевого (способность руководить своими действиями), так и интеллектуального (прежде всего, способность осознавать общественную опасность) признаков юридического критерия, в связи с чем целесообразно отметить экскульпацию этих лиц.

При *импульсивном* варианте происходит непосредственная реализация влечений на фоне измененного сознания с последующей амнезией, что свидетельствует о нарушении волевого и интеллектуального признаков юридического критерия и позволяет экскульпировать данную категорию лиц.

При *эгосинтоническом* варианте расстройств сексуального влечения оно целиком сливается с личностью, включается в ее мировоззрение, во многих случаях приобретает сверхценный характер. Волевой критерий внешне остается неизменным из-за отсутствия внутриличностного конфликта, а основной акцент смещается в сторону интеллектуального критерия (прежде всего, способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий), характеризующегося своеобразием восприятия имеющихся влечений, оценки соответствия собственного поведения общепринятым и собственным моральным нормам, степени рефлексии своих переживаний. Существенным моментом является имеющаяся иллюзия контроля своих аддиктивных реализаций, когда поведение функционирует как самоорганизующаяся система (Ткаченко А. А., 1999). При том, что испытуемые понимают противоправность и наказуемость своих действий, они не могут отказаться от их реализации, поскольку это становится специфически закрепленным способом эмоциональной саморегуляции, что позволяет предположить

невозможность в полной мере руководить своими действиями при формальной сохранности критических способностей. Следует отметить, что роль эгосинтонического характера влечения необходимо учитывать только в совокупности с оценкой психопатологии, и прежде всего, дефицитарных расстройств.

Установление характера аномального сексуального влечения (навязчивый, обсессивно-компульсивный, импульсивный), отношения к аномальному сексуальному влечению (эгосинтония/эгодистония) целесообразно отнести к компетенции сексолога, поскольку термин «эгодистония» употребляется в международной классификации психических расстройств только в отношении психосексуальной сферы.

В качестве факультативных критериев у этой категории лиц могут рассматриваться дизонтогенетические варианты психосексуального развития, такие как дисгармония пубертата и тотальная задержка полового развития, приводящие к нарушению интериоризации мужской половой роли и ограничению выбора поведенческих стратегий в ситуациях, обусловливающих полоролевую фрустрацию при межполовом взаимодействии (Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В.).[732]

В проведенных нами исследованиях было отмечено, что при парафилии генерализованное негативное отношение к женщине с психологической неудовлетворенностью в нормативных сексуальных контактах больше связаны с нарушениями на этапе базовой половой идентичности, причем при дисгармониях пубертата взаимосвязанные нарушения психического и физического «*Я*» отмечаются на этапах как базовой половой идентичности, так и половой роли. Иными словами, выявляемые расстройства психосексуальной сферы носят более глубокий характер, чем у лиц без парафилий. Данный факт дает основание утверждать, что даже при невозможности точно квалифицировать характер патологического влечения, при парафилиях можно говорить о снижении потенциальной способности к регуляции сексуального поведения в ситуации межполового взаимодействия за счет резкого ограничения возможности нормативной гетеросексуальной активности и возрастания вероятности агрессивных сексуальных действий в отношении женщин (нарушение волевого компонента – сужение возможности руководить своими действиями).

В случае квалификации сексологом импульсивного или компульсивного характера аномального сексуального влечения, а также установления прямой причинно-следственной связи между выбором объекта и активности при достаточных критериях аномалии сексуального влечения (парафилии) по МКБ-10 можно

говорить о том, что выявляемая у испытуемого парафилия *определяла* его поведение в ситуации правонарушения (невменяемость).

В случае установления сексологом обсессивного характера аномального сексуального влечения можно говорить о том, что выявляемые у испытуемого нарушения сексуальной сферы *оказывали существенное влияние на его поведение* в момент правонарушения (не мог в полной мере отдавать себе отчет и руководить своими действиями).

Особое значение имеет правильная экспертная оценка типа течения расстройств сексуальных влечений.

Стационарный – при данном типе динамики аномальное сексуальное поведение отличается высокой степенью стереотипности, многократно повторяется один и тот же профиль поведения, сопровождающийся стереотипными субъективными переживаниями.

Прогрессивный – о данном типе течения можно говорить, когда при смене синдромов или видоизменении уже имеющихся в клинической картине болезни появляются формы поведения или переживаний, присущие определенным периодам нормативного онтогенеза и «выпавшие» в ходе развития именно данного индивида.

Регрессивный – в этом случае в качестве первого критерия выступает смена синдромов на более онтогенетически ранние или архаические: изнасилования, гомосексуальные анальные половые акты или фелляция сменяются агрессивно-садистическим поведением, некрофилия – стремлением к издевательству над трупами (некросадизм) или каннибализмом. Второй критерий – также смена объекта влечения с удалением от нормативного. Третий – утрата обратной связи (реакция жертвы перестает иметь значение и регулировать поведение), что свидетельствует о распаде коммуникации.

Оценка типа течения позволяет прогнозировать динамику состояния и правильно рекомендовать меры медицинского характера.

Синдромальная динамика парафильного поведения представляет последовательную смену 4 этапов: 1) психопатологически недифференцированного; 2) эгодистонического; 3) эгосинтонического и 4) аддиктивного с установлением определенного внутреннего ритма, когда сексуальное поведение не зависит от действия внешних и психогенных факторов.

Резюмируя результаты патопсихологического исследования лиц с парафилиями, И. А. Кудрявцев отмечает, что у таких

обвиняемых категория «степень выраженности внутриличностного конфликта», связанная с особенностями самопринятия, может рассматриваться как базовая при определении их меры способности осознавать значение своих действий или руководить ими при совершении сексуальных правонарушений.[733] Автор отмечает, что при низком самопринятии (эгодистония) постоянная невротическая «борьба с самим собой», со своим «дефектом», осознание «положения изгоя в обществе», чувство «ущемленности» в сочетании с функционированием неэффективных способов психологической защиты, перманентным или ситуационным снижением контроля над эмоциями, наличием личностных механизмов накопления травмирующих переживаний, аффекта враждебности, склонностью к их фиксации существенным образом ограничивают способность к произвольной регуляции поведения на высоте напряжения актуальной сексуальной потребности. В этих условиях, как показывает анализ материалов уголовных дел, криминальная мотивация определяется характером потребностного состояния без учета прогноза последствий своих действий, без полноценного осмысления различных аспектов конкретной ситуации; отмечаются изменения восприятия отдельных обстоятельств и сторон содеянного и нарушение их оценки в целом, что указывает на выраженное снижение контроля. При этом в большинстве случаев наблюдается сохранность постситуативной оценки происшедшего, что было сопряжено с негативным отношением к себе, переживанием чувства отчуждения криминала (психологическая защитная деперсонализация) (Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Дворянчиков Н. В., 2003).

Отмеченные особенности психологического функционирования являлись причиной и механизмом, усиливающими внутриличностный конфликт. Констатация этих качеств, отражающих существенное ограничение саморегуляции субъекта преступления со снижением осознанности и произвольности противоправного поведения, свидетельствует о наличии юридического критерия ст. 22 УК РФ. В случае высокого уровня самопринятия отмечается достаточная сохранность этих факторов и, следовательно, отсутствие юридического критерия. Однако следует учитывать тот факт, что юридический критерий может определяться изменениями личности вследствие основного психического расстройства.

7.4. Амбулаторные принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления, и их роль в индивидуальной профилактике

«В государственных центрах по исправлению сексуального поведения люди, страдающие половыми извращениями, носят на пенисе специальный фиксатор с наполненной ртутью резиновой петлей. Больного заставляют смотреть эротические фильмы и слушать звукозаписи, имитирующие сцены сексуального насилия. Такое лечение осуществляется как часть аверсионной терапии, при которой всякий раз, когда набухает член пациента, он получает удары электрическим током и чувствует омерзительные запахи».

Крис Кэмпион

Наказание относится к мерам государственного принуждения, назначаемого по приговору суда. Его цели, прописанные в ч. 2 ст. 43 УК, определены как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Целями применения принудительных мер медицинского характера, определенных в ст. 98 УК РФ, являются излечение или улучшение психического состояния, а также предупреждение совершения новых преступлений. Таким образом, в ряде случаев задачи наказания и применения принудительных мер медицинского характера совпадают, но и имеют существенные различия. Их сочетание должно вносить качественную специфику в превенцию криминального поведения. Среди мер социального принуждения и контроля амбулаторное принудительное лечение и наблюдение явились новеллой действующего УК РФ 1996 г., отличаясь наибольшими сложностями реализации, как в правовом, так и в

практическом аспектах применения.[734] Наиболее простым подходом к проблеме превенции был принцип, согласно которому больных надо лечить, преступников – наказывать, однако реальность оказалась намного сложнее. Одним из предлагаемых подходов к профилактике сексуальных преступлений, с целью защиты общества от наиболее опасных преступлений, посягающих на его морально-нравственные устои, является усиление санкций, вплоть до обсуждения вопросов о применении смертной казни, пожизненного лишения свободы, особенно к лицам, совершившим многоэпизодные и серийные убийства и изнасилования. Однако необходимо помнить, что «ужесточение наказаний и расширение масштабов его применения решающего значения на преступность не имеют».[735] Усиление карательной системы правосудия и увеличение количества тюрем не дают желаемого результата – «исправления» осужденных преступников. Один из подходов к решению проблемы – возможность превращения тюрем из мест отбывания срока наказания в места максимально индивидуализированного воздействия на личность осужденного; сочетание комплексных мер перевоспитания, исправления, медико-социальной и психологической коррекции личности преступника. Одним из практических направлений реализации таких мер является возможность сочетания наказания с применением амбулаторного принудительного лечения. Учитывая, что лица с психическими аномалиями при сексуальных преступлениях составляют 72 %, а с психологическими – более 90 %, применение именно такой формы социального контроля представляется наиболее эффективной.

Уголовно-исправительный кодекс РФ вводит понятие «лечебные исправительные учреждения», предназначенные для категорий осужденных с психическими аномалиями (ч. 8 ст. 74, ч. 1 ст. 18 УИК), среди которых лица с патологией сексуальных влечений встречаются довольно часто, а лица с психической патологией, которая способствует агрессивному и импульсивному формам поведения, составляют основную массу осужденных.

Показания к применению принудительного лечения в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления, определяются наличием у лица психических аномалий, способствующих агрессивным и импульсивным формам поведения, аномалий сексуального влечения, так называемого парафильного поведения, реализация которого связана с совершением криминальных действий. Следовательно, экспертиза, рекомендующая суду назначение применения принудительных мер медицинского характера, в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления, должна носить

комплексный характер, с участием специалиста в области судебной сексологии. Такой же должна быть экспертиза, рекомендующая суду его отмену. Кроме того, целесообразно ввести критерии доверия экспертам, т. е. индивидуальную профессиональную ответственность, которая давала бы право заниматься экспертной деятельностью и учитывала у каждого эксперта количество «ошибок». Сохраняющийся комиссионный принцип проведения экспертных исследований противоречит принципам процессуального законодательства и положениям Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».[736]

А. А. Ткаченко, анализируя отмеченные противоречия, выделяет три наиболее значимых момента:[737]

1) принцип личной ответственности за данное экспертом заключение, в соответствии со ст. 23 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ст. 201 УПК РФ;

2) принцип независимости и равноправия экспертов, в соответствии со ст. 7, 14 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»;

3) принцип непосредственности, т. е. обязательного проведения экспертом самостоятельного исследования во всем объеме, в соответствии со ст. 22 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

При производстве комплексных судебных экспертиз и рассмотрении их значения в профилактике криминального поведения, особенно при оценке общественной опасности и рекомендаций по отмене принудительного лечения, целесообразно ввести понятие «межэкспертного» согласия относительно вероятности совершения данным лицом новых преступлений и сроков сделанного прогноза.

Применение принудительных мер медицинского характера осуществляется согласно ст. 97–104 УК. В ч. 1 ст. 104 УК отмечено, что лица, обнаруживающие психические расстройства, не исключающие вменяемости, точно так же как и нуждающиеся в лечении от алкоголизма или наркомании, могут получать только амбулаторное психиатрическое лечение, только по месту отбывания наказания, и лишь в случаях осуждения к иным видам наказания – в учреждениях органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную помощь. При этом сроки проведения принудительных мер медицинского характера жестко ограничены сроками назначенного наказания. Законодательно не регламентировано оказание помощи после его завершения, за исключением тех редких случаев, когда пациент уже по своей

инициативе может обратиться за продолжением лечения. Отсутствует последующая возможность постановки указанных лиц на специальный учет в психоневрологических учреждениях. Подобный учет мог иметь огромное значение как в оперативно-розыскных мероприятиях, так и по контролю таких лиц в дальнейшем. Так, лица, отбывшие наказания за сексуальные преступления в отношении детей, в последующем устраиваются работать в детские учреждения и школы, что, естественно, недопустимо.

Организация амбулаторного принудительного лечения в местах лишения свободы в отношении лиц с психическими аномалиями и нарушением влечений не регламентирована. В качестве примера для подхода к решению данной проблемы можно рассматривать реализуемый подход к принудительному амбулаторному лечению осужденных от алкоголизма и наркомании, зафиксированный в приказе Минюста РФ от 3 августа 2001 г. № 229 «Инструкция по организации принудительного амбулаторного лечения от алкоголизма и наркомании осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста РФ».[738] Указанная инструкция регламентирует: создание в одной исправительной колонии изолированных участков с различными видами режима, что позволяет концентрировать соответствующий контингент осужденных для проведения необходимых лечебных мероприятий; преемственность лечебно-исправительных учреждений с органами здравоохранения по месту жительства осужденного, что особенно важно для тех случаев, когда начатое лечение не закончено и освобождаемый нуждается в его продолжении; оснащение медицинской части исправительных учреждений, осуществляющих принудительное амбулаторное лечение.

В силу специфичности патологии психосексуальной сферы, определяемой ее сложным биопсихосоциогенезом, включающим влияние не только психопатологических, личностных, но и патосексологических факторов, ее лечение, наблюдение и коррекция должны осуществляться специалистами, имеющими особую подготовку в области сексологии и сексопатологии. Единственно возможным, с организационной точки зрения, является объединение таких специалистов в профилированных лечебно-диагностических центрах, созданных в системе уголовно-исправительных учреждений.

Условно, с криминологической точки зрения, все осужденные могут быть подразделены на три группы:

1) лица, у которых криминальное поведение непосредственно

связано с расстройством сексуальных влечений, т. е. парафильное и криминальное поведение причинно взаимообусловлены;

2) лица с нарушениями сексуальных влечений, которые играли существенную роль в регуляции поведения в момент совершения преступления, но не связаны с ним причинно-следственными связями;

3) лица с психическими аномалиями, способствующими реализации агрессивных и импульсивных форм поведения, без расстройств сексуального влечения.

Соответственно тактика комбинации исполнения наказания и принудительного лечения в выделенных группах должна существенно различаться.

В первой группе меры медицинского характера являются определяющими, и их использование должно проводиться в полном объеме имеющихся средств, и в первую очередь антиандрогенной терапии, или «химической кастрации», так как в основе механизма совершения преступления лежат патобиологические явления нарушения влечений. К этой группе относятся лица, совершившие серийные, многоэпизодные сексуальные преступления, ранее привлекавшиеся за совершение сексуальных преступлений. Даже при условии их освобождения необходимо продолжение амбулаторного принудительного лечения и наблюдения.

Лица без расстройства сексуального влечения, выделенные в третью группу, криминальное поведение которых определяется, в первую очередь, структурой имеющихся психопатологических расстройств. В данной группе можно выделить четыре механизма реализации криминального сексуального поведения:

1) транзиторное сексуальное поведение лиц подросткового возраста, обусловленное реакциями имитации и гиперкомпенсации (чаще всего это лица, совершившие групповые изнасилования и насильственные действия сексуального характера);

2) криминальное поведение по механизму «переадресации» сексуальной активности на определенный объект вследствие психопатологических расстройств, не достигающих психотического характера, с доминированием сверхценных идей эротического характера и ревности;

3) криминальное сексуальное поведение в отношении детей вследствие «кризиса полоролевой идентичности» инволюционного периода у лиц с интеллектуальной недостаточностью и дефицитом высших эмоций, снижением и деформацией личности;

4) «смещение» сексуальной активности на

несовершеннолетних в рамках временных состояний дезорганизации психической деятельности в состоянии алкогольного или наркотического опьянения с элементами агрессии и импульсивными действиями.

В данной группе, наряду с амбулаторными мерами медицинского характера, направленными на неспецифическое лечение психической патологии, алкоголизма, изменений личности, необходим комплекс мероприятий, направленных на исправление осужденного.

Другими направлениями криминологической профилактики и борьбы с сексуальными преступлениями выступают меры уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера, административного надзора, усиление социального контроля и поддержки лиц, привлекавшихся ранее к уголовной ответственности. Однако в отношении рецидива сексуальных преступлений, совершаемых в большинстве случаев лицами с аномалиями психики, наиболее эффективными и специфическими мерами будут оставаться применение принудительных мер медицинского характера в сочетании с исполнением наказания, где роль прогнозирования особенно велика.

Изучение зарубежного опыта показывает возможности более широкого уголовно-правового регулирования профилактики сексуальных преступлений, ведущихся не за счет усиления наказания. Примером здесь является ряд законодательных мер, принятых за последнее время в США и носящих стратегический характер. Это Закон Джейкоба Ваттерлинга о преступлениях против детей и регистрации сексуальных преступников (Jacob Wetterling Crimes against Children and Sexually Violent Offender Registration Act) от 1994 г., который включает в обязанности администрации штата в отношении лиц, осужденных за сексуальные насильственные преступления, уведомлять правоохранительные органы о местонахождении в течение десятилетнего срока после окончания срока общественного надзора. Закон Меган 1996 г. (Megan’s Law), другой федеральный акт, обязывает административные органы штата, в котором проживает освободившийся сексуальный преступник, сообщать сведения о месте его проживании общественности. Закон о преследовании и идентификации сексуального преступника по делу Пэм Личнер 1996 г. (Pam Lychner Sexual Offender Tracking and Identification Act) обязывает должностных лиц к накоплению информации о сексуальных преступниках в общенациональной поисковой базе и постановке на учет данной категории лиц по месту их жительства.

Указанная законодательная основа позволяет осуществлять эффективный социальный контроль за лицами, совершившими сексуальные преступления, и в отношении профилактики рецидивности является, на наш взгляд, оптимальным правовым решением. Трудно представить, чтобы при таком законодательстве лицо, совершившее, например, сексуальное преступление в отношении детей, после отбытия наказания могло устроиться на работу в детское учреждение.

7.5. Криминологическое прогнозирование и оценка общественной опасности в системном подходе к профилактике рецидивной сексуальной преступности

«В мире десять тысяч вещей, в человеческой душе десять тысяч чувств, на земле десять тысяч дел. Если смотреть на них помраченным оком, они предстанут бессмысленной путаницей. А если смотреть на них прозревшим оком, во всем обнаруживается незыблемый порядок».

Хун Цзычен

Прогноз может рассматриваться как системный анализ, опережающий развитие ситуации, основанный на взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Криминологический прогноз – это вероятностное суждение о будущем состоянии (уровне, структуре, динамике) преступности, ее детерминант и возможностей, профилактики, иных средств воздействия на преступность в определенный период времени.[739] Еще классик социологии К. Маркс, отмечая возможности прогнозирования преступности, писал: «Преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают, по своему числу и своей классификации, такую же закономерность, как явления природы».

Целями криминологического прогноза являются подготовка материалов для разработки общей концепции, программы управления преступностью, выбор оптимальных путей развития деятельности правоохранительных органов.[740]

Методологическое обоснование криминологического прогнозирования преступного поведения человека связано с детерминистской концепцией поведения, которое рассматривается как результат сложных интегративных связей личности, среды и конкретных жизненных ситуаций.[741]

Прогнозирование как основа профилактики именно рецидивной преступности обусловлено тем, что, наряду с процессами детерминации и причинности, на ее формирование сильное влияние оказывает самодетерминация и тогда рецидивная преступность «концентрированно выражает» лежащие

в ее основе механизмы и процессы.[742] Соответственно многоэпизодные, рецидивирующие и серийные сексуальные преступления представляют нуклеарную (ядерную) структуру данного вида преступности и требуют наиболее пристального внимания на предмет разработки эффективных профилактических мероприятий.

Действующий Уголовный кодекс с достаточной определенностью указывает на то, что о потенциальной опасности лица, имеющего психические нарушения, следует судить по его психическому состоянию (ст. 100 УК РФ), однако в отношении лиц в рамках ограниченной вменяемости этот вопрос не имеет столь однозначного решения. В ранних работах судебных психиатров, посвященных оценке общественной опасности, предлагалось выводить данное суждение из оценки личности по двум параметрам: психическому состоянию и характеру совершенного деяния (Калашник Я. М., 1955).[743] Эта точка зрения была полностью воспринята законодателем, что нашло отражение в соответствующих статьях действовавшего в тот период времени законодательства (ст. 59, 60 УК 1960 г., а также ст. 410 УПК РСФСР). Такой подход оправдан и в современных условиях. Исходя из целей применения принудительных мер медицинского характера, определенных в ст. 98 УК РФ, кроме излечения или улучшения психического состояния, указывается на предупреждение совершения новых деяний.

Сексуальные преступления занимают определенное специфическое место в криминологической характеристике преступности, в первую очередь, высоким специфическим криминологическим рецидивом. Он составляет около 70 %. Поэтому на первый план выступают вопросы прогноза общественной опасности лиц, совершивших данные преступления. Это направление криминологических исследований связано с предсказанием индивидуального криминального поведения. Классик криминологических исследований А. Принс еще в конце XIX в. отмечал, что «по общему правилу социальная опасность является результатом преступности. Тем не менее ее можно предвидеть до совершения преступления и независимо от него».[744]

Прогностические исследования в криминологии преследуют три цели:

1) выявление групп высокого риска последующего криминального поведения с целью направленной профилактики;

2) построение этиологических теорий (теорий причин), с тем чтобы выявить определенные корреляты преступного поведения,

которые могут рассматриваться как причины;

3) получение информации для принятия правовых решений – заключение под стражу, досрочное освобождение, сочетание наказания с принудительными мерами медицинского характера и т. д.

В. П. Котов и М. М. Мальцева предлагают следующий алгоритм диагностики потенциальной общественной опасности или криминального прогнозирования лиц с психическими нарушениями:[745]

1) квалификация ведущего синдрома;

2) квалификация формы течения заболевания;

3) определение стадии развития заболевания или болезненного состояния, на которой возможно совершение общественного опасного или криминального деяния;

4) установление тяжести совершенного деяния и его психопатологического механизма;

5) определение вероятности совершения нового ООД или преступления в баллах;

6) определение тяжести вероятного ООД в баллах (в соответствии со ст. 15 УК РФ);

7) квантификация степени потенциальной общественной опасности (исчисление индекса);

8) установление локализации точки, отражающей общественную опасность данного больного, в прямоугольной системе координат;

9) формулирование заключения по решаемому практическому вопросу (выбор меры медицинского характера, продолжение или прекращение принудительного лечения, включение больного в группу активного диспансерного наблюдения или выведение из нее, дача рекомендаций по безопасному социально-бытовому устройству пациента).

Учитывая, что общественная опасность может определяться то высокой вероятностью совершения ООД, то его особой тяжестью, а суммарная оценка определяется именно *соотношением* этих показателей, для оценки *тяжести* прогнозируемого деяния предлагается использовать градацию тяжести преступлений, приведенную в ст. 15 УК РФ. В соответствии с ней все ООД, так же как преступления, могут быть оценены в баллах: 0 – неопасные деяния, 1 – деяния небольшой тяжести, 2 – средней тяжести, 3 – тяжкие, 4 – особо тяжкие. Клинико-психопатологические данные содержат необходимые предпосылки и для ранжирования *вероятности* ООД: 0 – отсутствие вероятности ООД; 1 – малая вероятность, 2 – условная вероятность, 3 – безусловная вероятность, 4 – высокая

вероятность ООД. Суммарный индекс потенциальной общественной опасности предлагается вычислять по формуле: О = Т+В/2, где О – общественная опасность, Т – тяжесть прогнозируемого деяния, В – вероятность деяния. Отмечается, что если отразить полученные количественные показатели графически, то можно получить координаты общественной опасности конкретного больного, выяснить, от чего больше зависит его потенциальная опасность – от тяжести возможного деяния и/или высокой степени вероятности нового ООД, определить зоны в системе координат, соответствующие тем или иным оптимальным принудительным мерам медицинского характера в отношении каждого конкретного больного.

Для прогнозирования индивидуального криминального поведения О. В. Старков предлагает следующую формулу:[746]

$$I = KT\frac{(U-u)(M-m)}{(R-r)(A-a)},$$

где: I – следствие (конкретное преступление, его вид); К – коэффициент вероятностей совершения преступления; Т – время существования криминогенной ситуации до совершения преступления; U – степень напряженности криминогенной ситуации; u – разрядка напряженности; U – u – развитие процесса напряженности; M – криминогенная мотивация; m – антикриминогенная мотивация; M – m – мотивационная борьба; R – негативные внутренние условия; r – позитивные внутренние условия; R – r – процесс взаимодействия внутренних условий; A – негативные внешние условия; a – позитивные внешние условия; A – a – процесс взаимодействия криминогенной мотивации и ситуации.

Как справедливо отмечает сам автор, главная проблема использования формул – это их перевод в единую, сопоставляемую систему показателей. С другой стороны, недостаток данных формул заключается в отсутствии учета специфики психопатологических факторов в генезе криминального поведения, отсутствие семантической определенности используемых понятий.

По мнению других исследователей, связь между тяжестью криминального деяния и последующей потенциальной опасностью личности в плане рецидива является неясной и проблематичной.[747] Справедливо отмечено, что поиск прогностических факторов преступлений, рассмотренных в отдельности, не является статистически значимым и возможность

их применения оправданна только при комплексной оценке. Одним из первых авторов, отметившим системность подхода к проблеме прогнозирования криминального поведения лиц с аномалиями психики, был Ф. В. Кондратьев, предложивший модель «синдром – личность – ситуация».[748]

Таким образом, системность прогностического подхода к профилактике преступлений заключается не только в суммировании отдельных факторов, оказывающих криминогенное влияние, но и в учете изменения влияния выделенных факторов в зависимости от их сочетания. Для повышения степени вероятности прогноза и при одновременной избыточности факторов криминального поведения при системных исследованиях имеются два основных направления:

1) необходима реализация всех возможностей качественного анализа для снятия «факторной избыточности»;

2) необходимо дальнейшее развитие математического аппарата многофакторного анализа.[749]

Зарубежные исследователи, наряду с вероятностными (статистическими) методами криминального прогноза, так называемыми актуарными прогностическими индексами, используют клинический прогноз как субъективную оценку риска преступного поведения. Прогнозирование осуществляется на основе предикторов (параметров или факторов генезиса преступного поведения), которые связываются с критериями, отражающими степень риска противоправного поведения. Эффективность предикторов определяется тем, насколько сделанный по нему прогноз отличается от случайного и зависит от его корреляции с критерием, от базисного уровня или частоты встречаемости выделенного предиктора в исследуемой популяции преступников.[750] Базисный уровень того или иного предиктора складывается в основном из криминологических и демографических переменных и отражен в эмпирических таблицах, составленных в результате социологических и криминологических исследований различных категорий преступников.

Клиническая или субъективная оценка опасности совершения лицом криминального акта необходима в ситуации условнодосрочного освобождения, направления на принудительное лечение или его отмену. Субъективно оцениваемая опасность (dangerousness) семантически может относиться к свойствам действий, ситуаций, проявлений психопатологии или личности в целом. Таким образом, эта оценка может быть отнесена и к совершенному действию, и к вероятности его совершения. Проблема клинического

предсказания состоит не только в том, какие факторы принимать во внимание, важно их соотношение с системой ценностей личности в целом, возможностями учета ее постоянной модификации, выявление того, какие ситуационные стимулы могут служить пусковым моментом криминального поведения.

Канадской исследовательской группой (Quinsey V. et al., 1995) была создана шкала факторов риска из 9 переменных, которые предусматривают не только линейную оценку риска, но и при высоких значениях по данной шкале позволяют вычислять вероятность рецидива сексуальных правонарушений и повышать точность прогноза повторных сексуальных правонарушений до 40 %.[751] Значимыми переменными были (в порядке убывания частоты их встречаемости): количество привлечений к ответственности за насильственные правонарушения в прошлом; отсутствие браков в жизни данного индивидуума; наличие жертв женского пола; наличие жертв-мальчиков; малое количество привлечений к уголовной ответственности, связанных с воровством; девиантное сексуальное поведение. Риск совершения рецидива сексуальных преступлений возрастает с увеличением количества выделенных факторов риска.

Исследовав рецидив сексуальных преступлений, Ю. М. Антонян, С. П. Позднякова отмечают значительную роль психических аномалий и зависимость от конкретных нозологических форм психических расстройств.[752] Так, при органических поражениях головного мозга рецидив сексуальных преступлений составляет 42,2 %, при психопатиях – 23,7, олигофрении – 22,7 и при алкоголизме – 4,5 %. Б. Л. Гульман, исследовав рецидив сексуального криминального поведения при психопатиях, отмечает его уровень в 70 % и выявляет риск рецидива от формы психопатии.

В исследовании Quinsey, Lalumiere et al. общий показатель рецидива для любого сексуального преступления составил 22,8 %.[753]

Психопатологические особенности и их коррекцию в ходе профилактических программ лиц, склонных к рецидиву криминального сексуального поведения, некоторые исследователи рассматривают в понятиях ремиссии, возврата и срыва (remission, relapse and lapse).[754] «Возврат» – это нарушение установленной системы правил, регулирующих нормы или стереотипы целевого поведения. «Срыв» представляет собой единичный случай нарушения таких правил. Применительно к сексуальным преступникам «возврат» относится к любым повторениям криминального или девиантного сексуального поведения, «срыв» относится к любым случаям возникновения

преднамеренных или обдуманных фантазий о сексуальном криминальном поведении или возвращения к источникам стимуляции данного поведения.[755]

R. Hanson, M. Bussiqre в обзоре исследований, посвященных проблеме прогноза рецидивности, для упрощения анализа различные показатели рецидивности объединили в три категории: сексуальный рецидивизм, несексуальный насильственный рецидивизм и общий рецидивизм.[756]

Сексуальный рецидивизм наилучшим образом был предсказан:

1) показателями сексуальной девиантности (например, ненормальные сексуальные предпочтения, предшествующие сексуальные правонарушения);

2) в меньшей степени общими криминологическими показателями (например, возрастные, общие предшествующие правонарушения).

Прогнозаторы несексуального рецидивизма и общего рецидивизма были подобны тем, которые выявлялись среди несексуальных преступников.

По данным авторов, изучивших показатели за период 4–5 лет, общий показатель рецидивности был равен 13,4 % для сексуальных правонарушений, 12,2 – для несексуальных насильственных правонарушений, и 36,3 % – для любого рецидивиста.

Прогнозаторы сексуального рецидивизма. Из анамнестических показателей три показателя значимо предсказывали сексуального рецидивиста: отрицательное отношение к матери, правонарушения в пубертате, проблемы родительской семьи (несексуальное насилие, развод родителей). Сексуальное злоупотребление в детстве и отрицательное отношение к отцу не коррелировали с рецидивностью. Из демографических показателей коррелировали: молодой возраст, отсутствие брака. Имело значение количество предшествующих правонарушений, выбор незнакомой жертвы, наличие эксгибиционистских эпизодов в анамнезе и повторность изнасилования.

Общая категория «девиантное сексуальное предпочтение» также предсказывала рецидивиста (особенно полиморфность). Небольшая вероятность была выявлена у лиц с психическими расстройствами в целом. Несколько общих клинических переменных показывали значимую связь с рецидивностью: наличие психоза в анамнезе, расстройство личности, особенно антисоциальное или психопатия, незначительно – интеллектуальное снижение.

Прогнозаторы несексуального насильственного рецидивизма. К ним относятся: молодой возраст, отсутствие брака,

насильственные правонарушения в анамнезе, наличие антисоциальных личностных расстройств. Из шкал MMPI отмечается корреляция со шкалой психопатии, высокими показателями шкалы К и низкими – по шкале социальной интраверсии (Hanson et al.).

Прогнозаторы общего рецидивизма. К ним относятся: правонарушения в пубертате, отрицательное отношение к матери, сексуальное злоупотребление в детстве. Среди демографических – молодой возраст, количество предшествующих правонарушений, особенно насильственных. Малозначимые корреляции – с психическими расстройствами в целом, более значимые – с расстройствами личности и злоупотреблением алкоголем.

Комбинированные показатели рецидивности. Другая объективная шкала риска, которая применялась к сексуальным правонарушителям, – Risk Appraisal Guide (RAG) (Webster, Harris, Rice, Cormier, Quinsey, 1994). Результаты этого обзора свидетельствуют о том, что рецидивизм сексуального правонарушения тесно связан с сексуальной девиантностью. Надежными прогнозаторами были также наличие предшествующих половых правонарушений и, в меньшей степени, разнообразие сексуальных преступлений. Сексуальный рецидивизм также был связан с индексами общей криминальности, как, например, предшествующие несексуальные правонарушения и антисоциальное расстройство личности, но эти корреляции были более слабы, чем корреляции с сексуальной девиантностью.

Другие перспективные прогнозаторы сексуального рецидивизма включали раннее начало сексуальных нападений, выбор незнакомых жертв и шкалу маскулинности – феминности MMPI.

Другой возможный подход к прогнозированию рецидивизма сексуальных преступлений, в силу их криминологической, психопатологической и патосексуальной специфики, может быть основан на типе течения или динамики нарушений сексуальных влечений, что внешне будет проявляться в особенностях парафильного поведения и закономерностях их трансформации (стационарный, прогрессивный и регрессивный). И, соответственно, прогноз и профилактика лиц с психическими аномалиями и нарушением сексуальных влечений будут находиться в комплексной зависимости от амбулаторных принудительных мер медицинского характера, проводимых наряду с исполнением наказания, а в последующем – возможность продолжения как наблюдения и учета в психоневрологических диспансерах, так и специальных учетов,

позволяющих субъектам профилактики следить за дальнейшей судьбой данной категории лиц.

Одним из перспективных направлений исследований в области криминологической прогностики является использование современных информационных технологий, и прежде всего, программных нейросетевых продуктов. Для оценки прогностических возможностей нейросетей для примера приведем использование программы BrainMaker, выпускаемой компанией California Scientific Software, для предсказания динамики насильственных сексуальных преступлений на определенной территории.

Криминология относится к работающей со слабо формализируемыми данными области научных исследований, понятийный аппарат которой отличается семантической неопределенностью и трудностями логической экспликации знаний. Так, центральное для криминологии понятие преступности является наименее ясным и определенным.[757] В целом использование знаний и их формализацию можно представить в виде последовательности из трех этапов: 1) создание лингвистической модели определенной предметной области и дефиниция понятий; 2) создание логической модели или логическая экспликация предметной области, и 3) математическая модель.

Нейросети представляют собой компьютерные программы, основными отличительными чертами которых выступают возможность их обучения на примерах, эффективность использования в плохо формализируемых классах задач прогнозирования, классификации, распознавания и др.

В основе прогнозирования лежит выявление закономерностей прогнозируемого события с использованием имеющихся ретроспективных данных, которые записаны в виде временно́й последовательности. Прогнозирование в криминологических исследованиях выступает составной частью профилактики преступности. Возможность использования при этом компьютерных средств отмечалась в работе О. В. Старкова (2005).[758] Использование программных средств позволяет перейти от фундаментальных, теоретических проблем в области криминологии непосредственно к прикладным, практическим аспектам предупреждения и прогнозирования преступности.

Условно процесс прогнозирования с использованием нейросетей может быть подразделен на несколько этапов.

1. Постановка задачи – что предсказываем и какие данные для этого имеются. В нашем случае мы хотим определить количество насильственных половых преступлений на 2003 г.,

используя имеющиеся данные за период с 1985 по 2002 г.

2. Создание нейросети – определение параметров входа, выхода, числа нейронов и т. д.

3. Процесс обучения нейросети на имеющихся у нас примерах, в результате чего происходят коррекция веса межнейронных связей и ее проверка, тестирование.

4. Получение прогнозируемых значений и оценка погрешности.

Теория применения нейросетей в области прогнозирования и выявления закономерностей изучаемого процесса является наиболее интенсивно развивающейся областью исследований и связана, прежде всего, с развитием вычислительной мощности компьютерной техники.[759]

Для начала работы создается файл данных, в котором записывается год и количество зарегистрированных насильственных половых преступлений. Данные за 2003 г. (38 насильственных половых преступлений) хотя и имеются, но не заносятся в создаваемую базу с целью проверки эффективности работы нейросети и оценки погрешности.

Второй этап представляет создание нейросети, для чего используется программный модуль Net Maker, в который считываются подготовленные данные, представленные в виде таблицы или графически (см. рис. 42, 43).

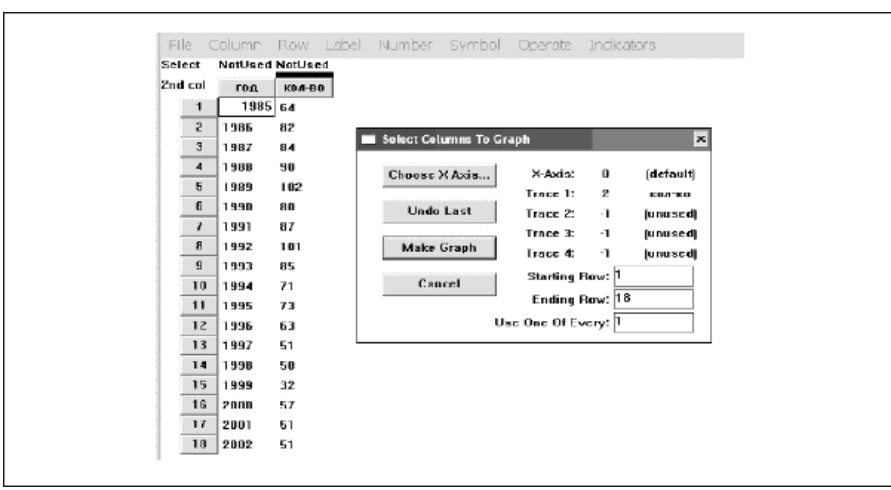


Рис. 42. Таблица данных в NetMaker

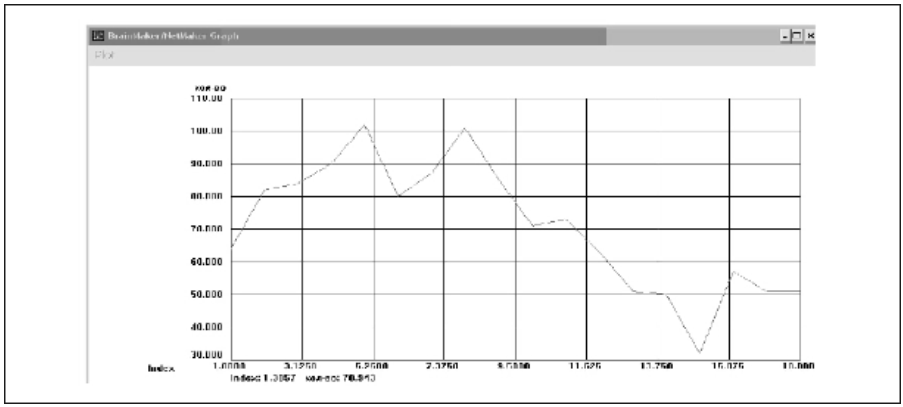


Рис. 43. Графическое представление данных о преступлениях в NetMaker

Имеющиеся данные проверяются на анализ периодичности “Cyclic Analysis”, в результате чего получаем относительную спектральную оценку относительно половых преступлений за рассматриваемый период времени, на графике отражена зависимость частоты Frequency и силы Strength (см. рис. 44).

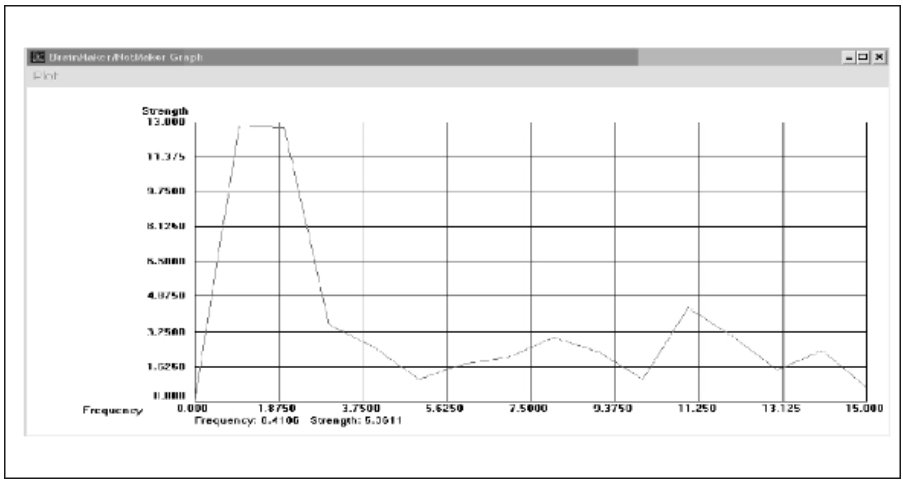


Рис. 44. Вид графика с выявленными закономерностями периодичности

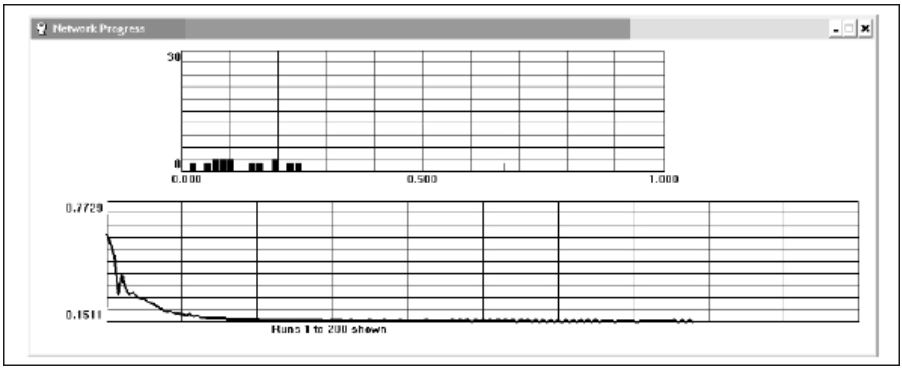


Рис. 45. Процесс обучение нейросети

Следующая процедура – обучение сети на имеющихся примерах, в процессе которого происходит самообучение нейросети за счет изменения веса межнейронных связей. Процесс обучения заканчивается, когда уровень ошибки будет ниже допустимого уровня, обычно задаваемого равным 0,2. Данная процедура осуществляется в программном модуле BrainMaker, динамика процесса обучения нейросетевого пакета представлена на рисунке 45.

Последний этап в результате работы нейросети – получение и оценка выходных данных – представлен на рисунке 46.

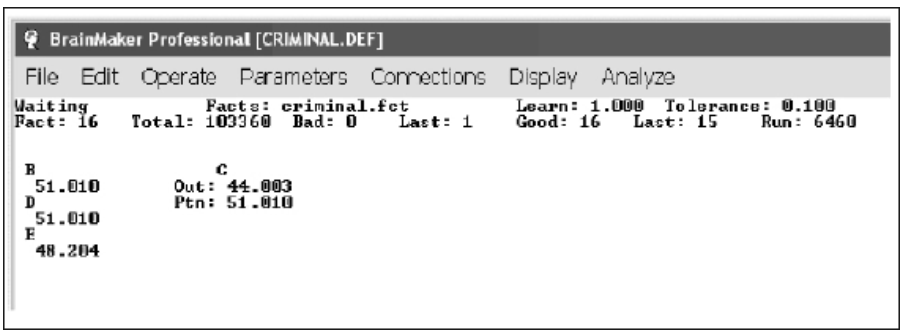


Рис. 46. Программа BrainMaker с результатом прогноза

Выходное значение равно Out: 44, в то время как реальное количество зарегистрированных преступлений – 38. Соответственно можно определить относительную погрешность прогноза:

$$(38–44)/38 = -0,157 = 15,7\ \%,$$

которая будет приблизительно 16 %, что является достаточно хорошим результатом. При этом общая тенденция к снижению данного вида преступности также была предсказана в

направлении, соответствующем реальности. Данная точность прогноза является довольно успешной, и приведенный пример показывает возможность применения нейросетевых программных пакетов в криминологической практике прогнозирования преступности.

Заключение

Любая область научных исследований, прежде всего, направлена на решение стоящих перед человеком теоретических или практических проблем. Изучение преступности, переход на более высокие ступени познания, к системному исследованию и прогнозированию в условиях становления и функционирования правового государства имеют первостепенное значение. Логика развития научного исследования и выдвигаемые в процессе осуществления повседневной деятельности практические задачи по профилактике и борьбе с преступностью ставят цели более детального, пристального исследования отдельных видов преступности, для поиска оптимальных и более эффективных методов социального контроля.

В криминологическом аспекте сексуальные преступления в течение последних лет характеризуются устойчивой тенденцией к стабильности, и отмечаются показатели, свидетельствующие об их снижении. Однако, несмотря на эти количественные показатели, свидетельствующие о якобы благополучии в отношении данного вида преступности и мер по ее профилактике, более детальный качественный анализ изменения ее внутренней структуры не дает таких обнадеживающих и оптимистических результатов.

Во-первых, отмечается значительное увеличение удельного веса преступлений с квалифицированными и особо квалифицированными составами, в качестве которых выступают малолетний возраст жертвы, особая жестокость, тяжесть наступающих последствий, групповой характер. Во-вторых, значительная доля сексуальной преступности представлена криминологическим рецидивом при увеличении количества серийных преступлений. Если к указанным особенностям добавить увеличивающийся разрыв между зарегистрированными и раскрытыми преступлениями, на фоне всевозрастающей латентности данного вида преступности, то получается реальная картина криминальной действительности данного вида преступности, для поиска оптимальных и более эффективных методов социального контроля.

Качественные изменения обнаруживаются и при виктимологическом анализе сексуальных преступлений. Изменения социальных норм и моральных устоев сексуального поведения, происходящие в последнее время в стране, широкое распространение в средствах массовой информации многообразных аномальных форм сексуального поведения и

насильственных форм его реализации ведут к развитию толерантности жертв сексуального насилия, проявлению интереса к нетрадиционным формам сексуальной активности, в том числе в среде малолетних и несовершеннолетних. В большинстве случаев жертва преступлений оказывалась знакомой с преступником, часто проявляла откровенно провоцирующие формы сексуального поведения, совместно алкоголизировалась, вела асоциальный образ жизни, находилась в различная формах зависимости от преступника, от совместного проживания в одной семье до зависимости от группы лиц, которой было совершено преступление.

Наличие различных форм зависимости, знакомство с преступником, интимный характер преступлений, низкие моральные стандарты поведения, неверие в деятельность правоохранительных органов, страх перед реальными или мнимыми угрозами со стороны преступника, нахождение жертвы в состоянии опьянения, специфика возбуждения уголовного дела являются далеко не полным перечнем факторов, которые делают данный вид преступности высоколатентным. Системный анализ перечисленных обстоятельств позволяет наметить пути к виктимологической профилактике сексуальных преступлений.

Положение детей и подростков в современном российском обществе делает их наиболее уязвимой категорией лиц в отношении сексуальной эксплуатации и сексуального рабства. Массовый характер беспризорности, алкоголизм и безработица родителей вынуждают многих из них идти на улицу, в компании асоциальных и криминальных групп, где они подвергаются сексуальной эксплуатации как со стороны старших сверстников, так и со стороны лиц с аномальными формами сексуального поведения. Нередки случаи их использования организованной преступностью, связанной с детским секс-туризмом, порнобизнесом, проституцией, вывозом за границу с целью сексуального рабства.

Общество, находясь в условиях экономического и морального кризиса, становится терпимо к различным формам, прежде всего, психического насилия, в том числе сексуального, которое получает широкое распространение в семье, на работе, в обществе в целом. Сексуальное насилие перестает рассматриваться как принуждение, попрание свободы личности не воспринимается как криминальное деяние. Этот фактор является одной из причин распространения криминальных форм сексуального поведения, основанных на психическом насилии. Другим обстоятельством масштабности отмеченного явления выступает сложность доказывания сексуальных преступлений без физического насилия

в уголовном судопроизводстве, непривлечение специалистов и экспертов, обладающих специальными познаниями в области судебной сексологии. Сужение криминальности сексуального поведения до насильственных форм и возрастных границ делает граждан незащищенными от таких феноменов, как сексуальное преследование, которое наиболее часто отмечается среди лиц с нарушениями психики.

Известный английский психолог Д. Абрамсен, в одной из своих работ отметил очень важный, на наш взгляд, аспект отношение общества к лицам, совершающим преступления на сексуальной почве. «Среди людей, которые любят считать себя и современными, и терпимыми, которые часто обсуждают сексуальные проблемы открыто и свободно, можно всегда, тем не менее, столкнуться с повышенной эмоциональной реакцией в отношении сексуальных преступников. Они клеймят их как “злодеев” и “сексуальных маньяков”, как людей, совершенно отличных от нас и недостойных. И все же есть все основания считать, что некоторые из этих судящих свысока людей вполне могут совершить насилие над своими женами и получить удовольствие от причиненной им боли. Фрейд однажды сказал, что во всех сексуальных отношениях имеется в той или иной мере элемент садизма (удовольствия от причинения боли) или мазохизма (удовольствия от причиняемой боли)»[760].

При работе с детьми, ставшими жертвами сексуального насилия, в первую очередь проявляется отсутствие специалистов по работе с ними – психологов и педагогов, имеющих специальную подготовку, что делает невозможным как получение необходимых показаний, так и проведения их оценки.

Свободное распространение порнографии и сексуальной литературы низкого качества, неопределенный правовой статус проституции, отсутствие доступной специализированной медико-психологической помощи для лиц с психосексуальными расстройствами, распространенность пропаганды насилия в СМИ создают социальный фон, благоприятный для формирования сексуальной преступности.

Системное исследование социальных процессов, индивидуально-психологических особенностей, медицинских стандартов, систем морали в отношении сексуального поведения, предпринятое в настоящей работе позволяет построить целостную картину, на фоне которой разворачиваются криминальные формы реализации данного поведения. В то же время мы далеки от мнения, что работа претендует на полноту и завершенность. Она представляет собой более или менее удачную попытку постановки проблемы и некоторых набросков путей ее решения.

Свою цель можем считать достигнутой при условии, если читатель поймет важность, целесообразность и необходимость комплексных, междисциплинарных подходов к дальнейшему исследованию сложного криминологического объекта – сексуальных преступлений.

Библиография

Нормативные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря

2. Декларация о правах ребенка от 20 ноября 1959 года // Права человека. Основные международные документы: Сборник документов. – М., Юрлит, 1990. – С. 57–68.

3. Закон о психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании (в редакции Федерального закона № 15-ФЗ от 10 января 2003 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3033.

4. Закон о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Закон о средствах массовой информации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 1992. 8 февраля.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изменениями и дополнениями от 21.09.70; 20.12.71; 01.01.90; 25.03.92) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. – Ст. 2143.

8. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1950 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск IX. – М., 1957.

9. Конвенция о пресечении распространения порнографических изданий и торговли ими от 12 сентября 1923 г. (с изменениями 12 ноября 1947 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск VII. – М., 1951.

10. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка от 20 ноября 1989 года // Действующее международное право: В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 48–57.

11. Конституция РФ // Российская газета. 1993. 25 декабря.

12. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // ВВС СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

13. Международная классификация болезней и проблем,

связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т. 1. Раздел F. Психические расстройства и расстройства поведения. ВОЗ. – Женева, 1995.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 29 июня.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., Спарк, 1999. – С. 532–538.

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасилованиях» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., Спарк, 1999. – С. 457–461.

17. Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью // Приказ Минздрава РФ № 407 от 10 декабря 1996 г.

18. Уголовное законодательство Норвегии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 375 с.

19. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 декабря 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

20. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

21. Уголовный кодекс Австрии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – 352 с.

22. Уголовный кодекс Испании. – М., Зерцало, 1998. – 218 с.

23. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. (по состоянию на 25 марта 2005 г.) – М., Юрайт, 2005. – 186 с.

24. Уголовный кодекс Турции. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 374 с.

25. Уголовный кодекс ФРГ. – М., Зерцало, 2001. – 208 с.

26. Уголовный кодекс Франции. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – 650 с.

27. Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – 366 с.

28. Уголовный кодекс Швеции. – М., Издательство МГУ, 2000. – 167 с.

29. Уголовный кодекс Японии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – 226 с.

30. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г. (Нью-Йорк) // www.un.org

31. Date-Rape Drug Prohibition Act of 2000. – U.S. Department of Justice.

32. Diagnostical and Statistical manual of mental disorders. DSM-IV. – APA. Washington, 2000. – 430 p.

33. Jacob Wetterling Crimes against Children and Sexually Violent Offender Registration Act. 1994. – U.S. Department of Justice.

34. Megan's Law. 1996. – U.S. Department of Justice.

35. Pam Lychner Sexual Offender Tracking and Identification Act. 1996. – U.S. Department of Justice.

36. The Drug Induced Rape Prevention and Punishment Act of 1996. – U.S. Department of Justice.

37. Violent Crime Control and Law Enforcement Act. 1994. – U.S. Department of Justice.

Монографии, диссертации, учебники, статьи

1. *Абрашкевич М. М.* О прелюбодеянии по русскому праву. – Одесса, 1904. – 203 с.

2. *Абубакиров Ф. М.* Понятие и виды насилия в уголовном праве // Сборник материалов юбилейной научно-практической конференции, посвященной 65-летию юридического факультета: «Роль юридического образования и науки в формировании российского гражданского общества и правового государства». – Хабаровск, 2005. – С. 248–254.

3. *Авдеев М. И.* Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. – М., Медицина, 1968. – 240 с.

4. *Авдеев М. И.* О квалификации преступлений против личности // Советское государство и право. 1959. № 8. – С. 125–128.

5. *Авербух И. Е., Голубева А. Е.* К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц. // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970. – С. 93–99.

6. *Адлер Л.* Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. – М., Молодая гвардия, 2005. – 230 с.

7. *Алексеев А. И.* Криминология. Курс лекций. – М., Щит, 2001. – 332 с.

8. *Айнетдинова Н. Х.* Методика расследования ненасильственных половых преступлений, совершаемых в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Автореф. … дис. канд. юрид. наук. – М., 2004. – 24 с.

9. *Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., НОРМА, 2001. – 496 с.

10. *Альбедиль М. Ф.* Зеркало традиций. – СПб., Азбука-классика, 2003. – 288 с.

11. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра лиц с тяжелыми психическими расстройствами. Методические рекомендации / Под ред. В. П. Котова. – М., ГНЦ ССП им В.П. Сербского, 2003. – 44 с.

12. *Андреева Г. М.* Социальная психология. – М., Академический Проект, 1996. – 376 с.

13. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античность и восточные цивилизации // Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Мысль, 1999. – 642 с.

14. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. / Т. 2. Европа. V–XVII вв. // Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – 664 с.

15. *Антонян Ю. М., Бородин С. В.* Преступное поведение и психические аномалии. – М., Наука, 1998. – 208 с.

16. *Антонян Ю. М., Гульдан В. В.* Криминальная патопсихология. – М., 1991. – 356 с.

17. *Антонян Ю. М.* Криминология. Избранные лекции. – М., Логос, 2004. – 448 с.

18. *Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Личность преступника. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – 366 с.

19. *Антонян Ю. М.* Общий очерк о преступном насилии // Человек против человека. Преступное насилие. Сб. ст / Под ред. Ю. М. Антоняна, С.Ф. Милюкова. – СПб., 1994. – С. 8–9.

20. *Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н.* Изнасилования: причины и предупреждение. – М., ВНИИ МВД РФ, 1990. – 240 с.

21. *Антонян Ю. М., Позднякова С. П.* Сексуальные преступления и их предупреждения. – М., ВНИИ МВД РФ, 1991. – 162 с.

22. *Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В.* Криминальная сексология / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк., 1999. – 464 с.

23. *Антонян Ю. М., Могачев М. И., Шостакович Б. В.* Серийные изнасилования. – М., ГНЦ ССП им В.П. Сербского, 2000. – 32 с.

24. *Антонян Ю. М.* Причины преступности в России // Материалы конференции: Преступность в России. Причины и перспективы. – М., ВНИИ МВД РФ, 2004. – С. 9–11.

25. *Антонян Ю. М.* Почему люди совершают преступления. Причины преступности. – М., ИД Камерон, 2005. – 304 с.

26. *Аргунова Ю. Н.* Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. – С. 40–42.

27. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова.

Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4. – М., Юридическая литература, 1986. – С. 243–266.

28. *Арутюнян А. В.* Сексуальные перверсии у лиц с органической патологией головного мозга в судебно-психиатрической практике. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1984. – 28 с.

29. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти – М., Прогресс, 1992. – 482 с.

30. *Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.; Воронеж, Модэк, 1996. – 760 с.

31. *Афанасьев С. А., Иванов В. И., Новик В. В.* Особенности расследования сексуально-садистских убийств. Учебное пособие. – СПб. Генеральная прокуратура РФ, Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников. 1993. – 126 с.

32. *Ахметшин Н. Х.* История уголовного права КНР. – М., 2005. – 322 с.

33. *Бартол К.* Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – 352 с.

34. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М., Логос, 2002. – 336 с.

35. *Башкатов И. П.* Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. – М.; Воронеж, Модэк, 2002. – 284 с.

36. *Бачинин В. А.* Основы социологии права и преступности. – СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 308 с.

37. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М., Смысл, 2000. – 486 с.

38. *Бичурин Н. Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. – СПб., 1848. – 344 с.

39. *Блох И.* История проституции / Пер. с нем. – СПб., АСТ, 1994. – 544 с.

40. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. – СПб., Питер, 2004. – 540 с.

41. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция социального поведения. – М., Просвещение, 1978. – 320 с.

42. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. – М., Ad Marginem, 2000. – 87 с.

43. *Бодрийяр Ж.* Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – 344 с.

44. *Боков А. В.* Организация борьбы с преступностью. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 175 с.

45. *Бородин С. В.* Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное

право России. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – М., Юристъ, 1999. – С. 93—103.

46. *Бочаров В. В.* Антропология возраста. Учебное пособие. – СПб., Лань, 2001. – 146 с.

47. *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. – М., Вильямс, 2004. – 432 с.

48. *Брусенцева В. А.* Методика расследования ненасильственных сексуальных преступлений. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 24 с.

49. *Бушмин С. И.* Порнография: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1993. – 27 с.

50. *Быргэу М. М., Литвинов А. Н.* Опыт системного исследования профилактики преступлений. Современное состояние проблемы. – М., Юркнига, 2004. – 160 с.

51. *Бютнер К.* Жить с агрессивными детьми. – М., Педагогика, 1991. – 278 с.

52. *Варвенюк Р.* Секс в истории человечества. – М.; СПб., Питер, 2005. – 212 с.

53. *Васильченко Г. С.* Сексология. Справочник. – М., Медицина, 1990. – 386 с.

54. *Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологии и парадоксов взаимодействия. – М., Эксмо-Пресс, 2000. – 320 с.

55. *Введенский Г. Е.* Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1994. – 28 с.

56. *Введенский Г. Е.* Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентаций у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия (клиника, патогенез, коррекция, судебно-психиатрическое значение). Автореф. дис. … докт. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им В. П. Сербского. 2000. – 48 с.

57. *Введенский Г. Е., Ткаченко А. А.* Медицинские аспекты проблемы дефиниции порнографии // Преступность в России. Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД. – Москва, 2004. – С. 172–175.

58. *Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Дворянчиков Н. В.* Насильственные сексуальные действия в отношении женщин. // Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А. А. Ткаченко, Г.Е. Введенского. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 260–265.

59. *Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Ткаченко А. А., Амбарцумян Э. С.* Криминальное профилирование лиц, совершивших серийные сексуальные убийства. – Орел, 2005. – 288 с.

60. *Волков Ю. Г.* Социология. – М., Гардарики, 2003. – 316 с.

61. *Вригт Г.* Логико-философские исследования. – М., Прогресс, 1986. – 530 с.

62. *Гаухман Л. Д.* Борьба с насильственными посягательствами. – М., Юридическая литература, 1969. – 346 с.

63. *Геодакян В. А.* «Посох слепого» (Что такое культура с точки зрения биологии) // Взаимоотношения человека и культуры: теоретико-информационный подход. – Таганрог, 1998. – С. 70–79.

64. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – 208 с.

65. *Гилинский Я. И.* Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб., Питер, 2002. – 384 с.

66. *Гилинский Я. И.* Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – 520 с.

67. *Гирц К.* Интерпретация культур. – М., РОСПЭН, 2004. – 560 с.

68. *Гис Ф., Гис Д.* Брак и семья в средние века. – М., РОСПЭН, 2002. – 384 с.

69. *Гитин В. Г.* Феномен порнографии. – Харьков, Торсинг, 2004. – 432 с.

70. *Голоднюк М.* Некоторые вопросы применения принудительных мер медицинского характера // Уголовное право. 2001. № 4. – С. 21–23.

71. *Гончаренко О.А.* Уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 24 с.

72. *Горелов А. А.* Социология. – М., Гардарики, 2002. – 346 с.

73. *Гулик Р. ван.* Сексуальная жизнь в древнем Китае. – СПб., Азбука-классика, 2004. – 544 с.

74. *Гульман Б. Л.* Сексуальные преступления. – Харьков, ИМП Рубикон, 1994. – 248 с.

75. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М., Танаис, ДК ДИК, 1997. – 544 с.

76. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. – М., Международные отношения, 2003. – 400 с.

77. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. – М., Русский язык, 1996. – 1460 с.

78. *Даниэльбек Б. В.* Половые извращения и уголовная ответственность. – Волгоград, 1972. – 234 с.

79. *Даниэльбек Б. В.* Уголовно-правовая борьба с половыми

преступлениями. – М., 1970. – 212 с.

80. *Де Либера А.* Средневековое мышление. – М., 2004. – 370 с.

81. *Демоз Ллойд.* Психоистория. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2000. – 512 с.

82. *Денисов М. Ф.* Вероятностное прогнозирование повторных общественно опасных действий психически больных. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1994. – 28 с.

83. *Дерягин Г. Б.* Судебно-медицинские аспекты полового насилия на Европейском Севере России. Дис. … докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – 376 с.

84. *Диби П.* Этнология спальни. – М., Nota Bene, 2004. – 240 с.

85. *Дмитриева Т. Б., Воложин А. И.* Социальный стресс и психическое здоровье. – М., ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. – 248 с.

86. *Дмитриева Т. Б., Ткаченко А. А.* Пути совершенствования взаимодействия правоохранительных органов и судебно-психиатрических экспертных служб // Преступность в России: причины и перспективы. Материалы международной конференции ВНИИ МВД. – М., 2004. – С. 30–33.

87. *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. – СПб., Че-Рона-Неве, 2003. – 320 с.

88. Доклад VII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Милан, 1985. – 86 с.

89. *Дурманов Н. Д.* Советское уголовное право. Особенная часть. – М., Юридическая литература, 1971. – 342 с.

90. *Дьяченко А. П.* Проблемы ответственности за занятие проституцией в России // Сб. конференции: «Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии». – М., 2003. – С. 65–66.

91. *Дьяченко А. П.* Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. Дис. … докт. юрид. наук. – М., 1993. – 344 с.

92. *Дьяченко А. П.* Правовое положение сексуальных меньшинств. // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. – М., 1994. – С. 97–98.

93. *Дьяченко А., Игнатов А. Н.* О квалификации изнасилования // Вестник Верховного Суда СССР. 1990. № 5. – С. 30–32.

94. *Дюмон Л.* Homo hierarhicus. – СПб., Евразия, 2001. – 480 с.

95. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и предназначение. – М., 1995. – 320 с.

96. *Дюрант В.* Жизнь Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 1997. – 640 с.

97. *Дюфур П.* История проституции. – М., КРОН-ПРЕСС, 1999. – 447 с.

98. *Егоров В. С.* Особенная часть уголовного права. Цикл лекций. – М.; Воронеж, Модэк, 2001. – 340 с.

99. *Егошина Г. А.* Сексуальные посягательства на малолетних и несовершеннолетних и их предупреждение. Автореф. … дис. канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – 24 с.

100. *Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю.* Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Теория и практика борьбы. – Владивосток, 2001. – 211 с.

101. *Ефремова Т. Н.* Новый словарь русского языка. – М., Русский язык, 2001. – 672 с.

102. *Жижиленко А. А.* Половые преступления. – М., 1924. – 221 с.

103. *Загурская И.* Эпистола из камеры vs. Философии в будуаре // Маркиз де Сад. Письма вечного узника. – М., Эксмо, 2004. – С. 13–19.

104. *Закомлистов А. Ф.* Юридическая философия. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 548 с.

105. *Зильберман Э.* К пониманию культурных традиций через типы мышления // Антология гнозиса. Т. 1. – СПб., Медуза, 1994. – С. 44–65.

106. *Зоренко Т. И.* Клинико-психопатологическая характеристика лиц, совершивших агрессивные сексуальные деяния (по материалам судебно-психиатрических экспертиз). Дис. … канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 1994. – 24 с.

107. *Иваницкий В. Г.* Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность. № 3. 1995. – С. 161–179.

108. *Иванов Н. Г.* Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. – М., ЮНИТИ, 1998. – 224 с.

109. *Иващенко А. В., Марцев А. И.* Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. – Омск, 1996. – С. 4–9.

110. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. – М., Просвещение, 1971. – 231 с.

111. *Игнатов А. Н.* Квалификация половых преступлений. – М., 1974. – 214 с.

112. *Игнатов А. Н.* О критериях половой неприкосновенности // Сб. конференции: «Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии». – М., 2003. – С. 89–90.

113. *Игнатов А. Н.* Некоторые вопросы квалификации половых преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972.

№ 17. – С. 62–66.

114. *Игнатов А. Н.* Ответственность за преступления противоправности (половые преступления). – М., Юридическая литература, 1966. – 234 с.

115. *Иконникова С. Н.* История культурологических теорий. – СПб., Питер, 2005. – 365 с.

116. *Имелинский К.* Сексология и сексопатология. – М., Медицина, 1986. – 402 с.

117. *Иншаков С. М.* Криминология. Учебное пособие. – М., Юриспруденция, 2002. – 352 с.

118. *Иншаков С. М.* Зарубежная криминология. Учебное пособие. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с.

119. *Исаев Н. А.* Аномальный субъект насильственных половых преступлений. – Орел, Орловский государственный университет, 2006. – 394 с.

120. *Исаев Н. А., Введенский Г. Е.* Психосексуальный дизонтогенез при психических аномалиях у лиц, совершивших изнасилования / Исаев Н. А. // Международная конференция «Серийные убийства и социальная агрессия: что ожидает нас в XXI веке?». Сборник материалов конференции. Ростов-на-Дону, 2001. – С. 224–225.

121. *Исаев Н. А.* Комплексная судебная сексолого-психиатрическая оценка лиц с психическими аномалиями, совершивших изнасилования. Автореф. дис. … канд. мед. наук. ГНЦ СиСП им. В. П. Сербского. – М., 2002. – 23 с.

122. *Исаев Н. А.* Психические аномалии у лиц, совершивших изнасилования. Межвузовская научно-практическая конференция «Новые тенденции в развитии профессионального образования и проблемы повышения эффективности подготовки кадров в вузах МВД России». Сборник материалов конференции. Орловский юридический институт МВД РФ. – Орел, 2001. – С. 118–119.

123. *Исаев Н. А.* Системный анализ преступности в рамках синергетической парадигмы. Онтологический, нормативный подход. Международная научная конференция «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики». Сборник научных трудов «Правоотношения и юридическая ответственность». Часть 2. – Тольятти, 2004. – С. 45–51.

124. *Исаев Н. А.* Системный подход к структурированию криминального и делинквентного поведения. IV Международная научно-практическая конференция «Соотношение преступлений и иных правонарушений. Современные проблемы» МГУ. – М., 2004. – С. 206–209.

125. *Исаев Н. А.* Взаимодействие правоохранительных органов и психиатров в процессе расследования сексуальных

преступлений. Российская конференция с международным участием «Современные тенденции организации психиатрической помощи: клинические и социальные аспекты». – М., 2004. – С. 348–349.

126. *Исаев Н. А.* Анализ психопатологических личностных факторов и поведения в генезе половых преступлений. Материалы международной научно-практической конференции 9 декабря 2004 г. «Региональная преступность: состояние, проблемы и перспективы борьбы». КФ ОрЮИ МВД России. Курск, 2005. – С. 206–214.

127. *Исаев Н. А.* Методология криминального профилирования насильственных сексуальных преступлений. Межвузовская научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений». Сборник материалов конференции. Часть 2. Академия управления МВД РФ. – М., 2005. – С. 150–154.

128. *Исаев Н. А.* Судебно-психиатрическая экспертная оценка парафильного поведения при насильственных сексуальных преступлениях. Сборник материалов региональной научно-практической конференции «Медицина и право». Юридический факультет Омского государственного университета. – Омск, 2005. – С. 69–73.

129. *Исаев Н. А.* Криминальный профильный анализ: методология междисциплинарного системного подхода / Международная научная конференция «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики». Сборник «Правоотношения и юридическая ответственность». Часть II. – Тольятти, 2005. – С. 24–30.

130. *Исаев Н. А.* Системная оценка преступности и криминальный профиль лиц, совершивших сексуальные преступления // Вестник Академии права и управления. – М., 2005. № 5. – С. 61–65.

131. *Исаев Н. А.* Методология нормативного и интерпретативного подхода к оценке девиантных форм поведения. Materials of international scientifically-practical conference “The Science: theory and practice”, Vol. 21. Psychology and Sociology. Publishing House “Education and Science”. – Prague, 2005. – С. 59–62.

132. *Исаев Н. А.* Структурно-семиотический подход к биологии агрессии и антропологии насилия. Материалы II Международной научно-практической конференции «Научный потенциал мира – 2005». Том 14. Право. – Днепропетровск, 2005. – С. 61–66.

133. *Исаев Н. А.* Виктимологическое направление профилактики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Материалы общероссийской научно-практической конференции «Развитие уголовного законодательства: юридическая наука и практика». – Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 86–89.

134. *Исаев Н. А.* Незаконное распространение порнографии как объект криминологического и уголовно-правового воздействия. Институт гуманитарного образования. Сборник научных трудов. Выпуск 6. – М., 2006. – С. 104–109.

135. *Исаев Н. А.* Комплексный медико-правовой подход к оценке состояния опьянения на момент совершения насильственных сексуальных преступлений // Журнал «Юридическая мысль». 2005. № 5 (30). – С. 94—107.

136. *Исаев Н. А.* Эволюция взглядов на проблемы девиантного поведения в течение XX столетия. Международная научно-практическая конференция «Делинквентное поведение детей и молодежи: современные технологии противодействия». – Одесса, Украина, 2006. – С. 59–64.

137. *Исаев Н. А.* Стратегия и тактика общесоциальной профилактики насильственных сексуальных преступлений. Сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета «Ученые записки», выпуск 3. – Оренбург, 2006. – С. 140–152.

138. *Исаенко В. Н.* Криминалистические аспекты выявления серийных убийств. – М., 2002. – 211 с.

139. *Исиченко А. П.* Оперативно-розыскная криминология. Учебное пособие. – М., ИНФРА-М, 2001. – 69 с.

140. История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова. – М., Просвещение, 1962. – 766 с.

141. История Древнего мира. Древний Восток. – Минск, 1998. – 540 с.

142. История философии. Энциклопедический словарь. – Минск, Интерпрессервис, 2002. – 1286 с.

143. История этических учений / Под ред. А. А. Гусейнова. – М., Гардарика, 2003. – 911 с.

144. *Калашник Я. М.* Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния. Автореф. дис. … докт. мед. наук. – М., 1955. – 46 с.

145. *Капица С. П.* Модель роста населения Земли // Успехи физических наук. 1995. Т. 26. № 3.

146. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. – Тула, Приокское книжное издательство, 1990. – Т. I–III. –

452 с., т. IV–VI. – 460 с., т. VII–IX. – 420 с., т. X–XII. – 518 с.

147. *Карпец И. И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., Юридическая литература, 1976. – 354 с.

148. *Карсон Р., Батчер Дж., Минека С.* Анормальная психология. – СПб., Питер, 2004. – 1167 с.

149. *Керимов В. Е., Керимов Т. Х.* Хрестоматия по социальной философии. – М., 2001. – 630 с.

150. *Кивич Ю. В.* Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999. – 24 с.

151. *Клири Т., Азиз С.* Богиня Сумерек. – Н.-Новгород, ДЕКОМ, 2003. – 280 с.

152. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1–3. – М., Мысль, 1993. – Т. 1. – 431 с.; т. 2. – 430 с.; т. 3. – 460 с.

153. *Ковлер А. И.* Антропология права. – М., НОРМА, 2002. – 432 с.

154. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. – М., Юрайт, 1998. – 376 с.

155. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Под ред. В. И. Илюхина, Г. Н. Колбая. – М., Юрайт, 2002. – 132 с.

156. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко., науч. ред. А. С. Михлин. – М., Спарк, 2000. – 862 с.

157. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.

158. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под ред. С. И. Никулина. – М., Менеджер, 2000. – 1184 с.

159. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. Г. Королькова. – М., Эксмо, 2003. – 1120 с.

160. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М., Юрайт-Издат, 2003. – 760 с.

161. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Наумов. – М., Юристъ, 1999. – 864 с.

162. *Кон И. С.* Социологическая психология. – М., Педагогика, 1993. – 340 с.

163. *Кон И. С.* Совращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. 1998. № 5. – С. 66–78.

164. *Кон И. С.* Совращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. Т. 8. № 3. – С. 46–48.

165. *Кондратьев Ф. В.* Судебно-психиатрический аспект функционального диагноза и индивидуализированные программы профилактики общественно опасных действий психически больных // Профилактика общественно опасных действий психически больных. – М., 1986. – С. 16–24.

166. *Королев В. В.* Психические отклонения у подростков правонарушителей. – М., Медицина, 1992. – 208 с.

167. *Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.* Социодинамическая психиатрия. – Екатеринбург, Деловая книга, 2000. – 344 с.

168. *Котов В. П., Мальцева М. М.* Опасные действия психически больных. Психопатологические механизмы и профилактика. – М., Медицина, 1995. – 256 с.

169. *Краснушкин Е. К.* Правонарушения в области сексуальных отношений. – М., 1927. – 230 с.

170. *Краснюк Г. П.* Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2000. – 25 с.

171. *Крафft-Эбинг Р.* Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд. – СПб., 1909. – 544 с.

172. Криминология / Под ред. Г. А. Аванесова. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 480 с.

173. Криминология / Под ред. В. Н. Бурлакова и Н. М. Кропачева. – СПб., Питер, 2002. – 432 с.

174. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб., Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 520 с.

175. Криминология. Учебник / Под ред. А. И. Долговой. – М., НОРМА, 2001. – 784 с.

176. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М., БЕК, 1998. – 566 с.

177. Криминология. Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., Юристъ, 2004. – 734 с.

178. Криминология / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М., Юристъ, 1998. – 564 с.

179. Криминология. Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – М., Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

180. Криминология. Учебник / Под ред. В. Д. Малкова. – М., Юстицинформ, 2004. – 528 с.

181. Криминология / Под ред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – 864 с.

182. *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. – М., Юридическая литература, 1976. – 243 с.

183. *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. – М., Наука, 2005. – 366 с.

184. *Кудрявцев В. Н.* Лекции по криминологии. – М., Юристъ, 2005. – 188 с.

185. *Кудрявцев И. А.* Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5. – С. 106–107.

186. *Кудрявцев И. А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., Издательство МГУ, 1999. – 497 с.

187. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы криминологической детерминации. – М., Юридическая литература, 1984. – 321 с.

188. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., АСТ, 2000. – 376 с.

189. *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. – М., 1986. – 240 с.

190. *Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, У-Фактория, 2005. – 568 с.

191. *Лешкевич Т. Г.* Философия науки. Традиции и новации. – М., ПРИОР, 2001. – 428 с.

192. *Либин А. В.* Дифференциальная психология. На пересечении европейских, российских и американских традиций. – М., 2004. – 465 с.

193. *Лиотар Ж.-Ф.* Постсовременное состояние // Культурология. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1995. – С. 528–564.

194. *Липовецкий Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясения основ женственности. – СПб., Алетейя, 2003. – 512 с.

195. *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 2003. – 430 с.

196. *Личко А. Е.* Психиатрия подросткового возраста. – М., Медицина, 1985. – 437 с.

197. *Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина – преступница и проститутка. – Ставрополь, 1991. – 347 с.

198. *Лоренц К.* Что есть насилие? – СПб., 1999. – 270 с.

199. *Лосева О. К., Нашхоев М. Р., Платт Л.* Социальные и поведенческие характеристики работниц коммерческого секса и профилактическая работа в этой среде // Сексуальное здоровье человека на рубеже веков: проблемы, профилактика, диагностика и лечение / Материалы международной конференции. – М., 1999. – С. 22–23.

200. *Лукашева Е. А.* Права человека как фактор устойчивого развития. – М., НОРМА, 2000. – 430 с.

201. *Люблинский П. И.* Преступления в области половых

отношений. – М.; Л., 1925. – 242 с.

202. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. – Киев, 2004. – 876 с.

203. *Малиновский А. А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М., Международные отношения, 2002. – 246 с.

204. *Малявин В. В.* Сумерки Дао. – М., Астрель, 2000. – 452 с.

205. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – 480 с.

206. *Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р.* Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – 692 с.

207. *Масленников К. И.* Оперативно-розыскные и криминологические проблемы предупреждения насильственных действий сексуального характера. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 24 с.

208. Международная классификация болезней, 10-пересмотр. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ. Россия. – СПб., 1994.

209. *Мелетинский Е.* Клод Леви-Стросс. Только этология? // Вопросы литературы. 1967. № 4. – С. 121–143.

210. *Мельниченко А. Б., Кочубей М. А., Радачинский С. Н.* Уголовное право. Особенная часть. Учебник. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2001. – 363 с.

211. *Мердок Дж. П.* Социальная структура. – М., ОГИ, 2003. – 608 с.

212. *Метелица Ю. Л.* Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. – М., Юридическая литература, 1990. – 266 с.

213. *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – 464 с.

214. *Миловановa М. М.* Методика расследования сексуальных преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003. – 24 с.

215. *Михеев Р. И.* Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. Теория и практика. Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1995. – 48 с.

216. *Могачев М. И.* Серийные изнасилования. – М., Логос, 2003. – 288 с.

217. *Морозов Г. В., Качаев А. К., Лукачер Г. Я.* Дифференциальная диагностика состояния опьянения в практике экспертизы // Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник научных трудов. Выпуск 21 / Под ред. Г. В. Морозова. – М., 1973. – С. 34–38.

218. *Морозов Н. А.* Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 289 с.

219. *Моррис Д.* Людской зверинец. Изучение городского

животного выполненное классическим зоологом. – СПб., Амфора, 2004. – 320 с.

220. *Мохов В. В.* Сексуальные перверсии в клинике психопатий. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1971. – 27 с.

221. *Назаренко Г. В.* Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. – М., Ось-89, 2001. – 240 с.

222. *Назаренко Г. В.* Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – 207 с.

223. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М., ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.

224. *Нарсесянц В. С.* Философия права. Учебник. – М., Норма, 2001. – 620 с.

225. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, Весь Мир, Москва, 2003. – 376 с.

226. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М., Юрайт, 2001. – 760 с.

227. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., Русский язык, 2002. – 886 с.

228. *Олифиренко Н. Ю.* Атипичные формы острой интоксикации алкоголем у лиц с органическим психическим расстройством (клиника, диагностика, судебно-психиатрической значение). Дис. … канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2002. – 27 с.

229. *Осокин Р. Б., Денисенко М. В.* Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Учебное пособие. – М., Щит-М, 2005. – 120 с.

230. *Остерман Л.* О Солон! История Афинской демократии. – М., 2001. – 146 с.

231. *Остроухов В. В.* Насилие сквозь призму веков. Историко-философский анализ. – М., Олма-пресс, 2003. – 191 с.

232. *Парриндер Дж.* Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 252 с.

233. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура. Личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., Педагогика, 1994. – С. 456–522.

234. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000. – 486 с.

235. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М., Академический Проект, 2002. – 540 с.

236. *Пионтковский А. А.* Уголовная политика Японии. – М., 1936. – 364 с.

237. *Пионтковский А. А.* Преступления против личности. – М., 1938. – 342 с.

238. *Пионтковский А. А.* Половые преступления // Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. – М., Юридическая литература, 1955. – С. 630–667.

239. *Поздняков Э. А.* Философия преступления. – М., 2001. – 431 с.

240. *Попов А. Н.* Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 898 с.

241. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. – М., Юрист, 1996. – 760 с.

242. Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М., Норма, 2002. – 386 с.

243. Примерный уголовный кодекс США. – М., Юридическая литература, 1969. – 218 с.

244. *Принс А.* Защита общества и преобразование уголовного права. – М., 1912. – 244 с.

245. Проституция и преступность / Под ред. И.В. Шмарова. – М., 1991. – 316 с.

246. *Пудовочкин Ю. Е.* Ответственность за преступления против несовершеннолетних. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – 293 с.

247. *Радченко Н. А.* Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 2002. – 26 с.

248. *Рассел Б.* Брак и мораль. – М., Крафт, 2004. – 272 с.

249. Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве. Научно-методическое пособие / Под ред. А. И. Дворкина. – М., Экзамен, 2003. – 416 с.

250. *Решетников Ф. М.* Особенная часть уголовного права зарубежных государств. Преступления против личности. – М., Юридическая литература, 1976. – 408 с.

251. *Ривман Д. В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – М., ВПУ МВД СССР, 1975. – 201 с.

252. *Ривман Д. В.* Криминальная виктимология. – СПб., Питер, 2002. – 304 с.

253. *Розин В. М.* Генезис права. Методологический и культурологический анализ. – М., Nota Bene, 2003. – 438 с.

254. *Розин В. М.* Человек культурный. Введение в

антропологию. – М.; Воронеж, Модэк, 2003. – 312 с.

255. *Розин В. М.* Личность и ее изучение. – М., Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

256. *Ромм М. В.* Адаптация личности в социуме. – Новосибирск, Наука, 2002. – 275 с.

257. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство Древней Руси. Т. 1. – М., 1984. – 366 с.

258. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. – М., 1984. – 402 с.

259. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Акты земских соборов. Т. 3. – М., Юридическая литература, 1985. – 312 с.

260. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4. – М., Юридическая литература, 1986. – 346 с.

261. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Т. 5. – М., Юридическая литература, 1986. – 322 с.

262. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство первой половины XIX века. Т. 6. – М., Юридическая литература, 1988. – 286 с.

263. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Документы крестьянской реформы. Т. 7. – М., Юридическая литература, 1990. – 344 с.

264. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Судебная реформа. Т. 8. – М., Юридическая литература, 1993. – 312 с.

265. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. – М., Юридическая литература, 1994. – 348 с.

266. *Рулан Н.* Юридическая антропология. – М., Норма, 2000. – 310 с.

267. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. – М., 1880. – 286 с.

268. *Рэдклифф-Браун А.* Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 604–611.

269. *Садиков В. Н.* Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. – М., Зерцало, 2002. – 647 с.

270. *Сапогова Е. Е.* Культурный социогенез и мир детства. –

М., Академический Проект, 2004. – 542 с.

271. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии / Под ред. Ю. Н. Попова. – М., 1988. – С. 228–245.

272. *Сафиуллин Н. Х.* Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних. – Казань, 1996. – 240 с.

273. *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. – М., Смысл, Гардарика, 1998. – 192 с.

274. *Селезцев М. А.* Проституция как антисоциальное явление. Учебно-методическое пособие. – М., ПРИОР, 2002. – 32 с.

275. *Семенцова И. А.* Принудительные меры медицинского характера и наказание в отношении лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости // Журнал российского права. 2001. № 11. – С. 31–35.

276. *Семенцева И. А.* Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 1999. – 22 с.

277. *Семерноева Н. К.* Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1997. С. 121–142.

278. *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. – СПб., Летний сад, 2002. – 416 с.

279. *Сердюк Л. В.* Насилие. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., Юрлитинформ, 2002. – 384 с.

280. *Сердюк Л.* О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1. – С. 52–55.

281. Серийные сексуальные преступления. Криминологическое и патопсихологическое исследование. Учебное пособие / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Щит-М, 2000. – 240 с.

282. Серийные убийцы: избранные экспертизы. Приложение к журналу «Криминальные психиатрия и психология» / Под ред. А. О. Бухановского. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1994. – 132 с.

283. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. – М., Наука, 1987. – 344 с.

284. *Ситковская О. Д.* Психология уголовной ответственности. – М., НОРМА, 1998. – 246 с.

285. *Скорченко П. Т.* Расследование изнасилований. – М., Былина, 2004. – 224 с.

286. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И.

Чистякова. Т 3. Акты земских соборов. – М., Юридическая литература, 1985. – С. 245–294.

287. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. / Науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. – СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 592 с.

288. Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1993. – 740 с.

289. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. – М., Правда, 1989. – 760 с.

290. *Старков О. В.* Предупреждение преступлений. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 284 с.

291. *Старков О. В.* Криминопенология. – М., Экзамен, 2004. – 480 с.

292. *Старович З.* Судебная сексология / Пер. с польск. – М., Юридическая литература, 1991. – 336 с.

293. *Сурова Е. Э.* Европеец «отчужденный»: персоналистическая личность. – СПб., 2004. – 284 с.

294. *Сыздыкова Г. И.* Преступное и предпреступное поведение несовершеннолетних женского пола. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1985. – 29 с.

295. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. – Тула, Автограф, 2001. – Т. 1. – 800 с.; т. 2. – 640 с.

296. *Тацит Корнелий.* Сочинения в двух томах. – Л., Наука, 1969. – 341 с.

297. *Ткаченко А. А.* Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – 461 с.

298. *Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В.* Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – 560 с.

299. *Ткаченко А. А.* Судебная психиатрия: консультирование адвокатов. – М., Логос, 2004. – 328 с.

300. *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 15–27.

301. *Тоффлер Э.* Шок будущего. – М., АСТ, 2001. – 760 с.

302. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М., АСТ, 2004. – 684 с.

303. *Трунцевский Ю.* Лесбиянство под страхом нового уголовного закона? // Следователь. 1997. № 3. – С. 63–65.

304. *Тэннэхил Р.* Секс в истории. – М., КРОН-ПРЕСС, 1995. – 400 с.

305. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – М., Юридическая литература, 1950. – 230 с.

306. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – М., Юридическая литература, 1991. – 331 с.

307. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н. И.

Ветрова и Ю. А. Ляпунова. – М., Юристъ, 1998. – 362 с.

308. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. Учебное пособие / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2004. – 430 с.

309. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М., Юрайт, 2001. – 512 с.

310. Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. Т. 1–2. – М., Юристъ, 1998. – 430 с.

311. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б. В. Здравомыслова. – М., Юристъ, 2000. – 438 с.

312. *Улицкий С.* Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. – С. 14–16.

313. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. – М., Юридическая литература, 1994. – С. 276–316.

314. Устав Святого князя Владимира, крестившего русскую землю, о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство Древней Руси. Т. 1. – М., 1984. – С. 169–175.

315. *Уткин Ю.* Незаконное супружество // Законность. № 9. 2004. – С. 49–51.

316. *Ушакова И. М.* Клиника и судебно-психиатрическое значение педофилии. Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1992. – 24 с.

317. *Уэда К.* Преступность и криминология в современной Японии. – М., Прогресс, 1989. – 366 с.

318. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. – 466 с.

319. *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. – М., Юридическая литература, 1980. – 284 с.

320. *Фридлендер Л.* Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонионов. – СПб., 1914. – 414 с.

321. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М., АСТ, 2004. – 340 с.

322. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. История сексуальности. Т. 1. – М., Магистериум, 1996. – 356 с.

323. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. – М., Академический проект, 2004. – 432 с.

324. *Фуко М.* Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. – М.,

Рефл-бук, 1998. – 288 с.

325. *Фуко М.* Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 году. – СПб., Наука, 2004. – 432 с.

326. *Фукс Э.* История нравов. Эпоха Ренессанса. – М., Республика, 1993. – 511 с.

327. *Фукс Э.* История нравов. Галантный век. Пиршество страсти. – М., Диадема-Пресс, 2001. – 800 с.

328. *Фукс Э.* История нравов. Буржуазный век. Конвейер удовольствий. – М., Диадема-Пресс, 2001. – 800 с.

329. *Хайнце Э.* Сексуальная ориентация: право человека. Эссе о международном законодательстве о правах человека. – М., Идея-пресс, 2003. – 366 с.

330. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. В. Н. Садикова. – М., Норма, 2002. – 566 с.

331. *Христенко В. Е.* Психология поведения жертвы. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2004. – 416 с.

332. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Основные положения, исследования и применения. – СПб., Питер, 1997. – 470 с.

333. *Чернооков А. Э.* Введение в сравнительное правоведение. Учебное пособие. – СПб., Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2004. – 207 с.

334. *Честнов И. Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. – СПб., Изд-во С.-Петерб. гос. университета, 2002. – 340 с.

335. *Чехов В. В.* Условия вменяемости при остром и хроническом отравлении алкоголем // Вестник права. 1904. № 3. – С. 170–176.

336. *Шереги Ф. Э.* Социология девиации прикладные исследования. – М., Центр социального прогнозирования, 2004. – 314 с.

337. *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – 389 с.

338. *Шнейдер В. Б.* Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург, 2002. – 208 с.

339. *Шостакович Б. В., Ткаченко А. А.* Эксгибиционизм. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 1992. – 200 с.

340. *Шостакович Б. В., Ушакова И. М., Потапов С. А.* Половые преступления против детей и подростков. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1994. – 164 с.

341. *Щедрина Е. В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива. – М., Педагогика, 1979. – С. 32–35.

342. Эдикт Теодориха (Edictum Theodorici Regis) // Ученые записки Московского государственного педагогического

института им. В. И. Ленина. – М., 1964. – С. 157–178.

343. Эклога. Византийский законодательный свод VII века. – М., Наука, 1965. – 244 с.

344. *Эйбл-Эйбесфельдт И.* Биологические основы эстетики // Красота и мозг / Под ред. И. Эйбл-Эйбесфельдт. – М., Мир, 1995. – С. 46–49.

345. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. – М., Университетская книга, 2001. – Т. 1. – 332 с., т. 2. – 382 с.

346. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – М., Политиздат, 1965. – С. 648–705.

347. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX вв. – М., ТЕРРА, 1996. – 572 с.

348. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М., Прогресс, 1996. – 344 с.

349. Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). – Ростов-на-Дону, Феникс, 2003. – 608 с.

350. *Ягер С.* Мир без границ. – М., Наука, 1997. – 276 с.

351. *Якимов И. Н.* Расследование половых преступлений // Административный вестник. № 4. 1929. – С. 61–62.

352. *Яковлев Я. М.* Половые преступления. – Душанбе, Ирфон, 1969. – 212 с.

353. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., Политиздат, 1991. – 473 с.

354. *Abby A.* Ross L. McDuffie D. Alcohols role in sexual assault. // Drugs and alcohol reviews. Vol. 5. Addictive behaviors in women. Totowa. – NJ., Humana press, 1995. – P. 78–93.

355. *Abel G. G., Becker J. V., Cunningham-Rathner J.* Complications, consent and cognitions in sex between children and adults // International Journal of Law and Psychiatry, Vol. 7, 1984. – P. 98—103.

356. *Abel G. G., Becker J. V., Cunningham-Rathner J.* Multiple paraphiliac diagnoses among sex offenders // Bulletin of the American Academy of Psychiatry and Law. Vol. 16, 1988. – P. 153–168.

357. *Abel G. G., Mittelman M. S., Becker J. V.* Sex offenders: Results of assessment and recommendation for treatment // Ben-Aron S.J. Hucker and C.D. Webster (Eds.), Clinical criminology: The assessment and treatment of criminal behaviour, Toronto, University of Toronto and M/M Graphics, Ltd, 1985. – P. 191–205.

358. *Abbey A., Ross L. T., McDuffie D., McAuslan P.* Alcohol and dating risk factors for sexual assault among college women // Psychology of Women Quarterly. 1996. – P. 147–169.

359. *Acierno R. et al.* Risk factors for rape, physical assault, and

post-traumatic stress disorders in women: examination of differential multivariate relationships // Journal of Anxiety disorders. 1999. N 13. – P. 541–563.

360. *Aron R.* Clausewitz, Philosopher of War. – N.Y., 1985. – 340 p.

361. *Augustine*. Treatises on Marriage and Other Subjects / Transl. Ch. Wilcox. – N.Y., 1955. – 471 p.

362. *Bancroft J. & Mathews A*. Autonomic correlates of penile erection // Journal of Psychosomatic Research. – 1971. N 15. – P. 159–167.

363. *Baron L. & Straus M*. Four theories of rape: A macrosociological analysis // Social Problems. 1987. N 34. P. 467–490.

364. *Bastami J*. Treatment of male genital exhibitionism // Comprehensive Psychiatry. 1976. Vol. 17. N 6. P. 769–775.

365. *Bauserman R*. Sexual aggression and pornography: A revive of correlation research // Basic and applied Social Psychology. 1996. 18 (4). – P. 405–427.

366. *Bergman B*. Responsibility for crime and injury when drunk // Addiction. 1997. Sept. N 92 (9). P. 1183–1188.

367. *Blumer H.* Der metodologishe Standort des Symbolishen Interactionismus // Symbolisher Interactionismus und Ethnomethodologie. – Reinbeck, 1973. – P. 34–67.

368. *Bond M. H*. Beyond the Chinese Face. Oxford – N.Y., 1991. – 488 p.

369. *Brownmiller S*. Against Our Will. – N.Y., 1975. – 208 p.

370. *Brundage J. A*. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. – Chicago, University of Chicago Press, 1987. – 440 p.

371. *Canter D. & Heritage R. A*. A multivariate model of sexual offence behavior // The Journal of Forensic Psychiatry Vol.1, 1989. – 240 p.

372. *Chen Paul Heng-chao.* Chinese Legal Tradition under the Mongols. – Princeton, 1979. – 244 p.

373. *Cline V. B*. Pornography effects: Empirical and clinical evidence. In D. Zillmann, J. Bryant and A. Huston (Eds.), Media, children and the family: Social scientific, psychodynamic and clinical perspective. Hillsdale. – N.J: Erlbaum, 1994. – P. 230–287.

374. *Collins J. J., Schlenger W. E.* Acute and chronic effects of alcohol use on violence // Journal Stud. Alcohol. 1988. Nov. N 49 (6): P. 516–521.

375. *Conrad P., Schneider W.* Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. Columbus. OH. Merril, 1992. – 234 p.

376. *Copson G.* Coals to Newcastle? Part 1: A study of offender profiling. – London, 1995. – 366 p.

377. *Court J. H.* Sex and violence: A ripple effect. In: N.M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.), Pornography and sexual aggression, Orlando. – FL., Academic Press, 1984. – P. 143–172.

378. Crime in the United States, Uniform crime reports, FBI, – Washington, D.C. 2000. – 140 p.

379. Diagnostical and Statistical manual of mental disorders. DSM-IV. – APA. Washington, 2000. – 430 p.

380. *Donnerstein E.* Aggressive erotica and violence against women // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 39. – P. 269–277.

381. *Douglas J. E., Ressler R. K., Burgess A. W. & Hartman C. R.* Criminal profiling from crime scene analysis // Behavioral Science and the Law. 1986. N 4. – P. 401–421.

382. *Douglas J., Burgess A. & Ressler R.* Crime classification manual. – N.Y., Lexington Books, 1992. – 406 p.

383. *Eibl-Eibesfeldt I.* Die Biologie des menschlichen Verhaltens. — M.u.nchen, Piper, 1984. – 328 p.

384. *Erikson E.* Identity: youth and crisis. – N.Y., 1972. – 344 p.

385. *Farley M., Barkan H.* Prostitution, violence, and posttraumatic stress disorder // Women Health. – 1998. – Vol. 27, N 3. – P. 37–49.

386. *Finkelhor D.* Child sexual abuse. – N. Y., The free press, – 1984. – 375 p.

387. *Fleming J. et al.* The long-term impact of childhood sexual abuse in Australian women // Child Abuse & Neglect. 1999. N 23. – P. 145–159.

388. *Freely M.* Let girls be girls // Independent on Sunday. 1997. March. 2.

389. French M. La Guerre contre les femmes. Paris, L'Archipel, 1992. – P. 38.

390. *George W., Stoner S.* Understanding acute alcohol effects on sexual behavior // Annul Rev. Sex. Res. 2000. N 11. P. 92—124.

391. Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. – London, 1987. – 430 p.

392. *Gjone H., Stevenson J.* A longitudinal twin study of temperament and behavior problems: Common genetic or environmental influences?

// J. Am. Acad. Child. Adolecs. Psychiatry 1997. V. 36. N 10. – P. 1448–1456.

393. *Glasser A., Collins C.* The response of young, non-sexually abused children to anatomically correct dolls // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1989. Vol. 30. – P. 547–560.

394. *Grin R.* Is a pedophilia a psychiatric disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. Vol. 31. N 6. – P. 240–256.

395. *Groth A. N.* Men Who Rape: The Psychology of the Offender. – N. Y., Plenum Press, 1979. – 421 p.

396. *Hagan E.* Introduction to Criminology. – Chicago, 1986. – 540 p.

397. Hanson R., Bussiqre M. Predicting of Sexual Offender Recidivism. A Meta-Analysis // User Report. N 4. Ottawa. Solicitor General Canada. 1996. – 120 p.

398. *Hassan Y.* The baven becomes bell: a study of domestic violence in Pakistan. – Lahore, Shirkat Gah Woman's Resource Centre, 1995. – 242 p.

399. *Hilton R. H.* Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. – N.Y., 1973. – 476 p.

400. *Hultch D., Plemonts K.* Life Events and Life-span Development // Life-span Development and Human Behavior. N.Y., 1979. – P. 144–170.

401. *Jauregui J. A.* The Emotional Computer. – Oxford; Cambridge; Blackwell, 1995. – 305 p.

402. *Koss M., Dinero T.* Discriminate analysis of risk factors for sexual victimization among a national sample of college women // Journal of Consulting and clinical Psychology. 1989. N 57. – P. 242–250.

403. *Kronhousen Ebergard & Phyllis.* Pornography and the Law. Ballantine Books. – New York, 1959. – 352 p.

404. *Lang R. A. & Frenzel R. R.* How sex offenders lure children. Annals of Research. 1988. N 1. – P. 303–307.

405. *Lawrence C.* Violence // Social Theory & Practice. 1976. N 9. – P. 34–56.

406. *Lefebvre V.* The Fundamental Structures of Human Reflexion. – N.Y., 1990. – 234 p.

407. *Levin E.* Sex and society in the World of Orthodox Slavs, 900 —1700. – L., Cornell University Press, 1989. – 432 p.

408. *Loo P.* Les delires passionnelles // Rev. Med. Paris, 1979. T. 20. N 3. – P. 93–96; *Clerambault G.* Les psychoses passionnelles (1921) // Oeuvre Psychiatrique. Paris, Presses Universitaires de France, 1942.

409. *Lorenz K.* Die angeborenen Formen moglicher Erfahrung // Z. Tierpsychol. 1943. N 5. – P. 235–409.

410. *Malamuth N. M., Hein M. & Feshbach S.* Sexual responsiveness of college students to rape depictions: Inhibitory and disinhibitory effects // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 35. – P. 399–408.

411. *Malamuth N. M. & Donnerstein E.* Pornography and Sexual Aggression. Orlando. FL. Academic Press, 1984. – 352 p.

412. *Malamuth N.* A multidimensional approach to sexual aggression: combining measures of past behavior and present

likelihood // Annals of the New York Academy of Science. 1998. 528. – P. 113–146.

413. *Martin S. E., Bachman R*. The relationship of alcohol to injury in assault cases // Recent. Dev. Alcohol. 1997. 13. – P. 41–56.

414. *Marx B., Gross M., Adams E.* The effect of alcohol on the responses of sexually coercive and noncoercive men to an experimental rape analogue // Sex Abuse. 1999. Vol. 45. – P. 112–131.

415. *Mc Cary J*. Sexual variance. – D. Van Nostrand Co. N.Y., 1978. – 344 p.

416. *Merton R*. Intermarriage and the Social Structure: Fast and Theory // Psychiatry. Vol. 4. 1941. – P. 322.

417. *Miczek K. et al*. Alcohol, drugs of abuse, aggression and violence // A. J. Reiss, J. A. Roth eds. Understanding and preventing violence. Vol. 3. Social influence. – Washington. DC. National Academy Press, 1993. – P. 377–540.

418. Michael R.T. Sex in America: A definitive study. – Boston, 1994. – 234 p.

419. *Money J*. Paraphilias: Phenomenology and Classification // Amer. J. Psychother. 1984. Vol. 38. N 2. – P. 56–78.

420. *Moore S*. For the good of the kids – and us // Guardian. 1995. June. 15.

421. *Murdoch D., Phil R. O., Ross D*. Alcohol and crimes of violence: present issues // Integr. Journal Addict. 1990. Sept. N 25 (9): P. 1065–1081.

422. *Newton G*. What is violence // The Wation. 1988. N 4. P. 82–87.

423. *Olsson A. et al*. Sexual abuse during childhood and adolescence among Nicaraguan men and women: a populations-based survey // Child Abuse & Neglect. 2000. N 24. – P. 1579–1589.

424. *Plichta S*. Identifying characteristics of programs for battered women // Addressing domestic violence and its consequence: a policy report of the Commonwealth Fund Commission on Women's Health. – N.Y., The Commonwealth Fund, 1998. – P. 45–64.

425. *Prentky R. A*. Human sexual aggression: current perspective. – N.Y., 1987. – 348 p.

426. *Quinsey V., Rice M., Harris G*. Actuarial prediction of sexual recidivism // Journal of Interpersonal violence. 1995. Vol. 10. – P. 85—105.

427. *Quinsey V., Lalumiere M., Rice M., Harris G*. Predicting sexual offenses // J.C. Campbell Ed. Assessing Dangerousness: Violence by sexual offender's batterers and child abusers. Thousand Oakes CA: Sage, 1995. – P. 114–137.

428. *Rabkin J*. The Epidemiology of Forcible Rape // Amer.

Journal Orthopsychiatry. 1979. Vol. 49. N 4. – P. 345–348.

429. *Rachman S. & Hodgson R. J.* Experimentally-induced "sexual fetishism": Replications and development. Psychological Record. 1968. 18. – P. 25–27.

430. *Reber A.* Dictionary of Psychology. – London, Penguin books, 1995. – 804 p.

431. *Robinson P.* Criminal law. Aspen law & business. – N.Y., 1997. – 874 p.

432. *Rooth F. G.* Exhibitionism, Sexual Violence and Pedophilia // British Journal of Psychiatry. 1973. Vol. 122. – P. 705–710.

433. *Ruggiero G.* The Boundaries of Eros: Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. – N. Y., Oxford University Press, 1985. – 312 p.

434. *Schur E. M.* Crime Without Victims. Englewood Cliffs. – N J., Prentice-Hall. – 268 p.

435. *Sheley J. F.* American Crime Problem. Belmont. – C.A., Wadsworth, 1985. – 346 p.

436. *Sinha S. P.* Non-Universally of Law // Archiv fur Rechts und Sozialphilosophie, 1995. Bd. 81. N 2. – P. 185–214.

437. *Stodghill R.* Where'd you learn that? Time. 1998. 15 June. P. 52–59.

438. *Swart-Kruger J., Richter L.* AIDS-related knowledge, attitudes and behavior among South African street youth: reflections on power, sexuality and the autonomous self // Soc. Sci. Med. 1997. Sept. Vol. 45. N 6. – P. 957–966.

439. *Taylor S., Chermack S.* Alcohol drugs and human physical aggression // Journal of Studies on Alcohol. 1993. N 11. P. 78–88.

440. *Tinbergen N.* The study of instinct. London, Oxford University Press, 1951. – 465 p.

441. *Tingle D., Barnard G., Robbin L., Newman G., Hutchinson D.* Childhood and adolescent characteristics of pedophiles and rapists // International Journal of Law and Psychiatry. 1986. N 9. – P. 103–116.

442. *Tjaden P., Zverina J.* Experience with sexual aggression within population in the Czech Republic. Archives of Sexual Behavior. 1999. N 28. – P. 265–269.

443. The Handbook of Forensic Sexology. Biomedical & criminological perspectives // Ed. by J. Krivacska & J. Money. – N. Y., Prometheus Books, 1994. – 451 p.

444. *Tutt N.* (Edit.) Violence. – London, 1976. – 864 p.

445. Understanding Cultures through their keys words: English, Russian, Polish, German, Japanese. – N.Y., Oxford University Press, 1997. – 1128 p.

446. US Department of Justice. Serial murder investigation system conference (FBI). Washington, DC: US Government Printing Office, 1991.

447. *Vernon P. A. et al.* Individual differences in multiple dimensions of aggression: A unvaried and multivariate genetic analysis // Twin Res. 1999. Vol. 2. N 1. – P. 16–21.

448. *Wild T.C., Graham K., Rehm J.* Blame and punishment for intoxicated aggression: when is the perpetrator culpable? // Addiction. 1998. May. N 93 (5). – P. 677–687.

449. *Wyatt G. E.* & Peters S.D. Issues in the definition of child sexual abuse in prevalence research // Child Abuse and Neglect. Vol. 10. 1986. – P. 231–240.

450. *Zhang L., Wieczorek W. F., Welte J. W.* The nexus alcohol and violent crime // Alcohol. Clin. Exp. Res. 1997. Oct. N 21 (7). – P. 1264–1271.

451. *Zillmann B. & Bryant J.* Pornography, sexual callousness, and the trivialization of rape // Journal of Communication. 1982. 32 (4). – P. 10–21.

452. *Zillmann D. & Bryant J.* Effects of massive exposure to pornography // N. M. Malamuth & E. Donnerstein (Eds.). Pornography and sexual aggression, Orlando. – FL. Academic Press, 1984. – P. 115–141.

453. *Zillmann D. & Bryant J.* Shifting preferences in pornography consumption // Communications Research. 1986. 13. – P. 560–578.

454. *Zillmann D. & Bryant J.* Pornography's impact on sexual satisfaction // Journal of applied Social Psychology. 18. 1988. – P. 452.

455. *Zykova Y. V., Isaev N. A.* Systems approach to profiling sexual violent offences // Forensic Psychology and Law. Facing the Challenges of a Changing World. Institute of Forensic Research Publishers. – Cracow, 2004. – P. 14–19.

Об авторе

Николай Алексеевич Исаев

Кандидат медицинских наук, доцент кафедры уголовного права Орловского государственного университета

В 1992 году окончил Смоленский медицинский институт по специальности «лечебное дело», в 2003 году – юридический факультет Орловского государственного университета. Длительное время работал судебно-психиатрическим экспертом, заведующим отделением психиатрической больницы строгого наблюдения. На протяжении 10 лет занимается педагогической деятельностью.

Автор более 100 научных работ, из них: 7 монографий, учебников и руководств. Основные направления научной деятельности – криминология, уголовное право, девиантология, судебная психиатрия и юридическая психология.

notes

Примечания

1

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – С. 30.

2

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк, 1999. – С. 3.

3

Blumer H. Der methodologishe Standort des Symbolishen Interactionismus // Alltagswissen, Interaction und gessellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Sozoiologen (Hg.). Bd. 1: Symbolisher Interactionismus und Ethnométhodologie. – Reinbeck, 1973. – P. 34.

Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М., Медицина, 1986. – С. 23–25.

5

Дерягин Г. Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на европейском Севере России. Дис… докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – С. 116.

Там же. – С. 116–117.

Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1993. – С. 414.

8

Вригт Г. Логико-философские исследования. – М., Прогресс, 1986. – С. 92–97.

9

Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., Просвещение, 1971. – С. 17–43.

10

Шнейдер В. Б. Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург, 2002. – С. 164–165.

11

Комаров С. А. Общая теория государства и права. – М., Юрайт, 1998. – С. 257.

Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003.-С. 160–161.

13

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., Танаис, ДК ДИК, 1997. – С. 135–137.

Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб., Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 193.

15

Там же. – С. 199.

16

Рулан Н. Юридическая антропология. – М., Норма, 2000. – С. 87.

17

Розин В. М. Генезис права. Методологический и культурологический анализ. – М., 2003. – С. 154.

Тоффлер Э. Третья волна. – М., АСТ, 2004. – С. 74.

19

Бодрийяр Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 127–131.

Schur E. M. Crime Without Victims. Englewood Cliffs. – NJ., Prentice-Hall. – P. 76–84.

21

Ibid.-P.169.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 742.

23

Гидденс А. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – С. 139.

Aron R. Clausewitz. Philosopher of War. – New York, 1985. – P. 373–393.

Яковлев Я. М. Половые преступления. – Душанбе, Ирфон, 1969. – С. 64.

26

Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. – Волгоград, 1972. – С. 26–27.

27

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003. – С. 155.

28

Groth A. N. Men Who Rape: The Psychology of the Offender. – New York, Plenum Press, 1979. – P. 32.

Court J. H. Sex and violence: Aripple effect // MalamuthN. M., Donnerstein E. (Eds.). Pornography and sexual aggression, Orlando. – FL., Academic Press, 1984. – P. 143–172.

U.S. Department of Justice. 1988. – P. 2.

31

Michael R. T. Sex in America: A definitive study. – Boston, 1994. – P. 126.

32

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003.-С. 155–157.

33

Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С. 28.

Там же. С. 29.

35

Цит. по: Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 102.

Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – С.433.

37

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – Женева, ВОЗ, 2003. – С. 95

Ibid. C. 95–96.

39

Hassan Y. The baven becomes bell: a study of domestic violence in Pakistan. – Lahore, Shirkat Gah Woman's Resource Centre, 1995. – P. 14.

Sheley J. F. American Crime Problem. Belmont. – C.A., Wadsworth, 1985. – P. 115–116.

Conrad P., Schneider W. Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. – Columbus, OH. Merrill, 1992. – P. 35–47.

Hagan E. Introduction to Criminology. – Chicago, 1986. – P. 243.

Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С.372.

Цит. по: Криминология / Подред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – С. 296.

Цит. по: Рассел Б. Брак и мораль. – М., Крафт, 2004. – С. 127.

Цит. по: Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

Ефремова Т. Н. Новый словарь русского языка. – М., Русский язык, 2001. – С.432.

Криминология / Под ред. Дж. Шели. – М.; СПб., Питер, 2003. – С. 302–303.

Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. – СПб., Питер, 2004. – С. 34–35.

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 102.

Международная классификация болезней, 10-пересмотр. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ. Россия. – СПб., 1994.

Краффт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд. – СПб., 1909.

Diagnostical and Statistical manual of mental disorders. DSM-IY. – APA. Washington, 2000.-430 p.

Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – С. 171–207.

Bastami J. Treatment of male genital exhibitionism // Comprehensive Psychiatry. 1976. V. 17. N 6. – P. 769–775.

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. – М., Спарк, 1999. – С. 360.

Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С.258.

Rooth F. G. Exhibitionism, sexual violence and pedophilia // British Journal of Psychiatry. 1973. V. 122. – P. 705–710.

Эйбл-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг / Под ред. И. Эйбл-Эйбесфельдт. – М., Мир, 1995. – С. 46–49.

Старович З. Судебная сексология / Пер. с польск. – М., Медицина, 1991. – С. 114–115.

61

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

Толстой Л. Н. Воскресенье. – М., 1997. – С. 8.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М., ПЕРСЭ, 2001. – С. 28.

Тоффлер Э. Шок будущего. – М., АСТ, 2001. – С. 319.

Grin R. Is a pedophilia a psychiatric disorder? // Archives of Sexual Behavior. 2002. V. 31. N 6; см. также Реферативный обзор по данной тематике: Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

Капица С. П. Модель роста населения Земли // Успехи физических наук. 1995. Т. 26. № 3.

67

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., Прогресс, 1992. – С. 67–81.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Просвещение, 1988. – С. 345.

Является ли педофилия психическим расстройством? // Сексология. 2003. № 4. – С. 39–48.

Tinbergen N. The study of instinct. – London, Oxford University Press, 1951. – P. 23–24.

Lorenz K. Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung // Z. Tierpsychol. 1943. N 5. – P. 235–409.

Eibl-Eibesfeldt I. Die Biologie des menschlichen Verhaltens. – München, Piper, 1984. – P. 43–45.

Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – С. 206.

Загурекам И. Эпистола из камеры vs. Философии в будуаре // Маркиз де Сад. Письма вечного узника. – М., Эксмо, 2004. – С. 12.

Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара //anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec/zizec.html

Антонян Ю. М. Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. – М., 1991. – С.115.

Антонян Ю. М. Общий очерк о преступном насилии // Человек против человека. Преступное насилие. Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Антоняна, С. Ф. Милюкова. – СПб., 1994. – С. 8–9.

Money J. Paraphilias: Phenomenology and Classification //Amer. J. Psychother. 1984. Y. 38. N 2.-P. 56–78.

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 98.

Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 372.

Лукашева Е. А. Права человека как фактор устойчивого развития. – М., НОРМА, 2000. – С. 13.

Цит. по: Розин В. М. Личность и ее изучение. – М., Едиториал УРСС, 2004. – С. 46–52.

83

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. – М., 1996. – С. 262.

Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 156.

Личко А. Е. Психиатрия подросткового возраста. – М., Медицина, 1985. – С. 241–244.

Рэдклифф-Браун А. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 604–611.

Merton R. Intermarriage and the Social Structure: Fast and Theory // Psychiatry. V. 4. 1941. P. 322.

Мердок Дж. П. Социальная структура. – М., ОГИ, 2003. – С. 341.

89

Там же. С. 346.

Там же. С. 352.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000. – С. 273–274.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура. Личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., Педагогика, 1994. – С. 456.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., Академический Проект, 2000.-С. 421.

Парсонс Т. О социальных системах. – М., Академический Проект, 2002. – С. 363.

Там же. – С. 371.

Там же. – С. 388.

Там же. – С. 389.

Там же. – С. 390.

99

Там же.

100

Бодрийяр Ж. Смерть и символический обмен. – М., Добросвет, 2000. – С. 111.

101

Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. – М., 1998. – С. 94—108.

Гилинский Я. И. Девиантология. – СПб., 2004. – С. 172.

Там же; Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997.

Гернет М. Н. Избранные произведения. – М., 1974. – С. 140.

105

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1992. – С. 32.

Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969. № 8. – С. 51.

107

Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997. – С. 11.

Там же. – С. 14.

Князева Е. Н. Курдюмов С. П. Основания синергетики. – СПб., Алетейя, 2002. – С.364.

Философский энциклопедический словарь. – М., Советская энциклопедия, 1984. – С. 40.

111

Вицин С. Е. Моделирование в криминологии. – М., 1973. – С. 39.

112

Ли Д. Преступность в России: системный анализ. – М., Гелва, 1997. – С. 38.

113

Цит. по: Введенский Г. Е. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис… канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 7.

Введенский Г. Е. Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентаций у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия. Дис… докт. мед. наук. – М., 2000. – С. 34.

115

Введенский Г. Е. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис… канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 7.

Антонян Ю. М. Причины преступности в России // Преступность в России. Причины и перспективы. – М., ВНИИ МВД РФ, 2004. – С 9–11.

117

Там же.

118

Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. – СПб., Азбука-классика, 2003. – С. 17–18.

119

Геодакян В. А. «Посох слепого» (Что такое культура с точки зрения биологии?) // Взаимоотношения человека и культуры: теоретико-информационный подход. – Таганрог, 1998. – С. 70–79.

Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., Логос, 2002. – С. 277.

121

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М., Смысл, 2000. – С. 98—104.

Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. – М., Эксмо, 2000. – С. 50.

123

Горелов А. А. Социология. – М., Гардарика, 2002. – С. 99.

Цит. по: Социальная философия. Ч. 2. – М., 1994. – С. 60.

125

Горелов А. А. Социология. – М., Гардарика, 2002. – С. 101.

Андреева Г. М. Социальная психология. – М., Академический Проект, 1996. – С. 145–148.

127

Там же. – С. 146.

Там же. – С. 147.

Гирц К. Интерпретация культур. – М., РОСПЭН, 2004. – С. 25.

Зильберман Э. К пониманию культурных традиций через типы мышления // Антология гнозиса. Т. 1. – СПб., Медуза, 1994. – С. 44–65.

131

Современный словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1992. – С. 198.

132

Там же. – С. 561.

133

Лешкевич Т. Г. Философия науки. Традиции и новации. – М., ПРИОР, 2001. – С. 22–23.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., Политиздат, 1991. – С. 31–67.

135

Там же. С. 32.

Там же. С. 34.

137

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 15.

Мелетинский Е. Клод Леви-Стросс. Только этология? // Вопросы литературы.

Кун Т. Структура научных революций. – М., АСТ, 2000.

Blumer H. Der methodologishe Standort des Symbolischen Interaktionismus // Alltagswissen, Interaction und gesellschaftliche Wirklichkeit / Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen (Hg.). Bd. 1: Symbolischer Interaktionismus und Ethnométhodologie. – Reinbeck, 1973.

141

Цит. по: Ромм М. В. Адаптация личности в социуме. – Новосибирск, Наука, 2002. – С. 63–64.

Гирц К. Интерпретация культур. – М., РОСПЭН, 2004. – С. 11.

143

Там же. – С. 23.

Там же. – С. 26–33.

145

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. – М., Университетская книга, 2001. – С. 235–257.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применения. – СПб., Питер, 1997. – С. 31–44.

147

История философии. Энциклопедический словарь. – Минск, 2002. – С. 883.

Розин В. М. Человек культурный. Введение в антропологию. – М.; Воронеж, Модэк, 2003. – С. 233, 297–298.

Sinha S. P. Non-Universally of Law // Archiv fur Rechts und Sozialphilosophie. 1995. Bd. 81. N2. -P. 185–214.

150

История Древнего мира. Древний Восток. – Минск, 1998. – С. 156.

151

Артхашастра. Глава 2: Правила, связанные с браком // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. В. Н. Садикова. – М., 2002. С. 35–36.

152

Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 23–24.

Там же. – С. 27–28.

Клири Т., Азиз С. Богиня Сумерек. – Н. Новгород, 2003. – С. 60–61.

155

Там же. С. 63.

Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 2002. – С. 327.

157

Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. – Киев, 2004. – С. 406–410.

Ковлер А. И. Антропология права. – М., 2002. – С. 418.

Крашенинникова Н. А. История права Востока. – М., 1994. – С. 37–38.

Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра. – М., 1984. – С. 54.

161

Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античность и восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 409.

162

Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 30–31.

163

Дхармашастра Нарады / Пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасина, А. М. Самозванцева. – М., 1998. – С. 53–56.

Там же. – С. 52–55.

165

Садиков В. Н. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. – М., 2002. – С. 34.

Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античность и восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 429.

167

Там же. – С. 430.

Дхармашастра Нарады / Пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасин, А. М. Самозванцев. – М., 1998. – С. 56.

169

История древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова. – М., 1962. – С. 237.

Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. – Киев, 2004. – С. 421.

Королев С. В. Китайская концепция прав человека // Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы. – М., 2002. – С. 369.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 188.

173

Weber M. The Religions of China. – New York, 1964. – P. 254.

Апьбедиль М. Ф. Зеркало традиций. – СПб., 2003. – С. 46.

175

Там же. – С. 58.

Цит по: Там же. – С. 59.

177

Ману-смрити // Антология мировой правовой мысли / Под ред. В. Ю. Семигина. Т. 1: Античность, восточные цивилизации. – М., 1999. – С. 403.

Малявин В. В. Сумерки Дао. – М., 2000. – С. 354.

179

Там же. – С. 356.

Bond M. H. Beyond the Chinese Face. – Oxford; N.Y., 1991. – P. 15–26.

Малявин В. В. Сумерки Дао. – М., Астрель, 2000. – С.370.

Там же. – С. 382–383.

Там же.-С. 383.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 144.

185

Рулан Н. Юридическая антропология. – М., НОРМА, 2000. – С. 86.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 147.

187

Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – СПб., 1848. – С.337.

Там же. – С. 343.

189

Цит. по: Там же. – С. 343–344.

Малявин В. В. Сумерки Дао. – М., Астрель, 2000. – С. 371.

191

Малявин В. В. Китайская цивилизация. – М., Астрель, 2001. – С. 357.

192

Ван Гулик Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. – СПб., 2004. – С.401.

193

Там же. – С. 151.

Цит по: Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 23–24.

195

Тэннэхилл Р. Секс в истории. – М., 1995. – С. 181.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. – М., 1986. – С. 142–144.

197

Там же. – С. 142.

Там же. – С. 145.

199

Chen Paul Heng-chao. Chinese Legal Tradition under the Mongols. – Princeton, 1979. – P. 57.

200

Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – СПб., 1848. – С.344.

201

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001. – С. 161–162; Ахметшин Н. Х. История уголовного права КНР. – М., 2005. – С. 167.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001. – С. 241–247.

203

Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 2003. – С. 261–21 А, 330–337.

Варвенюк Р. Секс в истории человечества. – М.; СПб., Питер, 2005. – С. 39.

205

Остерман Л. О Солон! История Афинской демократии. – М., 2001. – С. 80.

Дюрант В. Жизнь Греции. – М., КРОН-ПРЕСС, 1997. – С. 304.

Там же. – С. 307–309.

Там же. – С. 310.

Рулет Н. Юридическая антропология. – М., НОРМА, 2000. – С. 87.

Гис Ф., Гис Д. Брак и семья в Средние века. – М., 2002. – С. 26.

211

История Древнего мира / Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. – М., 1962. – С. 464.

212

Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. – М., 2003. – С. 20–27.

213

«Брак совершается согласием, но не совокуплением».

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 208.

215

Дигесты Юстиниана. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. – М., 1987. – С. 361–363.

«Да отойдет тебе твое имущество».

217

«Да будет принадлежать тебе твое имущество».

Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонионов. – СПб., 1914. – С. 29–32.

219

Цит. по: Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 217.

Гис Ф., Гис Д. Брак и семья в Средние века. – М., 2002. – С. 37.

221

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 212.

Тэннэхилл Р. Секс в истории. – М., 1995. – С. 112.

Там же. – С. 112–113.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. – СПб., 2002. – С. 206.

Машкин Н. А. Принципат Август. – М.; Л., 1949. – С. 419–423.

226

Дигесты Юстиниана. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. – М., 1987. – С. 361–363.

Диби П. Этнология спальни. – М., 2004. – С. 73–74.

Там же. – С. 74.

Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. – С. 151–162.

230

История политических и правовых учений. Т. 1: Древний мир / Под ред. В. С. Нарсесянца. – М., 1985. – С. 210.

231

Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. – М., 2003. – С. 220–228.

Дождев Д. В. Правовая мысль античности // Антология мировой правовой мысли. Т. 1: Античность, восточные цивилизации / Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., 1999. – С. 96.

233

Отцовская власть (*лат.*).

Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. История сексуальности – I. – М., 1996. – 448 с.; Использование удовольствий: История сексуальности – II. – М., 2004. – 431 с.; Забота о себе. История сексуальности – III. – Киев; М., 1998. – 282 с.

Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. История сексуальности – I. – М., 1996.

Summer W. Folkways. – Boston, 1906. – P. 362.

Государев Н.А. Треугольный человек. – М., 1991. – С. 146.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов н/Д, 1996. – С. 56–57.

239

Салическая Правда (Lex salica) / Под ред. В. Ф. Семенова. – М., Наука, 1950. – С. 19–21, 36–37.

Там же. – С. 56–58.

241

Аламаннская Правда (Lex Alamannomm) // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа V–XVII вв. / Под. ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 44.

242

Корнелий Тацит. Германия // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. – Л., Наука, 1969.-С. 361.

243

Аламаннская Правда (Lex Alamannomm) // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа Y – XVII вв. / Под. ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 43.

Эдикт Теодориха (Edictum Theodorici Regis) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – М., 1964. – С. 157–178, 180–182.

Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. – London, 1987. – P. 67.

Augustine. Treatises on Marriage and Other Subjects / Transi. Ch. Wilcox. – New York, 1955.-P.21–22.

Либера А. Де. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 140.

Эклога. Византийский законодательный свод VII века. – М., 1965. – С. 41–46.

249

Там же.

250

Там же. – С. 43.

251

Там же. – С. 48–60.

252

Цит. по: Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С.295.

253

Brundage J. A. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. – Chicago, University of Chicago Press, 1987. – P. 152.

Либера А. Де. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 165–166.

255

Парриндер Дж. Сексуальная мораль в мировых религиях. – М., 2002. – С. 294–295.

Цит. по: Гилинский Я. И. Девиантология. СПб., 2004. – С. 368.

257

Цит. по: Levin E. Sex and society in the World of Orthodox Slavs, 900—1700. London, Cornell University Press, 1989. – P. 311–312.

Де Либера А. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 166–167.

Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 633.

260

Бартол Сассоферрато. О различиях между каноническим правом и цивильным // Антология мировой правовой мысли. Т. 2: Европа V–XVII вв. / Под ред. Г. Ю. Семигина. – М., Смысл, 1999. – С. 320–332.

Там же. – С. 324–328.

Де Либера А. Средневековое мышление. – М., 2004. – С. 148.

263

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005. – С. 426–427.

Там же. – С. 427.

265

Эклога. Византийский законодательный свод VII века. – М., Наука, 1965. – С. 41.

Hilton R. H. Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. – New York, 1973. – P. 180.

Ruggiero G. The Boundaries of Eros: Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. – New York, Oxford University Press, 1985. – P. 96.

Тис Ф., Гис Д. Брак и семья в средние века. – М., 2002. – С. 315.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Т. I–III. – Тула, Приокское книжное издательство, 1990. – С. 225.

Там же. – С. 84.

Там же. – С. 85.

Устав Святого князя Владимира, крестившего русскую землю, о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 169–175.

Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Т. I–III. – Тула, Приокское книжное издательство, 1990.– С. 234.

Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. – М., 1880. – С. 114–116.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1. – М., Мысль, 1993. – С. 102.

Там же.

277

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М., Правда, 1989. – С. 26–27.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1. – М., Мысль, 1993. – С. 182.

Там же. – С. 222–223.

Там же. – С.232.

Иваницкий В. Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность. 1995. № 3. – С. 161–179.

Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – С.432.

Сервье Ж. Этнология. – М., 2004. – С. 11–12.

Aron R. Clausewitz, Philisopher of War. – New York, 1985. – P. 388–393.

285

Так, по свидетельству личного лекаря царя Алексея Михайловича, Самуэля Коллинза: «…некоторые мужья привязывают жен за волосы и секут их совсем нагих. <… > Один купец бил жену до тех пор, пока мог, плетью, пальца в два толщиной, наконец, заставил надеть ее платье, напитанное водкой три или четыре раза перегнанной, зажег его, и таким образом несчастная погибла в пламени. <…> В России нет уголовного закона, который бы преследовал за убийство жены или раба, если убийство совершится в наказание за проступок» (цит. по: Абрашкевич М. М. О прелюбодеянии по русскому праву. – Одесса, 1904. – С. 36).

Levin E. Sex and society in the World of Orthodox Slavs, 900—1700. – London, Cornell University Press, 1989. – P. 245–248.

Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. – М.; Л., 1925. – С. 68.

Levin E. Sex and society in the World of Orthodox Slavs, 900-1700. – London, Cornell University Press, 1989. – P. 278.

Brownmiller S. Against Our Will. – New York, 1975. – P. 23.

Вестник древней истории. 1952. № 3.

291

Мастерс У., Джонсон ВКолодни Р. Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – С.432.

292

Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 3: Акты земских соборов. – М., Юридическая литература, 1985. – С. 97.

Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). – Ростов н/Д, Феникс, 2003. – С. 463.

Там же. – С. 640–641.

295

Абрашкевич М. М. О прелюбодеянии по русскому праву. – Одесса, 1904. – С. 78.

296

Артикул Воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. – М., Юридическая литература, 1986. – С. 358–359.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1903 г. // Там же. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., Юридическая литература, 1994. – С. 315–316.

Керимов В. Е., Керимов Т. Х. Хрестоматия по социальной философии. – М., 2001. – С. 310.

Тоффлер Э. Третья волна. – М., АСТ, 2004. – С. 174–196.

Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996.

301

Ткаченко А. А. Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 88.

Волков Ю. Г. Социология. – М., Гардарика, 2003. – С. 297–299.

303

Сурова Е. Э. Европеец «отчужденный»: персоналистическая личность. – СПб., 2004. – С. 23–34.

Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Под ред. Е. А. Лукашевой. – М., НОРМА, 2000. – С. 21–22.

305

Хайнце Э. Сексуальная ориентация: право человека. – М., БЕК, 2003. – С. 89–91.

Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX вв. – М., 1996. – С. 64.

Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. – С. 14.

Violent Crime Control and Law Enforcement Act. 1994. U.S. Department of Justice.

Jacob Wetterling Crimes against Children and Sexually Violent Offender Registration Act. 1994. U.S. Department of Justice.

Megan's Law. 1996. U.S. Department of Justice.

Pam Lychner Sexual Offender Tracking and Identification Act. 1996. U.S. Department of Justice.

The Drug Induced Rape Prevention and Punishment Act of 1996. U.S. Department of Justice.

Date-Rape Drug Prohibition Act of 2000. U.S. Department of Justice.

Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов. – М., 1999. – С. 99–100.

315

Там же. – С. 131.

316

Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. Учебное пособие / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омена-Л, 2004. – С. 117.

Решетников Ф. М. Особенная часть уголовного права зарубежных государств. Преступления против личности. – М., Юридическая литература, 1976. – С. 24–25.

Crime in the United States, Uniform crime reports, FBI, – Washington, D. C., 2000. – P. 26.

Robinson P. Criminal law. Aspen law & business. – New York, 1997. – P. 751.

Ibid.

321

Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. Учебное пособие / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2004. – С. 220.

Примерный Уголовный кодекс США. – М., Юридическая литература, 1969. – С. 63–64.

Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С.233.

324

Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть. Учебное пособие / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2004. – С. 54–56.

325

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 101.

Дьяченко А. П. Правовое положение сексуальных меньшинств // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. – М., 1994. – С. 97.

Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М., Международные отношения, 2002. – С. 340.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., Международные отношения, 2003. – С. 78.

Уголовный кодекс Франции. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 197–202.

Там же. – С. 197.

331

Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М., 2002. – С. 327.

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 97–98.

Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 207–215.

Уголовный кодекс Австрии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 246–262.

Уголовный кодекс Швеции. – М., Зерцало, 2000. – С. 24–28.

Уголовный кодекс Испании. – М., Зерцало, 1998. – С. 61–63.

Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М., 2002. – С. 335.

Черноокое А. Э. Введение в сравнительное правоведение. Учебное пособие. – СПб., Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2004. – С. 163.

Уголовный кодекс Японии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 123–145.

Там же. – С. 135.

341

Цит по: Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2004. – С. 461.

Уголовный кодекс Японии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 134.

Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2003. – С. 462.

История этических учений / Под ред. А. А. Гусейнова. – М., Гардарика, 2003. – С. 20.

345

Уголовное право Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под ред. И. Д. Козочкина. – М., Омега-Л, 2003. – С. 462–463.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. – М., Прогресс, 1989. – С. 104.

Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 27.

Криминология. Учебник. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – М., Волтере Клувер, 2004. – С. 304.

349

Психопатология и современные подходы к лечению лиц, совершивших агрессивные сексуальные действия: рекомендации жюри // Сексология. 2003. № 1. – С. 44.

Castberg D. Japanese Criminal Justice. – New York, 1990. – P. 119–120.

Морозов Н. А. Указ. соч. – С. ПО.

352

Пионтковский А. А. Уголовная политика Японии. – М., 1936. – С. 7.

353

Собрание законодательства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 169.

Авдеев М. И. О квалификации преступлений против личности // Советское государство и право. 1959. № 8. – С. 125.

Закон РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 // Российская газета. 1993. 27 мая.

356

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Милехина. – М., Спарк, 2000. – С. 276.

Честное И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. – СПб., 2002.

Лиотар Ж.-Ф. Постсовременное состояние // Культурология. – Ростов н/Д, 1995. – С. 528.

359

Волков Ю. Г. Социология: лекции и задачи. – М., 2003. – С. 297.

360

Описание процесса приводится по: Моисеев С. В. Философия права. – Новосибирск, 2003. – С. 191.

Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002. – С. 283.

Ковлер А. И. Антропология права. – М., НОРМА, 2002. – С. 418.

Moore S. For the good of the kids – and us. Guardian. 1995. June 15.

Freely M. Let girls be girls. Independent on Sunday. 1997. March 2.

Ковлер А. И. Антропология права. – М., НОРМА, 2002. – С. 418.

Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии. – М., 2005. – С. 110.

Там же. – С. 111.

Криминология / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М., 1988. – С. 87.

369

Поздняков Э. А. Философия преступления. – М., 2001. – С. 295.

Яковлев Я. М. Половые преступления. – Душанбе, 1964. – С. 82.

371

Дурманов Н. Д. Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1971. – С. 183.

Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений. – М., 1974. – С. 13.

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. – М., 1999. – С. 44.

Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник. – М., Норма, 2001. – С. 23.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – М., Юрлит, 2001. – С. 5.

Большой энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 872.

377

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. – М., Русский язык, 1996. – С. 815.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., Русский язык, 1994. – С. 523.

Никонов К. М. Свобода и ее содержание // Свобода и ее содержание. – Волгоград, 1972. – С. 4–5.

380

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 3 / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

381

Фромм Э. Бегство от свободы. – М., АСТ, 2004. – С. 114–134.

Understanding Cultures through their keys words: English, Russian, Polish, German, Japanese. – New York, Oxford University Press, 1997. – P. 430.

383

Мельникова А. А. Язык и национальный характер. – СПб., 2003. – С. 156–158.

Федотов Г. Россия и свобода: Сборник статей. – New York, Chalidze, 1981. – С. 177.

Там же. – С. 183.

Марков Б. В. Экзистенциализм и свобода в философии Ж.-П. Сартра в сопоставительном ракурсе // История современной зарубежной философии: компаративистский подход. – СПб., Лань, 1997. – С. 190–194.

Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии / Под ред. Ю. Н. Попова. – М., 1988. – С. 228.

Фромм Э. Бегство от свободы. – М., АСТ, 2004. – С. 118.

Оруэлл Дж. 1984. – М., 1989; Хаксли О. О дивный новый мир. – М., 1993.

Kass L. Toward a More Natural Science: Biology and Human Affairs. New York, Free Press, 1985. – P. 35.

391

Оруэлл Дж. 1984. – М., 1989. – С. 47.

392

Цит. по: Культура времен апокалипсиса / Под ред. А. Парфея. – Екатеринбург, 2005. – С. 449–450.

393

Бородин С. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – М., Юристъ, 1999. – С. 93.

Мельниченко А. Б., Кочубей М. А., Радачинский С. Н. Уголовное право. Особенная часть. Учебник. – Ростов н/Д, Феникс, 2001. – С. 79.

Симонов П. В. Мотивированный мозг. – М., Наука, 1987. – С. 43.

Там же. – С. 46.

Егоров В. С. Особенная часть уголовного права. Цикл лекций. – М.; Воронеж, Модэк, 2001. – С. 61.

Семерноева Н. К. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1997. – С. 121.

399

Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращения полового чувства. – М., Медицина, 1996. – С. 504.

400

Кони А. Ф. Обвинительная речь по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева // Собрание сочинений. Т. 3. – М., 1996. – С. 284.

401

Цит. по: Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясения основ женственности. – СПб., Алетейя, 2003. – С. 103.

402

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», п. 2 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Mc Cary /. Sexual variance. – New York, D. Van Nostrand Co., 1978. – P. 14.

Блэкборн Р. Психология криминального поведения. – М.; СПб., Питер, 2004. – С.342.

405

Криминология. Учебник // Под ред. В. Д. Малкова. – М., 2004. – С. 236.

Rabkin J. The Epidemiology of Forcible Rape // Amer. Journal Orthopsychiatry. 1979. Yol. 49. N 4. – P. 345–348.

Старович. З. Судебная сексология. – М., Медицина, 1999. – С. 99—101.

Violence / N. Tutt (Ed.). – London, 1976. – P. 613.

Рулан Н. Юридическая антропология. – М., Норма, 1999. – С. 155.

Сердюк Л. В. Насилие. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., Юрлитинформ, 2002. – С. 4.

Vernon P. A. et al. Individual differences in multiple dimensions of aggression: A unvaried and multivariate genetic analysis //Twin Res. 1999. Vol. 2. N1. – P. 16–21.

Gjone H., Stevenson J. A longitudinal twin study of temperament and behavior problems: Common genetic or environmental influences? // J. Am. Acad. Child. Adolecs. Psychiatry 1997. Vol. 36. N 10. – P. 1448–1456.

413

Гилинский Я. И. Криминология. – СПб., Питер, 2002. – С. 176–177.

Лоренц К. Что есть насилие? – СПб., 1999. – С. 24.

Lawrence C. Violence // Social Theory & Practice. 1976. N 9. – P. 34.

Дмитриева Т. Б., Воложин А. И. Социальный стресс и психическое здоровье. – М., 2001. -С. 199–200.

417

Там же. – С. 201.

418

Клинико-психопатологические и психологические методы выявления и предупреждения агрессивно-насильственного поведения лиц с психическими расстройствами. Пособие для врачей / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. – М., 2001. – С. 3–4.

Остроухое В. В. Насилие сквозь призму веков. Историко-философский анализ. – М., 2003. – С. 8–35.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и предназначение. – М., 1995. – С. 54–67.

421

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – М., Политиздат, 1965. – С. 648.

Lefebvre V. The Fundamental Structures of Human Reflexion. – New York, 1990. – P. 25.

Раппопорт Р. Антропология насилия. – М., 1980. – С. 117–121.

Becker H. The Outsiders. – The Free Press of Glencoe, 1963. – P. 17–28.

425

Дмитриева Т. Б. Ткаченко А. А. Пути совершенствования взаимодействия правоохранительных органов и судебно-психиатрических экспертных служб // Преступность в России: причины и перспективы. Материалы международной конференции ВНИИ МВД. – М., 2004. – С. 30–33.

Newton G. What is violence 11 The Wation. 1988. N 4. – P. 82–87.

427

Заявление о насилии (Позиция ученых в форме пяти утверждений) // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2. – С. 18–20.

Пионтковский А. А. Преступления против личности. – М., 1938. – С. 88.

Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., Юридическая литература, 1969. – С. 8.

Иващенко А. В., Марцев А. И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. – Омск, 1996. – С. 4.

431

Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1. – С. 52.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – СПб., 1912. – С. 87–88.

433

Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1. – С. 51.

Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. – М., Педагогика, 1991. – С. 29–30.

Жижиленко А. А. Половые преступления. – М., 1924. – С. 21.

Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. – М.; Л., 1925. – С. 71.

Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. – С. 16–17.

Douglas J., Burgess A., Ressler R. Crime classification manual. – New York, Lexington Books, 1992. – P. 31–32.

439

Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 877.

Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М., Медицина, 1986. – С. 17–22.

441

Афанасьев С. А., Иванов В. И., Новик В. В. Особенности расследования сексуально-садистских убийств. Учебное пособие. – СПб., Генеральная прокуратура РФ, Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников, 1993.-С. 5.

French M. La Guerre contre les femmes. – Paris, L'Archipel, 1992. – P. 38.

443

Приказ Минздрава РФ от 10 декабря 1996 г. № 407 «Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью», п. 2.

444

О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 (п. 15) // Российская газета. 29 июня 2004 г.

445

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 11 // Российская газета. 2004. 29 июня.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 12 // Там же.

447

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., Спарк, 1999. – С. 532–538.

Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. – М., Юридическая литература, 1990. – С. 49–88.

Сердюк Л. В. Насилие. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., Юрлитинформ, 2002. – С. 42.

450

Абубакиров Ф. М. Понятие и виды насилия в уголовном праве // Сборник материалов юбилейной научно-практической конференции, посвященной 65-летию юридического факультета; «Роль юридического образования и науки в формировании российского гражданского общества и правового государства». – Хабаровск, 2005. – С. 248–254.

451

Пионтковский А. А. Половые преступления // Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. – М., Юридическая литература, 1955. – С.630.

Жижиленко А. А. Половые преступления. – М., 1924. – С. 26–28.

453

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изнасилованиях» от 22 апреля 1992 г. // Сборник постановлений Пленумов Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., Спарк, 1999. – С. 457.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», (п. 11) // Российская газета. 2004. 29 июня.

455

Скорченко П. Т. Расследование изнасилований. – М., Былина, 2004. – С. 22.

Даниэльбек Б. В. Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями. – М., 1970.-С. 11.

Скорченко П. Т. Расследование изнасилований. – М., Былина, 2004. – С. 22.

Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. – М., Медицина, 1968. – С. 287.

459

Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. Т. 20. – М., Медицина, 1983. – С. 209.

Бородин С. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – М., Юристъ, 1999. – С. 96.

Игнатов А. Н. Некоторые вопросы квалификации половых преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 17. – С. 62.

Могачев М. И. Серийные изнасилования. – М., Логос, 2003. – С. 99—100.

463

Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – С.383.

Там же. – С. 384.

Примерный Уголовный кодекс США. – М., Юридическая литература, 1969. – С.135.

Трунцевский Ю. Лесбиянство под страхом нового уголовного закона? // Следователь. 1997. № 3. – С. 63.

Бюллетень Верховного Суда СССР. 1974. № 6. – С. 12; 1977. № 6. – С. 27; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 8. – С. 5.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 10 // Российская газета. 2004.29 июня.

469

Скорченко П. Т. Расследование изнасилований. – М., Былина, 2004. – С. 44.

Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 9. С. 13; 1973. № 4. – С. 4.

Дьяченко А., Игнатов А. П. О квалификации изнасилования // Вестник Верховного Суда СССР. 1990. № 5. – С. 30–32.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. И. Рарога. – М., Юрайт, 2004. – С. 214.

Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования: причины и предупреждение. ВНИИМ. М., ВД РФ 1 лиц, 990.

Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. – Харьков, ИМИ Рубикон, 1994. – С. 23.

475

Андреева Г. М. Социальная психология. – М., Аспект Пресс, 1996. – С. 192–193.

Jauregui J. A. The Emotional Computer. – Oxford; Cambridge; Blackwell, 1995. – P.51.

477

Якимов И. Н. Расследование половых преступлений // Административный вестник. 1929. № 4. – С. 61–62.

Щедрина Е. В. Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива. – М., Педагогика, 1979. – С. 32–35.

Тард Г. Законы подражания. – СПб., 1892. – С. 17–23.

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы. – М., 1991; Донцов А. И. Проблемы групповой сплоченности. – М., 1979; Немов Р. С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. – М., 1984; Башкатов И. П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. – М.; Воронеж, Модэк, 2002.

481

Андреева Г. М. Социальная психология. – М., Аспект Пресс, 1996. – С. 145–148.

Башкатов И. П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М.; Воронеж, Модэк, 2002. – С. 58.

Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. – Л., Наука, 1967. – С. 30.

Либин А. В. Дифференциальная психология. На пересечении европейских, российских и американских традиций. – М., 2004. – С. 253–254.

485

Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция социального поведения. – М., Просвещение, 1978. – С. 3.

Моррис Д. Людской зверинец. Изучение городского животного, выполненное классическим зоологом. – СПб., Амфора, 2005. – С. 117.

487

Цит. по: Старков О. В. Криминопенология. – М., Экзамен, 2004. – С. 234.

Там же. – С. 234–246.

Введенский Г. Е. Клинико-диагностические аспекты аномального сексуального поведения. Автореф. дис… канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 14–17.

Личко А. Е. Подростковая психиатрия. – М., Медицина, 1984. – С. 134–137.

491

Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. – СПб., ЧеРо-на-Неве, 2003. – С. 160.

492

Андреева Г. М. Социальная психология. – М., Аспект Пресс, 1996

493

Дмитриева Т. Б., Игонин А. Л., Клименко Т. В., Пищикова Л. Е., Кулагина Н. Е. Злоупотребление психоактивными веществами. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000. – С. 114.

Олифиренко Н. Ю. Атипичные формы острой интоксикации алкоголем у лиц с органическим психическим расстройством (клиника, диагностика, судебно-психиатрическое значение). Дис…. канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2002; Клименко Т. В., Игонин А. Л., Кулагина Н. Е., Олифиренко Н. Ю. Судебно-психиатрическое значение острой алкогольной интоксикации с атипичной клинической картиной. Методические рекомендации. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2004; Клименко Т. В., Игонин А. Л., Олифиренко Н. Ю., Дворин Д. В., Кулагина Н. Е. Противоправная активность в состоянии острой алкогольной интоксикации. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2004.

Collins J. J., Schienger W. E. Acute and chronic effects of alcohol use on violence 11 Journal Stud. Alcohol. 1988. Nov. N 49 (6). – P. 516–521.

Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера. – СПб., 2003. – С. 245.

Martin S.E., Bachman R. The relationship of alcohol to injury in assault cases 11 Recent. Dev. Alcohol. 1997. 13. – P. 41–56; Wild T.C., Graham K, Rehm J. Blame and punishment for intoxicated aggression: When is the perpetrator culpable? // Integr. Journal Addict. 1998. May. N 93 (5). – P. 677–687.

Zhang L., Wieczorek W. F., Welte J. W. The nexus alcohol and violent crime // Alcohol. Clin. Exp. Res. 1997. Oct. N 21 (7). – P. 1264–1271.

Murdoch D., Phil R. O., Ross D. Alcohol and crimes of violence: present issues // Integr. Journal Addict. 1990. Sept. N 25 (9). – P. 1065–1081.

Bergman B. Responsibility for crime and injury when drunk // Integr. Journal Addict. 1997. Sept. N 92 (9). – P. 1183–1188.

501

Уголовный кодекс ФРГ. – М., Зерцало, 2001. – С. 182–183.

502

Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. – Тула, 1998. – С. 468.

503

Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М., Юридическая литература, 1988. – С. 234.

504

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Отв. ред. Н. С. Таганцев. – СПб., 1912. – С. 322.

Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 258.

506

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – М., Юридическая литература, 1950. – С. 6–7.

507

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – М., Юридическая литература, 1991. – С. 47–49.

Чехов В. В. Условия вменяемости при остром и хроническом отравлении алкоголем // Вестник права. 1904. № 3. – С. 170.

509

Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. – Киев, 1882. – С. 456.

Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. – М., 2001. – С. 177.

511

Таганцев Н. С. Курс уголовного права. Общая часть. – Тула, 2002. – С. 495.

512

Дмитриева Т. Б., Игонин А. Л., Клименко Т. В., Пищикова Л. Е., Кулагина Н. Е. Злоупотребление психоактивными веществами. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000.-С. 114.

513

Олифиренко Н. Ю. Атипичные формы острой интоксикации алкоголем у лиц с органическим психическим расстройством (клиника, диагностика, судебно-психиатрическое значение). Дис…. канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2002. – С. 54.

Маньковский Б. Н. Избранные труды. – Киев, 1972. – С. 321.

515

Зоренко Т. И. Клинико-психопатологическая характеристика лиц, совершивших агрессивные сексуальные деяния (по материалам судебно-психиатрических экспертиз). Дис…. канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 16–17.

Abbey A., Ross L. T., McDuffie D., McAuslan P. Alcohol and dating risk factors for sexual assault among college women // Psychology of Women Quarterly. 1996. – P. 147–169.

517

Гринберг И. Г. Клинико-социальная характеристика больных, находящихся на принудительном лечении // Клинические и биологические проблемы общей и судебной психиатрии. – М., 1988. – С. 80–84.

Taylor S., Chermack S. Alcohol drugs and human physical aggression // Journal of Studies on Alcohol. 1993. N 11. – P. 78–88.

519

Ibid.

George W., Stoner S. Understanding acute alcohol effects on sexual behavior // Annual Rev. Sex. Res. 2000. N 11. – P. 92–124.

Marx B., Gross M., Adams E. The effect of alcohol on the responses of sexually coercive and noncoercive men to an experimental rape analogue // Sex Abuse. 1999. Vol. 45. – P. 112–131.

522

Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., Изд-во МГУ, 1999. – С. 144.

523

Олифиренко Н. Ю. Атипичные формы острой интоксикации алкоголем у лиц с органическим психическим расстройством (клиника, диагностика, судебно-психиатрическое значение). Дис…. канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2002.

524

Морозов Г. В., Канаев А. К., Лукачер Г. Я. Дифференциальная диагностика состояния опьянения в практике экспертизы // Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник научных трудов. Выпуск 21 / Под ред. Г. В. Морозова. – М., 1973. – С. 34–38.

Loo P. Les délires passionnelles // Rev. Med. Paris. 1979. T. 20. N 3. – S. 93–96; Clerambault G. Les psychoses passionnelles (1921) // Oeuvre Psychiatrique. – Paris, Presses Universitaires de France, 1942.

Фельдман Э. С. Формы и варианты острого алкогольного опьянения // Алкоголизм и алкогольные психозы / Под ред. И. И. Лукомского. М., 1963. – С. 38–48.

527

Олифиренко Н. Ю. Атипичные формы острой интоксикации алкоголем у лиц с органическим психическим расстройством (клиника, диагностика, судебно-психиатрическое значение). Дис… канд. мед. наук. – М., 2002. – С. 54–56.

Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., Изд-во МГУ, 1999. – С. 144.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ // Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., 2005. – С. 52.

Уголовно-исправительный кодекс РФ. – М., 2005. – С. 8.

531

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 9 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

532

Закон о психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании (в редакции Федерального закона от 10 января 2003 г. № 15-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

533

Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр (МКБ-10). Т. 1. Ч. 1. – ВОЗ, Женева, 1995. – С. 322–326.

534

Дмитриева Т. Б., Игонин А. Л., Клименко Т. В., Пищикова Л. Е., Кулагина Н. Е. Злоупотребление психоактивными веществами. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000. – С. 158.

535

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Прогресс, 1988. – С. 76–78.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти – М., Прогресс, 1992. – С. 67–81.

Хэзлем М. Т. Психиатрия. – Львов, Инициатива, 1998. – С. 562.

Kincaid J. R. Child Loving: The Erotic Child & Victorian Culture. – Routledge, 1992.– P. 68–69.

539

Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии. – Екатеринбург, 1998. – С. 179–181.

Моз Л. де. Психоистория. – Ростов-н/Д, Феникс, 2000. – С. 18.

Glasser A., Collins C. The response of young, non-sexually abused children to anatomically correct dolls // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1989. Vol. 30. – P. 547–560.

Tingle D., Barnard G., Robbin L., Newman G., Hutchinson D. Childhood and adolescent characteristics of pedophiles and rapists // International Journal of Law and Psychiatry. 1986. N9. – P. 103–116.

543

Кон И. С. Совращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. 1998. № 5. – С. 64.

Старович З. Судебная сексология. – М., Юридическая литература, 1991. – С.113.

545

Мохов В. В. Сексуальные перверсии в клинике психопатий. Автореф. дис…. канд. мед. наук. – М., 1971. – С. 6.; Арутюнян А. В. Сексуальные перверсии у лиц с органической патологией головного мозга в судебно-психиатрической практике. Автореф. дис…. канд. мед. наук. – М., 1984. – С. 9–11.

Кон И. С. Совращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. 1998. № 5. – С. 66.

547

Там же.

Краснюк Г. П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Автореф. дис… канд. юрид. наук. – Краснодар, 2000.

Уголовный кодекс Швейцарии. – М., Зерцало, 2001. – С. 71.

550

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., Прогресс, 1988. – С. 45–48.

551

Уткин Ю. Незаконное супружество // Законность. 2004. № 9. – С. 49.

552

Игнатов А. Н. О критериях половой неприкосновенности // Сб. конференции: «Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии». – М., 2003. – С. 89–90.

553

Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления простив несовершеннолетних. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 209.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 380.

555

Игнатов А. Н. Ответственность за преступления противоправности (половые преступления). – М., Юридическая литература, 1966. – С. 10.

Тяжкова И. М. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комисарова, А. И. Рарога. – М., Инфра-М, 2003. – С. 134.

557

Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М., Мир, 1998. – С.444.

Международная классификация болезней десятого пересмотра. Т. 1. Раздел F: Психические расстройства и расстройства поведения. – Женева, ВОЗ, 1995. – С.347.

559

Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. – М., Медицина, 1968. – С. 223.

Там же. – С. 224.

561

Загрядская А. П. Экспертиза половой зрелости. – Горький, 1985. – С. 26–27.

Там же. – С. 55.

563

Васильченко Г. С. Сексология. Справочник. – М., Медицина, 1990. – С. 388.

Там же. – С. 389–391.

565

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. Глава 11: Экспертиза сексуальной зрелости; Глава 12: Сексологическая экспертиза потерпевших. – М., Медицина, 2001. – С. 389–408; 409–442.

Wyatt G. E., Peters S. D. Issues in the definition of child sexual abuse in prevalence research // Child Abuse and Neglect. 1986. Yol. 10. – P. 231–240.

Lang R. A., Frenzel R. R. How sex offenders lure children // Annals of Research. N 1. 1988. – P. 303–307.

Reber A. Dictionary of Psychology. – London, Penguin books, 1995. – P. 44, 265, 267, 408.

569

Шостакович Б. В., Ушакова И. М., Потапов С. А. Половые преступления против детей и подростков. – Ростов н/Д, Феникс, 1994. – С. 17–23.

Там же. – С. 17.

571

Международная классификация болезней. Десятый пересмотр. – Женева, ВОЗ, 1995.

Краснушкин Е. К. Правонарушения в области сексуальных отношений. – М., 1927. – С. 26–29.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 384.

Там же. – С. 384.

Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. – Л., 1955. – С. 3.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. – М., 2000. – С. 388.

Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. Теория и практика. Автореф. дис… докт. юрид. наук. – М., 1995. – С. 17.

Бочаров В. В. Антропология возраста. Учебное пособие. – СПб., Лань, 2001. – С. 16–17.

Сапогова Е. Е. Культурный социогенез и мир детства. – М., Академический Проект, 2004. – С. 20–21.

Иконникова С. Н. История культурологических теорий. – СПб., Питер, 2005. – С. 95.

Hultch D., Piemonts K. Life Events and Life-span Development // Life-span Development and Human Behavior. – New York, 1979. – P. 121–126.

582

Радченко Н. А. Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних. Автореф. дис… канд. мед. наук. – М., 2002. – С. 6–7.

583

Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. – М., Юридическая литература, 1990. – С. 90.

Кон И. С. Совращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. Т. 8. № 3. – С. 46–48.

Finkelhor D. Child sexual abuse. – New York, The free press. 1984. – P. 111–112.

Антонян Ю. М., Позднякова С. П. Сексуальные преступления и их предупреждения. – М., ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 57.

Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления? Причины преступности. – М., Камерон, 2005. – С. 247.

DSM-III-R – Диагностический справочник американской психиатрической ассоциации (APA).

Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. Т. 2. – М., Юристъ, 1998. – С. 465.

590

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Б. В. Здравомыслова. – М., Юристъ, 2000. – С. 299.

591

Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н. И. Ветрова и Ю. А. Ляпунова. – М., Юристъ, 1998. – С. 458.

Cline V. B. Pornography effects: Empirical and clinical evidence // D. Zillmann, J. Bryant and A. Huston (Eds.), Media, children and the family: Social scientific, psychodynamic and clinical perspective. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994. – P. 230.

593

Уголовный кодекс Швеции. – М., Изд-во МГУ, 2000. – С. 70.

Уголовный кодекс Австрии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 253–254.

595

Уголовное законодательство Норвегии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 191–192.

Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 213–214.

Уголовный кодекс Турции. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 272–275.

598

Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? / Бизнес-адвокат. 2000. № 9. – С. 54.

Bauserman R. Sexual aggression and pornography: A revive of correlation research // Basic and applied Social Psychology. 1996. 18 (4). – P. 405–427; Donnerstein E. Aggressive erotica and violence against women // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 39. – P. 269–277; Malamuth N. M., Donnerstein E. Pornography and Sexual Aggression. – Orlando, FL., Academic Press, 1984. – 352 p.

Bancroft J., Mathews A. Autonomic correlates of penile erection // Journal of Psychosomatic Research. 1971. N 15. – P.159–167.

Rachman S., Hodgson R. J. Experimentally-induced “sexual fetishism” // Replications and development. Psychological Record. 1968. 18. – P. 25–27.

Zillmann D., Bryant J. Shifting preferences in pornography consumption // Communications Research. 1986. 13. – P. 560–578.

Zillmann D. & Bryant J. Effects of massive exposure to pornography // Malamuth N. M., Donnerstein E. (Eds.). Pornography and sexual aggression. Orlando, FL. Academic Press, 1984. – P. 115–141.

Ibid. – P. 116.

Donnerstein E. Aggressive erotica and violence against women // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. N 39. – P. 269–277.

Groth A. N. Men Who Rape: The Psychology of the Offender. – New York, Plenum Press, 1979. – P. 56–58.

Malamuth, N. M., Hein M., Feshbach S. Sexual responsivenses of college students to rape depictions: Inhibitory and disinhibitory effects // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 35. – P. 399–408.

Zillmann D., Bryant J. Pornography, sexual callousness, and the trivialization of rape 11 Journal of Communication. 1982. 32 (4). – P. 10–21.

Zillmann D., Bryant J. Pornography's impact on sexual satisfaction // Journal of applied Social Psychology. 18. 1988. – P. 452.

Baron L., Straus M. Four theories of rape: A macrosociological analysis // Social Problems. 1987. N 34. – P. 467–490.

Court J. H. Sex and violence: Aripple effect // Malamuth N. M., Donnerstein E. (Eds.). Pornography and sexual aggression. Orlando, FL, Academic Press, 1984. – P. 143–172.

612

Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., Вильямс, 2004. – С. 216.

613

Stodghill R. Where'd you learn that? //Time. 1998. 15 June. – P.52–59.

Meese Commission, Final report. 1986. US.

615

Бартол К. Психология криминального поведения. – М., Олма-Пресс, 2004. – С.249.

Cline V. B. Pornography effects: Empirical and clinical evidence // Zillmann D., Bryant J., Huston A. (Eds.). Media, children and the family: Social scientific, psychodynamic and clinical perspective. – Hillsdale, NJ, Erlbaum, 1994. – P. 231–235.

Ibid. – P. 233.

Ibid. – P. 231–234.

Kronhousen Ebergard, Phyllis. Pornography and the Law. – New York, Ballantine Books, 1959.

Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 68.

621

Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. – Екатеринбург, Деловая книга, 2000. – С. 291.

622

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., Питер, 2004. – С. 137.

623

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 101–102.

Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1994. – С. 441.

625

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтер Клуверс, 2005. – С. 744.

626

Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? // Бизнес-адвокат. 2000. № 9. – С. 54.

627

Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / Под ред. А. И. Рарога. – М., Юрайт, 2001. – С. 370.

628

Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2001. – С. 449.

629

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2003. – С. 507.

Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. – М., 1996. – С. 238.

631

Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. – М.; Л., 1925. – С. 209–210.

632

Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Учебное пособие. – М., Щит-М, 2005. – С. 15.

633

Введенский Г. Е., Ткаченко А. А. Медицинские аспекты проблемы дефиниции порнографии // Преступность в России. Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД. – М., 2004. – С. 172–175.

Что такое порнография? // ЗиП-Казахстан. № 3.

635

Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. – М., Молодая гвардия, 2005. – С. 12.

Дюфур П. История проституции. – М., Крон-пресс, 1999. – С. 5.

637

Цит. по: Блох И. История проституции. – СПб., Рид, 1994. – С. 16–17.

638

Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. – М., 2005. -С. 13.

639

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание. – М., Русский язык, 2002. – С. 657.

640

Дерягин Г. Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на Европейском Севере России: Автореф. дис… докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – С. 12.

641

Swart-Kruger J., Richter L. AIDS-related knowledge, attitudes and behavior among South African street youth: reflections on power, sexuality and the autonomous self // Soc. Sei. Med. 1997. Sept. Yol. 45, N 6. – P. 957–966.

642

Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 2. – М., «АСТ», 2004. – С. 265.

643

Палья К. Личины сексуальности. – Екатеринбург, У-Фактория, 2006. – С. 49.

Шереги Ф. Э. Социология девиации: прикладные исследования. – М., Центр социального прогнозирования, 2004. – С. 99—101.

645

Рассел Б. Брак и мораль. – М., 2004. – С. 132.

Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 41.

Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М., Логос, 2004. – С. 433.

Там же. – С. 435.

Farley M., Barkan H. Prostitution, violence, and posttraumatic stress disorder // Women Health. – 1998. – Yol. 27, N 3. – P. 37–49.

650

Лосева О.К., Нашхоев М.Р., Платт Л. Социальные и поведенческие характеристики работниц коммерческого секса и профилактическая работа в этой среде // Сексуальное здоровье человека на рубеже веков: проблемы, профилактика, диагностика и лечение / Материалы международной конференции. – М., 1999. – С. 22–23.

651

Моррис Д. Людской зверинец. Изучение городского животного, выполненное классическим зоологом. – СПб., Амфора, 2004. – С. 115.

652

Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М., Логос, 2005. – С. 437.

653

Там же. – С. 439.

Там же. – С. 440.

655

Селезцев М. А. Проституция как антисоциальное явление. Учебно-методическое пособие. – М., Приор, 2002. – С. 9.

656

Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постатейными материалами и судебной практикой / Под ред. С. И. Никулина. – М., НОРМА, 2000. – С. 748.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. И. Радченко и А. С. Михлина. – М., 2000. – С. 546.

658

Проституция и преступность / Под ред. И. В. Шмарова. – М., 1991. – С. 4–5.

Христенко В. Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д, Феникс, 2004. – С. 193.

Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина – преступница и проститутка. – Ставрополь, 1991.-С. 64.

661

Иншаков С. М. Криминология. Учебное пособие. – М., Юриспруденция, 2002. – С.332.

662

Дерягин Г. Б. Судебно-медицинские аспекты полового насилия на Европейском Севере России: Автореф. дис…. докт. мед. наук. – Архангельск, 2002. – С. 12–16.

Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 212.

Уголовное законодательство Норвегии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 189–190.

Уголовный кодекс Австрии. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 258–259.

Уголовный кодекс Франции. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 231–236.

667

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, 21 марта 1950 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. – М., Юрлит, 1989. – С. 150.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Кругликова. – М., Волтере Клувер, 2005. – С. 738.

669

Декларация о правах ребенка от 20 ноября 1959 г. // Права человека. Основные международные документы: Сборник документов – М., Юрлит, 1990. – С. 57.

670

Конвенция ООН о правах ребенка, 20 ноября 1989 г. // Действующее международное право: В 3 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 48.

671

Улицкий С. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. – С. 14–16.

672

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, 21 марта 1950 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. – М., 1989. – С. 150.

673

Криминология / Под ред. В. Н. Бурлакова и Н. М. Кропачева. – СПб., Питер, 2002. – С. 179.

Доклад VII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Милан, 1985. – С. 28.

675

Криминология. Учебник / Под ред. А. И. Долговой. – М., НОРМА, 2001. – С. 99.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М., Наука, 2005. – С. 38.

677

Там же. – С. 294.

Plichta S. Identifying characteristics of programs for battered women // Addressing domestic violence and its consequence: a policy report of the Commonwealth Fund Commission on Women's Health. – New York, The Commonwealth Fund., 1998. – P. 45.

Шестаков Д. А. Семейная криминология. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 175–194.

Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., Юридическая литература, 1984. – С. 23–27; Долгова А. И. Криминология. – М., НОРМА, 1999. – С. 120–121.

681

Боков А. В. Организация борьбы с преступностью. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 34.

682

Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. – М., Юридическая литература, 1976. – С. 129.

683

Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., Юридическая литература, 1976. – С. 75–79; Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., Юридическая литература, 1984. – С. 33–34; Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика. – М., НОРМА, 2001. – С. 26–28; Долгова А. И. Криминология. – М., НОРМА, 1999. – С. 120–121; Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Личность преступника. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 101–110.

Криминология / Подред. Г. А. Аванесова. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 196.

Abby A., Ross L., McDuffie D. Alcohols role in sexual assault // Drugs and alcohol reviews. Yol. 5. Addictive behaviors in women. Totowa. – New York, Humana press, 1995.-P. 78–93.

Miczek K. et al. Alcohol, drugs of abuse, aggression and violence // Reiss A. J., Roth J. A. (eds.) Understanding and preventing violence. Yol. 3. Social influence. – Washington, DC. National Academy Press, 1993. – P. 377–540.

Acierno R. et al. Risk factors for rape, physical assault, and post-traumatic stress disorders in women: examination of differential multivariate relationships // Journal of Anxiety disorders. 1999. N 13. – P. 541–563; Koss M., Dinero T. Discriminate analysis of risk factors for sexual victimization among a national sample of college women // Journal of Consulting and clinical Psychology. 1989. T 57. – P. 242–250.

Tjaden P., Zverina J. Experience with sexual aggression within population in the Czech Republic //Archives of Sexual Behavior. 1999. N 28. – P. 265–269.

Fleming J. et al. The long-term impact of childhood sexual abuse in Australian women. Child Abuse & Neglect. 1999. N 23. – P. 145–159.

Glasser A., Collins C. The response of young, non-sexually abused children to anatomically correct dolls // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1989. Vol. 30. – P. 547–560.

Tingle D., Barnard G., Robbin T., Newman G., Hutchinson D. Childhood and adolescent characteristics of pedophiles and rapists // International Journal of Law and Psychiatry. 1986. N 9. – P. 103–116.

Olsson A. et al. Sexual abuse during childhood and adolescence among Nicaraguan men and women: a populations-based survey // Child Abuse & Neglect. 2000. N 24. – P. 1579–1589.

693

Введенский Г. Е. Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентаций у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия (клиника, патогенез, коррекция, судебно-психиатрическое значение). Автореф. дис… докт. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000. – С. 3–4.

694

Исаев Н. А. Комплексная судебная сексолого-психиатрическая оценка лиц с психическими аномалиями, совершивших изнасилования. Автореф. дис… канд. мед. наук. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2002. – С. 16–17.

695

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / Подред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк, 1999. – С. 199–204; Ткаченко А. А., Дворянчиков Н. В., Введенский Г. Е. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 240–267; Старович З. Судебная сексология. – М., Юридическая литература, 1991. – С. 25–30; Malamuth N. A multidimensional approach to sexual aggression: combining measures of past behavior and present likelihood // Armais of the New York Academy of Science. 1998. 528. – P. 113–146; Prentky R. A. Human sexual aggression: current perspective. – New York, 1987. – P. 51–67.

Malamuth N. A multidimensional approach to sexual aggression: combining measures of past behavior and present likelihood // Armais of the New York Academy of Science. 1998. 528. – P. 113–146.

697

Сыздыкова Г. И. Преступное и предпреступное поведение несовершеннолетних женского пола. Автореф. дис… канд. юрид. наук. – Саратов, 1985. – С. 17–18.

698

Кивич Ю. В. Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: Автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 14–15.

699

Башкатов И. П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. – М. – Воронеж, Модэк, 2002. – С. 355.

Антонян Ю. М., Кудрявцев В. И., Эминов В. Е. Личность преступника. – СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – С. 173.

701

Введенский Г. Е., Исаев Н. А., Дворянчиков Н. В. Насильственные сексуальные действия в отношении женщин // Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского. – СПб., Юридический центр Пресс, 2003. – С. 260–265.

Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – С. 314–329.

703

Приказ Министерства здравоохранения СССР от 15.03.1990 г. № 110 «О внесении изменений в инструктивно-методические указания по аттестации врачей-специалистов и перечень соответствия врачебных специальностей врачебным должностям для аттестации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

704

Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб., Питер, 2002. – С. 240–246; Христенко В. Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д, Феникс, 2004. – С. 137–159.

705

Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб., Питер, 2002. – С. 241.

Сафиуллин Н. Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних. – Казань, 1996. – С. 22.

Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологин. – М., Юридическая литература, 1980. – С. 76–80.

Боков А. В. Организация борьбы с преступностью. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 75.

709

Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – М., ВПУ МВД СССР, 1975. – С. 113.

Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб., Питер, 2002. – С. 150.

Христенко В. Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д, Феникс, 2004. – С. 193.

712

Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М., Логос, 2004. – С. 434–436.

713

Боков А. В. Организация борьбы с преступностью. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 81.

714

Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., НОРМА, 2001. – С. 25.

715

Криминология / Под ред. В. Н. Бурлакова и Н. М. Кропачева. – СПб., Питер, 2002. – С. 180.

Гилинский Я. И. Криминология. – СПб., Питер, 2002. – С. 346.

717

Ткаченко А. А. Комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза: организационные аспекты. Методические рекомендации. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 1996. – С. 7–11.

The Handbook of Forensic Sexology. Biomedical & criminological perspectives // Ed. by J. Krivacska & J. Money. – New York, Prometheus Books, 1994. – P. 123–127.

719

РГ. 7 июня 1999 г.

Авербух И. Е., Голубева А. Е. К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970. – С. 93–99; Семенцева И. А. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 1999. – 22 с.

721

Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1998. – 214 с.

Большой юридический словарь. – М., 1999. – С. 84.

723

Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. – М., НОРМА, 1998. – С. 162–179.

Кудрявцев И. А. Ограниченная вменяемость //Государство и право. 1995. № 5. – С. 106–107.

Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. – М., НОРМА, 1998. – С. 162–179.

Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. – М., ЮНИТИ, 1998. – С. 163.

7 27

Голоднюк М. Некоторые вопросы применения принудительных мер медицинского характера // Уголовное право. 2001. № 4. – С. 21–23.

Семенцова И. А. Принудительные меры медицинского характера и наказание в отношении лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости // Журнал российского права. 2001. № 11. – С. 31.

729

Назаренко Г. В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. – СПб., Юридический центр Пресс, 2002. – С. 148.

730

Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступное поведение и психические аномалии. – М., 1998. – С. 82–83; Аргунова Ю. Н. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. – С. 40–42.

Ткаченко А. А. Сексуальные извращения – парафилии. – М., Триада Х, 1999. – С. 34.

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. – М., Медицина, 2001. – С. 231–234.

733

Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., Издательство МГУ, 1999. – С. 321–322.

734

Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра лиц с тяжелыми психическими расстройствами. Методические рекомендации / Под ред. В. П. Котова. – М., ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2003. – С. 5–11.

735

Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М., Спарк, 1999. – С. 390.

Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Под ред. В. И. Илюхина, Г. Н. Колбая. – М., Юрайт, 2002. – С. 23–34.

Ткаченко А. А. Судебная психиатрия: консультирование адвокатов. – М., Логос, 2004. – С. 18–19.

Инструкция по организации амбулаторного принудительного лечения от алкоголизма и наркомании осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 37.

739

Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М., БЕК, 1998.-С. 215.

Старков О. В. Предупреждение преступлений. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С.118.

741

Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – СПб., Издательство С.-Петерб. университета, 2005. – С. 62.

742

Криминология. Учебник для вузов / Под общей ред. А. И. Долговой. – М., НОРМА, 2000. – С. 739.

743

Калашник Я. М. Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния. Автореф. дис…. докт. мед. наук. – М., 1955. – С. 18.

Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. – М., 1912. – С.117.

Котов В. П., Мальцева М. М. Опасные действия психически больных. – М., Медицина, 1995. – С. 31–35.

Старков О. В. Предупреждение преступлений. – М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 121.

Денисовы. Ф. Вероятностное прогнозирование повторных общественно опасных действий психически больных. Автореф.… канд. мед. наук. – М., 1994. – С. 14–17.

Кондратьев Ф. В. Судебно-психиатрический аспект функционального диагноза и индивидуализированные программы профилактики общественно опасных действий психически больных // Профилактика общественно опасных действий психически больных. – М., 1986. – С. 16–24.

749

Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – СПб., Издательство С.-Петерб. университета, 2005. – С. 59.

750

Блэкборн Р. Психология криминального поведения. – СПб., Питер, 2004. – С.387.

Quinsey V., Rice M., Harris G. Actuarial prediction of sexual recidivism // Journal of Interpersonal violence. 1995. Yol. 10. – P. 85–105.

Антонян Ю. М., Позднякова С. П. Сексуальные преступления и их предупреждения. – М., ВНИИ МВД РФ, 1991. – С. 46–48.

Quinsey V., Lalumiere M., Rice M., Harris G. Predicting sexual offenses // J. C. Campbell (Ed.) Assessing Dangerousness: Violence by sexual offender's batterers and child abusers. – Thousand Oakes CA: Sage, 1995. – P. 114–137.

754

Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб., Питер, 2004. – С. 262–263.

Там же. – С. 262.

Hanson R., Bussiqre M. Predicting of Sexual Offender Recidivism. A Meta-Analysis // User Report N 4. Ottawa, Solicitor General Canada, 1996.

Гилинский Я. И. Криминология. Курс лекций. – СПб., 2002. – С. 30.

Старков О. В. Предупреждение преступлений. – М., 2005. – С. 116.

Круглов В. В., Борисов В. В. Искусственные нейронные сети. Теория и практика. – М., 2001; Калан Р. Основные концепции нейронных сетей. – М., 2001; Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы. – М.; Ижевск, 2004.

Поздняков Э. А. Философия преступления: Для тех, кто не боится потерять иллюзии. – М., Интурреклама, 2001. – С. 291.